

ISSN 1857-2685 (Print)  
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

# Русь

2018. Том 53. Выпуск 3

Общественная ассоциация «Русь»  
Национальный исследовательский  
Томский государственный университет



По благословению его Высокопреосвященства Лавра,  
первоиерарха Русской православной церкви  
за границей, митрополита  
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

**международный исторический журнал**

# **Русь**

**2018. Том 53. Выпуск 3**

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинев, Молдова)

Национальный исследовательский  
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

**With the Blessing of His Eminence Laurus,  
First Hierarch of the Russian Orthodox Church Abroad,  
Metropolitan of Eastern America and New York**

**International Historical Journal**

**RUSIN**

**2018. Volume 53. Issue 3**

Association "Rus" (Chisinau, Moldova)

National Research  
Tomsk State University (Tomsk, Russia)

## РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Главный редактор**

***Сергей Суляк***

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

**Заместитель главного редактора**

***Дмитрий Катунин***

Томский государственный университет (Россия)

**Ответственный секретарь**

***Никита Глущенко***

Томский государственный университет (Россия)

***Николай Бабилунга***

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко  
(Приднестровье, Молдова)

***Богдан Боднарюк***

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

***Михаил Губогло***

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая  
Российской академии наук (Россия)

***Василий Зиновьев***

Томский государственный университет (Россия)

***Александр Майоров***

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

***Всеволод Меркулов***

Академия ДНК-генеалогии (Россия)

***Зоя Резанова***

Томский государственный университет (Россия)

***Николай Руссев***

Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака (Молдова)

***Игорь Силантьев***

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Россия)

***Вячеслав Содоль***

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко  
(Приднестровье, Молдова)

***Николай Тельнов***

Академия наук Молдовы (Молдова)

***Александр Черкасов***

Сочинский государственный университет (Россия)

***Михайло Чучко***

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

***Роман Шапка***

(Канада)

***Петр Шорников***

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко  
(Приднестровье, Молдова)

***Михайло Фейса***

Нови-Садский университет (Сербия)

## EDITORIAL BOARD

### **Editor-in-Chief**

***Sergey Sulyak***

St. Petersburg State University (Russia)

### **Deputy Editor-in-Chief**

***Dmitry Katunin***

Tomsk State University (Russia)

### **Executive Editor**

***Nikita Glushchenko***

Tomsk State University (Russia)

***Nikolai Babilunga***

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

***Bogdan Bodnaryuk***

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

***Mikhail Guboglo***

N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences (Russia)

***Vasiliy Zinoviev***

Tomsk State University (Russia)

***Alexander Maiorov***

St. Petersburg State University (Russia)

***Vsevolod Merkulov***

The Academy of DNA Genealogy (Russia)

***Zoya Rezanova***

Tomsk State University (Russia)

***Nikolay Russev***

Grigoriy Tsamblak Taraclia State University (Moldova)

***Igor Silantev***

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)

***Veacheslav Sodal'***

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

***Nicolai Telnov***

Academy of Sciences of Moldova (Moldova)

***Aleksandr Cherkasov***

Sochi State University (Russia)

***Mykhaylo Chuchko***

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

***Roman Shapka***

(Canada)

***Petr Shornikov***

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

***Mikhajlo Fejsa***

University of Novy Sad (Serbia)

Editor's Address: Association "Rus". P.O. box 1041, Kishinev, MD 2028, Moldova, Moldova.

Tel.: (+373 22) 28-75-59. E-mail: journalrusyn@rambler.ru

© Association "Rus", 2015-2018

## СОДЕРЖАНИЕ

Суляк С.Г.

Страница редактора .....9

### IV МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

#### «ИСТОРИЯ КАРПАТО-ДНЕСТРОВСКИХ ЗЕМЕЛЬ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАЧАЛА ХХІ В. (К 100-ЛЕТИЮ ОКОНЧАНИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И НАЧАЛА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ)»

*Морозан В.В.*

Политическая борьба на Румынском фронте в 1917 г.

(по материалам русской прессы) ..... 14

*Абраменко В.А.*

Беженцы из Прикарпатья в Области войска Донского в 1914–1920 гг.

(на материале фондов Государственного архива Ростовской области)..... 33

*Гула Р.В., Передерий И.Г.*

Военный террор командования войск Юго-Западного фронта

в Восточной Галиции и Северной Буковине (февраль–октябрь 1917 г.)..... 50

*Оськин М.В.*

Распад и демобилизация Румынского фронта зимой 1917–1918 г.:

между красными, белыми и интервентами..... 64

*Фоминых С.Ф., Степнов А.О.*

События гражданской войны на юго-западе России в военных сводках

и публицистике начальника Николаевской академии Генерального штаба

профессора А.И. Андогского ..... 82

*Верняев И.И.*

Решение холмского вопроса: дискурсивные практики в Российской

империи начала XX в. ....97

*Суляк С.Г.*

Хотинское восстание: причины и последствия ..... 115

*Попенко Я.В.*

Румунська дипломатія в боротьбі за Бессарабію на Паризькій мирній

конференції (січень – серпень 1919 р.)..... 152

*Нам И.В., Наумова Н.И.*

Карпаторусская проблема на Парижской мирной конференции (1919 г.)... 172

*Бирюков С.В.*

Австро-Венгерская империя, генезис национальных движений

и русинский вопрос ..... 193

*Зиновьев В.П., Уйманов В.Н.*

Долгое эхо гражданской войны: уроженцы западных губерний России

и Карпатской Руси в жертвах репрессий на территории Томской области ..... 210

|                                                                                                                                                       |            |
|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|------------|
| <i>Эйльбарт Н.В.</i>                                                                                                                                  |            |
| <b>Исторические собрания Вишневецкого замка накануне и после Первой мировой войны (по неопубликованным материалам из архива В.К. Лукомского).....</b> | <b>223</b> |
| <i>Русев Н.Д.</i>                                                                                                                                     |            |
| <b>Итоги Первой мировой войны в судьбе болгар Бессарабии .....</b>                                                                                    | <b>239</b> |
| <i>Срібняк І.В., Палієнко М.Г.</i>                                                                                                                    |            |
| <b>Уенерівська конспірація в Бессарабії: створення підпільних структур та їх організаційно-бойова діяльність на півдні України (1921 р.) .....</b>    | <b>254</b> |
| <i>Гарусова О.А.</i>                                                                                                                                  |            |
| <b>Беженцы гражданской войны 1918–1921 гг. в Бессарабии: «спасительный остров».....</b>                                                               | <b>275</b> |
| <i>Вологдин А.А.</i>                                                                                                                                  |            |
| <b>Конституционно-правовой статус и органы государственной власти Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики .....</b>               | <b>292</b> |
| <i>Власенко В.Н.</i>                                                                                                                                  |            |
| <b>Украинская эмигрантская периодика в межвоенной Румынии .....</b>                                                                                   | <b>311</b> |

## ЗНАМЕНИТЫЕ РУСИНЫ

|                                                                                                  |            |
|--------------------------------------------------------------------------------------------------|------------|
| <i>Чікарькова М.Ю.</i>                                                                           |            |
| <b>Особистість і духовна позиція о. Г. Костельника в історико-культурологічному ракурсі.....</b> | <b>328</b> |

## CONTENTS

*Sulyak S.G.*

**Editor's page .....9**

### **THE FOURTH INTERNATIONAL CONFERENCE “HISTORY OF THE CARPATHIAN-DNIESTER LANDS FROM ANCIENT TIMES TO THE PRESENT (TO THE CENTENARY OF THE END OF WWI AND THE BEGINNING OF THE CIVIL WAR IN RUSSIA)”**

*Morozan V.V.*

**Political struggle in the Romanian battlefield in 1917 (following Russian Periodicals) ..... 14**

*Abramenko V.A.*

**The Ciscarpathian refugees to the Don Cossack host in 1914–1920 (following the funds of the Rostov Region State Archive)..... 33**

*Hula R.V., Perederii I.G.*

**Military terror of South-Western front troops command in Eastern Galicia and Northern Bukovina (February–October 1917) ..... 50**

*Oskin M.V.*

**The collapse and demobilization of the Romanian front in the winter of 1917/1918: between the Reds, the Whites and interventionists ..... 64**

*Fominykh S.F., Stepnov A.O.*

**Events of the Civil War in the south-west of Russia in military reports and journalism of the Head of the General Staff Academy (Imperial Russia), Professor A.I. Andogsky ..... 82**

*Verniaev I.I.*

**The solution to the Chelm question: discursive practices in the Russian Empire in the early 20th century.....97**

*Sulyak S.G.*

**The Khotin uprising: causes and consequences ..... 115**

*Popenko Ya.V.*

**Romanian diplomacy in the struggle for Bessarabia at the Paris Peace Conference (January - August 1919) ..... 152**

*Nam I.V., Naumova N.I.*

**The Carpatho-Russian problem at the Paris Peace Conference in 1919..... 172**

*Biryukov S.V.*

**The Austro-Hungarian Empire, the genesis of national movements and the Rusinian question ..... 193**

*Zinoviyev V.P., Uimanov V.N.*

**The long echo of the Civil War: Natives of the Carpathian–Dniester lands under the wheels of repressions in Tomsk region ..... 210**



|                                                                                                                                   |            |
|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|------------|
| <i>Eylbart N.V.</i>                                                                                                               |            |
| <b>Historical collections of the Vishnevets castle before WWI (on unpublished materials from V.K. Lukomsky's archive) .....</b>   | <b>223</b> |
| <i>Russev N.D.</i>                                                                                                                |            |
| <b>Results of the First World War in the destiny of the Bessarabian Bulgarians...</b>                                             | <b>239</b> |
| <i>Sribnyak I.V. , Paliienko M.G.</i>                                                                                             |            |
| <b>The UPA underground in Bessarabia: its structures and organizational and military activity in southern Ukraine (1921).....</b> | <b>254</b> |
| <i>Garusova O.A.</i>                                                                                                              |            |
| <b>Refugee population in bessarabia during the Russian Civil War of 1918–1921. “The life-saving island” .....</b>                 | <b>275</b> |
| <i>Vologdin A.A.</i>                                                                                                              |            |
| <b>The constitutional status and the state organs of the Moldavian Autonomous Soviet Socialist Republic .....</b>                 | <b>292</b> |
| <i>Vlasenko V.N.</i>                                                                                                              |            |
| <b>Ukrainian émigré press in the interwar Romania.....</b>                                                                        | <b>311</b> |

## FAMOUS RUSINS

|                                                                                                               |            |
|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------|------------|
| <i>Chikarkova M.</i>                                                                                          |            |
| <b>Personality and spiritual position of Father G. Kostelnik in the historical and cultural analysis.....</b> | <b>328</b> |

## УВАЖАЕМЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ, АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА!

Третий номер журнала «Русин» за 2018 г. посвящен IV Международной научно-практической конференции «История Карпато-Днестровских земель с древнейших времен до наших дней (к 100-летию окончания Первой мировой войны и начала гражданской войны в России)». Она прошла в Кишиневе 30–31 мая 2018 г.

В конференции – очно и онлайн – приняли участие 27 исследователей из Молдовы (в том числе Приднестровья), России, Украины. Часть материалов, написанных на основе прозвучавших докладов, вошла в этот номер.

Как уже говорилось в ряде редакционных статей, наш журнал продолжает развиваться, растут его рейтинги. Понятно, что не всем это нравится. В 2017 г. прошло несколько заказных акций против журнала и его главного редактора в России и Молдове. А 8 июля 2018 г. «Русин» «прозвучал» в сюжете, показанном на украинском канале «1+1», в его Телевизионной службе новостей (ТСН), которую правильнее было бы назвать ТСЛН (Телевизионная служба лживых новостей). Текстовая версия материала «В Украине процветает бизнес на диссертациях. Сколько стоит и что дает защита фейковых научных работ» выложена на сайте ТСН: [https://ru.tsn.ua/ukrayina/v-ukraine-procvetaet-biznes-na-dissertaciyah-skolko-stoit-i-cto-daet-zaschita-feykovyh-nauchnyh-rabot-1183272.html?\\_ga=2.5639987.146831947.1532954138-1669138731.1532954138](https://ru.tsn.ua/ukrayina/v-ukraine-procvetaet-biznes-na-dissertaciyah-skolko-stoit-i-cto-daet-zaschita-feykovyh-nauchnyh-rabot-1183272.html?_ga=2.5639987.146831947.1532954138-1669138731.1532954138).

Автор, некая Г. Сергеева, попыталась показать свою компетентность в проблемах развития науки на Украине. Сергеева считает, что из всех диссертаций, защищаемых на Украине, около половины – фейковые. Далее она решила продемонстрировать свои «знания» в области наукометрии: «Недавно научный комитет при Минстерстве образования и в целом предложил разрешать защиту только тех кандидатов, которые имеют минимум три публикации в журналах Скопуса – это мировая наукометрическая база, куда входят в основном зарубежные журналы. Кажется, идея неплохая, вот только публикация в журнале Скопуса – дело тяжелодоступное, и преимущественно за деньги – это уже не 500 гривен, а минимум 500 долларов. Официально и только за публикацию. В Украине

журналов, входящих в базы Скопуса, очень мало. Зато несколько сотен в России, где уже давно ввели такое оценивание ученых. Некоторые скопусовские журналы очень сомнительные, например, журнал "Русин" пишет статьи с сепаратистским направлением, хотя официальная его регистрация в Молдове, по некоторой информации, он работает в Приднестровье. Чтобы опубликоваться – прайс в долларах. Какова научная ценность опубликованной в Приднестровье научной работы – вопрос риторический».

Для меня так и осталось непонятным, как журнал может сам «работать» и «писать статьи с сепаратистским направлением», и где Г. Сергеева узрела тот пресловутый «прайс в долларах». Пусть это останется на совести канала и автора материала. Для того чтобы узнать о порядке приема статей в журнал, достаточно просто ознакомиться с ним на сайте (см. «Правила оформления статей»). Где, кстати, сказано: «Плата за публикацию в международном историческом журнале "Русин" не взимается. Авторский гонорар не выплачивается, не оплачивается и рецензирование статей».

На сегодняшний день в Scopus индексируется 51 журнал из Украины (<https://www.scimagojr.com/journalrank.php?country=UA>). Из них 6 пока не имеют показателей, 2 – в Q2, 19 – в Q3, 24 – в Q4. То есть нет ни одного журнала в Q1. Всего один из них, «Sententiae» (имеющий весьма низкие показатели и Q4), размещен в Arts and Humanities (Искусство и гуманитарные науки) в категории «Философия». Исторических журналов Украины в Scopus нет.

Всего в Scopus включено 1 904 журнала из Восточной Европы (104 – в категории «История»). Из них российских – 397 (20 – в категории «История»), румынских – 183 (17 – в категории «История»). В категории «История» два журнала из Молдовы – «Stratum Plus» и «Rusin», которые занимают Q1.

Главный критерий для приема статей в журналы, индексируемые в Scopus, – их научность, новизна, соответствие тематике журнала и оформление по правилам издания.

От имени редакции журнала «Русин» я написал письмо руководству ТСН: «Свои невежество и ангажированность автор пытается заменить пустой риторикой. Для вашего особо одаренного в части наукометрии сотрудника напоминаем, что журнал находится в Q1 Scopus, занимает 11-е место среди исторических журналов Восточной Европы, а публикация статей в нем – бесплатная. Так что в очередной раз вы облажались, господа "правдописци". Думаю, что вам ради сохранения остатков репутации канала лучше будет снять информацию о "Русине", так как изложенные сведения носят заведомо лживый характер».

Ответа так и не дождался. «Европа» все-таки...

Кстати, первый комментарий материала от некоего Максима Атаманюка звучит так: «Хорошо, что в Кемерово погибли дети. Чем больше будет уничтожено российской нечисти, тем лучше».

Что ж, каков канал, такова и его аудитория.

*С.Г. Суляк,  
главный редактор журнала*

## DEAR MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD, AUTHORS AND READERS OF THE JOURNAL!

The third issue of *Rusin* 2018 is devoted to the Fourth International Conference “History of the Carpathian-Dniester Lands From Ancient Times to the Present (to the Centenary of the End of WWI and the Beginning of the Civil War in Russia)”, which was held in Chisinau on May 30–31, 2018 and was attended by 27 researchers from Moldova (including Transnistria), Russia, Ukraine, both in person and online. Some materials based on their presentations are included in this issue.

As we have already emphasised in a number of editorials, the journal has a steadily growing impact factor, which may not be liked by some. In 2017, Russia and Moldova saw several obviously paid-for campaigns against the journal and its chief editor. On July 8, 2018, *Rusin* was mentioned in the programme *Television News Service* (TNS, which would be more correct to call *Television Service of Fake News*) of 1 + 1 *Ukrainian TV Channel*.

The text version of the TV spot “The business on dissertations is flourishing in Ukraine. How much does it cost and what can the defense of a fake thesis provide?” is available from [https://ru.tsn.ua/ukrayina/v-ukraine-procvetaet-biznes-na-dissertaciyah-skolko-stoit-i-cto-daet-zaschita-feykovyh-nauchnyh-rabot-1183272.html?\\_ga=2.5639987.146831947.1532954138-1669138731.1532954138](https://ru.tsn.ua/ukrayina/v-ukraine-procvetaet-biznes-na-dissertaciyah-skolko-stoit-i-cto-daet-zaschita-feykovyh-nauchnyh-rabot-1183272.html?_ga=2.5639987.146831947.1532954138-1669138731.1532954138).

Trying to demonstrate her expertise in the problems of the development of science in Ukraine, the author, a certain G. Sergeeva, argues that about half of all theses defended in Ukraine are fake. Then she boasts of her “knowledge” in scientometrics, “Recently, the Scientific Committee of the Ministry of Education suggested that only researchers with at least three publications in Scopus-ranked journals be approved to maintain a thesis for a degree, because Scopus is the international scientometric database that includes mainly foreign journals. It seems to be not a bad idea. However, it is not so easy to publish a paper in a Scopus journal, as it costs at least 500 dollars. Officially and only for the publication. There are very few Scopus-ranked Ukrainian journals. However, there are several hundreds of them in Russia, which introduced this ranking system long ago. Some of the journals are very dubious, for instance, *Rusin*, that writes (sic!) articles within a separatist trend. Although it is officially registered in Moldova, it reportedly works (sic!)

in Transnistria. It has a dollar price for those who want to publish. Whether the papers published in Transnistria have any scientific value is a rhetorical question”.

What remains unclear for me is how the journal can “work and write articles with a separatist trend” and where G. Sergeeva found that notorious “dollar price”. May it weigh on the conscience of the channel and the author. You can easily find the information on how to publish your paper in the journal. It is just enough to go to our website and read the “Rules for Submitting Articles”, where you can read that the publication in *Rusin* is not charged for; the author’s fee as well as peer reviewing is not paid.

Today, there are 51 Scopus-ranked journal from Ukraine (<https://www.scimagojr.com/journalrank.php?country=UA>), with 6 of them having no quartile score, 2 ranked in Q2, 19 in Q3, 24 in Q4. There are no journals in Q1. Only one of them, *Sententiae* (with very low rates and Q4), can be found in Arts and Humanities. There are no Scopus-ranked historical journals in Ukraine.

A total of 1,904 journals from Eastern Europe are indexed in Scopus (104 in History). Of them, 397 Russian (20 in History), 183 Romanian (17 in History). There are two historical journals from Moldova – *Stratum Plus* and *Rusin*, which belong to Q1.

The main criterion for accepting papers to the Scopus-indexed journals is their scientificity, novelty, correspondence to the subject of the journal and source citation rules.

I have written a letter to the TSN on behalf of the *Rusin* editorial board, “G. Sergeeva uses empty rhetoric to disguise her ignorance and commitment. I would like to remind to your employee, who seems to be a rocket expert in scientometrics, that *Rusin* is indexed in Q1 Scopus and ranks 11 among the historical journals in Eastern Europe. And we publish papers for free. So, you have screwed up again, gentlemen-“true-writers”. I think, that it would be better if you revoke the obviously false information about *Rusin* not to lose the remnants of your reputation.”

I am still waiting for their answer. It is “Europe”, you know ...

By the way, the first comment on the material came from a certain Maxim Atamanyuk, who wrote: “It is good that children perished in Kemerovo. The more Russian scum is destroyed, the better”.

Well, like channel, like audience.

S.G. Sulyak,  
Editor-in-Chief

УДК 94(100)"1917"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/53/2

## **ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА НА РУМЫНСКОМ ФРОНТЕ В 1917 г. (ПО МАТЕРИАЛАМ РУССКОЙ ПРЕССЫ)**

**В.В. Морозан**

Санкт-Петербургский государственный университет  
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5  
E-mail: v\_moga@mail.ru

### **Авторское резюме**

В статье рассматривается политическая борьба различных партийных групп на Румынском фронте после Февральской революции 1917 г. Статья написана на материалах русской прессы того же года. Автор посчитал крайне интересным взгляд корреспондентов того времени на происходившее на Румынском фронте. Отметим, что в газетах 1917 г. военные события и политическая обстановка на фронтах освещались крайне скупо и с большим опозданием. В работе рассмотрена деструктивная политическая борьба русских партий на театре войны. Находясь в состоянии глубокой деморализации, русские армии подверглись жестокому политическому прессингу со стороны различных партий, разрушая ее и без того слабый моральный дух. Особенно преуспели в этом большевики, призывавшие солдат развернуть свои штыки против центрального правительства.

**Ключевые слова:** партия, Румынский фронт, комитет, советы, армия.

## **POLITICAL STRUGGLE IN THE ROMANIAN BATTLEFRONT IN 1917 (FOLLOWING RUSSIAN PERIODICALS)**

**V.V. Morozan**

St. Petersburg State University  
5 Mendeleevskaya Line, Saint Petersburg, 199034, Russia  
E-mail: v\_moga@mail.ru

**Abstract**

The article focuses on the political struggle among various party groups in the Romanian battlefield after the Revolution in February 1917, following the Russian periodicals of the time. The author finds the point of view of reporters on events on the Romanian front extremely interesting. It should be noted that the newspapers of 1917 provide very scarce data on the military events and political situation in the front, with the information coming with great delay. The author emphasises the destructive political struggle of Russian parties in the theatre of operations. Being psychologically dislocated, the Russian armies suffered heavy political pressure from various parties, which was lowering their already low morale. It was the Bolsheviks who, who were especially successful in this, urging the soldiers to deploy their bayonets against the central government.

**Keywords:** party, Romanian battlefield, committee, councils, army.

Неудачи на военном театре в юго-восточной части Европы, преследовавшие румынскую армию в 1916 г., вынудили Россию отправить на этом направлении свои войска. В упорных боях в декабре 1916 – январе 1917 г. русским и румынским частям удалось остановить продвижение неприятельских сил. Таким образом, с начала декабря 1916 г. сформировался Румынский фронт, который растянулся на 500 км. Эта часть линии боестолкновений на западных границах России отличалась относительно стабильным политическим положением после падения царского режима. Во всяком случае, там долгое время наблюдались менее жесткие политические столкновения представителей российских партий, чем на других фронтах. Очевидно, наиболее радикальными и интенсивными были политические процессы в северной части России из-за близости к ней революционного Петрограда. Примечательно, что командованию Румынского фронта и эсеро-меньшевистским группам удавалось довольно долго отражать большевистскую пропаганду, избегая крайней радикализации военных частей до осени 1917 г. Значительное влияние на большую часть солдат имели также и украинские социалисты, которые мешали большевикам вести пропагандистскую деятельность. Лишь в ноябре 1917 г. последним временно удалось переломить ситуацию. Примечательно, что противники русской армии также отмечали слабые позиции сторонников В.И. Ленина на Румынском фронте (Френкин 1978: 623–624).

Стабилизация военного положения на южной границе России на рубеже 1916–1917 гг. несколько опередила волнения в Петрограде. Однако вести о революции доходили до солдатских кругов фронта с большим опозданием. Большинство рядовых и офицеров узнавали о



переменах в столице от неприятелей, вывешивавших транспаранты и забрасывавших окопы провокационными листовками. Немцы выпускали газету «Серет» на русском языке, которая разбрасывалась с аэропланов. Сначала новостям о революции не верили, но после 5 марта стали доходить смутные вести из самой России. Только к середине месяца сообщение о перевороте в Петрограде стало общеизвестной новостью на Румынском фронте (Известия 1). Выступая 12 марта 1917 г. на собрании солдат в Одессе, один из фронтовиков говорил: «Я сегодня прибыл в Одессу. Я с того места фронта, где еще ничего не знают. Товарищи! Работайте здесь! Мы в ротах не граждане еще. Вы тут живете дружной семьей, а мы там друг дружке теперь не доверяем. Товарищи! Я неграмотный, но меня послали к вам. К нам попала газета. Полковник наш Свечин, когда ее прочел, в обморок упал» (Одесский 1).

Несомненно, основной причиной неинформированности солдат о событиях в столицах и других крупных городах России была молчаливая позиция командования фронтом. В частности, делегаты этого театра войны, направленные в Одессу для выяснения ситуации, докладывали 21 апреля 1917 г. исполнительному комитету Совета солдатских и офицерских депутатов: «В армии распространяются "Известия штаба армии", в которых печатаются чуть ли не провокационные статьи (делегаты прочли одну из этих статей собранию). От армии скрывается все происходящее в России, не пропускаются на фронт газеты, уничтожаются письма. Делегаты, например, только в Одессе узнали об отставке ген. Сахарова. Есть генералы, которые не разрешают носить красные ленты» (Одесский 3).

Отметим, что крупных сражений на Румынском фронте до лета 1917 г. не было. Войска противников восстанавливали потрепанные ряды после изнурительных боев. Возможно, по этой причине политическая активность на этом фронте в первые послереволюционные недели не была слишком высокой. С середины апреля 1917 г. стали появляться первые эмиссары политических партий – часто под видом распространителей продовольственной помощи солдатам и офицерам. Так, среди первых таких «благотворителей» были меньшевики и эсеры от Екатеринославского совета рабочих депутатов, принимавшие участие «в целом ряде собраний, в которых порой участвовали и солдаты из окопов» (Одесский 2). Интересно, что немцы уже были информированы о приезде делегации из Екатеринослава и использовали это в своих пропагандистских листовках. В конце апреля деятельность партий особенно активизировалась в связи с началом подготовки Первого фронтового съезда Советов Румынского фронта. В то же время сформировалось большинство армейских комитетов, а глав-

ное – усилили свою деятельность эмиссары из Петрограда. Так, из телеграммы генерал-квартирмейстера 9-й армии следовало, что 11 мая выехал «в штаб армии, а оттуда в четвертую стрелковую дивизию член исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов в Петрограде Павел Мостовенко, снабженный удостоверениями» (Большевики 1967: 20). Этот большевик провел немало времени на Румынском фронте, занимаясь активной политической пропагандой. 12 августа 1917 г. генерал для поручений при штабе 9-й армии докладывал своему командиру генерал-лейтенанту В.А. Черемисинову об одном из выступлений П. Н. Мостовенко, в котором тот «излагал программу большевиков, говорил, что не надо верить различным слухам, раздуваемым буржуазной прессой...» (Большевики 1967: 21). Впоследствии Мостовенко был избран делегатом Учредительного собрания от Румынского фронта. Военное командование было вынуждено терпеть его деятельность как официального представителя исполнительного комитета в Петрограде.

Иным образом фронтовое руководство и солдатские комитеты обращались с рядовыми большевиками. На одном из майских митингов в с. Скуляны был задержан член Петроградского комитета, большевик прапорщик А.С. Круссер. В своей речи он призывал брататься на фронте с немцами, отказываться от наступления и не доверять Временному правительству. Не смущался оратор использовать и ложь, убеждая собравшихся солдат, что одесский Съезд делегатов фронта требовал аннексий и контрибуций от стран Тройственного союза. Примечательно, что собравшимся на митинге не понравилась речь Круссера, и ему не дали довести выступление до конца. Затем его арестовали и отправили под конвоем в Яссы в распоряжение Совета солдатских и офицерских делегатов штаба Румынского фронта (Большевики 1967: 25).

Как отмечалось выше, влияние большевиков на фронте весной и летом 1917 г. было незначительно. Оно усиливалось по мере обострения политического положения в стране. Неспособность Временного правительства и входивших в него партий сохранить социально-политическое равновесие в стране способствовала радикализации политической борьбы и приходу к власти большевиков. Однако весной и летом их влияние было еще слабо. Так, по данным газеты «Вечернее время», на одном из митингов солдат и офицеров в первых числах мая в Яссах «был заслушан ряд ораторов, делегатов Петроградского комитета Социал-демократической рабочей партии, поддерживавших тактику Ленина. Собрание, относясь к пораженческой проповеди делегатов с крайним возмущением, единогласно постановило осудить тактику ленинцев...» (Вечернее 1917). Позднее Петроградскому

комитету пришлось заявить, что выступавшие не были уполномочены участвовать в митингах. Впрочем, не всегда большевистская агитация была столь безуспешной. Так, в конце мая 1917 г. в российских газетах печаталась телеграмма генерала Д.Г. Щербачева об отказе солдат 650-го полка 163-й дивизии подчиниться приказу командования (Современное 1917; Известия 2). После распоряжения верховных властей о расформировании небоеспособных военных частей штаб Румынского фронта принял решение о расформировании трех из четырех полков 163-й дивизии. В этой связи полкам было приказано передислоцироваться в другое место для реорганизации. Однако утром 23 мая возбужденная толпа солдат 650-го полка ворвалась в штаб своей части и арестовала командира полка и семерых офицеров. Некоторых из них солдаты избили. В частности, насилию подверглись штабс-капитан Мырза и подпоручик Улитко. Последнего оставили без сознания лежать на дороге. Зачинщиком бунта стал большевик подпоручик И.А. Филиппов. Попытки командования армии восстановить порядок в полку путем переговоров не принесли ожидаемых результатов. Лишь окружение полка силами одного пехотного батальона и двух эскадронов с угрозой применить силу вынудили восставших сдаться, после чего были произведены аресты. Помимо подпоручика Филиппова, были задержаны еще 200 чел. Очевидно, многие боевые соединения Румынского фронта были близки к неповиновению командирам, благодаря чему большевики порой имели успех в своей агитационной работе.

Несравнимо большим авторитетом среди солдат в весенне-летние месяцы имели эсеры и меньшевики. Преобладая в большинстве советов и комитетов фронта, их представители использовали все возможные средства для пропаганды идей и агитации в свою пользу. Одним из легальных способов проникновения в ряды действующей армии стала организация многочисленных делегаций от Совета солдатских и офицерских депутатов и других организаций тыла. Так, на собрание Военного совета 4 мая 1917 г. прибыли начальник Одесского военного округа генерал от инфантерии М.И. Эбелов и начальник штаба генерал-лейтенант Н.А. Маркс, которые выступили с докладами об усилении дисциплины в воинских частях. По словам Н.А. Маркса, членам всех комитетов необходимо было «вести всяческую пропаганду, чтобы в глазах солдат поднять авторитет солдатских комитетов и судов, ибо только словом и пропагандой мы можем теперь это сделать, теперь, когда новая дисциплина должна опираться не на строгую грубую силу, а на призыв к исполнению гражданского долга» (Одесский 4). В ожидании предстоящего Первого фронтового и областного съезда Советов подобные призывы

лишь развязывали руки политическим партиям для агитационной работы в военных частях.

Первый съезд Советов Румынского фронта начался 10 мая в 17 часов в Одесском городском театре. Председательствовал на нем капитан А. Зарудный. При открытии съезда, на котором присутствовало более 1 тыс. делегатов, слово было предоставлено помощнику главнокомандующего армиями Румынского фронта генералу Д.Г. Щербачеву. Примечательно, что он приехал накануне из Петрограда, где участвовал в совещании главнокомандующих армиями почти всех фронтов. В тот же день он отбыл на театр боевых действий. «Я верю, – сказал генерал в интервью одесскому корреспонденту, – что участники съезда, вернувшись на фронт, сумеют вдохнуть в армию дух бодрости и сознание важности момента и долга, обязывающего решительным ударом сразить врага. И когда, вернувшись третьего дня из Петрограда на фронт, я узнал, что сегодня открывается в Одессе фронтовой съезд, я счел необходимым немедленно помчаться сюда и сказать все то, что меня волнует. А теперь – обратно на фронт» (Одесские 1917). Впрочем, он успел посетить гарнизонное собрание, где подверг критике социал-демократов, имея в виду сторонников В.И. Ленина, и отметил: «Лозунг нашего пролетариата по адресу австрийских, германских и союзных социал-демократов не дал, увы, желаемых результатов. Союзные и вражеские социал-демократы оказались более национальными, чем интернациональными. Интересы их государств они признали выше общих интересов и оставили протянутую руку висящей в воздухе. Что из этого следует? Что германский милитаризм по-прежнему крепок и только победа даст нам возможность ликвидировать успешно войну» (Одесские 1917).

На отмеченном фронтовом съезде, который длился более двух недель, развернулась острая полемика о войне и мире, следовательно, и о влиянии на солдат. Неудачными оказались попытки большевиков (на съезде их называли ленинцами) навязать собранию свои резолюции. Всякий раз, когда они начинали разговоры об империалистическом характере войны и предлагали воюющим сторонам брататься и повернуть штыки против угнетателей, дискуссии заканчивались шумом и свистом. Были даже предложения покинуть зал заседания и дать ленинцам высказаться, не обременяя других их лозунгами. Так, речь большевика А.К. Воронского неоднократно прерывалась криками: «Довольно, довольно!». Особенно возмутила присутствовавших фраза: «Мы прежде всего социалисты. Нам не люди дороги, а идеи» (Одесский 5). Отметим, что большевики вели себя столь же недемократично в отношении своих оппонентов. Так, созданный кадетами в конце мая первый женский митинг в Одессе закончился скандалом.

Явившиеся матросы и солдаты – сторонники Ленина – стали выступать на нем с резкими обвинениями против кадетов. Организаторы митинга безуспешно пытались навести порядок, обсуждая наболевшие проблемы женщин. Однако ленинцы при поддержке анархистов шумели, оскорбляли кадетов и кричали: «Да здравствует Ленин!» После тщетных призывов кадетов к корректному ведению дискуссии собрание пришлось закрыть (Русские 4). Были случаи, когда большевики распространяли листовки с резолюциями, которые были якобы приняты съездом Румынского фронта. Так, депутаты выразили резкое осуждение большевику Резникову, напечатавшему и распространявшему «отвергнутую съездом резолюцию о конфискации капиталов и имуществ у крупных собственников» (Русские 3).

На съезде Румынского фронта большевикам в силу своей малочисленности было сложно вести борьбу с оппонентами. Тем не менее дискуссии на нем порой бывали очень острыми. Особенно бурными были обсуждения по итоговым документам съезда. Так, газета «Русские ведомости» писала о заседании 18 мая 1917 г.: «На фронтовом съезде начались прения об отношении к правительству. Борются два течения: одно, руководимое членом Петроградского Совета рабочих депутатов Соколовым, настаивающим на поддержке коалиционного министерства и осуществлении декларации, выработанной с участием социалистов, другое, руководимое представителем Московского Совета рабочих депутатов Гундадзе, требующим перехода всей власти Совету рабочих депутатов. Настроение в пользу Соколова, Гундадзе поддерживается кучкой». Эсеро-меньшевистское большинство умело управляло съездом, не давая мелким политическим группам навязать депутатам свои резолюции. Примечательно, что 21 мая впервые с докладом о форме политического устройства новой России выступил представитель кадетов, предлагавший двухпалатный парламент. Однако съезд встретил докладчика шумными выкриками, отклонив его предложение. Нередко участников мероприятия будоражили анонимные записки с провокационными предложениями. В частности, 21 мая в президиум съезда поступила записка с требованием удалить «инородцев, особенно иудеев», из президиума (Русские 1). В противовес подобным требованиям делегаты-евреи потребовали обсуждения еврейского вопроса в Румынии. «На фронтовом съезде бурю страстей вызвало предложение выразить протест по поводу угнетения евреев в Румынии, – писали "Русские ведомости". – Ораторы высказали опасения, что обвинения эти будут рассматриваться как вмешательство в чужие дела» (Русские 2). Таким образом, в окончательном варианте резолюции этот вопрос был сформулирован более корректно. Закончился съезд выбором эсеро-меньшевистского Цен-

трального исполнительного комитета Советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одессы (Румчерода).

Новому исполнительному органу пришлось решать многочисленные проблемы Румынского фронта, в особенности надо было преодолевать дезорганизованность и плохую дисциплину в армии. С антивоенными настроениями порой боролись и делегаты других Советов Одессы. 23 мая на фронт была отправлена партия продовольственной помощи, которую собрали рабочие завода И.И. Гена. Сопровождали груз Ф.В. Мелешко, И.Ф. Алексеев и П.М. Прокудин по поручению Совета рабочих депутатов и Совета солдатских и офицерских депутатов. После раздачи подарков солдаты устроили митинг, который продолжался 7 часов. Одесским делегатам пришлось убеждать отдельных солдат в пагубности большевистской пропаганды, призывая их не покидать окопы и не дезертировать. Многие полагали, что разброд и шатание в армии – результат дезинформации отдельных агитаторов, и что армия нуждалась в налаженных поставках газет и литературы. Вернувшись в Одессу, Ф.В. Мелешко, И.Ф. Алексеев и П.М. Прокудин предложили исполнительному комитету «немедленно организовать среди рабочих отчисление для солдат фронта, а также устроить кружечный сбор “Рабочий – солдату в окопах”» (Одесский 7). На собранные деньги предполагалось покупать подарки и литературу. Однако сколько-нибудь значительных поступлений от рабочих Одессы не было. Деньги вносились редко и в малом количестве. Так, по сведениям казначея Румчерода Д. Петрова, 3 июля в кассу Центрального исполнительного комитета от рабочих поступило в пользу раненых 300 руб. и на «литературу в окопы» – 175 руб. (Голос 1). До этого пожертвований от рабочих не было.

Летом 1917 г. большевистская пропаганда на Румынском фронте стала более заметной, а главное – стала приносить свои плоды. После идеологической работы большевиков в частях наблюдались анархия и раздор. Такие части приходилось снимать с передовых рубежей для восстановления дисциплины. С солдатами одной из таких дивизий встречался Керенский, когда приезжал на фронт в конце второй декады мая. После его выступления солдаты этой дезорганизованной части кричали: «Ведите нас в наступление!» (Одесский 6). Бывали и тягостные для Керенского встречи с солдатами. Так, при посещении одного из заамурских полков он был встречен плакатами с надписью: «Долой войну!»

Нередко части, подпадавшие под большевистскую пропаганду, устраивали грабежи. Газета «Свободная Бессарабия» 21 мая 1917 г. сообщала, что 16–18 мая крестьяне нескольких сел Кагульского

уезда совместно с большевистски настроенными солдатами захватили у землевладельца Крани 324 головы скота, 1 350 пудов зерна, а также часть сельскохозяйственного инвентаря, а в соседнем имении Кирканы у землевладельца Кафрица 18 мая крестьянами и 13 мая солдатами было захвачено 15 тыс. пудов зерна. Газета «Известия Кишиневского Совета рабочих и солдатских депутатов» писала 20 мая 1917 г. об увозе хлеба и скота солдатами и крестьянами коммун Кирканы и Манта Кагульского уезда; арендатор имения Гречаны Кагульского уезда 20 ноября 1917 г. рассказал, что 16 и 17 мая солдаты маршевой роты совместно с солдатами 650-го полка под командой Филиппова отобрали у него хлеб и скот (Большевики 1967: 33). И.А. Филиппов был одним из наиболее активных большевистски настроенных офицеров Румынского фронта. 14 июля военно-окружной суд приговорил его за устроенный в 650-м полку бунт к высшей мере наказания – 12 годам каторги (Голос 2). Однако 30 ноября 1917 г. он был освобожден большевиками.

Отмечая активность, порой дерзость большевиков на Румынском фронте, следует иметь в виду, что большинство солдатских комитетов до Октябрьского переворота осуждали деятельность сторонников Ленина. К примеру, комитет 4-й армии Румынского фронта указывал, что «пропаганда и деятельность Ленина и его единомышленников является преступной и явно вредит как для молодых завоеваний свободы, так и для мощи армии» (Известия 3).

Из скупых и немногочисленных газетных сообщений о событиях на Румынском фронте можно сделать вывод, что большевики осенью – зимой 1917 г. усилили свою борьбу за умы солдатских масс. Очевидно, их активность особенно возросла после Октябрьского переворота. Эти усилия шли параллельно с развалом фронта и заметной анархией в рядах русской армии. Так, орган московской организации РСДРП (меньшевиков) «Вперед» писал 19 декабря 1917 г.: «Положение на Румынском фронте трагическое. Румынские войска заняли несколько сел Бессарабской губернии. Рада дозволила румынам занять дорогу Яссы – Унгены» (Вперед). Впрочем, признаки распада наблюдались и раньше. О происходивших в армии процессах и роли большевиков ярко писал Деникин: «Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала армии послужили большевики, я протестую. Это неверно. Армию развалили другие, а большевики лишь поганые черви, которые завелись в гнойниках армейского организма.

Развалило армию военное законодательство последних 4 месяцев. Развалили лица, по обидной иронии судьбы, быть может, честные и идейные, но совершенно не понимающие жизни, быта армии, не знающие исторических законов ее существования.



Вначале это делалось под гнетом Совета солдатских и рабочих депутатов – учреждения, в первой стадии своего существования явно анархического. Потом обратилось в роковую ошибочную систему» (Деникин 1921–1926: 181). Когда Деникин говорил о «честных и идейных» лицах, он, очевидно, имел в виду меньшевиков и эсеров, которые играли в Советах «последних 4-х месяцев» ключевую роль. И все же дезорганизация усилилась после прихода к власти большевиков, принявших Декрет о мире. Этот документ внес в отношения между румынскими и российскими войсками определенную долю недоверия и враждебности. Постепенно бывшие союзники превращались во врагов. Стали распространяться слухи, что румынское правительство готово отвернуться от Антанты. Подобный вариант развития событий обсуждался и на газетных страницах: «Слухи о возможности резкого изменения позиции Румынии продолжают нервировать общество и организации. Центральный комитет Румынского фронта по прямому проводу просил ген. Щербачева немедленно посетить короля и выяснить причину упорных слухов. Фронтвой отдел, сообщая, что румынские официальные источники категорически отрицают основательность опасений, добавляет все же, что что-то таинственное готовится. Местные румынские деятели объясняют массовый разъезд румынских депутатов и сенаторов решением вынудить у Брэтиану отмену решения об отсрочке сессии парламента. Состоявшееся в Одессе совещание сенаторов и депутатов постановило добиваться открытия парламента, согласно Конституции, 15 ноября. На первом же заседании парламента огласят декларацию, что Румыния должна неизменно совместно с союзниками стремиться к осуществлению идеалов» (Русские 5). Взаимные подозрения к началу ноября переросли в откровенное противостояние. В Яссах здания министерств и квартиры дипломатов были взяты румынами под усиленную охрану. Население стало отказываться принимать у солдат и офицеров русские деньги. В Ботошаны, где располагался комитет и штаб 9-й армии, в начале ноября был отправлен крупный отряд румынских солдат под предлогом защиты штаба от большевиков. На просьбы русского командования снять оцепление румыны ответили отказом. С трудностями столкнулся и штаб 4-й армии, который располагался в г. Бакэу. Население города стало отказывать в квартирах русским офицерам и солдатам. Защищая жителей, румынские солдаты проводили аресты недовольных союзников.

Командование русской армии видело первопричину осложнившихся отношений с румынами в приходе к власти большевиков. В этой связи армейский революционный комитет 6-й армии телеграфировал в Центральный комитет Румынского фронта: «Сложение Лениным,



Троцкий и Крыленко полномочий настоятельно диктуется. Нужна единая, сильная и демократическая власть. Армия отказывается признать назначение Крыленко, а также приказ о демобилизации. В связи с указаниями на голод на фронте Центральный комитет Румынского фронта обследовал линию и установил наличие громадных залежей фуража и хлеба и беспомощность дорог... Командирована в Донецкий бассейн комиссия для борьбы с понижением добычи угля» (Русские 6). Видную роль в противостоянии большевикам играли фронтовой комиссар Временного правительства правый эсер Э.Н. Тизенгаузен и Г.И. Лордкипанидзе. Еще 26 октября силами Румчерода был создан Военно-революционный комитет Румынского фронта в составе Э.Н. Тизенгаузена, его помощника эсера капитана В.И. Андрианова, комиссара Временного правительства 6-й армии правого эсера Г.И. Лордкипанидзе (председатель), Хаджи-Лазаря, Лозового, И.В. Веселкова, Моночиненкова, Г. Пылыгача, подполковника Г.А. Дубяго (Базанов 2014: 230). Этот орган некоторое время небезуспешно сдерживал натиск большевиков.

По поводу предложения общеармейского комитета не признавать Крыленко экстренное собрание Центрального комитета Румынского фронта постановило отправить следующий ответ: «Центральный комитет, вполне разделяя позицию общеармейского комитета, полагающего, что скорейший мир может быть заключен только социалистической властью во главе с Черновым, протестует против попытки Ленина и Троцкого переложить ответственность за невозможность осуществить демагогические обещания на ген.Духонина и требует недопущения Крыленко, ставленника Троцкого и Ленина, непризнанных большинством демократии, оставленных даже единомышленниками. Ц[ентральный]. к[омитет]. настаивает на скорейшем образовании авторитетной власти, которая должна употребить все средства, вплоть до применения оружия, для подавления анархии и восстановления революционного порядка» (Базанов 2014: 230).

Отметим, что в середине ноября на Румынском фронте крайне обострилась политическая борьба. 14 ноября начались выборы в Учредительное собрание. До этого события и после него проходили выборы в местные комитеты. 15 ноября член Центральной избирательной комиссии фронта А.Хударский телеграфировал в Петроград: «Выборы на Румынском фронте идут нормально. Оживление – всеобщее и громадное. Абсентизма не замечается совершенно. Почти везде первые дни выборов носят праздничный и часто торжественный характер. Во многих частях перед началом выборов отслужены молебны, а открытие избирательных комиссий сопровождается музыкой. Установлена предвыборная связь фронтовой комиссии с

армейскими, откуда ежедневно поступают донесения о ходе выборов. Сегодня выехал представитель фронтовой комиссии в Ставку на съезд представителей всей фронто- и флотокомиссии, созываемой по инициативе фронтовой комиссии Румынского фронта, для обсуждения вопросов, подлежащих компетенции центральной власти. Предполагается решение этих вопросов общеармейским съездом» (Русские 7). Однако ситуация на фронте обострялась. Попытки Н.В. Крыленко распустить общеармейские комитеты встретили энергичное противостояние большинства комитетов военных частей Румынского фронта, в частности 9-й и 4-й армий.

Следует сказать, что в осенние месяцы комитеты уже не стояли на единых политических позициях. Активная работа большевиков ломала сложившееся их внешнее единство. Так, в конце октября – ноябре многие комитеты 8-й армии были уже подконтрольны большевикам. Штаб этой армии располагался в Могилеве-Подольском, т. е. ближе всех к революционному Петрограду, что позволяло большевикам активно пользоваться помощью центра. По поводу наступивших политических перемен эсеры не испытывали иллюзий. Комиссар Временного правительства 8-й армии телеграфировал 22 ноября в Петроград о том, что среди приехавших на очередной съезд делегатов преобладают левые эсеры и большевики, которые составляли две трети от общего числа прибывших (Русские 9).

В тех комитетах этой армии, где проходили пере выборы, ленинцы умело справлялись со своими оппонентами и захватывали власть. Так, большевистскими стали военно-революционные комитеты в 11-м, 16-м, 23-м и 33-м армейских корпусах и во 2-м кавалерийском корпусе (Базанов 2014: 237). Впрочем, в других военных частях фронта эсерово-меньшевистские силы еще сдерживали натиск большевиков. На проходившем 31 октября – 1 ноября в румынском городе Романе Чрезвычайном съезде Румынского фронта эсеры имели 108 делегатов из 180. Большевики были представлены 40 делегатами, а большевики – 25 голосами. Несколько иным было соотношение сил на Втором съезде 6-й армии, который завершился 4 декабря. На него прибыло 715 делегатов, из них 617 – с правом решающего голоса, а 44 – с правом совещательного голоса. Партийное представительство делегатов было следующее: социал-революционеров было 341 чел., из них левых в анкетах было отмечено 17 (правда, на съезде эта цифра увеличилась до 130); большевиков – 231, социал-демократов объединенцев – 78, социал-демократов вне фракций – 22; народных социалистов – 8; представителей Партии народной свободы – 2; анархистов – 1; беспартийных – 26; 6 чел. не ответили на анкету. Национальный состав также был весьма пестрым: великороссов – 463,

украинцев – 116, белорусов – 25, евреев – 23, латышей – 13, поляков – 12, татар – 9, эстонцев – 4, молдаван – 4, грузин – 3, греков – 2. Не указали национальность 22 чел. Средний возраст членов съезда составлял 28 лет. Самому старшему было 45, а самому младшему – 18 (Труд 2).

Несмотря на то, что большевики были в меньшинстве, съезд проявил определенную лояльность в отношении правительства В.И. Ленина. Резолюция о мире, предложенная левыми эсерами, была принята большинством (324 голоса против 253). Она приветствовала шаги народных комиссаров к заключению сепаратного мира. При принятии резолюции об Учредительном собрании делегаты также учли мнение большевиков и украинских социалистов. В ее тексте говорилось, что съезд признавал авторитет Учредительного собрания, которое должно было утвердить власть Советов. Внесенная поправка убрать слова о Советах была отклонена большинством в 12 голосов.

Очевидно, осенние события в стране сильно сказались на настроениях в армии, следовательно, и на составе съезда. Развал власти и наступавшая анархия создавали благоприятные условия для деятельности всевозможных политических авантюристов и демагогов, прикрывавшихся партийными лозунгами. К тому времени армия фактически была полностью деморализована. Процент дезертиров был колоссальным. Только за период с 31 октября по 4 ноября из армии дезертировало около 10 тыс. чел. (Труд 2). К этому надо прибавить, что свыше 50 % отпускников не вернулось обратно в строй. Фатальным для сохранения фронта стало решение Д.Г. Щербачева подчиниться Центральной Раде в Киеве. В своей телеграмме от 14 ноября он писал: «Согласно постановлению Украинской Народной Республики, я вступил в командование войсками Юго-Западного и Румынского фронтов, прикрывающих территорию Украинской Республики. По всем оперативным вопросам предлагаю обращаться ко мне. Общественно-политическую власть на Румынском фронте принял Комитет национальных комиссаров, согласующий действия с директивами правительства Украины. Все полки славного Юго-Западного фронта хорошо знакомы мне, так как почти 3 года войны провел на нем, призываю к сохранению порядка и добросовестному выполнению своего долга. И только тогда мы можем обеспечить нашей истстрадавшейся родине мирное развитие» (Труд 1).

Возможно, генерал Щербачев некоторое время испытывал иллюзии по поводу возможности удержать в повиновении Румынский фронт. В одной из телеграмм от 21 ноября он заявлял: «Честно выполняя свой долг перед Родиной, войска Румынского фронта сохранили полное единство взглядов. Единство должен фронт сохранить и теперь, всякие

самочинные выступления грозят расколом и могут погубить нашу Родину. Только совместной работой всего фронта можно сохранить фронт от развала. После достигнутого сегодня соглашения с румынами я в полном согласии с Революционным комитетом фронта решил заключить на определенных условиях перемирие на всем фронте русских и румынских армий до заключения мира центральным правительством. Для переговоров непосредственно с представителями неприятельских армий будет отправлена комиссия из представителей военных организаций фронта. Предлагаю сохранить порядок и боеспособность в ожидании заключения немедленного общего перемирия. О пункте сбора парламентариев и порядке их отправления будет срочно сообщено дополнительно» (Русские 8). 21 ноября Д.Г. Щербачев уведомил Раду, что с согласия румынского правительства он объявил на фронте перемирие. Он просил представителей Рады участвовать в предстоящих переговорах. После принятия щербачевской телеграммы было созвано экстренное заседание украинских властей, которое длилось до глубокой ночи. Было принято решение, что перемирие, а затем и мир на фронте должны быть объявлены от имени Украинской Республики. Рада решила взять в свои руки переговоры о заключении мира на Румынском и Юго-Западном фронтах, уведомив об этом Совет народных комиссаров, а также союзников. Фракция русских социалистов безуспешно выступала против такого решения, предлагая создать сначала правомочную власть, а затем приступить к переговорам с противником о заключении окончательного мира.

Таким образом, Генеральный секретариат постановил объединить Румынский и Юго-Западный фронты в единый Украинский фронт, мотивируя это тем, что будущие переговоры о перемирии потребуют объединения и координирования этого дела. Примечательно, что секретариат предполагал в ближайшее время стянуть всех воинов-украинцев с других фронтов и направить их на вновь образованный Украинский фронт для защиты республики (Русские 10). Конечно, эти намерения не могли быть реализованы, т. к. распад фронтов носил уже необратимый характер. Вскоре и сам генерал Щербачев понял невозможность формирования единого Украинского фронта, вступив на путь предательства русской армии. На этот путь его толкали и большевики, которые в конце ноября обрели значительное влияние. В то время сторонники Ленина смогли арестовать членов эсеро-меньшевистского Военно-революционного комитета и выбрать на совместном заседании большевистского комитета Румынского фронта и солдатского комитета 4-й армии в Яссах новую революционную власть фронта. Очевидно, никто не сомневался, что

открывавшийся 10 декабря Второй общефронтовой съезд «будет окрашен в большевистский цвет» (Русские 11). В этой связи многие полагали, что Центральный комитет Румынского фронта, стоявший на оборонческих позициях и не признававший власть народных комиссаров, уйдет в отставку, не дожидаясь открытия съезда. Однако положение дел на фронте во многом зависело от позиции румын и национальных элементов армии, которые в начале декабря организовали Национальный комитет, в состав которого входили украинцы, молдаване и мусульмане. Силами этого комитета и румын был арестован большевистский комитет в Яссах. «Румынские власти, – писала газета, – арестовали в Яссах вызванных туда из Соколы членов Военно-революционного комитета Рошалья, Аксенова и Корнева». Далее говорилось о ноте Троцкого, который заявил румынскому посольству, что «советская власть не потерпит репрессий против революции на своей территории» (Вперед 1917). Известно, что С.Г. Рошаль прибыл в Яссы 7 декабря, чтобы убедить командование фронта прекратить аресты, но был арестован и расстрелян без суда и следствия. Он был одним из молодых большевистских лидеров Петрограда, где проявил себя ярким оратором и отличным организатором. Очевидно, эти качества и представляли для командования фронта опасность.

Между тем 10 ноября в Одессе открылся Второй съезд Румчерода, на котором большевики смогли захватить власть целиком. Однако изменить положение на самом фронте они уже не могли. Образовавшийся Коллегиальный комиссариат из представителей всех национальностей, в т. ч. и русской, пользовался в армиях значительным авторитетом и влиянием. По некоторым данным, его поддерживало большинство. Большевикам приходилось учитывать этот фактор. Они неоднократно, но безуспешно обращались к Национальному комиссариату с требованием освободить своих соратников. Для устранения конфликта между русскими большевистскими отрядами с одной стороны и украинскими и румынскими – с другой в Яссы была отправлена делегация Фронтового съезда, состоявшая исключительно из большевиков. Однако, вернувшись на заседание Центрального комитета, парламентарии сообщили, что их попытки освободить арестованных членов раскисированного комитета большевиков были бесплодными. Они рассказали, что были приняты Д.Г. Щербачевым и румынским генералом Константином Презаном, у которых просили прекратить насилие румынских солдат над русскими. На это Щербачев ответил: «Недавно, когда русская армия была сильнее румынской, аналогичные жалобы поступали от румын» (Русские 12). К. Презан же заявил, что не считает насилием принимаемые румынами меры против грабежей, поджогов и насилия со стороны русских,

якобы уничтожавших целые населенные пункты. По его мнению, разложение русской армии и близость сепаратного русско-германского мира поставили Румынию в безвыходное положение. В новых условиях она была вынуждена позаботиться о своей безопасности, приступив к разоружению нелояльных к ней русских частей. Когда же русская армия окончательно покинет пределы его страны, румынские войска войдут в Бессарабию, где сдадут отнятое у россиян оружие. По его словам, румынское командование не могло допустить перемещения по Румынии русских солдат с оружием. Генерал Презан был уверен, что деморализованная русская армия, переставшая воевать с австро-германскими войсками, станет сопротивляться разоружению румынами. Впрочем, по словам генерала, возможные кровавые столкновения его не пугали (Русские 12). Презана полностью поддержали Щербачев и украинский комиссар Кисилек. В словах Презана звучала ясная мысль о намерении румын захватить Бессарабию. Последующие действия правительства Румынии по разоружению остатков русских войск и захват Бессарабии обрекли фронт на окончательное уничтожение. В этих условиях политическая борьба между сторонниками русских партий стала не только бесперспективной, но и пагубной для самого фронта.

Нет сомнения, что всякая политическая деятельность в действующей армии носила деструктивный характер. Она противопоставляла сторонников одних партий оппозиционным группам, разрушая единство вооруженных сил, задача которых заключалась в защите всех соотечественников. Степень влияния на армейские круги отдельных партий была различной. Она менялась со временем, завися не только от положения на фронте и настроений солдатской массы, но и в значительной степени от общего положения в стране. Очевидно, что степень влияния той или иной партии на политическую жизнь России непосредственным образом отражалась на их позициях в армейских кругах. Так, рост влияния большевиков на политические процессы в крупнейших городах России к осени 1917 г. существенно повлиял на их положение в военных частях. Полагаем, что самой деструктивной для армии была деятельность тех политических сил, которые призывали к свержению неугодной им власти, как это делали большевики. Еще более разрушительной для вооруженных сил страны стала деятельность анархистов и националистов, которая была направлена на разрушение страны или уничтожение государства. Рассматривая положение на Румынском фронте, отметим, что организованные по национальному признаку украинские и бессарабские соединения сыграли не менее деструктивную роль в крахе Российского государства, нежели большевики и анархисты. Не столь однозначна была

роль меньшевиков и эсеров в деле сохранения боеспособности военных частей Румынского фронта. Хотя, безусловно, основная их вина заключалась в том, что они не смогли, в силу своей политической несостоятельности, сохранить управляемость государства, поскольку боролись за свои узкополитические интересы. Общественные процессы 1917 г. показали, что в стране не было партии, которая могла бы прийти к власти и защитить интересы страны и ее населения.

## ЛИТЕРАТУРА

Базанов 2014 – *Базанов С.Н.* Великая война: как погибла русская армия. 1917 г. М., 2014.

Большевики 1967 – Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 г. – январь 1918 г.). Документы и материалы. Кишинев, 1967 г.

Вечернее 1917 – Вечернее время. 1917. 11 мая. № 1818.

Вперед – Вперед. 1917 г. 19 нояб. № 213.

Голос 1 – Голос революции. 1917. 16 июля. № 6.

Голос 2 – Голос социал-демократа. 18 июля 1917 г. № 73.

Деникин 1921–1926 – *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 1, вып. 2: Крушение власти и армии февраль – сентябрь 1917. Париж, 1921–1926.

Известия 1 – Известия Одесского фронтового и областного съезда советов солдатских, матросских, офицерских и рабочих депутатов. 1917. 16 мая. № 7.

Известия 2 – Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 25 мая. № 14.

Известия 3 – Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 30 мая. № 78.

Одесские 1917 – Одесские новости. 1917. 11 мая. № 10414.

Одесский 1 – Одесский листок. 1917. 13 марта. № 70.

Одесский 2 – Одесский листок. 1917. 16 апреля. № 101.

Одесский 3 – Одесский листок. 1917. 22 апреля. № 106.

Одесский 4 – Одесский листок. 1917. 5 мая. № 117.

Одесский 5 – Одесский листок. 1917. 18 мая. № 127.

Одесский 6 – Одесский листок. 1917. 20 мая. № 129.

Одесский 7 – Одесский листок. 1917г. 4 июня. № 141.

Русские 1 – Русские ведомости. 1917. 23 мая. № 114.

Русские 2 – Русские ведомости. 1917. 26 мая. № 117.

Русские 3 – Русские ведомости. 1917. 28 мая. № 119.

Русские 4 – Русские ведомости. 1917. 31 мая. № 121.

Русские 5 – Русские ведомости. 1917. 12 нояб. № 248.

Русские 6 – Русские ведомости. 1917. 14 нояб. № 249.



- Русские 7 – Русские ведомости. 1917. 17 нояб. № 252.  
Русские 8 – Русские ведомости. 1917. 23 нояб. № 256.  
Русские 9 – Русские ведомости. 1917. 24 нояб. № 257.  
Русские 10 – Русские ведомости. 1917. 25 нояб. № 258.  
Русские 11 – Русские ведомости. 1917. 8 дек. № 271.  
Русские 12 – Русские ведомости. 1917. 31 дек. № 279.  
Современное 1917 – Современное слово. 1917. 30 мая. № 3343.  
Труд 1 – Труд. 1917. 14 дек. № 215.  
Труд 2 – Труд. 1917. 23 дек. № 219.  
Френкин 1978 – Френкин М.С. Русская армия и революция 1917–1918. Мюнхен, 1978.

## REFERENCES

- Bazanov, S.N. (1917) *Velikaya voyna: kak pogibla russkaya armiya* [The Great War: How the Russian Army Perished]. Moscow: Veche.
- Aftenyuk, S.Ya. (1967) *Bol'sheviki Moldavii i Rumynskogo fronta v bor'be za vlast' Sovetov (mart 1917 g. – yanvar' 1918 g.). Dokumenty i materialy* [The Bolsheviks of Moldova and the Romanian front in the struggle for the power of the Soviets (March 1917 – January 1918). Documents and materials]. Chişinău: Cartea Moldovenească.
- Vechernee vremya*. (1917) 11th May.
- Vpered*. (1917) 19th November.
- Golos revolyutsii*. (1917) 16th July.
- Golos sotsial-demokrata*. (1917) 18th July.
- Denikin, A.I. (1921–1926) *Ocherki russkoy smuty* [Essays on the Russian Troubles]. Vol. 1. Paris: Ya. Povolotskiy; Slovo.
- Izvestiya Odesskogo frontovogo i oblastnogo s"ezda sovetov soldatskikh, matrosskikh, ofiterskikh i rabochikh deputatov*. (1917). 16th May.
- Izvestiya Petrogradskogo Soveta rabochikh i soldatskikh deputatov*. (1917a) 25th May.
- Izvestiya Petrogradskogo Soveta rabochikh i soldatskikh deputatov*. (1917b) 30th May.
- Odesskie novosti*. (1917) 11th May.
- Odesskiy listok*. (1917a) 13th March.
- Odesskiy listok*. (1917b) 16th April.
- Odesskiy listok*. (1917c) 22nd April.
- Odesskiy listok*. (1917d) 5th May.
- Odesskiy listok*. (1917e) 18th May.
- Odesskiy listok*. (1917f) 20th May.
- Odesskiy listok*. (1917g) 4th June.



*Russkie vedomosti.* (1917a) 23rd May.  
*Russkie vedomosti.* (1917b) 26th May.  
*Russkie vedomosti.* (1917c) 28th May.  
*Russkie vedomosti.* (1917d) 31st May.  
*Russkie vedomosti.* (1917e) 12th November.  
*Russkie vedomosti.* (1917f) 14th November.  
*Russkie vedomosti.* (1917g) 17th November.  
*Russkie vedomosti.* (1917h) 23rd November.  
*Russkie vedomosti.* (1917i) 24th November.  
*Russkie vedomosti.* (1917j) 25th November.  
*Russkie vedomosti.* (1917k) 8th December.  
*Russkie vedomosti.* (1917l) 31st December.  
*Sovremennoe slovo.* (1917) 30th May.  
*Trud.* (1917) 14th December.  
*Trud.* (1917) 23rd December.

Frenkin, M.S. (1978) *Russkaya armiya i revolyutsiya 1917–1918* [The Russian Army and the Revolution of 1917–1918]. Munich: Logos.

**Морозан Владимир Васильевич** – доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

**Vladimir V. Morozan** – St. Petersburg State University (Russia).

**E-mail:** v\_moga@mail.ru

УДК 908(470+341.43)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/53/3

# **БЕЖЕНЦЫ ИЗ ПРИКАРПАТЬЯ В ОБЛАСТИ ВОЙСКА ДОНСКОГО В 1914–1920 гг. (НА МАТЕРИАЛЕ ФОНДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

**В.А. Абраменко**

Ростовский государственный университет путей сообщения  
Россия, 344038, Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка  
Народного Ополчения, 2  
E-mail: vladimir.abramenko@yandex.ru

## **Авторское резюме**

В данной статье рассматривается деятельность правительственных и общественных организаций по обеспечению беженцев на территории Области войска Донского в период Первой мировой войны. В качестве исследовательского материала использованы данные, содержащиеся в фондах Государственного архива Ростовской области. Хронологическими границами исследования являются 1914–1920 гг. Такой период определен спецификой деятельности правительственных и неправительственных организаций по обеспечению материальных и духовных потребностей вынужденных переселенцев на новом месте жительства. Изучение официальных статистических отчетов правительственных и национальных беженских организаций позволило выявить определенную специфику. Она заключается в том, что сложился достаточно простой перечень национальностей, которые входили в эти отчеты: русские, поляки, галичане, латыши. Выделение других национальностей эпизодическое. Этот перечень в целом совпадает с перечнем наиболее активных национальных общественных организаций, действовавших на Дону и участвовавших в работе коллегиальных органов по оказанию помощи беженцам. Выделяются из этого списка галичане. В отчетах черкасского окружного атамана упоминаются русины вместо галичан. Характерно, что в сведениях о переселенцах выделения конкретных национальностей Прикарпатья нет, но достаточно подробно указаны православные епархии и костелы, из которых они прибыли. Анализ оказываемой беженцам помощи позволяет отметить, что все ее виды предоставлялись правительством независимо

от национальной принадлежности. Определенные особенности можно отметить в обеспечении религиозных потребностей. Список национальностей в официальных отчетах соответствует основным религиозным конфессиям. Это объясняет наличие всего четырех основных национальностей в этих отчетах и позволяет охарактеризовать термин «галичане» как преимущественно религиозный, включавший русинов, в том числе и прибывших в Прикарпатье из других западных губерний России.

**Ключевые слова:** Область войска Донского, Первая мировая война, беженцы, национальные благотворительные организации, галичане, русины, этническая и религиозная стратификация населения.

## THE CISCARPATHIAN REFUGEES TO THE DON COSSACK HOST IN 1914– 1920 (FOLLOWING THE FUNDS OF THE ROSTOV REGION STATE ARCHIVE)

**V.A. Abramenko**

Rostov State Transport University  
2 Rostov Strelkovyy Polk Narodnogo Opolcheniya Square,  
Rostov-on-Don, 344038, Russia  
E-mail: vladimir.abramencko@yandex.ru

### **Abstract**

This article discusses the activities of government and public organisations to provide refugees to the Don Cossack Host during the First World War. The research is based on the data from the funds of the Rostov Region State Archive and limited chronologically by 1914–1920, which is determined by the specificity of the activities of the governmental and non-governmental organisations to ensure the material and spiritual needs of internally displaced people in their new place of residence. The study of official statistical reports of government and national refugee organisations has revealed a simple list of nationalities: Russians, Poles, Halychynians and Latvians, while other nations can be met episodically. This list is broadly consistent with the list of the most active national public organizations operating on the Don and participating in the work of the collective bodies for refugee assistance, with Halychynians standing out from this list. The records of the Cherkasy regional ataman mention Rusins instead

of Halychynians. It is typical that the records of refugees specify not nationalities of the Carpathian region, but the Orthodox Dioceses and churches where they came from. The analysis of the assistance provided for the refugees shows that all types of assistance were provided by the government to people regardless of their nationality. Certain peculiarities can be traced only in the provision of religious needs. The list of nationalities in the official records corresponds to the main religious denominations, which explains the fact that only four main nationalities are found in the official reports. Thus, the term "Halychynian" can be described as predominantly religious, including Rusins from other western provinces of Russia.

**Keywords:** The Don Cossack Host, World War I, refugees, national charities, Halychynians, Rusins, ethnic and religious stratification of the population.

События Первой мировой войны вызвали довольно широкое переселенческое движение жителей в рамках Российской империи. Несмотря на достаточно успешные действия русской армии в 1914 г., в результате которых была занята вся Галиция, в 1915 г. ситуация кардинально изменилась. Вместе с оставлявшими Галицию русскими войсками на восток хлынул значительный поток беженцев. Процесс переселения жителей западных губерний происходил как стихийно, так и организованно. Организованное переселение жителей шло под контролем специально созданных комитетов по устройству беженцев, а также в рамках привлечения частными компаниями специалистов в различные отрасли промышленности. Особое место в переселенческой политике России занимала эвакуация с оставляемых территорий лиц призывного возраста вместе с семьями. Немалую часть потока переселенцев составляли православные, не без оснований опасавшиеся репрессий со стороны австро-венгерской администрации (Ахременко 2016).

Одним из регионов, в которые были направлены беженцы, являлась Область войска Донского. Вопросы деятельности беженских организаций в Области войска Донского были освещены в работах Е.Ю. Климашкиной, Е.П. Лукьяшко, В.В. Немовой, А.Н. Курцева, Л.Т. Тоценко, Н.М. Пашаевой. Исследования данной проблемы во многом давали обобщенную характеристику ситуации с устройством беженцев, апеллируя к статистическим данным комитетов различных административных уровней и общественных организаций. Объединение нескольких южных регионов в один эвакуационный округ вносит определенные сложности в изучение ситуации конкретно в Области войска Донского. Нередко исследователи концентрируются на одном из аспектов помощи беженцам, недостаточно полно характеризую ситуацию с переселенцами в целом.

Деятельность организаций по обеспечению нужд беженцев нашла свое отражение в довольно значительном комплексе документов в Государственном архиве Ростовской области – преимущественно в фондах 26 (Управление Владикавказской железной дорогой Отдела путей сообщения Всевеликого войска Донского, г. Ростов-на-Дону, 1869–1924 гг. (5 253 ед. хр.)) и 345 (Донской областной комитет по устройству беженцев Министерства внутренних дел, г. Новочеркасск, 1915–1919 гг. (54 ед. хр.)).

С начала Первой мировой войны проблемы беженцев и «жертв военных действий» решались различными разрозненными организациями и учреждениями. По мере увеличения численности беженцев и учреждений, оказывавших им помощь, государство столкнулось с необходимостью создания централизованной и координационной системы, способной решать миграционные проблемы. Важную роль в этом процессе сыграл утвержденный 30 августа 1915 г. и одобренный Государственным Советом и Государственной Думой «Закон об обеспечении нужд беженцев». К этому документу прилагалось «Положение об обеспечении нужд беженцев», в котором говорилось, что «заботы по обеспечению нужд беженцев возлагаются на министра внутренних дел, главноуполномоченных по устройству беженцев, губернаторов и градоначальников, на земские учреждения и городские общественные управления, на местные комитеты». Согласно положению, органы власти имели право «приглашать к сотрудничеству общественные и частные учреждения, частных лиц и вообще все местные общественные силы» (ГАРО 1: 14). Под председательством министра внутренних дел было учреждено Особое совещание по устройству беженцев, которое должно было стать центром, объединяющим работу разнообразных учреждений и наблюдающим за целесообразностью тех или иных мер.

В Области войска Донского, входившей в VI район размещения беженцев (ГАРО 2: 150), проблемами расселения и трудоустройства переселенцев из западных областей, в частности из Прикарпатья и Бессарабии, занимался Донской областной комитет по устройству беженцев. Работа этой организации проходила в рамках деятельности Регистрационного бюро беженцев при Доно-Кубанском комитете Всероссийского земского союза и находилась в непосредственном контакте с главноуполномоченным по устройству беженцев внутри империи. Задачей этой организации было распределение прибывавших по районам и населенным пунктам ОВД. Распределение происходило в соответствии с возможностями обеспечения работой новых поселенцев (ГАРО 3: 5).

Комитеты по оказанию помощи беженцам начали формироваться в ОВД с середины августа 1915 г. Так, 15 августа войсковой наказной атаман получил телеграмму от главноуполномоченного Юго-Западного фронта князя Урусова, в которой предлагалась система мер по оказанию помощи беженцам. В том числе рекомендовалось создавать питательные пункты и для наибольшего успеха этого мероприятия налаживать «контакты с общественными и благотворительными организациями или использовать Татьянинский комитет» (ГАРО 1: 12). Кроме того, рекомендовалось открывать Бюро труда для трудоустройства работоспособных беженцев.

20 августа 1915 г. был создан Новочеркасский областной комитет по беженцам (ГАРО 3: 50) (с апреля 1916 г. переименован в Донской областной комитет по устройству беженцев (ГАРО 2: 10)). Председателем стал войсковой атаман генерал-лейтенант М.А. Туроверов (ГАРО 4: 136). 21 августа было разослано предписание окружным атаманам и начальникам, в котором требовалось создать «в вверенном округе / городе окружной / городской комитет под своим председательством» (ГАРО 5: 7). К октябрю 1915 г. система подведомственных областному комитету учреждений включала 9 окружных комитетов и 4 городских: Новочеркасский, Таганрогский, Азовский и Александровск-Грушевский (ГАРО 6: 5–6). Несколько позднее появился также и Ростовский городской комитет. В результате распределительными пунктами стали окружные станицы и города. Отсюда прибывавшие беженцы распределялись по станицам, хуторам и селениям. В свою очередь были созданы станичные, хуторские и сельские комитеты о беженцах (ГАРО 6: 11). Таким образом, была сформирована четкая система обеспечения нужд переселенцев, которая была представлена на всех административных уровнях, но с единообразными задачами и функциями. Областной комитет в этой системе осуществлял руководящую функцию, распределял между окружными и городскими комитетами денежные средства, непосредственной помощи не оказывая (ГАРО 5: 7).

Государством выплачивалась обязательная материальная помощь. Как правило, беженцам предоставлялись за счет казны следующие виды помощи: бесплатный проезд по водным и железнодорожным путям, продовольственный паек, квартирное довольствие, врачебная, религиозная и учебная помощь, призрение детей-беженцев и инвалидов, предоставление работы и юридической помощи, снабжение одеждой и обувью, выдача ссуд (ГАРО 7: 7–7 об.). Размеры этих пособий не всегда соответствовали ожиданиям представителей различных социальных слоев. В частности, люди интеллигентных профессий настаивали на повышении ежедневных выплат для обеспечения

привычного качества жизни (ГАРО 2: 29 об.). Проблема недостаточного материального обеспечения беженцев отчасти решалась за счет взаимодействия Донского областного комитета по устройству беженцев с национальными благотворительными организациями. Такие организации формировались на протяжении всего периода Первой мировой войны.

Материальная помощь выплачивалась исключительно лицам, переселение которых проходило в рамках государственной политики. В случае самостоятельного оставления прифронтовых регионов или мест размещения в тылу право на пособия терялось (ГАРО 8: 17 об.). Исключения делалось только в случае переселения к близким родственникам. Соблюдение такого строгого режима требовалось в связи со сложными погодными условиями во многих регионах и вызванным в результате этого неурожаем. Так, местная администрация просила наказного атамана не направлять беженцев в восточные районы ОВД или сократить их число в два раза (ГАРО 3: 25). Причина – неурожай и недостаток продовольствия, которого хватит лишь местным жителям. Учет пожеланий местных властей и точно лимитированное максимально допустимое число переселенцев позволяли избежать острых конфликтных ситуаций между переселенцами и местными.

2 марта 1916 г. министром внутренних дел А. Хвостовым были утверждены «Руководящие положения по устройству беженцев» (ГАРО 7: 3–7 об.). В этом документе предписывалось образовывать губернские, областные и городские совещания из представителей администрации, земских и городских самоуправлений, национальных и других организаций и учреждений, занимавшихся проблемами беженцев (ГАРО 7: 5–5 об.).

В состав новой беженской структуры вошли руководители общественных и национальных благотворительных организаций, деятельность которых достигла достаточно широкого распространения в области к этому моменту. Осуществляя на начальном этапе свою деятельность за счет собственных средств, позднее они могли рассчитывать на поддержку своих инициатив со стороны правительства. Для этого требовалось предоставление подтверждения гуманитарной работы среди беженцев – отчеты о количестве опекаемых, о выдаче материальной помощи деньгами или натурой, о содержавшихся на их балансе домах помощи сиротам, неработоспособным и женщинам.

В подавляющем большинстве эти организации были ориентированы на помощь представителям конкретных национальных меньшинств. Такое положение вызывало затруднение в части реализации некоторых социально значимых проектов. Например, предложение об открытии специальных пунктов медицинской помощи бежен-

цам-полякам было отвергнуто, поскольку правительство ОВД не могло ставить одну из групп населения в более привилегированное положение по сравнению с остальными (ГАРО 2: 50–51 об.). Такое решение, с одной стороны, несколько ограничило возможности развития сети медицинских учреждений в регионе, однако в то же время способствовало социальной стабильности и бесконфликтности взаимоотношений между коренным населением и переселенцами. Впоследствии, в 1917 г., когда социально-экономическая ситуация в России ухудшилась, тот факт, что беженцы получали материальное пособие, вызывал недовольство у местных жителей.

В работе Донского областного совещания по нуждам беженцев принимали участие, кроме представителей администрации, Отдел центрального обывательского комитета губерний Царства Польского (уполномоченный – Гейнцельман), Новочеркасский, Таганрогский, Каменский и Ростовский отделы Польского общества вспомоществования жертвам войны (председатель – Линд), Новочеркасский Латышский комитет помощи беженцам (председатель – Аугул) (ГАРО 9: 34–35).

Сеть действовавших на территории Области войска Донского благотворительных организаций не ограничивалась перечисленными выше. К марту 1918 г. их количество достигло 18 (ГАРО 5: 9–9 об.). Но в состав коллегиальных органов управления помощью беженцам они не входили. Следовательно, оказание реального воздействия на широкие массы переселенцев было затруднительно. Все эти учреждения, несмотря на свой различный статус, способствовали открытию и функционированию общежитий и приютов для беженцев, лечебниц, школ, питательных пунктов и церквей (ГАРО 8: 4 об.–5).

Для решения проблемы трудоустройства на Дону было создано Бюро по приисканию и распределению труда беженцев. Для упрощения привлечения переселенцев к сельскохозяйственным работам приоритет при расселении отдавался станицам и хуторам, а не городам Ростову, Новочеркаску и Таганрогу. Для решения проблемы самообеспечения беженцев в период полевых работ в добровольно-принудительном порядке людей задействовали на сельскохозяйственных работах. От трудовой повинности освобождались нетрудоспособные и несовершеннолетние (ГАРО 10: 21 об.). Преимущественно к полевым работам привлекались мужчины.

Особое значение имела деятельность по обеспечению религиозных потребностей православных и неправославных беженцев (ГАРО 11). Для первых это не являлось проблемой. Подавляющее большинство местного населения исповедовало православие. Проблема с католи-



ками и протестантами решалась путем привлечения ксендзов и пасторов из числа беженцев или назначения их из западных губерний. При необходимости местные власти обязаны были обеспечивать доставку прихожан к приходам за собственный счет.

Значительный интерес представляет проблема национального состава беженцев и особенностей их размещения на новых местах жительства, а также достоверности статистических сведений. Неотъемлемой составляющей этой проблемы является вопрос о восприятии масс беженцев официальной статистикой. Можно ли говорить о принципиальном делении прибывавших по национальному принципу, либо существовал какой-то иной принцип их группировки? Этот вопрос изучен на сегодняшний день относительно слабо. В то же время ответ на него помог бы решить целый ряд дискуссионных вопросов – например, о наличии или отсутствии в действиях российского правительства элементов дискриминации.

Историки опираются на официальные отчеты и используют перечень национальностей, указанный в них, без учета особенностей политической ситуации в Российской империи в начале XX в. Нередко современные геополитические реалии транслируются на ситуацию более чем вековой давности. Специфика российской имперской внутренней политики, которая предполагала значительное внимание к конфессиональной принадлежности конкретного человека, нередко не учитывается, в то время как этот фактор нередко являлся определяющим для выбора возможного жизненного пути. В частности, педагогическая деятельность в государственных учебных заведениях для лиц неправославного вероисповедания была запрещена. Следовательно, религиозный фактор являлся значимым во внутренней и внешней политике Российской империи, игнорирование которого недопустимо. В этой связи актуально рассматривать официальные статистические отчеты более многогранно.

Особенностью официальных статистических отчетов, сохранившихся в Государственном архиве Ростовской области, является отсутствие однозначных данных о том, из каких регионов прибывали эшелоны с беженцами. В целом можно сделать вывод, что подавляющее большинство прибывало с Волыни и Юго-Западного фронта. Более подробная информация сохранилась о православных беженцах. Достаточно подробно перечислены епархии, из которых они были эвакуированы (ГАРО 17: 42–42 об.). Согласно данным Регистрационного бюро беженцев на 15 января 1917 г., православных беженцев в Ростовском-на-Дону градоначальстве насчитывалось 8 729 чел. Из них русских-православных было 5 671 чел., галичан – 2 808. Кроме того, упоминаются айсоры в количестве 250 чел. Среди православных

епархий, из которых потенциально могли прибывать беженцы-галичане в ОВД, упомянуты Волинская, Львовская, Киевская, Подольская, Холмская, Варшавская. Кроме того, перечислены епархии Прибалтики, Белоруссии, Литвы и Польши. По официальным документам не прослеживается целенаправленная концентрация выходцев из тех или иных районов в новых местах временного размещения.

Среди наиболее крупных национальных групп беженцев, оказавшихся в Области войска Донского и зафиксированных в статистических отчетах, следует назвать русских, поляков, латышей и галичан. Характерно, что в официальных документах этнонимы «галичане» и «русины» использовались как тождественные. Представители всех остальных этнических групп могли быть включены в графу «другие национальности» или перечислены с указанием количества прибывших. Последний вариант в официальных документах встречается довольно редко.

Перечень основных национальностей в статистических отчетах имеет ряд особенностей. В первую очередь, упомянуты русские – титульная нация Российской империи, составлявшая абсолютное большинство ее населения. Русские являлись основной частью беженцев из западных губерний.

Также довольно многочисленную группу составляли поляки и латыши. Представители этих народов создали благотворительные организации для помощи соотечественникам, вынужденным покинуть родину. Эти организации существовали на территории всей империи и имели региональные представительства, в частности в Области войска Донского. Их деятельность происходила в тесном взаимодействии с официальными государственными структурами и в некоторой степени решала вопросы трудоустройства беженцев. Они выплачивали дополнительные пособия семьям и выдавали субсидии для организации собственного дела.

Выделение поляков и литовцев в официальных отчетах можно охарактеризовать как логичное и оправданное с точки зрения активности национальных благотворительных организаций. Их представители входили в состав коллегиальных органов, осуществлявших координацию работы с беженцами, активно предлагали свои проекты по улучшению жизни переселенцев. Один из важных вопросов, которые встают перед исследователями, – вопрос о достоверности статистических данных по полякам и литовцам. Эта проблема проистекает из того, что каждая национальная благотворительная организация, представляя периодические отчеты о своей деятельности, указывала число лиц, которым была оказана помощь. Проверить степень достоверности этих данных затруднительно, поскольку поименные списки

велись не всегда, а, следовательно, часть беженцев могла быть учтена неоднократно. Такая ситуация вполне устраивала благотворительные организации, однако с ней пыталось бороться правительство области.

Еще одной национальной группой, четко выделяемой в статистических отчетах, являлись галичане, или русины. Термин «галичане» явно преобладает над «русинами». Последние упоминаются только в донесении атамана Черкасского округа, в сообщениях из остальных отделов фигурируют только галичане. Причину такого положения по архивным материалам выяснить не удалось. Возможно, она кроется в компактном расселении представителей конкретной национальной группы. Именно по такому принципу происходило расселение беженцев, что отразилось, в частности, в документах польских и латышских национальных благотворительных организаций (ГАРО 10: 32–32 об.). Это облегчало контроль и налаживание контактов с местными властями и жителями, а также упрощало обеспечение их религиозных и гуманитарных потребностей. Слабое владение русским языком требовало больших усилий для социальной адаптации беженцев.

Изучение архивных документов не позволяет однозначно утверждать, представители каких народов были объединены этнонимом «галичане». Среди исследователей также нет единого ответа на этот вопрос. Большинство характеризует галичан как группу, преимущественно состоявшую из украинцев. Такой вывод нельзя назвать однозначным, поскольку в официальных документах нет достаточно подробного анализа этнического состава галичан. В то же время в официальной статистике отсутствует упоминание об украинцах или малороссах.

Галичане фигурируют как третья по численности национальная группа переселенцев в Область войска Донского. Статистические данные о количестве прибывших, на наш взгляд, более достоверны, чем по полякам и латышам. Это связано с тем, что крупных национально ориентированных благотворительных организаций галичан в Области войска Донского не существовало. В документах Государственного архива Ростовской области имеются единичные упоминания о деятельности Русского народного совета Прикарпатской Руси.

В отношении от 23 ноября 1915 г. № 2442 председатель Русского народного совета Прикарпатской Руси Дудин сообщал генералу М.А. Туроверову, что «главноуполномоченный по устройству беженцев предложил ему [Дудину] всех беженцев-галичан простого класса переселить из Ростова-на-Дону в область и просил... выяснить, в какие станицы и селения можно было бы направлять галичан-беженцев простого класса. В Ростове имеется около 3000 таких беженцев, по-

полам крестьян-земледельцев и городских жителей-рабочих разного рода, от чернорабочего до мастерового, мелких ремесленников, лавочников... Для устройства беженцев в указанных... местностях будут Русским народным советом предварительно командированы особые уполномоченные» (ГАРО 4: 136). На документе имеется резолюция с указанием станиц Кагальницкой, Мечетинской и Егорлыкской.

В справке от 26 ноября 1915 г. указано, что «беженцы-галичане в числе до трех тысяч человек могут быть размещены в Черкасском округе в станицах: Кагальницкой – 1 200 человек, Мечетинской – 850 ч. и Егорлыкской – 1150 ч.». Та же информация была направлена в Русский народный совет Прикарпатской Руси 28 ноября 1915 г. (ГАРО 4: 137–138).

По сведениям о количестве беженцев на 1 октября 1916 г., в Черкасском округе находилось всего 4 089 чел. Из них «русин – 11, поляков – 52, латышей – 6, остальные русские – 4 020» (ГАРО 18: 22). Эти данные резко расходятся со сведениями о предполагаемом переселении галичан из Ростова-на-Дону в область в 1915 г. Данные о том, что переселение состоялось, в документах Донского областного комитета отсутствуют. Однако факт запрета выплаты пособия лицам, не участвовавшим в полевых работах, позволяет предположить, что немалая часть галичан должна была согласиться на переселение. Никаких нареканий единичное появление этнонима «русины» в официальном отчете окружного атамана в канцелярии наказного атамана не вызвало. Это обстоятельство позволяет предположить, что причина заключается скорее в компактном расселении русинов именно в пределах Черкасского округа, что позволило более конкретно идентифицировать этническую принадлежность беженцев из Прикарпатья.

Упоминание галичан и русинов в одном официальном документе (в том числе в сводном статистическом отчете по ОВД за 1916 г.) отсутствует (ГАРО 18). Общее количество беженцев соответствует их числу по отдельным округам, но количество галичан и русинов в итоговом отчете суммировано. Не исключено, что часть галичан или русинов попала в статистику в категорию «русские».

Вопрос об отсутствии в период Первой мировой войны на территории ОВД активно действовавших национальных организаций галичан с большой долей вероятности позволяет говорить о том, что термин «галичане» использовался в официальных отчетах как обобщенный для характеристики населения, прибывшего с территории Прикарпатья. Существование и активное функционирование на Дону Ковенского отделения Западно-Русского общества по обустройству русских беженцев позволяет утверждать, что ограничений для пра-

вославных и лиц русской национальности по созданию собственных благотворительных организаций не существовало. Как исключительно беженская организация Ковенское общество в 1916 г. открыло Донское уполномочие для обслуживания нужд беженцев русской национальности (в том числе и из Волынской губернии), расселившихся в Донской области (ГАРО 5: 12).

Более подробную информацию о национальном составе галичан могли бы пролить сведения об их конфессиональном составе. Немалая часть жителей Галиции исповедовала униатство (Суляк 2011). В официальных отчетах отсутствуют упоминания о беженцах, размещенных в ОВД, которые принадлежали к униатской церкви. Никаких данных о необходимости проведения мероприятий по обеспечению религиозных потребностей униатов в городах, станицах и хуторах Области войска Донского в документах не сохранилось. Причиной этого могла быть недостаточная просвещенность галичан, которые называли свою веру «русской», не разбираясь в отличиях православия и униатства. Как результат в число галичан могли попасть и православные жители Буковины и Галиции, и галичане-униаты.

На этнографических картах западной части Российской империи (в том числе Галиции и Буковины) указаны различные этносы: гуцулы, бойки, лемки и т. д. В научной литературе и официальных отчетах российского и австрийского правительств перечисленные этнокультурные группы рассматривают как составные элементы русинского этноса (Суляк 2007).

Таким образом, можно выделить следующие характерные особенности, присущие этнониму «галичане» в официальных отчетах правительства ОВД:

- 1) отсутствуют данные о присутствии униатов в ОВД;
- 2) указаны православные епархии Галиции и Буковины и других западных регионов России, из которых прибыли беженцы;
- 3) отсутствуют упоминания этнических групп Прикарпатья, кроме русинов;
- 4) количество галичан и русинов в официальных отчетах могло резко отличаться.

Принципиального выделения галичан или русинов не производилось. Вероятно, статистические данные формировались в зависимости от личных ответов беженцев и впоследствии объединялись обобщенным термином «галичане». В качестве обобщающего признака можно выделить вероисповедание беженцев из Прикарпатья (православие и униатство).

Этнонимы «галичане» и «русины» нельзя считать полностью тождественными. В первом случае следует говорить об обобщенном

термине, объединявшем различные этнографические группы православного и униатского населения Прикарпатья. Он включал также и русинов из различных западных губерний России (Бессарабии, Холмщины), эвакуированных из Прикарпатья.

Это указывает на преимущественное значение для русского правительства именно религиозного фактора, а не национального. Связано такое положение с необходимостью обеспечения возможности оправления религиозных култов для всех беженцев. Проблемы для православных в этом отношении не возникало, следовательно, логично объединение определенной их части в рамках термина «галичане». Традиционная тождественность религии и национальности в Российской империи стала причиной формирования такого специфического перечня национальностей прибывавших беженцев. По своей сути он, скорее, соответствует перечню основных конфессий.

Еще одной составляющей проблемы беженцев являлась проблема обеспечения кадрами промышленных предприятий ОВД. Переселенцы прибывали из западных промышленно развитых губерний. Многие из них были квалифицированными специалистами и рабочими. Такие люди были очень востребованы на стратегических предприятия юга России, в частности на Владикавказской железной дороге.

Это предприятие обеспечивало как военные, так и гражданские перевозки в южных губерниях, а также ремонт военных поездов с Западного фронта и комплектование паровозных бригад для работы в прифронтовой местности. Затянувшаяся война требовала экономии и оптимизации промышленного производства, в том числе и железнодорожного транспорта. Так, в Грозненском депо производился ремонт поврежденных на Западном фронте поездов. Для ускорения процесса привлекались военные бригады, расквартированные в городе на условиях вольного найма, а также немецкие и австрийские военнопленные (ГАРО 11).

Дефицит кадров резко обострился, особенно в части рабочих пути, машинистов и помощников машинистов. Именно специалисты указанных профессий активно привлекались из Прикарпатья и Бессарабии на Владикавказскую железную дорогу. Этот процесс не прекратился и после подписания Брестского мира, и после окончательной капитуляции Германии.

В условиях общего движения реэвакуации из ОВД на Украину, в Прибалтику, Польшу и Бессарабию после революций 1917 г. имел место факт привлечения 22 железнодорожников из Бессарабии для работы на линиях Владикавказской железной дороги в 1919 г. (ГАРО 12: 2). Национальный состав прибывавших определить не

представляется возможным, поскольку матрикульные листки бывших служащих железных дорог Бессарабии не сохранились. Точные участки, на которых они работали до переезда, также неизвестны. Но территория Бессарабской железной дороги была довольно обширной и включала земли, на которых проживали русины. По косвенным признакам (именам и фамилиям) можно сделать вывод о принадлежности прибывавших к славянским народам. Исходя из особенностей этнического состава населения региона, можно с достаточно большой вероятностью утверждать, что немалая часть из них были русинами. Этим специалистам предприятие оплачивало переезд, выдавало подъемные средства и обеспечивало их рабочими местами. Характерно, что не все из прибывших оставались работать на железной дороге, некоторые трудоустраивались самостоятельно. Это однозначно указывает на большую заинтересованность именно предприятия в привлечении кадров, а не самих переселенцев.

Данный факт особенно примечателен в контексте прекращения выплаты государственных пособий беженцам и обострения конфликтов с местным населением. В октябре 1917 г. областной комитет в связи с разрушением центральной власти перешел в ведение Войскового правительства (ГАРО 13: 2). К тому времени поток беженцев стал более хаотичным и неконтролируемым. Попытки ограничить число прибывавших на Дон мигрантов (7 500 чел.) по причине разливов рек, неурожая и, как следствие, роста напряженности между местным населением и беженцами не дали положительных результатов. После 1917 г. беженцы из западных губерний стали пополняться потоком переселенцев из занятых большевиками районов. Ликвидация Временного правительства прекратила финансирование из казны областного комитета и его структур, как и самих беженцев (ГАРО 5: 8). Окончательно областной комитет помощи беженцам был ликвидирован в 1918 г. после создания Донской Советской Республики. Апрельская программа наркома внутренних дел запретила выдавать беженцам пайки, предлагая «призреваемых удовлетворять натурой», а средства направить на содержание приютов, училищ и убежищ (ГАРО 1: 1 об.). Сформированное в апреле 1918 г. Всевеликое войско Донское сосредоточило средства на активной эвакуации беженцев в связи с ростом социальной напряженности, нехваткой продовольствия, отсутствием работы и прекращением выдачи пайков (ГАРО 14: 98–99). Объективно ситуация с беженцами не упростилась. Поток мигрантов из Центральной России и Сибири компенсировал количество отъезжавших на запад. 26 февраля 1919 г. войсковой атаман утвердил «Положение о призрении беженцев из поселений войска Донского, занятых большевиками» (ГАРО 15: 1), а с 1 марта



1919 г. были окончательно ликвидированы областной, девять окружных и два городских комитета по устройству беженцев, прибывших в период Первой мировой войны (ГАРО 16: 19).

Привлечение железнодорожников с Бессарабской железной дороги явно не являлось частью переселенческого движения от фронтов гражданской войны, а было обусловлено нехваткой квалифицированной рабочей силы на стратегических предприятиях юга России.

Подводя итог, можно отметить, что прибытие беженцев в Область войска Донского находилось под значительным контролем со стороны государства. Продуманное распределение беженцев по населенным пунктам, деятельность национальных благотворительных организаций, высокий уровень образования и квалификации среди переселенцев, востребованность специалистов и рабочих на промышленных предприятиях региона, национальная и религиозная близость населения ОВД и беженцев определили легкость и относительную бесконфликтность включения прибывавших в социально-экономическую структуру региона.

Вопрос о содержании и степени тождественности этнонимов «галичане» и «русины» остается открытым. Однозначно можно утверждать, что в официальных отчетах организаций, занимавшихся проблемами беженцев в период Первой мировой войны, идет речь о православном (либо униатском) населении, прибывавшем с территории Восточной Галиции (современных Львовской, Ивано-Франковской, Тернопольской областей Украины), а также из соседних Буковины, Бессарабии и Восточной Польши. Такой вывод позволяет составить перечень православных епархий, из которых прибывали беженцы. В условиях религиозной дискриминации православного населения и движения фронтов перемещение усиливалось, что позволяет предположить более широкую географию беженцев. По совокупности фактов можно охарактеризовать термин «галичане» как более емкий и общий, включающий в себя русинов. Изучение особенностей составления официальных статистических отчетов о беженцах в Области войска Донского в период Первой мировой войны и видов гарантированной российским правительством помощи переселенцам позволяет охарактеризовать термин «галичане» как обобщающий для большой группы беженцев из Прикарпатья, объединенных религиозными и этническими признаками. Термин «русины», в свою очередь, являлся более узким, включавшим православных по вероисповеданию русинов, оказавшихся в ОВД. Его самостоятельное появление в официальной статистике требовало стечения целого ряда обстоятельств.



## ЛИТЕРАТУРА

Ахременко 2016 – Ахременко Д.А., Шевченко К.В., Кривочуприн Е.Л. Забытая трагедия русинов: национальная политика Габсбургов в годы Первой мировой войны. Брянск: Историческое сознание, 2016. 215 с.

ГАРО 1 – Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 345. Оп. 1. Д. 3.

ГАРО 2 – ГАРО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 12.

ГАРО 3 – ГАРО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 5.

ГАРО 4 – ГАРО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 4.

ГАРО 5 – ГАРО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 40.

ГАРО 6 – ГАРО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 2.

ГАРО 7 – ГАРО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 11.

ГАРО 8 – ГАРО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 1.

ГАРО 9 – ГАРО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 34.

ГАРО 10 – ГАРО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 6.

ГАРО 11 – ГАРО. Ф. 26. Оп. 4. Д. 32

ГАРО 12 – ГАРО. Ф. 26. Оп. 8. Д. 573.

ГАРО 13 – ГАРО. Ф. Р–2577. Оп. 2. Д. 9.

ГАРО 14 – ГАРО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 45.

ГАРО 15 – ГАРО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 46.

ГАРО 16 – ГАРО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 39.

ГАРО 17 – ГАРО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 22.

ГАРО 18 – ГАРО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 15.

Суляк 2007 – Суляк С.Г. Русины в истории: прошлое и настоящее // Русин. 2007. № 4 (10). С. 29–56.

Суляк 2011 – Суляк С.Г. Русины: из истории православной традиции // Вестник Удмуртского университета. Сер. «История и филология». 2011. № 5–3. С. 130–134.

## REFERENCES

Akhremenko, D.A. (2016) *Zabytaya tragediya rusinov: natsional'naya politika Gabsburgov v gody Pervoy mirovoy voyny* [The Forgotten Tragedy of Rusins: The Habsburg National Policy During WWI]. Bryansk: Istoricheskoe soznanie.

The State Archive of Rostov Region (GARO). Fund 345. List 1. File 3.

The State Archive of Rostov Region (GARO). Fund 345. List 1. File 12.

The State Archive of Rostov Region (GARO). Fund 345. List 1. File 5.

The State Archive of Rostov Region (GARO). Fund 345. List 1. File 4.

The State Archive of Rostov Region (GARO). Fund 345. List 1. File 40.

The State Archive of Rostov Region (GARO). Fund 345. List 1. File 2.

- The State Archive of Rostov Region (GARO). Fund 345. List 1. File 11.  
The State Archive of Rostov Region (GARO). Fund 345. List 1. File 1.  
The State Archive of Rostov Region (GARO). Fund 345. List 1. File 34.  
The State Archive of Rostov Region (GARO). Fund 345. List 1. File 6.  
The State Archive of Rostov Region (GARO). Fund 26. List 4. File 32.  
The State Archive of Rostov Region (GARO). Fund 26. List 8. File 573.  
The State Archive of Rostov Region (GARO). Fund R-2577. List 2. File 9.  
The State Archive of Rostov Region (GARO). Fund 345. List 1. File 45.  
The State Archive of Rostov Region (GARO). Fund 345. List 1. File 46.  
The State Archive of Rostov Region (GARO). Fund 345. List 1. File 39.  
The State Archive of Rostov Region (GARO). Fund 345. List 1. File 22.  
The State Archive of Rostov Region (GARO). Fund 345. List 1. File 15.  
Sulyak, S.G. (2007) *Rusiny v istorii: proshloe i nastoyashchee* [Rusins in history: the past and the present]. *Rusin*. 4(10). pp. 29–56.  
Sulyak, S.G. (2011) *Rusiny: iz istorii pravoslavnoy traditsii* [Rusins: From the history of the Orthodox tradition]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Istoriya i filologiya"* – *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*. 5–3. pp. 130–134.

**Абраменко Владимир Александрович** – доцент кафедры теории организации и управления персоналом гуманитарного факультета Ростовского государственного университета путей сообщения (Россия).

**Vladimir A. Abramenko** – Rostov State Transport University (Russia).

**E-mail:** vladimir.abramenko@yandex.ru

УДК 94(47)"1917"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/53/4

## **ВОЕННЫЙ ТЕРРОР КОМАНДОВАНИЯ ВОЙСК ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА В ВОСТОЧНОЙ ГАЛИЦИИ И СЕВЕРНОЙ БУКОВИНЕ (ФЕВРАЛЬ – ОКТЯБРЬ 1917 г.)**

**Р.В. Гула<sup>1</sup>, И.Г. Передерий<sup>2</sup>**

Полтавский национальный технический  
университет им. Ю. Кондратюка

Украина, 36011, г. Полтава, Первомайский проспект, 24

<sup>1</sup>E-mail: rslnhula1@gmail.com

<sup>2</sup>E-mail: iryna.perederii@gmail.com

### **Авторское резюме**

Падение самодержавия в феврале 1917 г. в России объективно способствовало развитию процессов демократизации во всех сферах жизни общества. Вместе с тем отсутствие традиций демократии и европейского парламентаризма в Российской империи привело к дезорганизации политических институтов государства, управленческому хаосу и росту анархических тенденций в общественно-политической практике. В условиях войны объективно назревшие процессы демократизации армии реализовались популистскими псевдореволюционными методами, которые в конце концов привели к катастрофическому падению воинской дисциплины, тотальной дискредитации офицерского корпуса и морально-психологическому разложению личного состава вооруженных сил. Следствием данных деструктивных проявлений стала общеармейская тенденция эскалации военно-криминального террора военнослужащих по отношению к гражданскому населению. С целью наведения уставного порядка, воинской дисциплины и управляемости войск в условиях ведения боевых действий командование Юго-Западного фронта в период февраля – октября 1917 г. принимало адекватные меры военного террора.

**Ключевые слова:** военно-криминальный террор, военный террор, социальный террор, Юго-Западный фронт.

# MILITARY TERROR OF SOUTH-WESTERN FRONT TROOPS COMMAND IN EASTERN GALICIA AND NORTHERN BUKOVINA (FEBRUARY–OCTOBER 1917)

R.V. Hula<sup>1</sup>, I.G. Perederii<sup>2</sup>

Poltava National Technical Yuri Kondratyuk University  
24 Pershotravnevyy Avenue, Poltava, 36011, Ukraine

<sup>1</sup>E-mail: rslnhula1@gmail.com

<sup>2</sup>E-mail: iryna.perederii@gmail.com

## Abstract

The paper focuses on the reasons, content, forms, peculiarities and resource base of the military-criminal terror of the South-Western Front armies against civilians of Eastern Galicia and Northern Bukovina and measures of front command military terror to maintain the controllability of troops in February–October 1917. The fall of autocracy in Russia in February 1917 contributed to democratisation in all spheres of society. However, the lack of traditions of democracy and European parliamentarism in the Russian Empire resulted in the disorganization of state political institutions, administrative chaos and the growth of anarchic tendencies. Under conditions of war, the urgent processes of army democratisation were carried out by populist “revolutionary” methods, which led to a catastrophic lack of military discipline, total discredit of the officer corps and moral and psychological disintegration of the armed forces. These destructive processes caused the general trend of escalating military-criminal terror of servicemen towards civilians. The command of the South-Western Front had to take adequate measures of military terror to establish order, military discipline and controllability of troops under conditions of combat operations in February–October 1917.

**Keywords:** military-criminal terror, military terror, social terror, South-Western Front.

В ходе Первой мировой войны военный террор часто принимал форму **военно-криминального террора**, который может быть определен как *системное использование криминальных методов насилия регулярными вооруженными формированиями в отношении мирного населения в условиях комплексного кризиса военной организации государства с утилитарно-меркантильными целями, что подпадает под юрисдикцию типа преступлений общеуголовного характера* (Гула 2018: 26–28).

Причинами эскалации военно-криминального террора войск Юго-Западного фронта по отношению к населению Карпато-Днестровского региона были:

- интенсификация развала армии после Февральской революции. Объективно назревшие процессы демократизации армии реализовались в популистских псевдodemократических формах, что в условиях войны привело к тотальной деморализации офицерского состава и деградации войск;

- процессы необратимой деформации психики комбатантов, вызванные экстремальными условиями ведения боевых действий;

- маргинализация и депрофессионализация командного состава;

- падение качества призывного контингента за счет мобилизации лиц с криминальным прошлым;

- развал системы тылового обеспечения, толкавший солдат на акции «самообеспечения» за счет мирных граждан.

После падения царизма процессы разложения армии как политического института приняли необратимый характер. Коллапс государственного управления в наиболее диких формах проявился именно в армии. Уже в эмиграции управляющий делами Временного правительства В.Д. Набоков признавал, что, «несмотря на все оговорки, приходилось... констатировать, что революция нанесла страшнейший удар по нашей вооруженной силе, что ее разложение идет колоссальными шагами, что командование бессильно» (Набоков 1924: 131).

Иллюстрацией морально-психологической атмосферы в армии в то время могут служить следующие примеры. Уже 22 февраля 1917 г. в обращении Киевского совета офицеров звучат призывы к солдатам о соблюдении дисциплины и исполнении своего долга. 27 февраля в Киеве «на собрании солдатских и офицерских депутатов по вопросу о дисциплине и дезертирстве офицеры доказывали необходимость соблюдения внешней дисциплины и отдания чести... [Однако] все солдаты с возбуждением поддержали требование об уничтожении этих пережитков» (1917 год на Киевщине 1928: 10, 14).

Неудивительно, что после таких «дебатов» процессы деградации военной организации перешли в неконтролируемое властями русло, сопровождаясь волной массового **социального террора** со стороны солдат по отношению к офицерскому корпусу.

Следует обратить внимание на то, что меры по демократизации армии объективно созрели и в обществе, и в военной организации (Верховский 1992). Поэтому оценка социального террора по отношению к офицерам должна учитывать тот факт, что к концу войны антагонистические противоречия между офицерским составом и

солдатской массой достигли своего апогея. Обращение с солдатами как с расходным материалом, который нуждается лишь в применении властного давления, отношение к нижним чинам как к «навозу» были характерны для подавляющего большинства офицеров того времени. Сформированный в течение веков в сознании солдата стереотип «офицера-помещика» вызывал неприязнь, которая постоянно накапливалась. Все это привело к взрыву солдатской ненависти в 1917 г. в форме массовых убийств офицерского состава (Гребенкин 2010: 57).

В дневниковых записях З.Н. Гиппиус от 13 (27) февраля – 15 (2 марта) февраля 1917 г. читаем, что в некоторых восставших полках «убиты офицеры, командиры и генералы... В войсках дезорганизация полная... Солдаты то арестуют офицеров, то освобождают, очевидно, сами не знают, что нужно делать и чего они хотят. На улице отношение к офицерам явно враждебное» (Гиппиус 1990).

Уже 25 марта 1917 г. военный комиссар Киевского военного округа К.М. Оберучев отмечал «неоднократные случаи арестов офицеров солдатами» и призывал прекратить насилие над офицерами (1917 год на Киевщине 1928: 22). Однако председатель Государственной Думы М.В. Родзянко все эти эксцессы интерпретировал в идеалистически-наивных представлениях революционной романтики: «Революционная волна... конечно, докатилась и до окопов... Возможно, были некоторые настроения... выразившиеся... в ненужных трениях между солдатами и офицерами, и что наши доблестные офицеры переживали тяжелые минуты» (Стенографический отчет 1917: 4).

Падение авторитета офицерского корпуса напрямую вело к потере какого-либо авторитета власти вообще. Поэтому просто жалкими выглядели потуги комиссаров Временного правительства остановить криминализацию войск. Например, во время Острожского погрома 28 сентября 1917 г. туда прибыл уполномоченный комиссара при XI армии, «который пытался применить меры нравственного воздействия» на участников бесчинств, «но меры эти оказались безуспешными, так как грабеж продолжался на глазах самого комиссара и прочих властей» (ЦГИАУК: 2).

Характерным явлением стало массовое дезертирство. В результате провала июньского наступления Юго-Западного фронта в 1917 г. «беспорядочный отход армий к границам отмечался небывалым развитием дезертирства. За одну ночь «батальон смерти XI армии задержал в окрестностях Волочиска около 12 тысяч дезертиров» (Покровский 1925: 181). Попытки остановить дезертирство «революционной фразой» объективно были обречены на неудачу. Газета партии эсеров «Земля и воля» 20 сентября 1917 г. описала типичный для того времени пример: «Горячий революционер, убеждая депутацию

солдат не пользоваться раньше времени слухами о демобилизации старших возрастов и не делать самочинных выделений, получил в ответ на свое сравнение старого и нового порядков такую реплику: «Да нам все одно, что царь, что Керенский»» (Петрищев 1917: 315).

Подготовка летнего наступления Юго-Западного фронта в Восточной Галиции в 1917 г. осуществлялась в атмосфере тотального «торжества демократии и свободы»: «Войска митинговали, соглашаясь, как правило, с каждым из бесчисленных ораторов, хотя бы и говоривших совершенно противоположное. В одной и той же дивизии сплошь да рядом один полк выносил постановление наступать, второй высказывался только за оборону... а третий, ничего не постановляя, втыкал штыки в землю и самотеком шел домой – в Тамбовскую губернию, до которой “немцу не дойти”. Последнее решение зачастую принималось через четверть часа по вынесении “единогласно и восторженно” резолюции воевать до победного конца. Этот сумасшедший дом преподносился ничего не смыслившим делегациям английских и французских социалистов как величайшее достижение демократии XX столетия» (Керсновский 2014: 282–283). Последствием перманентного процесса «демократизации» явился провал июньского наступления Юго-Западного фронта.

В результате бездумной «демократизации» армии эскалация военно-криминального террора стала общеармейской тенденцией (Гончаров 2010: 5–6). В ходе неудачного наступления армий Юго-Западного фронта в июне 1917 г. на Галич и Калуш войска захлестнула эпидемия системного насилия в отношении мирного населения. По воспоминаниям Я. Кальницкого, объектами грабежей и насилия, как правило, становились городские жители. «Особенно доставалось им от “бравых” казаков, для которых вся война обычно заключалась в охоте на “шпионов”. ...За шпионов (вследствие неумения поймать настоящих) сходили не имевшие хлеба, заедаемые вшами несчастные люди» (Кальницкий 1924: 22).

Заслуживают внимания и примеры военно-криминального террора при отступлении русской армии из Черновцов летом 1917 г., оставленных командующим 7-й кавалерийской дивизии генерал-майором П.Н. Врангелем: «Город горел в нескольких местах, толпа солдат, разбив железные шторы, громила магазины. Из окон домов неслись вопли, слышался плач. На тротуаре валялись разбитые ящики, сломанные картонки, куски материи, ленты и кружева вперемешку с битой посудой, пустыми бутылками из-под коньяка. Войсковые обозы сплошь загроутили улицы. ...В каком-то магазине мы застали грабителей, занятых опоражниванием ящиков с чайной посудой. ...На соседних улицах грабеж продолжался» (Врангель 2002: 51–52).

Проявление военно-криминального террора в войсках объясняется и процессами объективной необратимой деформации психики комбатантов (Сенявская 1997). Эти кризисные явления приобрели к 1917 г. настолько массовый характер, что Е.Н. Трубецкой с тревогой отмечал: «Для меня гораздо важнее отметить опасность, которая надвигается на нас. Это опасность утраты человека и замены его зверем; ибо зверь, жестокий и беспощадный, чуждый сентиментальности и дрессированный на злобу, – во многих отношениях гораздо более пригодное орудие для государства» (Трубецкой 1917: 90). Именно это «озверение народа» в последующем эффективно использовали большевики.

Свою негативную роль сыграла также маргинализация младших командиров. Уже в 1915 г. обозначился значительный дефицит данной категории военнослужащих. Командование разрешало эту проблему путем ускоренного обучения отличившихся унтер-офицеров и солдат. Таким образом, изменился социальный облик младших офицеров: это были уже преимущественно выходцы из «третьего сословия», у которых отсутствовали навыки твердого управления вверенными подразделениями. Серьезной проблемой стала профессиональная и моральная деградация унтер-офицерского состава, некоторые из них утверждали обретенную власть путем насилия относительно мирного населения. Так, во время Острожского погрома 27–28 сентября 1917 г. «по показанию отдельных лиц, подпрапорщик Матвееenko... когда начался пожар магазинов, кричал: “не надо тушить, пусть жида горят”» (ЦГИАУК: 5).

Вследствие дезорганизации и управленческого коллапса вооруженных сил происходили процессы стихийного «сращивания» криминалитета с огромной массой вооруженных людей, которые все больше напоминали полубандитские формирования. «По показаниям прапорщика Эгизьянца и некоторых других свидетелей, когда солдаты 266 пехотного запасного полка приступили к погрому еврейских магазинов, к солдатам быстро примкнули темные и несознательные элементы из местных жителей, и весь погром носил чисто стихийный характер» (ЦГИАУК: 4).

Усиливались и процессы стихийной криминализации личного состава армии. В воспоминаниях корпусного врача VII Сибирского корпуса Юго-Западного фронта В.П. Кравкова от 13 июля 1917 г. констатируется факт, свидетельствующий о крайней степени деградации солдатской массы: «Грабежи и разбои принимают колоссальные размеры: сегодня на месте преступления схвачены были два солдата, взломавшие двери комнаты “комкора” и замок его чемодана; все вынутые вещи неизвестно куда пропали» (Кравков 2014: 346).



Одной из причин усиления военно-криминального террора было изменение качества призывного контингента. Еще 20 января 1916 г. Министерству юстиции высочайшим повелением было разрешено призывать для военно-инженерных работ на фронте осужденных без поражения в правах. Положение Совета министров от 3 февраля 1916 г. позволяло призывать на военную службу лиц, находившихся под следствием и отбывавших наказание за незначительные преступления (Твердюкова 2007: 30–31).

Однако кардинально изменило положение дел с призывом Постановление Временного правительства от 17 марта 1917 г. «Об облегчении участи лиц, совершивших уголовные преступления», которое, по сути, являлось актом общего помилования. Пункт 10<sup>1</sup> Постановления предусматривал освобождение от уголовной ответственности и наказания всех представителей криминалитета при желании послужить Родине на поле брани в рядах защитников свободной России (Сборник указов 1917: 277).

Вследствие «апофеоза революционного гуманизма» по состоянию на 1 апреля 1917 г. количество преступников в тюрьмах и на каторге сократилось на 75 % и составляло 41 509 арестантов. Так, в одесской тюрьме оставалось только около 100 заключенных, из которых 41 уголовник 6 мая 1917 г. был отправлен в действующую армию. Прошедшие «тюремные университеты» представители криминального мира сразу заняли лидирующие позиции в воинских коллективах и без особых усилий оказывались в различных солдатских комитетах (Твердюкова 2007: 33). Казачий офицер-артиллерист А.А. Упорников в письме домой от 22 марта 1917 г. сообщал: «На фронт посылают полицейских, жандармов и каторжных. Надо побыть в шкуре офицера, чтобы точно понять, что этого делать нельзя» (Упорников 2007: 61).

Поэтому неудивительно, что по результатам расследования того же Острожского погрома стало известно, что в нем «принимали деятельное участие те части пополнения 266 пехотного запасного полка, которые лишь накануне погрома, т. е. 26 сентября с. г. прибыли в г. Острог из Красноярска, и в которых имелось много лиц с уголовным прошлым, в том числе амнистированных в марте месяце с. г.» (ЦГИАУК: 4).

Следует отметить, что основная масса условно амнистированных на фронт абсолютно не стремилась и вернулась к прежней деятельности среди мирного населения. «Эти убийцы, воры и грабители, переодевшись в форму нижних чинов, нагло врываются в частные квартиры, производят незаконные обыски, грабят, насилуют, наводя ужас», – так власти выразили сожаление по поводу поспешной амнистии уголовников (Сборник указов 1917: 364).

Одновременно следует обратить внимание и на дезорганизацию работы армейских тыловых структур, толкавшую солдат на акции «самообеспечения» за счет мирных граждан. В материалах того же дела об Острожском погроме имеется также свидетельское показание командира 12-й роты 266-го пехотного запасного полка подпоручика Колмазина, удостоверившего, что приблизительно за неделю до бесчинств «солдаты его роты настойчиво требовали мыла, которого интендантство почему-то не присылало, и грозили, что они пойдут в город и возьмут мыло у торговцев-евреев» (ЦГИАУК: 4).

Ресурсной базой военно-криминального террора являются части и подразделения регулярных вооруженных сил, которые непосредственно принимают участие в ведении боевых действий и по критериям низкого морально-психологического состояния личного состава склонны к проявлениям крайних криминальных форм насилия в отношении мирного населения противника и граждан собственного государства.

В условиях мирного времени военный террор может быть определен как *форма ведения боевых действий с проявлениями особой жестокости военных (военно-полицейских) операций в отношении мирного населения, бесчеловечное отношение к военнопленным при тотальном нарушении норм международного гуманитарного права для достижения политических целей войны* (Гула 2016: 22). В реалиях ведения боевых действий **военный террор** (особенно с февраля 1917 г.) трансформировался в комплекс объективно необходимых оправданных мер насилия, применяемых командованием по отношению к подчиненным войсковым формированиям с целью ликвидации проявлений ими криминальных действий, а также использование методов жесткого военного администрирования в условиях войны для наведения порядка в Российском государстве и преодоления хаоса (Гула 2018: 28).

Последствием перманентного процесса псевдодемократизации армии явился провал наступления Юго-Западного фронта. «Армия обезумевших темных людей, не огражденных властью от систематического разложения и развращения, потерявших чувство человеческого достоинства, бежит, – прямолинейно высказывался главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал от инфантерии Л.Г. Корнилов. – Меры правительственной кротости расшатали дисциплину, они вызывают беспорядочную жестокость ничем не сдерживаемых масс» (Цветков 2006: 66). «На полях, которые нельзя назвать полями сражений, царят сплошной ужас, позор и срам, которых русская армия не знала с самого начала своего существования», – такова характеристика, данная Л.Г. Корниловым

общему положению Юго-Западного фронта после провала летнего наступления 1917 г. в Галиции (Керсновский 2014: 291).

Наведение порядка осуществлялось в армии жесточайшими методами *военного террора* со стороны командования, которые были объективно оправданны в условиях ведения боевых действий.

При ликвидации бесчинств войск при отступлении из г. Черновцы летом 1917 г. командующий 7-й кавалерийской дивизией генерал-майор П.Н. Врангель применял адекватные обстановке меры по отношению к грабителям: «К шести часам утра на улице показался разъезд, подходил полк польских улан. Я приказал командиру полка, не стесняясь мерами, восстановить порядок. Тут же было поймано и расстреляно на месте несколько грабителей, и к утру в городе было совсем спокойно» (Врангель 2002: 52).

В ходе нейтрализации бесчинств нижних чинов 266-го пехотного запасного полка в г. Острог Волынской губернии 27–28 сентября 1917 г. только передислокация и боевое применение четырех уланских эскадронов позволили навести порядок: «Из 15 рот полка было извлечено 52 подозреваемых, которые по распоряжению уполномоченного комиссара заключены под стражу». Их выдали как зачинщиков и участников погрома после того, как полк по частям был оцеплен уланами. Это удалось во всех ротах, кроме первой. «Упорствовавшая первая рота, состоящая в большинстве из бывших каторжников, была обыскана, при чем у 32 солдат были найдены разные предметы, похищенные во время разгрома. Эти лица были также заключены под стражу, а рота в остальном составе подвергнута аресту в ротном помещении» (ЦГИАУК: 3).

В результате провала наступления Юго-Западного фронта летом 1917 г. «генерал Корнилов, главнокомандующий Юго-Западным фронтом, берет на себя ответственность и вводит на Юго-Западном фронте смертную казнь, и только этим средством после расстрела нескольких десятков человек ему удается сдержать стихийно хлынувшую назад банду “товарищей”, уничтожающих на своем пути все как саранча на поле». Вот как это описывал сам Л.Г. Корнилов: «В ночь с 7 на 8 июля я принял должность главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта... По всем дорогам брели толпы солдат, дезертировавших из своих частей, производившие грабежи и насилия в попутных селениях... Я приказал расстреливать дезертиров, грабителей, выставляя трупы расстрелянных на дорогах, на видных местах с соответствующими надписями... Ввиду все более усиливающегося развала армий Юго-Западного фронта... я вынужден был усилить строгость принятых уже мер, приказал сформировать особые ударные отряды из юнкеров для борьбы с дезертирами, мародерами и насилиями» (К-в 1919: 6, 8).

Закономерность столь жестоких мер была вызвана рядом объективных обстоятельств, причинами которых были организационный паралич органов государственного и военного управления, процессы деморализации армии, криминализации обстановки. Л.Г. Корнилову «приписывали то, чего многие ждут со страхом или с надеждой: захватить власть и репрессиями закрепить отсутствующий в государстве авторитет, драконовскими методами остановить распад, террором сплотить силы, необходимые для защиты от внешнего натиска и для охраны порядка. Корниловщина в толковании ее современников оказалась носителем идей, которые носятся в воздухе», – так объяснял закономерность трансформации общественного сознания в лояльном восприятии военного террора как инструментария военной диктатуры современник эпохи А.Ф. Петрищев (Петрищев 1917: 299).

Военный террор стал своеобразной зеркальной реакцией на организационную неспособность Временного правительства использовать приоритетное право на насилие со стороны государства после падения царизма. В.Д. Набоков в воспоминаниях констатирует, что «Милюков неоднократно возбуждал вопрос о необходимости более твердой и решительной борьбы с растущей анархией. Это же делали и другие». Но при этом подчеркивал, что не помнит, «чтобы были предложены когда-нибудь какие-нибудь определенные практические меры, чтобы они обсуждались Временным правительством» (Набоков 1924: 108).

Позднее П.Н. Милюков охарактеризовал поражение февральистов как следствие того, что «основная черта, проявленная нашим революционным процессом, составляющая и основную причину его печального исхода, есть слабость русской государственности и преобладание в стране безгосударственных и анархистских элементов» (Милюков 1919: 5), при этом забывая упомянуть об ответственности тех, кто создал причины для «слабости русской государственности» и дал волю анархистской стихии. Следует согласиться с меткой оценкой работы Временного правительства, которую дал В.В. Зеньковский (в 1918 г. – министр исповеданий в правительстве гетмана Украинской державы Павла Скоропадского). Он характеризовал ее как пору «политического лихорадочного бреда, овладевшего на глазах всех “русской стихией”!» (Зеньковский 2011: 59). И кровавая «русская стихия» захлестнула страну волной террора, «и поднялась в деревнях волна аграрных погромов. С ней слились солдатские бунтарские вспышки и погромы в городах» (Петрищев 1917: 317).

Ресурсной базой военного террора являлись представители высшего командования армии и разделявшие их взгляды на будущее Российского государства политические деятели, а также части и

подразделения регулярной армии, сохранившие управляемость и боеспособность.

Таким образом, меры военного террора являлись адекватной реакцией на разгул криминалитета в армейской организации с целью сохранения управляемости войск и пресечения проявлений бесчинств и насилия в отношении мирного населения.

## ЛИТЕРАТУРА

Верховский 1992 – *Верховский А.И.* Россия на Голгофе // Военно-исторический журнал. 1992. № 10. С. 63–68.

Врангель 2002 – *Врангель П.Н.* Записки. Ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г. Т. 1: Воспоминания. Мемуары. Минск: Харвест, 2002. 480 с.

Гиппиус 1990 – *Гиппиус З.Н.* Дневники, 1920. + Гиппиус З. Петербургские дневники 1914–1919. Нью-Йорк; М.: Центр «ПРО»; СП «Саксес», 1990. URL: [http://militera.lib.ru/db/gippius\\_zn/index.html](http://militera.lib.ru/db/gippius_zn/index.html) (дата обращения: 20.04.2018).

Гончаров 2010 – 1917. Разложение армии / Авт.-сост. В.Л. Гончаров. М.: Вече, 2010. 496 с.

Гребенкин 2010 – *Гребенкин И.Н.* Офицерство российской армии в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2010. № 2. С. 52–66.

Гула 2016 – *Гула Р.В., Гула В.Д.* Агония Левиафана. Ч. I: Пассионарии и юродивые. Политический террор и терроризм в Украине (1900–1914 гг.). Киев: Геопринт, 2016. 342 с.

Гула 2018 – *Гула Р.В., Гула В.Д.* Агония Левиафана. Ч. II: Обреченные и отверженные. Политический террор в Украине (1914–1917 гг.). Киев: Издатель Олег Филюк, 2018. 236 с.

Зеньковский 2011 – *Зеньковский В.В.* Пять месяцев у власти (Воспоминания) / Под ред. М.А. Колерова. М.: REGNUM, 2011. 648 с.

Иргизов 1928 – 1917 год на Киевщине 1928 – 1917 год на Киевщине: хроника событий / Сост.: А. Иргизов и др.; под ред. В. Манилова; Отд. Киев. окрпарткома по изучению истории КП(б)У и Окт. рев. на Украине. Истпарт. Киев: Гос. изд-во Украины, 1928. 583 с.

Кальницкий 1924 – *Кальницкий Я.И.* От Февраля к Октябрю. Воспоминания фронтовика. Харьков: Гос. изд-во Украины, 1924. 156 с.

К-в 1919 – *К-в Е.* Авантюры Керенского и К°. 2-е изд. Новороссийск: Тип. Черномор. воен. губернатора, 1919. 30 с.

Керсновский 2014 – *Керсновский А.А.* История Русской армии. М.: Директ-Медиа. 2014. 1215 с.

Кравков 2014 – *Кравков В.П.* Великая война без ретуши. Записки корпусного врача. М.: Вече, 2014. 416 с.

Милюков 1919 – Милюков П.Н. История второй русской революции. Т. 1. Борьба буржуазной и социалистической революции. Вып. 1: Противоречия революции. Киев: Летопись, 1919. 171 с.

Набоков 1924 – Набоков В.Д. Временное правительство воспоминания. М.: Мир, 1924. 132 с.

Петрищев 1917 – Петрищев А. Хроники внутренней жизни // Русское богатство. 1917. Август–октябрь. № 8–10. С. 297–317.

Покровский 1925 – Разложение армии в 1917 году / Центархив; подгот. к печати Н.Е. Какуриным; с предисл. Я.А. Яковлева. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. VIII, 190 с. (1917 год в документах и материалах / Под ред. М. Н. Покровского).

Сборник указов 1917 – Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1. 27 февраля – 5 мая 1917 г. / Сост. отд. свода законов Гос. канцелярии. Пг.: Гос. типография, 1917. 557 с.

Сенявская 1997 – Сенявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: Институт российской истории РАН, 1997. 232 с.

Стенографический отчет 1917 – Стенографический отчет заседания членов Государственной Думы 1, 2, 3, 4 созывов 27 апреля 1917 г. Пг.: Б.и., 1917. 44 с.

Твердюкова 2007 – Твердюкова Е.Д. Общество и преступный мир: некоторые аспекты взаимоотношений после Февральской революции // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 2, вып. 2. С. 29–34.

Трубецкой 1917 – Трубецкой Е. Государственная мистика и соблазн грядущего рабства. По поводу статей П.Б. Струве и Н.А. Бердяева // Русская мысль. 1917. Январь. Кн. 1. С. 74–98.

Упорников 2007 – Упорников А.А. «Стыдно за людей, которые... спешат бросить грязью в то, чему раньше поклонялись» // Военно-исторический журнал. 2007. № 5. С. 59–62.

Цветков 2006 – Цветков В.Ж. Лавр Георгиевич Корнилов // Вопросы истории. 2006. № 1. С. 55–84.

ЦГИАУК – Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев. Ф. 317. Оп. 1. Д. 6100. 37 л.

## REFERENCES

Verkhovskiy, A.I. (1992) Rossiya na Golgofe [Russia on the Calvary]. *Voenno-istoricheskij zhurnal – Military Historical Journal*. 10. pp. 63–68.

Wrangel, P.N. (2002) *Zapiski. Noyabr' 1916 g. – noyabr' 1920 g.* [Notes. November 1916 – November 1920]. Vol. 1. Minsk: Kharvest.

Gippius, Z.N. (1990) *Dnevniki, 1920* [The Diaries, 1920]. New York; Moscow: PRO; Saksess. [Online] Available from: [http://militera.lib.ru/db/gippius\\_zn/index.html](http://militera.lib.ru/db/gippius_zn/index.html) (Accessed: 20th April 2018).

Goncharov, V.L. (2010) *1917. Razlozhenie armii* [1917. Decay of the army]. Moscow: Veche.

- Grebenkin, I.N. (2010) Ofitserstvo rossiyskoy armii v gody Pervoy mirovoy voyny [Russian officers during WWI]. *Voprosy istorii*. 2. pp. 52–66.
- Hula, R.V. & Gula, V.D. (2016) *Agoniya Leviafana* [The Agony of Leviathan]. Part 1. Kyiv: Geoprint.
- Hula, R.V. & Gula, V.D. (2018) *Agoniya Leviafana* [The Agony of Leviathan]. Part 2. Kyiv: Oleg Filyuk.
- Zenkovskiy, V.V. (2011) *Pyat' mesyatsev u vlasti (Vospominaniya)* [Five Months In Power (Memories)]. Moscow: REGNUM.
- Manilov, V. (ed.) (1928) *1917 god na Kievshchine: khronika sobytiy* [1917 in the Kiev region: a chronicle of events]. Kiev: Gos. izd-vo Ukrainy.
- Kalnitskiy, Ya.I. (1924) *Ot Fevralya k Oktyabryu. Vospominaniya frontovika* [From February to October. Memories of a front-line soldier]. Kharkov: Gos. izd-vo Ukrainy.
- K-в, E. (1919) *Avantury Kerenskogo i K°* [Reckless schemes of Kerensky and K°]. 2nd ed. Novorossiysk: Tip. Chernomor. voen. gubernatora.,
- Kersnovskiy, A.A. (2014) *Istoriya Russkoy armii* [History of the Russian Army]. Moscow: Direkt-Media.
- Kravkov, V.P. (2014) *Velikaya voyna bez retushi. Zapiski korpusnogo vracha* [The Great War without retouching. Corpus doctor's notes]. Moscow: Veche.
- Milyukov, P.N. (1919) *Istoriya vtoroy russkoy revolyutsii* [The History of the Second Russian Revolution]. Vol. 1. Kiev: Letopis'.
- Nabokov, V.D. (1924) *Vremennoe pravitel'stvo: vospominaniya* [The Provisional Government: (memories)]. Moscow: Mir.
- Petrishchev, A. (1917) *Khroniki vnutrenney zhizni* [Chronicles of inner life]. *Russkoe bogatstvo*. 8–10. pp. 297–317.
- Pokrovskiy, M.N. (ed.) (1925) *Razlozhenie armii v 1917 godu* [Decomposition of the army in 1917]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo.
- Russian Provisional Government. (1917) *Sbornik ukazov i postanovleniy Vremennogo pravitel'stva* [Collected Decrees of the Provisional Government]. Issue 1. Petrograd: Gos. tipografiya.
- Senyavskaya, E.S. (1997) *Chelovek na voyne. Istoriko-psikhologicheskie ocherki* [Man in the War. Historical and Psychological Essays]. Moscow: Institute of Russian History, RAS.
- The State Duma. (1917) *Stenograficheskiy otchet zasedaniya chlenov Gosudarstvennoy Dumi 1, 2, 3, 4 sozyvov 27 aprelya 1917 g.* [The verbatim report of the meeting of the members of the State Duma of 1,2,3,4 convocations on April 27, 1917]. Petrograd: [s.n.].
- Tverdyukova, E.D. (2007) *Obshchestvo i prestupnyy mir: nekotorye aspekty vzaimootnosheniy posle fevral'skoy revolyutsii* [Society and the underworld: some aspects of the relationship after the February revolution]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta – Vestnik of Saint Petersburg University*. 2(2). pp. 29–34.



Trubetskoy, E. (1917) Gosudarstvennaya mistika i soblazn gryadushchego rabstva. Po povodu statey P.B. Struve i N.A. Berdyayeva [State mysticism and the temptation of future slavery. Concerning the articles of P.B. Struve and N.A. Berdyayeva]. *Russkaya mysl'*. 1. pp. 74–98.

Upornikov, A.A. (2007) “Stydno za lyudey, kotorye... speshat brosit' gryaz'yu v to, chemu ran'she poklonyalis” [“It's a shame for people who ... are rushing to throw mud at things they used to worship”]. *Voenno-istoricheskiy zhurnal – Military Historical Journal*. pp. 59–62.

Tsvetkov, V.Zh. (2006) Lavr Georgievich Kornilov [Lavr Georgievich Kornilov]. *Voprosy istorii*. 1. pp. 55–84.

The Central State Historical Archives of Ukraine, Kyiv. Fund 317. List 1. File 6100.

**Гула Руслан Владимирович** – доктор исторических наук, доцент кафедры украиноведения, культуры и документоведения Полтавского национального технического университета им. Ю. Кондратюка (Украина).

**Ruslan V. Hula** – Poltava National Technical Yuri Kondratyuk University (Ukraine).

**E-mail:** rslnhula1@gmail.com

**Передерий Ирина Григорьевна** – доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой украиноведения, культуры и документоведения Полтавского национального технического университета им. Ю. Кондратюка (Украина).

**Iryna G. Perederii** – Poltava National Technical Yuri Kondratyuk University (Ukraine).

**E-mail:** iryna.perederii@gmail.com



УДК 94.47

UDC

DOI: 10.17223/18572685/53/5

## РАСПАД И ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ РУМЫНСКОГО ФРОНТА ЗИМОЙ 1917–1918 г.: МЕЖДУ КРАСНЫМИ, БЕЛЫМИ И ИНТЕРВЕНТАМИ

**М.В. Оськин**

Институт законовещения и управления  
Всероссийской полицейской ассоциации  
Россия, 300028, г. Тула, ул. Болдина, 98  
E-mail: maxozv@yandex.ru

### Авторское резюме

После Октябрьского переворота 1917 г. и прихода к власти большевиков самая отдаленная юго-западная окраина страны – Бессарабия – оказалась на перекрестке нескольких вариантов своей дальнейшей судьбы. Румынское правительство намеревалось продолжить борьбу с Центральными державами, что предполагало отказ от сотрудничества с нацеленной на выход из войны Советской Россией и претензию на имущество Румынского фронта как своеобразный залог за румынское имущество в России и переведенный в Москву румынский золотой запас. Помимо того, румынская сторона, лавируя между союзниками по Антанте и надвигавшимися на Россию немцами, рассчитывала на занятие Бессарабии с перспективой ее присоединения к Румынии. В этой обстановке штаб Румынского фронта, не обладавший реальной силой, но являвшийся юридическим правопреемником союзных соглашений, должен был провести демобилизацию войск, обеспечить безопасность Бессарабии, насколько это было возможно, сохранить фронтовое имущество для будущей России. Главнокомандующий Румынским фронтом Д.Г. Щербачев сумел выполнить поставленные задачи в той мере, в какой это оказалось подходящим.

**Ключевые слова:** Бессарабия, интервенция, Румынский фронт, генерал Щербачев, демобилизация, военное имущество.

# THE COLLAPSE AND DEMOBILIZATION OF THE ROMANIAN FRONT IN THE WINTER OF 1917/1918: BETWEEN THE REDS, THE WHITES AND INTERVENTIONISTS

**M.V. Oskin**

Institute of Jurisprudence and Management of the All-Russian Police  
Association  
98 Boldin Street, Tula, 300028, Russia  
E-mail: maxozv@yandex.ru

## **Abstract**

After the October coup of 1917 followed by the Bolsheviks coming to power, Bessarabia, the most remote southwestern outskirt of the country, was at the crossroads of several options for its future. The Romanian government intended to continue the struggle with the Central powers, which meant the refusal to cooperate with the Soviet Russia aimed at getting out of the war, and the claim to the property of the Romanian front as a kind of pledge for Romanian property in Russia and the Romanian gold reserve transferred to Moscow. In addition, the Romanian side was maneuvering between the allies in the Entente and the Germans approaching Russia and planned to annex Bessarabia. As the legal successor to the Union agreements with no real power, the Romanian front headquarters was to demobilize troops, to ensure the safety of Bessarabia as much as possible, and to preserve front-line property for the future Russia. The Commander in Chief of the Romanian front D.G. Shcherbachev managed to fulfill the tasks to the extent that it was appropriate.

**Keywords:** Bessarabia, intervention, Romanian front, General Shcherbachev, demobilization, military equipment.

С августа 1916 г. Российская империя и Румынское королевство выступали союзниками по блоку Антанта и сражались непосредственно плечом к плечу против общего врага – Центральных держав. Военное поражение Румынии осенью 1916 г. еще больше усилило это сотрудничество, объединив две страны общностью судьбы военного времени. Созданный в конце года Румынский фронт включал в себя русские и румынские армии и номинально возглавлялся румынским королем Фердинандом I при фактическом командовании русского

штаба во главе с помощником командующего – помглавкорумом В.В. Сахаровым.

Однако Февральская революция, внешне не изменившая союзных отношений между двумя странами, все-таки привнесла настороженность в союзнические связи, которая лишь усиливалась по мере развертывания в России революционного процесса и нараставшего разложения русской действующей армии. Летние бои кампании 1917 г. на Румынском фронте (сражение под Марашештами), с одной стороны, показали возросшую силу румынской армии, разгромленной в конце 1916 г. и восстановленной с помощью русских и французских офицеров, а с другой – степень деградации российских вооруженных сил, не желавших продолжать войну.

Тем не менее осенью 1917 г. русская действующая армия все еще насчитывала миллионы людей. К концу ноября 1917 г. на Румынском фронте находилось 1 190 264 чел. и 463 713 лошадей (ГАРФ 4: 5). Все это количество «ртов» нуждалось в постоянном снабжении, нехватка которого в случае недовоза продовольствия и фуража, возраставшего с каждым днем, компенсировалась за счет местных средств Румынии, Бессарабии и Херсонщины.

Невзирая на сравнительное спокойствие на фронте, разложение войск продолжало расти, хотя в Румынии этот процесс несколько сдерживался присутствием дисциплинированной румынской армии. Но избежать эксцессов и убийств не удалось – например, 19 октября в расположении 26-го стрелкового после истязаний был убит начальник 7-й стрелковой дивизии В.И. Зиборов. После падения Временного правительства и перехода Ставки в руки большевиков эти процессы усилились. По воспоминаниям командира 40-й пехотной дивизии (6-я армия) А.А. Курбатова, на дивизионном митинге 6 декабря солдаты потребовали от начдива ответить, «признает ли он Крыленку» (Н.В. Крыленко – первый советский Верховный главнокомандующий), тот ответил уклончиво, но все обошлось. Курбатов вспоминал: «А был момент, что над нами был бы свершен самосуд с превращением в кусок мяса, с надругательством и со срыванием погон. Недаром начальник штаба взял с собой револьвер, чтобы уничтожить себя раньше убийства» (ГАРФ 1: 16).

Октябрьский переворот, создание советского правительства из большевиков, крушение старой Ставки и гибель и. д. Верховного главнокомандующего Н.Н. Духонина послужили толчком к ожесточенной борьбе за власть и на Румынском фронте. Предполагавшийся Советом народных комиссаров выход России из Первой мировой войны в качестве первоочередной задачи ставил перемирие на фронтах и подготовку к скорейшей демобилизации войск фронта.

Важной особенностью ситуации на Румынском фронте являлось наличие румынского правительства, армии, территории, где война продолжалась, т. к. Румыния выходила из войны не собиравшись. Отдаленность фронта от революционных центров и наличие румынских войск стали основанием для сравнительно мягкого развертывания событий на фоне борьбы за власть и образования лагерей революции и контрреволюции.

Выдающуюся роль в этих процессах должен был играть штаб Румынского фронта, отвечавший за удержание линии фронта вплоть до заключения мира и предстоящую демобилизацию. Имея в качестве тыловой опоры румын, помглавкорум Д.Г. Щербачев (о котором А.А. Брусилов писал в приказе об убытии на Румынский фронт следующее: «Обладая широкими военными знаниями и твердой волей, всегда бодрый духом и проникнутый стремлением вперед, генерал Щербачев умел воодушевить и влить дух победы и во вверенные ему войска» (ГАРФ 2: 1)) мог вести разновекторную политику. Эта политика включала в себя и сотрудничество с большевистскими войсковыми комитетами, и связи с украинской Центральной Радой, и формирование белогвардейских добровольческих формирований, и переговоры с союзными миссиями. Притом задача демобилизации русских войск Румынского фронта со всеми вытекающими отсюда последствиями (вывод войск, забота о войсковом имуществе, поддержание правопорядка в тыловых регионах) являлась для помглавкорума и его сотрудников одной из важнейших.

События на фронте после падения Временного правительства развивались стремительно, калейдоскоп взаимоотношений между различными политическими силами был самым пестрым и многонациональным, в связи с чем помглавкорум был вынужден лавировать между всеми вариантами социального строительства и кандидатами на первенство, что впоследствии стороны ставили ему если не в вину, то в беду. Обвинения красных в измене, белых – в недостаточной поддержке, союзников – в переговорах с немцами и т. д. являлись несправедливыми, т. к. Д.Г. Щербачеву было необходимо минимизировать издержки революционного процесса на вверенной ему территории Румынского фронта. Важной целью штаба фронта стало недопущение скатывания войск и населения района в гражданскую войну, по крайней мере, до окончания демобилизации, поскольку войска приходилось выводить с территории другого государства.

Прежде всего, штаб фронта был вынужден реагировать на Октябрьский переворот. Приказ по Румынскому фронту от 5 ноября 1917 г. на основании постановления Чрезвычайного фронтового съезда 31 октября – 1 ноября признавал, что высшая власть «в отношении

русских частей» принадлежит Военно-революционному комитету (ВРК) Румынского фронта под председательством Г. Лордкипанидзе (ГАРФ 3: 1). На протяжении почти месяца генерал Щербачев внешне подчинялся Совету народных комиссаров, но под давлением румынского правительства, действовавшего в тесной связке с Центральной Радой (в Яссах находилась делегация, принятая королем Фердинандом I), стал постепенно выходить из-под указаний правительства В.И. Ленина. В итоге 23 ноября принимается решение об объединении Румынского и Юго-Западного фронтов в Украинский фронт, который возглавил Щербачев, признававший Украину частью неделимой России (ГАРФ 5: 14 об.).

Украинский фронт подчинялся Генеральному секретариату образованной 7 ноября Украинской Народной Республики (УНР) во главе с В.К. Винниченко и С.В. Петлюрой. Учитывая, что 21 ноября был образован высший орган власти в Бессарабии – Сфатул Цэрий, 2 декабря провозгласивший о создании Молдавской Народной Республики, «входящей как равноправный член в состав единой Федеративной Российской Демократической Республики», ситуация на Румынском фронте все более запутывалась. Подчинение украинскому правительству представлялось возможностью для выхода из-под власти Совнаркома. Поэтому, помимо Щербачева, акты УНР поддержал и Комитет комиссаров Румынского фронта: комиссар УНР К. А. Карасев, комиссар Молдавской Республики А.К. Скобиола, которого с 25 декабря 1917 г. сменил командир 411-го пехотного полка полковник Мунтян, польский комиссар Л.И. Бабицкий, армянский – С.А. Тер-Григорьянц, литовский – А.И. Бабилюк, эстонский – А.М. Круземячи, Донской казачий – Р.П. Греков, грузинский – А.Н. Дадияни, белорусский – П.Д. Манцевич, сибирский – М.И. Кузьмин.

Соответственно, пока УНР не объявила себя независимой, а считалась частью России, Щербачев не видел особого негатива в таком подчинении. Напротив, УНР вполне могла расцениваться как альтернатива Совнаркому. Объединение Юго-Западного и Румынского фронтов в единый Украинский фронт, о чем Щербачев сообщил в приказе № 1234 от 4 декабря 1917 г., мотивировалось тем, что «Петроградское правительство народных комиссаров с каждым днем показывает свою неспособность вести армию Российской Республики к миру и устроению жизни пострадавших народов России» (ГАРФ 3: 5 об.–6).

Опираясь на бессарабских сепаратистов, не желавших распространения революционного движения в регионе, и на указания Генерального секретариата УНР, также взявшего курс на независимость, под покровительством румынской стороны на Румынском фронте стали

создаваться национальные части. Данный процесс, ранее продвигавшийся терявшим авторитет Временным правительством, происходил на всех фронтах, но лишь здесь он получил поддержку и сочувствие союзного государства, заинтересованного в использовании его в собственных интересах. На ходатайство Молдавского исполнительного комитета о формировании 1-го Молдавского пехотного запасного полка в Кишиневе Ставка сочла «более целесообразным молдаванизировать один существующий запасной полк Румынского фронта с тем, чтобы пропускаемые впоследствии через его ряды молдаванские пополнения поступали на укомплектование частей Румынского фронта». Таким полком стал 40-й пехотный запасной полк, через который следовало «пропускать офицеров-молдаван, вновь производимых из училища и школ Одесского округа» (РГВИА 1: 199–200).

В целом под руководством Щербачева, согласно телеграмме Ставки от 19 ноября 1917 г., формировались пять национальных корпусов – 2-й Польский (С.Л. Станкевич), 3-й Польский (Е.М. Михелис), Украинский корпус, подчинявшийся Генеральному секретариату, Мусульманский (М.А. Сулькевич) и Молдавский. В частности, именно на Румынский фронт отправлялись все маршевые мусульманские роты и должны были перебрасываться с Северного и Западного фронтов еще по 7 тыс. мусульман. Другое дело, что эти дивизии не имели полного штата, а фактически представляли собой усиленные полки.

К началу 1918 г. на Румынском фронте находилось 54 пехотных и 7 кавалерийских дивизий, в том числе 10 пехотных и 1 кавалерийская украинские, 2 пехотные молдавские, 7 пехотных дивизий и Крымский полк – мусульманские (ГАРФ 4: 17 об.). В связи с изменением политической обстановки (выход России из войны) телеграммой от 20 января Ставка остановила процесс создания национальных соединений: «Ввиду общего политического положения страны формирование национальных войск временно приостановлено. Предлагается вступать в образующуюся интернациональную социалистическую гвардию» (РГВИА 2: 35).

В первую очередь, не желавший советизации фронта и примыкающего региона штаб помглавкорума стремился удержать революционные процессы в крае под своим контролем. Этот контроль рассматривался как борьба с распространявшимся влиянием большевиков. Например, 23 ноября генерал-квартирмейстер 8-й армии А.Х. Базаревский телеграфировал в штаб фронта, что по итогам перевыборов войсковых комитетов их «состав большевистский» (Большевики 1967: 196). На выборах в Учредительное собрание Румынский фронт дал 60 % голосов эсерам, но переизбрание войсковых комитетов везде принесло победу большевикам (Френкин 1965: 224–225). Таким

образом, большевизация войск стала свершившимся фактом, почему образование Украинского фронта, подчиненного Центральной Раде, виделось как компромисс вплоть до созыва Учредительного собрания, которое должно было, по идее, перехватить власть у Совнаркома.

Исходя из поставленной цели, штаб Румынского фронта должен был, так сказать, «продержаться» до созыва нового парламента, что предполагало удержание войск от революционного восстания, а значит, ликвидацию большевистских организаций в армиях. В конце ноября в Яссах, опираясь на румын, Щербачев арестовал фронтовой ВРК, а затем разоружил русские революционные части в Ясском районе на станции Соколы. Именно в Соколах вновь избранный 2 декабря ВРК во главе с назначенным Лениным комиссаром С.Г. Рошалем объявил о переходе власти в свои руки, после чего «власть Щербачева и его штаба на Румынском фронте фактически равнялась нулю» (Березняков 1957: 77). После же ареста членов ВРК и тайного убийства Рошала штабу фронта удалось разгромить централизованную структуру советской власти на Румынском фронте, что перевело борьбу на армейский уровень.

9 декабря, выполняя приказ Ставки и понимая безвыходность положения, имея как факт состоявшееся Фокшанское перемирие между румынами и противником, Д.Г. Щербачев заключил с немцами перемирие. Штаб Румынского фронта рассчитывал, что после разгрома фронтового ВРК удастся облегчить общую обстановку. На проекте договора о перемирии между русскими и румынскими армиями Румынского фронта и «австро-германо-болгаро-турецкими армиями, действующим против означенного фронта», на полях стоит пометка: «румынские армии Румынского фронта под командованием генерала Презана также присоединяются к этому перемирию на время, пока будет длиться перемирие на фронте русских армий Румынского фронта».

Перемирие показало, что румыны не в состоянии в одиночку бороться с войсками Центральных держав в случае выхода России из войны. Противник в то время имел на Румынском фронте 42 пехотные дивизии (13 германских, 25 австро-венгерских, по 2 турецких и болгарских) и 13 кавалерийских дивизий (2 германские, 10 австро-венгерских и 1 болгарскую) (ГАРФ 6: 1–1 об.). В свою очередь, русские армии быстро таяли, перейдя к стихийной демобилизации (как справедливо отметил исследователь, «отходу дивизий и корпусов армий фронта предшествовал внутренний распад» (Френкин 1965: 240)) и параллельно включаясь в революционную борьбу в Бессарабии.

Разгон большевиками Учредительного собрания 5 января 1918 г. показал, что мирного разрешения революционного процесса ожидать



нельзя и безальтернативным вариантом дальнейшего развития событий станет гражданская война. Именно поэтому, когда к середине января 1918 г. влияние большевиков на фронте было подавлено, демобилизация пошла упорядоченно и быстрыми темпами – к концу месяца на всем фронте находилось не более 50 тыс. русских солдат.

13 января Щербачев сложил с себя полномочия командующего Украинским фронтом и вернулся к командованию только на Румынском фронте, т. к. УНР начала с немцами сепаратные переговоры о мире. Отчет о демобилизации Румынского фронта (далее – Отчет) дает следующую характеристику временному подчинению Щербачева Петлюре и Винниченко: «руководивший фронтом с 4 декабря по 13 января Украинский военный секретариат явился лишь эпизодом» (ГАРФ 4: 1 об.). Следовательно, после четко взятого Совнаркомом курса на выход России из войны и провозглашения 9 января Центральной Радой суверенитета УНР единственной реальной силой в регионе становились иностранцы – румыны и немцы, а разменной монетой в их соглашениях была Бессарабия, волей событий первой из российских губерний испытывавшая на себе иностранную интервенцию.

Только теперь, когда расстановка сил стала ясной, штаб Румынского фронта стал активно поддерживать формирование Добровольческого корпуса в Яссах под руководством командира 14-й пехотной дивизии М.Г. Дроздовского. Уже и ранее добровольцы разоружали в свою пользу уходившие с фронта части и соединения, а люди, желавшие присоединиться к корпусу, отправлялись в Яссы свободно (ГАРФ 1: 18). 24 января Щербачев отдал приказ № 1413 по русским армиям Румынского фронта о формировании Отдельного корпуса русских добровольцев. Формирование добровольческих частей «производилось не на счет сумм штаба, а на счет особого фонда, полученного помглавкорумом для этой цели от наших союзников» (ГАРФ 4: 42).

Стремясь создать союзную Антанте силу, американская и французская миссии в Яссах стали всемерно способствовать формированию Добровольческого корпуса, хотя ранее относились к этому пассивно, рассчитывая на смену власти во всей России. Именно союзники оказывали давление на румын, которые, «стремясь заключить мир, видели в русских добровольцах исключительно неблагоприятный фактор при ведении переговоров, всячески стараясь выполнить требование немцев о расформировании добровольческих частей» (Дроздовский 2006: 49). Для упорядочения формирования Щербачев назначил инспектором добровольческих формирований командарма-9 А.К. Кельчевского (начальником штаба стал А.Н. Алексеев). План – создание Днестровской добровольческой армии.



Тем не менее в условиях румынской интервенции в Бессарабию и требования немцев о роспуске корпуса из всего дела создания на Румынском фронте значительного белогвардейского отряда мало что получилось. Как только румыны начали переговоры с немцами, они принялись препятствовать формированию отряда Дроздовского, а Кельчевский стал разваливать уже сформированные части (Кравченко 1973: 28). Поэтому 24 февраля был отдан приказ о роспуске добровольческих частей, и на Дон на соединение с Добровольческой армией Л.Г. Корнилова ушла лишь 1-я бригада в составе около тысячи штыков (в основном офицеры).

Сложность и противоречивость образования на Румынском фронте очага контрреволюции вытекала из факта, определяющего влияние на события со стороны интервентов. Потому Д.Г. Щербачев, озабоченный прежде всего сохранением фронтового имущества, и вел себя достаточно пассивно относительно поддержки начинания Дроздовского. С другой стороны, сын Щербачева вспоминал, что «добровольцы вели себя ниже всякой критики», задираясь с румынами, уже начавшими захват Бессарабии (ГАРФ 5: 36). Представляется, что штаб Румынского фронта если и мог сделать больше для добровольческого движения в этом регионе, то ненамного. Главную роль в регулировании революционного процесса уже играли интервенты – сначала румыны, а затем и немцы.

После того как Центральная Рада начала переговоры с Германией, союзники выдвинули проект независимой Бессарабии во главе с Щербачевым, но тот не согласился, после чего ввод румынских войск в Бессарабию был неизбежен. Причинами тому стали как объективные обстоятельства – необходимость снабжения фронта и захват ресурсов региона для этой цели, так и субъективные – расчеты румынского правительства на послевоенное отторжение Бессарабии в свою пользу. Сам Щербачев решился на ввод румынских войск в Бессарабию, только чтобы обеспечить снабжение войск, причем румынский премьер-министр И. Брэтиану и главнокомандующий румынской армией К. Презан уверили его, что не имеют территориальных притязаний. Но, как отметил сын Щербачева, почти сразу «вообще румыны вели себя как какие-то завоеватели» (ГАРФ 5: 26 об.).

7 января румынское командование отдало приказ перейти пограничную реку Прут и начать вторжение в Бессарабию специально выделенными для этой миссии войсками во главе с Е. Броштану. Румынское воззвание утверждало, что румыны пришли в Бессарабию для охраны продовольствия, закупленного ими в России, и для обеспечения перевозки продовольствия и фуража. Т.е. главной целью вступления румынских оккупационных войск в Бессарабию декла-

рировалось снабжение фронта, а также выполнение демобилизации русских войск (ГАРФ 3: 17).

В румынской историографии отмечается, что румынская армия вступила в Бессарабию «по многочисленным просьбам официальных органов власти Кишинева», выполняя такие задачи, как «поддержание порядка и защита границы между Бессарабией и Румынией» (Якоб 2005: 502). Действительно, Сфатул Цэрий в конце 1917 г. большинством голосов принял решение о вводе румынских войск в Бессарабию и взял курс на присоединение русской губернии к Румынии. Однако выступившие против таких действий депутаты подверглись репрессиям, а пятеро из них впоследствии были расстреляны румынским военным командованием. Следовательно, уцелеть в данной ситуации могли лишь сепаратистски настроенные политики, а потому в отношении «добровольного» характера таких «просьб» есть большие сомнения.

Располагавшиеся в Бессарабии разрозненные части русской 8-й армии (прочие армии – 4-я, 9-я и 6-я – стояли на румынской территории), выполнявшие приказы Центрального исполнительного комитета Советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесского военного округа (Румчерод), находившегося в Одессе, пытались оказывать сопротивление. Румчерод провозгласил себя высшей властью в юго-западной области (в Бессарабии и Херсонской губернии) и на Румынском фронте, взяв на себя руководство всеми революционными армейскими частями Румынского фронта. Уже 10 января Румчерод справедливо заявил союзным миссиям, находившимся в Одессе, что «румынское правительство, не объявляя войны Российской Федеративной Республике и без разрыва дипломатических сношений, фактически находится сейчас в положении войны с республикой» (Борьба 1967: 58).

В боях 7-8 января трансильванские части румын (бывшие австрийские военнопленные румынской национальности, переданные румынам в 1917 г.) были отброшены от Кишинева, но 12 января румынские войска все же взяли город, разоружив русских и расстреляв 17 бойцов 1-го Молдавского полка. Воззвание Презана от 12 января к населению Молдавской Республики гласило: «Немедленно по установлении порядка и спокойствия и как только будут гарантии, что воровство, грабежи и убийства не возобновятся, воины-румыны возвратятся к себе домой» (ГАРФ 3: 18 об.). Напротив, выехавший из столицы края штаб Кишиневского района 11 января заявил, что «румыны вошли в пределы Бессарабии с целью захвата продовольственных и интендантских складов... Занятие Кишинева им даст возможность все вывезти в Румынию» (Борьба 1967: 62). Как показали дальнейшие

события, большевики более верно расценивали сложившуюся обстановку, а именно – расчет румын на аннексию Бессарабии.

Вследствие румынского вторжения (осуществленного, напомним, по соглашению с помглавкорумом) возникла проблема, до конца не решенная и поныне, – ситуация с румынским золотым запасом, в конце 1916 г. эвакуированным в Россию и теперь оказавшимся в руках большевиков (Покивайлова 2017). В итоге 13 января Совнарком объявил Щербачева вне закона и выпустил постановление о разрыве дипломатических отношений с Румынией, где, в частности, указывалось, что «хранящийся в Москве золотой фонд Румынии объявляется неприкосновенным для румынской олигархии. Советская власть берет на себя ответственность за сохранность этого фонда и передаст его в руки румынского народа» (Борьба 1967: 65). Данное обстоятельство, как говорит отчет, стало основанием для захвата русского военного имущества румынами, «опиравшимися в своих притязаниях на чрезвычайно неопределенные указания на финансовые обязательства России перед Румынией, пополнение коих было окончательно скомпрометировано водворившимся в Петрограде большевистским правительством» (ГАРФ 4: 11).

Румынские войска занимали Бессарабию, прежде всего города Измаил, Килию, Бельцы, с боями. В Бендерах тираспольский партизанский отряд Г.И. Котовского двое суток удерживал город. Оборонявшие Бессарабскую губернию советские войска подчинялись провозглашенной 18 января 1918 г. на территории Херсонской и Бессарабской губерний Одесской Советской Республике с центром в Одессе, где весной 1917 г. насчитывалось более 800 тыс. чел. населения (ГАРФ 7: 66). Спустя три дня Румчерод телеграфировал в Совнарком, что «Румыния фактически находится с нами на положении войны, заняла Бендеры, Кишинев и принимает крайне репрессивные меры к мирному населению Бессарабии и к солдатам наших армий» (За власть 1970: 48). 23 января Румчерод объявил войну Румынии.

Как верно заметил М.С. Френкин, «в январе 1918 г. окончательный развал Румынского фронта и распад его 4-й, 6-й и 9-й армий стали совершившимся фактом. Теперь только 8-я армия представляла собой организованную силу». Спешившие по домам части оставили в Румынии почти все вооружение, т. к. румынские войска на станциях старались разоружать отступавших (Френкин 1965: 244, 336). 21 января ревком 8-й армии сообщал в Киев, что 8-я армия «является единственной силой, могущей бороться с контрреволюционным движением», но связи с другими армиями почти не было (За власть 1970: 49–50), что и предопределило конечную неудачу обороны Бессарабии.

Само собой разумеется, что в штабе Румынского фронта, настроенного антибольшевистски, эти события представлялись с противоположной стороны. Отчет констатирует, что «стихийная беспорядочная демобилизация» в «предоставленной самой себе 8-й армии» вылилась в «разгром ряда местностей в Румынии и Бессарабии, многочисленные случаи расхищения и дележа и даже продажи противнику или местному населению казенного имущества, запасов и даже оружия». Поэтому ввод румынских войск был необходим, дабы «ввести естественное умирание армий в русло планомерной, продуманной, хотя и несколько импровизированной демобилизации» (ГАРФ 4: 6).

В современной историографии порой считается, что «решающим фактором, повлиявшим на дальнейшее развитие событий, было исчезновение какого бы то ни было легитимного центра власти в России в глазах бессарабских элит после прихода к власти большевиков». «Местные элиты стремились восстановить порядок и стабилизировать военную ситуацию в условиях полной дезинтеграции фронта. Постепенно вариант объединения с Румынией стал восприниматься как "меньшее зло" в тогдашних обстоятельствах» (Кушко 2012: 366). Действительно, «местные элиты», т. е. помещики, рассчитывали на возвращение захваченных крестьянами земель с помощью румын. В декларации Сфатул Цэрий от 2 декабря объявлялся «переход всех земель, без выкупа, в руки трудового народа на началах уравнительного пользования». Закрепление результатов революционного процесса 1917 г. имело следствием то обстоятельство, что к «моменту захвата Бессарабии королевской Румынией помещичье землевладение в крае было практически ликвидировано» (Лунгу 1979: 23). Т. е. «меньшее зло» предполагало лишение бессарабского крестьянства завоеваний Русской революции, что в будущем вылилось в ряд восстаний, самым крупным из которых стало Хотинское восстание 1919 г.

Румынская политика предполагала также выдавливание из Бессарабии русского населения. Даже в целом благожелательно настроенные к румынам современники отмечают указанные векторы румынской деятельности. Так, А.А. Курбатов сообщает, что из Кишинева в Россию уходили поезда, «переполненные беженцами из Бессарабии, захватываемой Румынией» (ГАРФ 1: 18). Сын Д.Г. Щербачева отметил, что «первое время помещики и интеллигенция были в восторге от румын, но постепенно, приглядевшись, они пришли в ужас. Дело обстояло в общем почти так же, как и раньше, только что раньше были разбойники и грабители, а теперь законная реквизиция и неисчислимое количество взяток» (ГАРФ 5: 27об.). Абсолютно верен вывод о том, что провозглашенная 24 января независимость Молдавской Народной Республики являлась фикцией – «маленькая территория,

оккупированная четырьмя иностранными дивизиями, не могла быть независимой. Только аннексированной» (Стати 2014: 299).

В условиях парадоксальной политической нестабильности, когда на территории Бессарабии начались гражданская война между красными и белыми, сопротивление крестьян румынской «добровольной» оккупации, продвижение в глубь России австро-германских войск и переговоры румын с Центральными державами, штаб Румынского фронта должен был озаботиться ликвидацией имущества фронта и завершением демобилизации русских войск. Следует сказать, что ликвидационная комиссия Румынского фронта под председательством начальника штаба 4-й армии Н.А. Монкевица сумела выполнить свою роль, не допустив простого разграбления имущества, как то произошло на Северном и Западном фронтах, или его захвата местными политическими группировками, как на Юго-Западном фронте.

Главной целью своей деятельности ликвидационная комиссия и штаб Румынского фронта ставили сохранение русского военного имущества для будущей России в условиях румынского давления и назревавшей и вскоре начавшейся германской интервенции. Отчет А.Н. Алексеева Щербачеву от 10 марта недвусмысленно говорит о попытках румын полностью заполучить в свои руки русское имущество: «Стремление зарегистрировать взятое в свое ведение румынами наше имущество зачастую встречает противодействие, и таким образом казне наносится ущерб» (РГВИА 3: 467).

Тем не менее охранять имущество было некому – по ходу демобилизации люди уезжали по домам, в Россию. К 7 марта 1918 г. в 9-й армии частей войск более не осталось – лишь несколько сот солдат при ликвидационных комиссиях; в 4-й армии – 12,2 тыс. солдат; в 6-й армии – Мусульманская дивизия и 1,5 тыс. солдат сибирских дивизий (РГВИА 3: 487). Соединения 8-й армии, как говорилось выше, развалились, и демобилизация там прошла хаотично.

Противодействие румынской стороны и начавшаяся в России гражданская война вынудили оставить русское военное имущество Румынского фронта на территории Румынии и Бессарабии под доверенность союзников. Однако отъезд союзных миссий после заключения Брестского мира и мирного договора между Центральными державами и Румынией фактически передали это имущество в руки румын.

Сам Щербачев подвел итоги последнего года войны на Румынском фронте в приказе от 28 марта 1918 г. о снятии с себя командования и передаче полномочий главному начальнику комиссии по демобилизации и ликвидации Румынского фронта А.А. Пержхайло. Помглавкорум отметил, что «тотчас по прибытии, в апреле месяце

прошлого года, при подготовке к наступательной операции, я увидел выдающуюся деятельность большей части как русского, так и румынского командного состава и штабов; полное содействие со стороны всех остальных наших доблестных союзников, еще продолжающих войну с Центральными державами и доблесть войск – все это дало блестящие результаты» (ГАРФ 2: 5).

Несомненно, русско-румынские взаимоотношения, взаимодействие и поддержка в период Первой мировой войны носили сложный и противоречивый характер. С одной стороны, нуждаясь во взаимной помощи, Россия и Румыния, несомненно, стремились к сотрудничеству, которое могло бы в должной мере удовлетворять обе стороны. С другой – взаимное недоверие накладывало на это сотрудничество печальный отпечаток элементов противодействия, имевших в своей основе стремление к максимальному использованию менявшейся ситуации в их корыстных интересах. Так, в ходе Русской революции 1917 г., в процессе развития революционного процесса от либеральной «демократии» к большевизму, румыны прибрали к своим рукам русского военного снаряжения на сумму около 4 млрд франков (включая и поставки еще при царском режиме) (За балканскими 2002: 352). Правда, были и минусы. Румыны потеряли свой золотой запас, находившийся в Петрограде и доставшийся большевикам, но зато «взамен» в 1918 г. оккупировали русскую Молдавию.

Заложником военной и революционной ситуации стала Бессарабская губерния. Представляется, что в ситуации весны 1918 г. перед Бессарабией стояла альтернатива – либо разжигание гражданской войны с участием в ней интервентов с самого начала, либо оккупация Румынией с учетом интереса Центральных держав, коим был выход Румынии из войны. В любом случае определяющую роль в судьбе революционной Бессарабии сыграли соглашения между разными интервенционными игроками, для которых Бессарабия выступила разменной монетой в закулисных играх без учета русских интересов.

Иными словами, условный выбор между красными и белыми проходил при силовом контроле со стороны интервентов, но это способствовало относительному смягчению проявлений гражданской войны. Румыны использовали Бессарабию не только для снабжения своей армии, но и для расчетов с немцами, заодно не постеснявшись присоединить к себе эту область по итогам Первой мировой войны, воспользовавшись гражданской войной в России. Неудивительно, что сын Щербачева сообщает: «За мое пребывание в Румынии симпатии румын лично к русским и обратно все падали и падали и наконец дошли до злобы друг на друга страшной» (ГАРФ 5: 9 об.).

Объясняя и в определенной степени стремясь оправдать захват и оккупацию части территории соседнего государства, союзника по оружию в антигерманской коалиции, румынская историография полагает, что после подписания Брестского мира «Румыния оказалась в полной изоляции, без какого-либо шанса выстоять перед наступлением противника со всех сторон» (Якоб 2005: 498). Этот тезис совершенно верен. Ресурсы Бессарабии действительно были необходимы Румынии, желавшей «дотерпеть» до конца войны даже после подписания сепаратного мира с Германией. Тем не менее он не показывает необходимость продолжения оккупации Бессарабии после окончания войны, а, напротив, выставляет на первый план захватнические планы румынского руководства, сумевшего добиться наиболее впечатляющих успехов в послевоенном мире – почти двойного увеличения территории и населения Румынии, пусть даже РСФСР никогда не признавала румынской оккупации российской Бессарабии.

После Октябрьского переворота 1917 г. и прихода к власти большевиков как очередного этапа Русской революции у самой отдаленной юго-западной окраины страны – Бессарабии – оказалось несколько вариантов дальнейшей судьбы, причем были сделаны попытки воплотить многие из этих вариантов в жизнь. Они проводились различными политическими силами с разной степенью интенсивности и шансами на успех, однако определяющими факторами зимы 1917–1918 гг. стали наличие Румынского фронта и процессы его распада и демобилизации как следствия выхода России из Первой мировой войны.

## ЛИТЕРАТУРА

Березняков 1957 – *Березняков Н.В.* Борьба трудящихся Бессарабии против интервентов в 1917–1920 гг. Кишинев, 1957.

Большевики 1967 – Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 – январь 1918 г.). Кишинев, 1967.

Борьба 1967 – Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917–1920 гг.). Кишинев, 1967.

ГАРФ 1 – Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5881. Оп. 2. Д. 442.

ГАРФ 2. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 4.

ГАРФ 3. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 9.

ГАРФ 4. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 238.

ГАРФ 5. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 577.

ГАРФ 6. Ф. 6051. Оп. 1. Д. 21.



- ГАРФ 7. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 462.
- Дроздовский 2006 – Дроздовский и дроздовцы. М., 2006.
- За балканскими 2002 – За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002.
- За власть 1970 – За власть Советскую. Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917–1920 гг.). Кишинев, 1970.
- Кравченко 1973 – *Кравченко Вл.* Дроздовцы от Ясс до Галлиполи. Мюнхен, 1973. Т. 1.
- Кушко 2012 – *Кушко А., Таки В.* Бессарабия в составе Российской империи (1812–1917). М., 2012.
- Лунгу 1979 – *Лунгу В.* Политика террора и грабежа в Бессарабии 1918–1920. Кишинев, 1979.
- Покивайлова 2017 – *Покивайлова Т.А.* Бессарабия в центре конфликта между Россией и Румынией и судьба румынского золота, перемещенного в Россию в годы Первой мировой войны // *Славяне и Россия: проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв.* М., 2017.
- РГВИА 1 – Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 3. Д. 2819.
- РГВИА 2 – РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 2820.
- РГВИА 3 – РГВИА. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 15.
- Стати 2014 – *Стати В.* История Молдовы. Кишинев, 2014.
- Френкин 1965 – *Френкин М.С.* Революционное движение на Румынском фронте в 1917–1918 гг. М., 1965.
- Якоб 2005 – *Якоб Г.* Румыны в период становления национальных государств (1859–1918) // *История Румынии.* М., 2005.

## REFERENCES

- Bereznyakov, N.V. (1957) *Bor'ba trudyashchikhsya Bessarabii protiv interventov v 1917–1920 gg.* [The workers' struggle against the invaders in 1917–1920]. Chişinău: Gosudarstvennoye izdatel'stvo Moldavii.
- Aftenyuk, S.A. (ed.) (1967) *Bol'sheviki Moldavii i Rumynskogo fronta v bor'be za vlast' Sovetov (mart 1917 – yanvar' 1918 g.)* [The Bolsheviks of Moldova and the Romanian front in the struggle for the Soviet power (March 1917 – January 1918)]. Chişinău: Cartea Moldovenească.
- Bereznyakov, N.V. (ed.) (1967) *Bor'ba trudyashchikhsya Moldavii protiv interventov i vnutrenney kontrrevolyutsii (1917–1920 gg.)* [The workers' struggle against the invaders and internal counter-revolution (1917–1920)]. Chişinău: Cartea Moldovenească.
- The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 5881. List 2. File 442.



- The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 5936. List 1. File 4.
- The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 5936. List 1. File 9.
- The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 5936. List 1. File 238.
- The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 5936. List 1. File 577.
- The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 6051. List 1. File 21.
- The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 6831. List 1. File 462.
- Gagkuyev, R.G. & Tsvetkov, V. Zh. (2006) *Drozdovskiy i drozdovtsy* [Drozdovskiy i drozdovtsy]. Moscow: Posev.
- Vinogradov, V.N. (ed.) (2002) *Za balkanskimi frontami Pervoy mirovoy voyny* [Behind the Balkan fronts of the First World War]. Moscow: Indrik.
- Bereznyakov, N.I. (ed.) (1970) *Za vlast' Sovetskuyu. Bor'ba trudyashchikhsya Moldavii protiv interventov i vnutrenney kontrrevolyutsii (1917–1920 gg.)* [For the Soviet power. The workers' struggle against the invaders and internal counter-revolution (1917–1920)]. Chişinău: Moldova AS.
- Kravchenko, V.I. (1973) *Drozdovtsy ot Yass do Gallipoli* [Drozdovtsy from Iasi to Gallipoli]. Vol. 1. Munich: [s.n.].
- Kushko, A. & Taki, V. (2012) *Bessarabiya v sostave Rossiyskoy imperii (1812–1917)* [Bessarabia in the Russian Empire (1812–1917)]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Lungu, V. (1979) *Politika terrora i grabezha v Bessarabii 1918–1920* [Policy of terror and robbery in Bessarabia in 1918–1920]. Chişinău: Cartea Moldovenească.
- Pokivaylova, T.A. (2017) Bessarabiya v tsentre konflikta mezhdu Rossiyei i Rumyniyei i sud'ba rumynskogo zolota, peremeshchennogo v Rossiiu v gody Pervoy mirovoy voyny [Bessarabia at the centre of the conflict between Russia and Romania and the fate of Romanian gold, moved to Russia during WWI]. In: Danchenko, S.I. (ed.) *Slavyane i Rossiya: Problemy voyny i mira na Balkanakh. XVIII–XXI vv.* [Slavs and Russia: the problems of war and peace in the Balkans in the 18th – 21st centuries]. Moscow: Institute of Slavic Studies, RAS.
- The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2000. List 3. File 2819.
- The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2000. List 3. File 2820.
- The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2086. List 1. File 15.
- Stati, V. (2014) *Istoriya Moldovy* [History of Moldova]. Chişinău: Arva Color.
- Frenkin, M.S. (1965) *Revolyutsionnoye dvizheniye na Rumynskom fronte v*

*1917–1918 gg.* [Revolutionary movement on the Romanian front in 1917–1918]. Moscow: Nauka.

Jakob, G. (2005) Rumyny v period stanovleniya natsional'nykh gosudarstv (1859–1918) [Romanians during the formation of national States (1859–1918)]. In: Bolovan, I. & Pop, I.A. (eds) *Istoriya Rumynii* [History of Romania]. Moscow: Ves' Mir.

**Оськин Максим Викторович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры общих гуманитарных и социально-правовых дисциплин Института законоведения и управления Всероссийской полицейской ассоциации (Россия).

**Maxim V. Oskin** – Institute of Jurisprudence and Management of the All-Russian Police Association (Russia).

**E-mail:** maxozv@yandex.ru

УДК 94(47)084.3(571)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/53/6

## **СОБЫТИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ЮГО-ЗАПАДЕ РОССИИ В ВОЕННЫХ СВОДКАХ И ПУБЛИЦИСТИКЕ НАЧАЛЬНИКА НИКОЛАЕВСКОЙ АКАДЕМИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА ПРОФЕССОРА А.И. АНДОГСКОГО\***

**С.Ф. Фоминых<sup>1</sup>, А.О. Степнов<sup>2</sup>**

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

<sup>1</sup> E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

<sup>2</sup> E-mail: ASAOM@yandex.ru

### **Авторское резюме**

В статье рассматриваются события гражданской войны на юго-западе России, нашедшие отражение в военных сводках и публицистике начальника Николаевской академии Генерального штаба генерал-майора профессора А.И. Андогского. Академия была эвакуирована в Томск летом 1918 г. Кратко освещаются обстоятельства перехода этого учреждения, с октября 1917 г. размещавшегося в Петрограде и подчинявшегося власти большевиков, на сторону белого правительства в Сибири, а также основные подходы к этому вопросу, представленные в историографии. В Томске А.И. Андогский выступил в качестве военного обозревателя и публициста. Анализируются его публикации в газетах «Русская армия» и «Сибирская жизнь» с точки зрения реконструкции субъективности автора. Воссоздаются личностные оценки событий и лиц гражданской войны, представленные в публикациях. Подчеркивается, что они носят ярко выраженный эмоциональный, отчасти тенденциозный характер. Между тем именно эти черты в оценках и подходах приоткрывают пространство субъективности генерала, а шире – представителей всего Белого движения. Анализируется словарь метафор, среди которых важное место занимают т. н. инфекционные метафоры, а также метафоры «обесчеловечивания» врага. Отмечается, что в редких случаях Андогский прибегал к гротескно-саркастическим приемам, направленным

\* Статья выполнена при поддержке Программы повышения международной конкурентоспособности Национального исследовательского Томского государственного университета.

на высмеивание противника, прежде всего политических лидеров (Ленина, Троцкого, Зиновьева). «Бескомпромиссность» этой публицистики отражает тенденции в формировании устойчивых «белых» позиций по отношению к Германии, большевикам, Скоропадскому, Петлюре, союзникам и т. д. Подчеркивается, что жизнь и установки таких людей, как генерал Андогский, являются каноном образа белого офицера в культуре, в том числе литературе и кинематографе.

**Ключевые слова:** гражданская война, А.И. Андогский, публицистика, военные сводки, реконструкция субъективности, образ белого офицера, юго-запад России.

## EVENTS OF THE CIVIL WAR IN THE SOUTH-WEST OF RUSSIA IN MILITARY REPORTS AND JOURNALISM OF THE HEAD OF THE GENERAL STAFF ACADEMY (IMPERIAL RUSSIA), PROFESSOR A.I. ANDOGSKY\*

**S.F. Fominykh<sup>1</sup>, A.O. Stepnov<sup>2</sup>**

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

<sup>1</sup>E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

<sup>2</sup> E-mail: ASAOM@yandex.ru

### **Abstract**

The paper focuses on the events of the Civil War in the South-West of Russia described in the military reports and journalism of the Chief of the General Staff Academy (Imperial Russia), Brigadier General, Professor A.I. Andogsky. The Academy was subordinated to the Bolsheviks and located in Petrograd since October 1917. In the summer of 1918 it was evacuated to Tomsk. The paper describes the circumstances of the Academy transition to the side of the Siberian White government as well as the main approaches to this issue presented in the historiography. In Tomsk, A.I. Andogsky acted as a military observer and journalist. The authors analyse his publications in the newspapers "Russkaya armiya" and "Sibirskaya zhizn" in terms of the subjectivity reconstruction with the focus on personal assessments of the events and personalities of the Civil War. It is emphasised that these assessments are emotional, partly tendentious. However,

\* The research was supported by the International Competitiveness Enhancement Program of the National Research Tomsk State University.

it is these peculiarities that open the space of subjectivity of the General as well as other representatives of the White movement. The authors analyse the dictionary of metaphors, among which the so-called “infectious” metaphors, as well as metaphors of “dehumanization” of the enemy hold an important place. It is noted that in rare cases Andogsky resorted to grotesque and sarcastic techniques aimed at ridiculing the enemy, especially political leaders (Lenin, Trotsky, Zinoviev). The “uncompromising” nature of his journalism reflects trends in the formation of stable “White” positions in relation to Germany, the Bolsheviks, Skoropadsky, Petliura, allies, etc. It is emphasised that the life and attitudes of such people as General Andogsky represent the canonical image of a White officer in culture, literature and cinematography.

**Keywords:** Civil War, A.I. Andogsky, journalism, military reports, reconstruction of subjectivity, image of the “White” officer, South-West Russia.

Гражданская война в России, равно как и внутренние междоусобицы в других странах и культурах, представляет собой мировоззренческий феномен. Он выступает лакмусовой бумажкой, проявляющей степень гомогенности национальной идентичности, отвечающей на вопрос о том, можно ли считать цивилизационной единицей то, что ранее называлось одной страной. Исследование интенций участников гражданской войны открывает путь к достижению фундаментальной цели – выяснению истоков произошедшего.

В настоящей работе хотелось бы обратиться к одному из действующих лиц тех событий – участнику Русско-японской и Первой мировой войн, последнему начальнику Николаевской академии Генерального штаба (1917–1922 гг.) генерал-майору А.И. Андогскому.

Считается, что после октябрьских событий 1917 г. в Петрограде генерал сотрудничал с большевиками. Эта точка зрения имела широкое хождение и в бытность Андогского. Сам же он позднее вспоминал, что «стремление большевиков разрушить старую боевую армию побудило конференцию академии сразу же принять меры к тому, чтобы спасти от разгрома как самую академию, так и три сотни старых кадровых офицеров и сохранить их до лучших дней для борьбы за возрождение России» (Андогский 1919а).

Обстоятельства эвакуации академии из большевистского Петрограда в Екатеринбург в марте 1918 г., а затем, в двадцатых числах июля того же года, в Казань по-прежнему остаются темным местом в историографии гражданской войны.

В мемуарной и современной исследовательской литературе отражена установка на то, что эвакуация Николаевской академии носила антибольшевистский подтекст, что вполне укладывается в классический подход к истории Белого движения. Ее придерживалась

целая группа историков (В.М. Воинов, И.Ф. Плотников, А.Г. Кавтарадзе, И. Модсли и др.).

Вместе с тем историк В.В. Каминский называет это «крайне политизированной версией "измены" академиков большевикам». Последний утверждает, что «измена» носила «случайный» характер. Исследователь указывает на то, что академия пользовалась заботливой опекой большевистского наркомвоенно Троцкого, а эвакуация академии из голодного Петрограда (решение о ней принимал именно Троцкий) диктовалась желанием «обустройства чисто "бытовых проблем" ее персонала», «чтобы АГШ (Академия Генерального штаба. – С.Ф., А.С.) в спокойном месте продолжала бесперебойно готовить профессионально грамотный комсостав для РККС» (Каминский 2012: 120). А.И. Андогский, впрочем, отмечал, что предлогом для эвакуации стала «опасность занятия Петрограда германцами и недопустимость академии попасть в руки врага» (Андогский 1919а).

Каминский делает акцент на том, что как в Петрограде, так и в Екатеринбурге «преподаватели АГШ свою работу по подготовке будущего комсостава РККА выполняли вполне добросовестно, и столь же добросовестно студенты АГШ посещали занятия» (Каминский 2012: 117). Лояльности академиков по отношению к большевикам в немалой степени способствовали и «социально-бытовые настроения преподавателей и студентов АГШ» (Каминский 2012: 125).

Полемично заостряя столь непарадные и негероические обстоятельства «расставания» академии с большевиками, Каминский пишет: «Специфика ситуации в том и заключалась, что на самом деле не преподаватели и студенты АГШ в начале августа 1918 г. "проникли на территорию, занятую чехословаками...", а наоборот – чехи стремительно захватили территорию, где оказалась в данное время академия!» (Каминский 2012: 116).

Отметим, что иной точки зрения на этот вопрос придерживается историк А.В. Ганин, который в своей статье указывает на негативные стороны пребывания академии в Петрограде. «Как профессорско-преподавательский состав академии, – подчеркивает он, – так и слушатели старшего класса 3-й очереди в целом в этот период были настроены антибольшевистски» (Ганин 2014а: 78).

Так или иначе, попав в сферу влияния чехословацкого корпуса, академия подчинилась новым обстоятельствам. Вскоре она переместилась в Томск (Андогский 1919а), где ее работа достаточно скоро возобновилась. Уже в ноябре 1918 г. Колчак отдал приказ об открытии в ней младшего класса ускоренных курсов 4-й очереди (Ганин 2015: 14). Члены профессорско-преподавательского состава академии назначались на различные посты в Военном министерстве и армии

(Андогский 1919а). Для поддержания процесса подготовки офицеров, как отмечал М.А. Иностранцев, «работа потребовалась весьма интенсивная» (цит. по: Ганин 2015: 16).

В Томске Николаевская академия влилась в богатый культурно-исторический фон старейшего академического сообщества Северной Азии, что задавало особый контекст его развития. Академия разместилась в местном здании Дома науки. Ректор Томского университета профессор А.П. Поспелов в начале 1919 г. послал на имя Андогского, приславшего поздравление «всему составу университета» с традиционным Татьянинным днем, «пожелания академии плодотворной работы в новом временном месте» (ГАТО). Это послужило дополнительным маркером «легитимизации» академии в связи с ее «большевистским прошлым».

Продемонстрировав свою лояльность белой власти, А.И. Андогский тем не менее оставался в числе «подозрительных» лиц. Из-за пребывания академии «на советской территории и работы по подготовке генштабистов для РККА» (Ганин 2015: 14) одно время ее предлагалось закрыть. В немалой степени личные качества генерала «позволили сохранить академию в условиях Смуты» (Экштут 2015).

Деятельность А.И. Андогского в годы гражданской войны выстраивалась, как отмечал А.В. Ганин, «ради великой идеи – спасения академии» (Ганин 2014b: 266). Понесенные при этом «репутационные потери» не позволили Андогскому занять предлагавшийся ему пост начальника штаба Верховного главнокомандующего при адмирале Колчаке (Экштут 2015). Тень прошлого преследовала генерала, быть может, до конца его дней.

В Томске А.И. Андогский проявил себя в новой ипостаси – как военный обозреватель и политический публицист. Здесь он начал публиковать на страницах газет «Сибирская жизнь» и «Русская армия» военные обзоры гражданской войны, а также тематические статьи.

Всего с ноября 1918 г. по январь 1919 г. на страницах «Русской армии» было размещено 18 публикаций Андогского, а затем, с января по ноябрь 1919 г., – 50 публикаций в «Сибирской жизни». Отметим, что в 1919 г. он продолжал печататься в «Русской армии» под псевдонимом Волховский. Среди публикаций – аналитические обзоры боевых действий в широком географическом диапазоне: в Оренбургском, Уфимском, Екатеринбургском районах, Перми, на Урале, севере России, Дону, Кубани и Кавказе, в Сибири, Прибалтийском крае, Польше, на Украине. Последняя представляет основной предмет, на котором мы сфокусируем исследование.

Следует отметить, что А.И. Андогский в своих военных сводках, пользуясь источниками Российского телеграфного и ряда иностранных информационных агентств, а также слухами, доходящими из

Европейской России, не только освещал чисто боевые аспекты, но и воссоздавал более широкий фон гражданской войны, вобравший в себя социально-политические и, что немаловажно, идеологические факторы. Данный подход выливался и в публицистические статьи. Такова, например, статья «Колесо фортуны», где автор торжествует по поводу поражения Германии. Или заметка «О большевизме», в которой Андогский уже высказывает свою тревогу по поводу распространения «большевистской заразы». Или одна из статей в серии «Положение дел в “Большевизии”», где дана депрессивная зарисовка социально-экономического, а также ментального состояния на территориях, подконтрольных большевикам, – в России, «стонущей под большевистским игом» (Андогский 1919b).

Вышеозначенные источники обладают потенциалом для достижения ключевой для нас цели – реконструкции субъективности русского офицера А.И. Андогского, а на основании этого – психологических предпосылок формирования «белого» мифа.

Сколь много сомнений ни вызывал бы эпизод из жизни нашего героя, связанный с его загадочными взаимоотношениями с большевиками, на страницах исследуемых сводок и статей А.И. Андогский предстает перед нами в образе русского патриота с дореволюционно нагруженными смыслами этого понятия. Эти публикации в газетах «Белой Сибири», на наш взгляд, достаточно убедительны в своей искренности, прямолинейности и эмоциональности и подчас не оставляют места для сомнений в том, что их автор ненавидит большевизм как явление и в сознании его всегда есть место для тоски по умирающему «многострадальному» Отечеству.

Тому способствует и внутренний, «биографичный» контекст, личностный бэкграунд автора. Рожденный в дворянской семье, А.И. Андогский получил блестящее образование, окончив юридический факультет Санкт-Петербургского университета, а затем и Николаевскую академию. Женат был на дворянке Александре Петровне. Для нее этот брак был вторым. От первого мужа у нее осталось трое детей, которые перешли на попечение Андогского. Кроме того, в браке родились еще две дочери и сын. На военной службе А.И. Андогский проделал путь от рядового лейб-гвардии Московского полка до генеральской должности. Он был из тех людей, чья жизнь и мнения стали каноном образа белого офицера, впоследствии запечатленного в литературе и кинематографе, из тех, кто был обречен стать врагом большевиков, а потому и путь конфронтации с большевизмом был для генерала во многих отношениях предрешенным.

Наиболее явно эти установки проявляются в публикациях Андог-



ского о событиях на юго-западе страны – «одной из богатейших и лучших провинций России» (Андогский 1919с). Учитывая сельскохозяйственный и сырьевой потенциал украинских земель, овладение ими приобретало для воюющих сторон характер стратегических целей. Отсюда и драматические коллизии, отраженные в сводках и статьях Андогского в связи с событиями на этой далекой от Сибири территории.

И началась эта история с капитуляции Германии в ноябре 1918 г. и последовавшего за ней восстания под руководством С. Петлюры против гетмана Скоропадского. Как известно, последний был ставленником Германии, что является важным фактором в рассуждениях А.И. Андогского. Для того чтобы определиться с базовыми конфигурациями мировоззрения генерала, отметим, что для него как автора исследуемых материалов большевизм предстает в образе абсолютного зла (что явно проявляется в риторике, но об этом ниже). Германия же выступает «союзником» красных и обителью этого зла.

Все те известные обвинения в адрес большевиков, связанные с немецким влиянием, предательством Отечества и пресловутыми немецкими деньгами, занимали не последнее место в его публицистике. «Только благодаря громадной денежной помощи Германии, – писал Андогский в своей статье с говорящим названием "Германская рука", – большевики могли крепко стать в России, одурачив путем агитации и подкупов темные и некультурные массы рабоче-крестьянского населения ее. Из Германии же приехали под особым покровительством и главнейшие советские руководители, поддерживавшие с Берлином самые оживленные сношения. Подстрекаемые германским правительством и германским Генеральным штабом и щедро ими подкупаемые советские заправилы, инсценируя давление обстановки и разлагая боевую мощь старой русской армии, подвели несчастную Россию к позорному Брестскому миру, который должен был закрепить расчленение России на ее прежние составные части на принципе самоопределения народов, без аннексий и контрибуций» (Андогский 1919d).

Знакомая нам лексика, тональность и содержание не должны удивлять нас своей банальностью – тогда это было началом. И если Скоропадский являлся марионеткой Германии, а Петлюра выступал против его режима, то отсюда автоматически вытекает и вполне лояльное и благоприятное отношение генерала Андогского к одиозной фигуре последнего – во всяком случае, как к союзнику, которому приходилось «подавлять беспрестанные вспышки большевизма внутри занимаемых им территорий» (Андогский 1919с). В качестве ремарки отметим, что вполне вероятны и заблуждения Андогского в оценках

личностей гражданской войны, что не в последнюю очередь связано с его малой информированностью. Абстрагируясь от данного аспекта, подчеркнем, что и ошибки генерала имеют своеобразную ценность в рамках поставленной цели исследования.

Установившаяся власть Директории в провозглашенной Украинской Народной Республике вызвала симпатии Андогского своим жестким отношением к большевикам и внутренней фронде в целом, а затем и сопротивлением наступавшим частям Красной армии. Он с явно досадными интонациями отмечал: «Внутренняя борьба, видимо, в слишком значительной мере ослабляет и петлюровцев, и гетманцев; ослабляет настолько, что они уже не могут воспрепятствовать продвижению большевиков на юг» (Андогский 1919с).

Весной 1919 г. его заметки пестрели сведениями о продвижении большевистских войск в сторону Украины. «Фронт этот чрезвычайно важен для большевиков, – подчеркивал он, – так как они стремятся к хлебородным местностям и к угольному бассейну, а ведь хлеба и угля у них теперь и недостает больше всего» (Андогский 1919е).

Экономический аспект в военных сводках действительно обрисован как ключевой. И особенно рельефное исполнение он получил в упомянутой ранее мрачной зарисовке положения дел в стане большевиков. Здесь перед нашим взором предстает безотрадная картина «великого разрушения», «в котором находятся все отрасли народной жизни и государственного хозяйства и которое достаточно резко и определенно характеризует ту темную бездну, в которую так беспросветно погружена значительная часть территории нашей многострадальной Родины». Это нехватка продуктов питания, голод и смерть тысяч людей, в том числе и детей, «повсеместная тифозная эпидемия», кабальные налоги («всякие признаки крестьянской домовитости обложены налогом»), факторы, «разлагающие народную жизнь», проявлявшиеся прежде всего в «издевательствах большевиков над религиозными чувствами населения и преследование ими духовенства». «В недалеком будущем большевики намерены закрыть все церкви», – резюмирует автор (Андогский 1919b).

Для Андогского посему не было удивительным, что большевики стремились «овладеть Украиной во что бы то ни стало, чтобы захватить уголь в Донецком бассейне и остатки богатейших и не вполне вывезенных германцами запасов хлеба и сахара». Красные, несмотря на печальное положение дел в своем тылу, наступали, а войска Директории отходили на запад. Из Сибири ему тогда казалось, что столь важная цель врагом была достигнута. Андогского, однако, успокаивал тот факт, что для этого «успеха» «большевикам пришлось оттянуть к южному фронту решительно все резервы, рискуя поражением на

других фронтах, как это и оказалось в действительности» (Андогский 1919f). Еще больше успокоения приносили известия об антибольшевистских восстаниях на Украине (Андогский 1919g).

Однако истинный восторг и триумф у генерала Андогского вызвало летнее наступление Деникина, которое «совершенно сводит к нулю все успехи, недавно достигнутые большевиками на юге России». Еще большие перспективы таились в воссоединении белых войск и частей Директории – «петлюровцев», приближавшихся «к Екатеринославу и к Полтаве со стороны Днепра». «Большевики вопиют о грозной опасности, нависшей над Харьковом, Воронежем и от Царицына над Саратовом», – писал Андогский в июне месяце 1919 г. (Андогский 1919h). В то время он еще не подозревал, какой исход готовит история. Пока же у генерала было время насладиться надвигавшимся на его врагов «неумолимым роком». «Никаких надежд на получение угля отсюда у большевиков нет, – писал Андогский об «освобожденном» Донбассе. – Впереди – окончательный застой всей промышленности и транспорта. В этом отношении наступившее лето обмануло все расчеты большевиков, хвастливо раздувшиеся после их весенних успехов на Украине и на Дону» (Андогский 1919h).

Украинский «параболический» поворот в период гражданской войны давал безупречные поводы и для торжества, и для разочарования. На этой земле, где избыточность – естественный атрибут бытия, за год произошли события, сначала заставившие отчаяться из-за поражения, а затем поверить в скорую победу. Впрочем, для героя нашей статьи Украина была всего лишь микромоделью всего Отечества, сила которого превращала действия большевиков в «энергию отчаянья»; отсюда вытекали и метафоры рока и безысходности. «Простое воспроизведение большевистских сводок за короткий период в 2 недели, – писал он в июне 1919 г., – дает возможность каждому, не смотря на карту, отдать себе отчет, что советское правительство мечется в железном кольце, которое все больше и больше сжимается, грозя удушить попавших в него насильников» (Андогский 1919k).

«Железная клетка» – лишь одна из метафор, приоткрывающая мир установок генерала Андогского. Такими эмоциональными печатями отмечена вся его публицистика, образуя достаточно живописный словарь, что ясно отчасти из уже вышеприведенных цитат. Так, для обозначения большевиков он использовал такие образы, как «насильники и грабители», «полуразбойничьи банды», «изуверы», готовящие «русскому народу темную пучину беспросветного умственного и нравственного мрака, в котором все низменные инстинкты человека-зверя могут получить полное развитие» (Андогский 1919k).

Генерал сравнивает большевизм с «ужасным кошмаром, ужасной

психической болезнью», а русский народ и родную страну по принципу бинарной оппозиции рисует «многострадальной» жертвой, «пораженной тяжелым недугом». Обесчеловечивание как манипулятивная стратегия в публицистике Андогского достигает высочайшего уровня, демонстрируя врага, прибегавшего к «жесточайшей палочной дисциплине» и потакавшего «пламенным, разбойничьим инстинктам». Нашел свое отражение в ней и традиционный для классической «белой» клишированной пропаганды этнонациональный аспект – по отношению к лидерам большевиков, естественно: «Нерусские и неславянские руководители большевизма сковывают жестокою дисциплиною принудительно загнанных в красную армию славян» (Андогский 1919l).

Впрочем, редкое разнообразие в систему этих пугающих образов вносят гротескно-саркастические гаммы. К примеру, комментируя недолгий триумф красных в Венгрии, А.И. Андогский отмечал: «Конечно, об образовании в Венгрии советского правительства тотчас было сообщено в Москву по беспроволочному телеграфу. Ленин объявил себя вождем международного пролетариата. Событие было раздуть по всему миру до последней степени» (Андогский 1919i). Сюда же можно отнести и «исступленные вопли Троцкого и Зиновьева, призывающих петроградский пролетариат на решительную борьбу за советскую власть» (Андогский 1919j). Особое звучание последнему образу придает то, что в Петрограде А.И. Андогский лично контактировал с Троцким по служебной линии. Еще более любопытно то, что, по свидетельству Иностранцева, генерал отзывался о «железном наркоме» как об «очень умном человеке», который «разбирается в весьма специальных военных вопросах, быстро все схватывает и чутьем улавливает военные потребности» (цит. по: Ганин 2014а: 55).

До крайности субъективная, отчасти тенденциозная, нередко эмоциональная публицистика генерала и профессора Андогского в определенной мере испытала на себе влияние славянской ментальности. Размерность «славянского единства» он использовал еще в ноябре 1918 г., образно обрисовав противостояние «униженного славянства» и стоявшего перед ним «пангерманского колосса», сливавшегося с большевизмом в образе предельного воплощения зла. «Он неожиданно получил большой удар в самую чувствительную точку своего громадного змеевидного тела, простиравшегося от Балтийского моря до Персидского залива», – писал Андогский (Андогский 1919n). Прибегнуть к использованию славянских идентичностных кодов заставил его тот самый уготованный историей исход в развязке «украинской истории», которая всем нам, конечно же, известна.

Общность целей Петлюры и Деникина заканчивалась ровно там,

где начиналось изгнание большевиков с Украины. О стремлениях Петлюры к независимой Украине, идущих вразрез с политикой «белых», направленной на сохранение целостности России, догадывался и сам А.И. Андогский при всех своих симпатиях к главе Директории Украинской Народной Республики. Все же «шероховатости» и «темные пятна» в отношениях генерала Деникина и Петлюры стали для него «досадной распрей», что и вошло в заголовок одной из последних статей Андогского в «Сибирской жизни». «Мы не сомневаемся, – писал он, – что доблестные войска генерала Деникина сумеют преодолеть и это новое испытание на пути к победе над большевиками. Но чрезвычайно досадно, что среди недавних соратников, объединенных, казалось, прочно в едином стремлении – бить большевиков, ныне обнаружилось такое крупное расхождение, которое принесло к их взаимному истреблению и ослаблению усилий против общего врага». И далее: «Несчастливая болезнь славян – взаимные распри, постоянно их ослабляющие, сказались и в данном случае» (Андогский 1919m).

Славянский аспект нашел свое законченное выражение в статье «Наше славянское преступление». «Когда же, наконец, славяне поборют свою несчастную страсть к распрям, так ослаблявшим их на протяжении их всей исторической жизни?» – задавался вопросом, во многом риторическим, генерал. В ней А.И. Андогский уже предчувствовал конец «белого» мира. Впрочем, заочно отыскивая истоки крушения, он находил их в том самом пресловутом отсутствии единства, что было для него альфой и омегой возможной и временами столь близкой победы.

Действительно, по ту сторону зла (читай: большевизма и пангерманизма) для него были приемлемы любые силы в этой борьбе – и не только внутри страны. Он приветствовал союзников, польскую, финляндскую, даже греческую армии. В последней, по его словам, «большевизм не прививается». Надо сказать, что и Германия, скинувшая имперскую цепь, в представлениях Андогского была потенциальной жертвой большевизма. «Большевизм – средство весьма сильнодействующее и опасное не только для бедняка славянина», – писал он, развивая свою «инфекционную» метафору (Андогский 1919l).

В октябре 1919 г. Николаевскую академию Генерального штаба было решено эвакуировать во Владивосток. Считается, что Колчака убедил в необходимости этого решения лично А.И. Андогский. Его последняя статья была опубликована в номере «Сибирской жизни» за 2 декабря 1919 г. В конце ее было подписано: «Станция Тайга». В 20-х числах того же месяца в Томске была восстановлена советская власть. Генерала же ждал долгий путь на восток.

Он занимал должность начальника академии до 1922 г. и, само

собой, был в этом качестве последним. В том же году недолгое время был городской головой Владивостока. Затем – в эмиграции, сначала в Японии, где одно время читал лекции наследному принцу Хирохито, затем в Маньчжурии, а с 1923 г. – в Харбине. Здесь он занимался исследованиями военных вопросов, преподавал, был директором 1-го реального училища, заведующим кафедрой финансового и железнодорожного права в Институте ориентальных и коммерческих наук.

Отмечается, что в эмиграции А.И. Андогский, не оставляя планы антикоммунистической борьбы, собирался «создать несколько десятков летучих партизанских отрядов», «хорошо вооруженных и знающих местность, для работы среди населения Приморья, Забайкалья и Заамурья» (Балакшин 1958: 117). Скончался генерал 25 февраля 1931 г. По одной версии – от стенокардии, по другой – в результате суицида.

Эпиграфом к процитированной выше книге П.П. Балакшина были избраны слова американского философа Дж. Сантаяны: «Цивилизация, вероятно, приближается к одной из тех длинных зим, которые наступают время от времени». Генерал Андогский отразил в своей публицистике как свою личностную субъективность, так и субъективность представителей нескольких поколений, понесших поражение в гражданской войне в России в 1918–1922 гг. Образ «длинной зимы» развивает тезис о радикальной бескомпромиссности этой борьбы, исход которой оборачивается «апокалипсическими» последствиями для проигравших. А.И. Андогский до последнего держался этой бескомпромиссности и продолжал взывать к единству – тому единству, которого не было.

## ЛИТЕРАТУРА

Андогский 1919a – *Андогский А.И.* Академия Генерального штаба в 1917–1918 гг. // Сибирская жизнь. Газета политическая, литературная и экономическая. Томск, 1919. 22 янв.

Андогский 1919b – *Андогский А.И.* Положение дел в «Большевизии» // Сибирская жизнь. 1919. 13 марта.

Андогский 1919c – *Андогский А.И.* Положение на юге России. Украина // Сибирская жизнь. 1919. 18 февр.

Андогский 1919d – *Андогский А.И.* Германская рука // Сибирская жизнь. 1919. 6 нояб.

Андогский 1919e – *Андогский А.И.* Положение дел в «Большевизии» // Сибирская жизнь. 1919. 6 марта.

Андогский 1919f – *Андогский А.И.* Положение дел на Украине // Сибирская жизнь. 1919. 17 апр.

Андогский 1919g – *Андогский А.И.* Оценка событий на общем фронте борьбы с большевиками // *Сибирская жизнь*. 1919. 27 мая.

Андогский 1919h – *Андогский А.И.* Неумолимый рок // *Сибирская жизнь*. 1919. 24 июня.

Андогский 1919i – *Андогский А.И.* Поражение советской власти в Венгрии // *Сибирская жизнь*. 1919. 14 мая.

Андогский 1919j – *Андогский А.И.* Оценка положения на общем фронте борьбы с большевизмом // *Сибирская жизнь*. 1919. 30 окт.

Андогский 1919k – *Андогский А.И.* В железной клетке // *Сибирская жизнь*. 1919. 12 июня.

Андогский 1919l – *Андогский А.И.* Наше славянское преступление // *Сибирская жизнь*. 1919. 2 дек.

Андогский 1919m – *Андогский А.И.* Досадная распря // *Сибирская жизнь*. 1919. 13 нояб.

Андогский 1919n – *Андогский А.И.* Колесо фортуны // *Русская армия*. Газета военная, общественная и литературная. Омск, 1918. 24 нояб.

Балакшин 1958 – *Балакшин П.П.* Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. Сан-Франциско; Париж; Нью-Йорк: Сириус, 1958. Т. 1. 434 с.

Ганин 2014a – *Ганин А.В.* Переход военной академии на сторону антибольшевистских сил в Екатеринбурге и Казани (июль–август 1918 г.) // *Известия Лаборатории древних технологий*. № 2 (11). 2014. С. 54–80.

Ганин, 2014b – *Ганин А.В.* Закат Николаевской военной академии: 1914–1922. М.: Книжница, 2014. 768 с.

Ганин, 2015 – *Ганин А.В.* Подготовка кадров Генерального штаба в «белой» Сибири в 1919 году // *Военно-исторический журнал*. 2015. № 2. С. 14–18.

ГАТО – Государственный архив Томской области. Ф. 102. Оп. 1. Д. 854. Л. 58.

Каминский 2012 – *Каминский В.В.* Некоторые обстоятельства «путешествия» Николаевской академии Генерального штаба из Екатеринбурга в Казань 23–24 июля 1918 г. (часть I) // *Новейшая история России (Modern history of Russia)*. 2012. № 1. С. 116–131.

Экштут 2015 – *Экштут С.А.* Догоревшие свечи. Рец.: Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии: 1914–1922. М.: Книжница, 2014. 768 с.: ил. // *Историческая экспертиза*. 2015. № 4. С. 95–97.

## REFERENCES

Andogsky, A.I. (1919a) Akademiya General'nogo shtaba v 1917–1918 gg. [General Staff Academy during in 1917–1918]. *Sibirskaya zhizn'*. 22nd January.

Andogsky, A.I. (1919b) Polozheniye del v "Bol'shevizii" [The state of affairs in "Bolshevism"]. *Sibirskaya zhizn'*. 13th March.



Andogsky, A.I. (1919c) Polozheniye na yuge Rossii. Ukraina [The situation in the south of Russia. Ukraine]. *Sibirskaya zhizn'*. 18th February.

Andogsky, A.I. (1919d) Germanskaya ruka [The German hand]. *Sibirskaya zhizn'*. 6th November.

Andogsky, A.I. (1919e) Polozheniye del v "Bol'shevizii" [The state of affairs in "Bolshevism"]. *Sibirskaya zhizn'*. 6th March.

Andogsky, A.I. (1919f) Polozheniye del na Ukraine [The situation in the Ukraine]. *Sibirskaya zhizn'*. 17th April.

Andogsky, A.I. (1919g) Otsenka sobytiy na obshchem fronte bor'by s bol'shevikami [Assessment of events on the general front of the struggle against the Bolsheviks]. *Sibirskaya zhizn'*. 27th May.

Andogsky, A.I. (1919h) Neumolimyy rok [Relentless doom]. *Sibirskaya zhizn'*. 24th June.

Andogsky, A.I. (1919i) Porazheniye sovetской vlasti v Vengrii [The defeat of Soviet power in Hungary]. *Sibirskaya zhizn'*. 14th May.

Andogsky, A.I. (1919j) Otsenka polozheniya na obshchem fronte bor'by s bol'shevizmom [Assessment of the situation on the general front of the struggle against Bolshevism]. *Sibirskaya zhizn'*. 30th October.

Andogsky, A.I. (1919k) V zheleznoy kletke [In an iron cage]. *Sibirskaya zhizn'*. 12th June.

Andogsky, A.I. (1919l) Nashe slavyanskoye prestupleniye [Our Slavic crime]. *Sibirskaya zhizn'*. 2nd December.

Andogsky, A.I. (1919m) Dosadnaya rasprya [An annoying strife]. *Sibirskaya zhizn'*. 13th November.

Andogsky, A.I. (1918) Koleso fortuny [The wheel of fortune]. *Russkaya armiya*. 24th November.

Balakshin, P.P. (1985) *Final v Kitaye: vozniknoveniye, razvitiye i ischeznoveniye beloy emigratsii na Dal'nem Vostoke* [The final in China: The emergence, development and disappearance of the White Emigration in the Far East]. Vol. 1. San-Francisco, Paris, New-York: Sirius.

Ganin, A.V. (2014a) Perekhod voyennoy akademii na storonu antibol'shevistskikh sil v Yekaterinburge i Kazani (iyul'-avgust 1918 g.) [The transition of the military academy to the side of anti-Bolshevik forces in Ekaterinburg and Kazan (July-August 1918)]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy*. 2(11). pp. 54–80.

Ganin, A.V. (2014b) *Zakat Nikolayevskoy voyennoy akademii: 1914–1922* [Decline of the General Staff Academy: 1914–1922]. Moscow: Knizhnitsa.

Ganin, A.V. (2015) Training of the General Staff's cadre in the "White" Siberia in 1919. *Voyenno-istoricheskiy zhurnal – Military Historical Journal*. 2. pp. 14–18.

The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 102. List 1. File 854.

Kaminskiy, V.V. (2012) Some particulars of the "voyage" of the Nicolas Academy of the General Staff from Ekaterinburg to Kazan' (July 23–24, 1918) (part I).



*Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 1. pp. 116–131 (In Russian).  
Ekshtut, S.A. (2015) Dogorevshiye svechi [Burnt candles]. *Istoricheskaya ekspertiza*. 4. pp. 95–97.

**Фоминых Сергей Федорович** – доктор исторических наук, профессор кафедры современной отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета (Россия).

**Sergey F. Fominykh** – Tomsk State University (Russia).

**E-mail:** sergei.fominyh1940@mail.ru

**Степнов Алексей Олегович** – аспирант исторического факультета, лаборант лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета (Россия).

**Aleksey O. Stepnov** – Tomsk State University (Russia).

**E-mail:** ASAOM@yandex.ru

УДК 94(47).083+94(438).071

UDC

DOI: 10.17223/18572685/53/7

## РЕШЕНИЕ ХОЛМСКОГО ВОПРОСА: ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАЧАЛА XX в.\*

**И.И. Верняев**

Санкт-Петербургский государственный университет  
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9  
E-mail: i.verniaev@spbu.ru

### Авторское резюме

В 1912 г. в восточной части Люблинской и Седлецкой губерний – в Холмско-Подляшском Забужье – была создана новая Холмская губерния. Рассматриваемая как часть русской «коренной» территории губерния была выделена из Варшавского генерал-губернаторства и подчинена непосредственно министру внутренних дел. Проект административного выделения Холмско-Подляшского региона со смешанным польским и восточнославянским (русинским / малороссийским / украинским) населением из состава польских губерний неоднократно обсуждался с 1860-х гг. В статье анализируется последний этап обсуждения холмского вопроса, в результате которого была создана Холмская губерния. Рассмотрены правительственный и думский законопроекты, дебаты в думской комиссии, на общих заседаниях Думы, в публицистике. Прослежена связь холмского законопроекта с разрабатываемым в правительстве планом децентрализации империи. Показано, что дискуссия по холмскому вопросу отразила широкий спектр подходов к устройству империи в целом, статусу национальных окраин, принципов административного деления страны, разное понимание категории «национальность» и ее значимости в государственной политике. Исследуются проявившиеся в обсуждении холмского вопроса этнонациональные (польский, «общерусский», малороссийский), имперско-государственнический, имперско-русификаторский, областнический, локальный, социальный дискурсы.

**Ключевые слова:** Российская империя, Варшавское генерал-губернаторство, Холмская губерния, этноконфессиональная политика, административно-территориальное устройство, дискурсы поздней империи, национальность и вероисповедание.

\* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00119).

# THE SOLUTION TO THE CHELM QUESTION: DISCURSIVE PRACTICES IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE EARLY 20TH CENTURY\*

I.I. Verniaev

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: i.verniaev@spbu.ru

## Abstract

In 1912, a new Chelm province was created in the eastern part of Lublin and Siedlce Governorates. Considered as part of the Russian “indigenous” territory, a new governorate was separated from the Warsaw Governorate-General and subordinated directly to the Minister of Internal Affairs. The project of administrative separation of Chelm region with mixed Polish and East Slavic (Rusins / Little Russian / Ukrainian) populations from the Polish provinces was repeatedly discussed since the 1860s. The article analyses the last stage of discussion of the Chelm question, which resulted in the formation of Chelm governorate. The author analyses the government and Duma draft laws as well as debates in the Duma commission, at general sessions of Parliament, and in the public media to trace the connection of the draft law with the plan for the decentralisation of Russian empire developed by the Ministry of Internal Affairs. The article shows that the discussion on this particular issue reflected a wide range of approaches to the structure of the empire as a whole, the statuses of national regions, the principles of the country administrative division, difference in understandings the category “nationality” and its importance for the state policy. The ethnonational (Polish, “all-Russian”, Little Russian) traditional imperial-statist, imperial-russianizing, regional, social discourses in the discussion of the Chelm question are investigated.

**Keywords:** Russian empire, Warsaw Governorate-General, Chelm governorate, ethnoconfessional politics, administrative-territorial structure, discourses of the late empire, nationality and religion.

23 июня 1912 г. императором Николаем II был утвержден принятый Думой и Госсоветом законопроект «Об образовании из восточных частей Люблинской и Седлецкой губерний особой

---

\* The research is supported by Grant of the Russian Science Foundation (Project Nr. 15-18-00119).

Холмской губернии, с изъятием ее из управления Варшавского генерал-губернаторства». 8 сентября 1913 г. Холмская губерния была официально открыта.

Судя по длительности дебатов (создание губернии обсуждалось с 1860-х гг.), большому количеству изданной публицистической и научной (статистической, исторической, этнографической, лингвистической, картографической) литературы, интенсивности дискуссии в специальной комиссии и на общих заседаниях Государственной Думы (с 1909 по 1912 г.), холмский вопрос был одним из наиболее острых и важных в поздней Российской империи. В нем отразились различное понимание устройства империи и желаемого направления ее внутренней трансформации, различные трактовки категорий национального и его значимости в сравнении с категориями конфессионального, сословного, социального.

В научной литературе дебаты вокруг холмского вопроса трактуются обычно упрощенно, как противостояние польского и русского национализма (Аврех 1991; Циунчук 2014; Борзова 2014). При этом не учитывается весь спектр подходов, менявшихся дискурсов и мотивов, проявившихся при обсуждении проекта создания Холмской губернии. В связи с этим необходимы более тонкая их дифференциация и постановка в контекст более общих дискуссий и проектов трансформации империи и различных трактовок становившейся все более влиятельной в тот период общественно-политической категории национального. В существующих исследованиях холмского вопроса не учтена, в частности, важная трансформация русского национального и имперского дискурса, выразившаяся в отказе от широкой программы всесторонней русификации имперских окраин. Именно этот сдвиг в конечном счете способствовал тому, что обсуждавшийся уже несколько десятилетий проект образования Холмской губернии был, наконец, реализован в начале XX в. В литературе не учтены также важные различия в позиции и риторике части членов правой фракции Государственной Думы, исходящих в холмском вопросе из общегосударственного и общегражданского понимания «национальности». Подходы членов польской фракции и ряда влиятельных польских публицистов также не могут быть сведены только к «национализму» в его этнической трактовке. Не учтен в литературе и дискурс регионального трансэтноконфессионального единства, также проявившийся в холмской дискуссии. Недостаточно прослежена связь холмского проекта с более широкими планами трансформации империи, без которых невозможно понять менявшиеся мотивы и зигзаги реализации идеи создания этой новой губернии. Настоящая статья стремится восполнить существующие пробелы и недоработки

в изучении холмского вопроса, предложить более дифференцированный подход к анализу проявившихся в нем позднеимперских общественно-политических дискурсов.

Холмщина, Холмская Русь – историко-географическая область, находящаяся к западу от среднего течения Западного Буга. Южное Подляшье также включали в понятие Холмщины. Употреблялись термины Холмско-Подляшская Русь, Забужная Русь, Западное Прибужье. В XIII–XIV вв. край входил в состав Галицко-Волынского княжества, с конца XIV в. – в состав Польского королевства и Великого княжества Литовского, объединившихся в 1569 г. в Речь Посполитую. Для Холмско-Подляшского края было характерно смешанное польское и восточнославянское (русинское, а также частично белорусское, т. е. «русское», по терминологии имперского периода) население. Влияние было двусторонним. С одной стороны, шло активное ополячивание и окатоличивание, с другой – польское население испытывало влияние местного «русского» элемента. С одной стороны, уния, заключенная в 1596 г., способствовала формированию смешанного по многим параметрам населения. С другой стороны, этнокультурное и языковое разделение между поляками и восточнославянским населением в регионе поддерживалось конфессиональными (поляки – католики, «русские» – униаты) и сословными (поляки-католики – землевладельцы, горожане, чиновники; «русские»- униаты – крестьяне) границами.

Со времени вхождения территории Польши в состав России и образования в 1815 г. Царства Польского политика империи в Холмщине заключалась в основном в сохранении и усилении конфессиональной границы путем поддержки греко-католической (униатской) церкви и образовательной системы. Однако эта политика была непоследовательной, не всегда обеспеченной материальными и кадровыми ресурсами, в значительной мере неэффективной. Постепенная латинизация и полонизация униатской церкви в устройстве, обряде, языке продолжалась. Для выходцев из крестьян и униатского священнического сословия, получивших образование и / или добившихся более высокого имущественного положения, ориентиром становился польско-католический культурно-языковой стандарт (Крыжановский 1911).

В 1875 г. царское правительство, рассчитывая укрепить конфессиональную границу, радикально меняет политику в Холмщине, ликвидируя унию и присоединяя униатское население к православию. Из-за отказа многих крестьян переходить в православие власти применяли насильственные меры. Тем не менее ликвидация унии и официальное присоединение к православию не решили, как рассчитывали власти, проблему укрепления конфессиональной границы с католицизмом.

Значительное количество бывших униатов отказывались посещать православные храмы и были определены как «упорствующие» (*калакуты*) или «колеблющиеся». Общая численность этих категорий населения оценивалась в 80 тыс. чел. Явное поражение длившейся много десятилетий политики выстраивания конфессиональной границы произошло после объявления свободы вероисповедания в 1905 г. В течение двух лет около 180 тыс. бывших униатов Холмщины, формально числившихся православными, перешли в католичество (Государственная Дума 1911b: 2597–2598). Ответом на этот провал политики стала актуализация выдвигавшегося несколько раз с 1860-х гг. проекта административного выделения Холмщины из состава Царства Польского.

Разрабатывавшиеся с 1860-х гг. проекты выделения Холмщины и части Подляшья раз за разом отвергались имперскими администраторами разного уровня. Отказ мотивировался соображениями внешней и внутренней безопасности, оборонительной стратегии. Указывалось также на институциональные особенности края, общие с другими губерниями Царства Польского. Они появлялись в законодательстве, судебных учреждениях, аграрном строе, особых присутствиях по аграрным делам, гминном самоуправлении, особой податной системе, административном устройстве. При отказах обращалось внимание на необходимость сохранения лояльности в отношении империи польской этносословной элиты (Государственная Дума 1911b: 2679).

Некоторые имперские администраторы отказывались от реализации выдвигавшихся проектов административного выделения Холмщины также на основании того, что это противоречит установке на широкую русификацию (в частности, языковую и этнокультурную) национальных окраин империи, в том числе губерний Привислинского края. Именно по этой причине холмский проект как антигосударственный рассматривал варшавский генерал-губернатор (1883–1894 гг.) И.В. Гурко. Сын генерал-губернатора чиновник и публицист В.И. Гурко следующим образом аргументировал этот подход: «... не выделять следует русских людей, а, наоборот, всячески водворять их туда, растворяя посредством их чисто польский элемент края. Ведь каждому ясно, что те 300–400 тысяч бывших униатов русского происхождения, населяющие Холмщину и Подляшье, важны не сами по себе, независимо от того, где они находятся, а именно в данном месте... отделение Забужья от Привислянья ведет именно к исключению русского племени из пределов последнего, а выделение униатских местностей в отдельную, замкнутую губернию влечет к отречению от всей остальной части Привислянья, к признанию ее чисто польскою... Постепенное просачивание народного русского элемента в польское население

края, причем исходным пунктом, так сказать, операционным базисом, должно быть именно русское Забужье – вот та цель, к которой мы должны стремиться, а для достижения ее необходимо уничтожать всякие преграды, отделяющие русские местности от польских, а не искусственно создавать такие. Образование Холмской губернии этой цели, безусловно, противоречит» (В.Р. 1897: 267–268). После 1905 г. ситуация изменилась, и планы широкой этнокультурной русификации национальных окраин империи находили все меньше сторонников. Это отразилось и на судьбе холмского проекта.

С новой инициативой принятия административных мер по защите от ополячивания и окатоличивания русского православного населения Холмщины и Подляшья выступила в 1905 г. группа национально настроенных деятелей во главе с епископом Холмской и Люблинской епархий Евлогием (Георгиевским). Евлогию удалось привлечь внимание к своему проекту высших правительственных чиновников.

В литературе недостаточно обращается внимания на то, что очередной холмский план в период министерства А.П. Столыпина получил ход и развился в правительственный законопроект в связке с другим, более масштабным законопроектom. Речь идет о плане областной децентрализации империи, который, как и холмский законопроект, в 1907–1908 гг. подготовил товарищ министра внутренних дел С.Е. Крыжановский. В своих мемуарах он достаточно подробно охарактеризовал оба документа, их связь друг с другом, мотивы разработки и дальнейшую судьбу.

Проект децентрализации предполагал создание на территории империи 11 автономных областей и нескольких регионов со статусом колоний. В каждой из областей, по плану, должны были быть сформированы областные земские собрания с законодательными функциями и исполнительные органы управления. Проект, разъяснял автор законопроекта, с одной стороны, был ответом на провал прежних планов тотальной русификации окраин империи. Не достигнув результата, эта политика привела только к распылению русских национальных сил. С другой стороны, новые кадровые и интеллектуальные силы на национальных окраинах, не находя себе применения на месте, наводняли имперский центр, где, по оценке Крыжановского, становились беспокойным элементом. Новые областные институты должны были стать местом приложения сил активных представителей национальных групп на окраинах империи (это можно трактовать как предвосхищение большевистского плана «коренизации»). А русские, в свою очередь, должны были сконцентрироваться на позитивной работе в пределах русского этнографического ареала (понимаемого широко – в соответствии концепцией «большой русской нации»,

включавшей великороссов, малороссов и белорусов). Крыжановский констатировал необходимость ограничения русификаторства, выделения «русского» национального «ядра» в империи. В управленческом плане областная реформа, по замыслу Крыжановского, должна была разгрузить центральную власть от безмерного накопления дел, передав «местное законодательство местным людям и учреждениям». Николай II положительно оценил проект, но его реализация была отложена из-за опасений спровоцировать сепаратистские тенденции (Воспоминания 2009: 116–124, 180).

По признанию С.Е. Крыжановского, логически связанный с планом децентрализации законопроект о выделении Холмской губернии имел два основания. Во-первых, это стремление местного православного духовенства и шире – русских национальных кругов империи – предотвратить полонизацию в крае, слить местное восточнославянское население «с общерусской стихией». Во-вторых, широко не афишируемым мотивом проекта была подготовка почвы для выделения «этнографической Польши» и предоставления ей автономии в рамках общего плана децентрализации (Воспоминания 2009: 122–124). Хотя этот план был отложен, связанный с ним законопроект выделения Холмского края получил дальнейшее развитие.

При определении западной границы Холмской губернии ведущим в правительственном законопроекте был конфессиональный критерий. «Русские» регионы определялись прежде всего по вероисповедному принципу. По оценке разработчика законопроекта С.Е. Крыжановского, планируемая губерния должна была включить только те территории, на которых «население сохранило русский национальный облик и в большинстве было православным на деле, а не только на бумаге». Те же местности, где население было уже основательно окатоличено, должны были остаться в составе Варшавского генерал-губернаторства (Воспоминания 2009: 124). Тем не менее преобладания православных в новой губернии не получалось. Всего в Холмской губернии должно было оказаться 304 885 православных, 310 677 католиков, 114 410 иудеев, 28 436 остальных (Чихачев 1912: 7–15).

После внесения законопроекта в Думу с 17 ноября 1909 г. начались заседания холмской подкомиссии («холмская комиссия»), комиссии по направлению законодательных предположений. В ходе ее работы принципы определения границ будущей губернии были скорректированы. На первый план для думских сторонников выделения губернии вышли этнолингвистический и этнокультурный критерии, а также учет исторических свидетельств и памятников «русскости». Данные вероисповедной статистики были подвергнуты критике, отмечались их неопределенность и ненадежность. При определении



границ большинство представителей «Холмской комиссии» исходило из того, что отождествление в данном регионе «католика» и «поляка» не выдерживает критики, так как «с переходом в католичество русская национальность не утрачивается». Для обоснования думского законопроекта расширения в западном направлении – в сравнении с правительственным вариантом административных границ Холмской губернии – его сторонники в изобилии приводили лингвистические данные, исторические материалы (вплоть до X в.), фольклорно-этнографические свидетельства. По думскому законопроекту создаваемая губерния должна была иметь следующий основной этнический состав: русских – 463 901, поляков – 269 053; в конфессиональном же отношении соотношение получалось следующее: православных – 327 322, католиков – 404 633, иудеев – 135 238, прочих – 29 123 (Государственная Дума 1911b: 2617, 2619; Чихачев 1912: 158; Борзова 2014: 78).

Русский национализм в риторике разработчиков законопроекта сочетался с декларировавшимся отказом от политики русификации нерусских окраин империи. Так, в выступлениях ряда депутатов звучала критика подходов прежних администраторов, которые, исходя из русификаторских позиций, выступали против образования Холмской губернии. Как критически отметил на заседании Думы в 1911 г. епископ Евлогий, варшавский генерал-губернатор И.В. Гурко «заразился целью строгого проведения русских начал не только в Холмщине, но и Варшаве; хотел сделать не только Холмщину, но и Варшаву русской и потому опасался, что отсечение русской Холмщины до некоторой степени поколебало бы у него почву в последовательности и настойчивости проведения политики так называемой русификации» (Государственная Дума 1911a: 226; Государственная Дума 1911b: 2675). Сторонники законопроекта активно использовали категорию «коренная Россия», противопоставляя ее в контексте холмского вопроса «чуждой Польше». Евлогий говорил о необходимости предоставить полякам «жить как угодно, лишь бы не во вред русской государственности». По мнению депутата, сами поляки по этой причине должны отнестись к проекту благожелательно, поскольку он исходит из необходимости отказа от русификации «этнографической Польши» и сохранения ее культурной, конфессиональной, языковой специфики (Государственная Дума 1911b: 2652, 2656, 2679; Государственная Дума 1912: 251–252).

Думские защитники законопроекта отмечали, что в то время как в Царстве Польском административные должности занимает в значительном числе русский служебный персонал, имеет место «переполнение поляками многих учреждений во внутренних губерниях в

ущерб интересам коренного русского населения». Соответственно, «введение самоуправления в Царстве Польском и предоставление полякам возможности занимать большую часть должностей по разным отраслям управления в Царстве Польском дадут возможность русским людям, служащим теперь в Польше, применить свой труд и свои знания с пользой у себя на родине» (Государственная Дума 1911а: 230–231).

Таким образом, русский национализм, проявившийся в холмском вопросе, отрицал программу общеимперской этнокультурной и языковой русификации, ограничивая себя пределами собственно «русского» национального ядра страны (понимая под «русскими» всех восточных славян). Кроме того, сторонники формирования Холмской губернии при трактовке «русскости» отказывались от слитности категорий вероисповедного и этнического, полагая, что быть «русским» – не обязательно быть православным. Это давало возможность апеллировать к этнолингвистическим и историко-культурным данным, настаивая на расширении административных границ планируемой губернии в сравнении с правительственным планом. Холмский проект был частью того, что А.И. Миллер определил как «русский националистический проект консолидации нации внутри империи, который предполагал «присвоение» определенной части имперского пространства как “русской национальной территории”». Как констатировал исследователь, «русский проект национального строительства, будучи экспансионистским, заведомо не стремился к охвату всей империи и русификации всех ее подданных» (Миллер 2006: 156).

Историко-этнокультурный и этнолингвистический подход думских разработчиков законопроекта подвергался критике с позиций государственнического подхода, административно-управленческой прагматики и приоритета вопросов безопасности. Так, фракция прогрессистов в лице депутата А.А. Уварова исходила из того, что Российская империя как единое государство имеет право производить любые изменения своих внутренних границ, для обоснования их вовсе не нужно «углубляться в исторический, этнографический и статистический материал». Вопрос о выделении новой административной единицы должен рассматриваться с точки зрения пользы государственности, обороны, администрирования, удобства для населения, с учетом экономических связей и транспортного сообщения. По всем этим критериям, констатировал депутат, создание Холмской губернии было совершенно нецелесообразно. Кроме того, существовавшая в регионе правовая и административная системы были «гораздо культурнее, чем подобные институты»

Западного края, к которому в административном отношении планировалось присоединить Холмщину (Государственная Дума 1911b: 2693–2711).

Представители фракции Польского коло в Думе и их сторонники, выступая против законопроекта на заседаниях думской комиссии и в ряде публикаций, приводили аргументы из области истории, лингвистики, диалектологии, этнографии и фольклора, конфессиональной статистики, обосновывая преимущественно польский или смешанный польско-малороссийский, по большей части католический характер намеченных к включению в Холмскую губернию населенных территорий (Государственная Дума 1911a: 214–215, 218–221). Однако на общих заседаниях Думы в духе «реальной политики» представители польской фракции использовали скорее государственный, чем националистический, дискурс. Так, В.В. Жуковский, депутат от Петраховской губернии, призвал при решении холмского вопроса руководствоваться государственным интересом. Он утверждал, что польские представители в Думе в дискуссии по холмскому вопросу не выдвигали на первый план ценность сохранения территории Царства Польского, хотя это для них и является безусловной ценностью. В своих возражениях «мы не сходили с чисто русской государственной почвы» и солидаризировались с подходом большинства прежних русских имперских администраторов, которые отказывались от выделения Холмщины именно по государственным соображениям внешней и внутренней безопасности, управленческой целесообразности и с учетом сравнительно высокой эффективности существующих правовых и административных институтов в Холмском крае. В среде нового поколения имперских администраторов, подверженных «воинствующему национализму», происходило, отмечал депутат, «затемнение государственного разума и крупное падение техники законодательных работ» (Государственная Дума 1912: 295–308).

Дискурс общегосударственного подхода развивал депутат фракции Польского коло петербургский юрист Л.К. Дымша. Он выступил против действий крестьянского банка, который в соответствии с инструкцией варшавского генерал-губернатора М.И. Черткова от 10 ноября 1904 г. не обслуживал крестьян-католиков в Холмщине и Подляшье. Депутат обращал внимание на недопуск к выборным и назначаемым должностям католиков по вероисповеданию, поляков по национальности. Подобная политика, основанная на этноконфессиональном квотировании и выдержанная в той же логике, что и законопроект по административному выделению Холмщины, характеризовалась депутатом как антигосударственная, способствующая разделению страны и единого имперского подданства по национальным и ве-

роисповедным границам. Реализация законопроекта может стать опасным прецедентом для других регионов империи. Разделы по национальному принципу «поведут лишь к внутренней борьбе» и государственному кризису (Дымша 1910: 95, 107, 114; Государственная Дума 1911b: 2641–2643, 2649). Развивая эту риторику, юрист и публицист И. Кучинский констатировал, что политика национализма, выразившаяся и в холмском вопросе, разбивает Россию «на двадцать враждебных лагерей» по этноконфессиональному критерию (Кучинский 1911: 30, 35).

В унисон дискурсу общегосударственного единства звучал дискурс трансэтноконфессионального локально-регионального единства, основанного на экономических, соседских, родственных связях, общих институтах. В 1908 г. православные прихожане Муровицкого прихода Седлецкой губернии подали епископу Евлогию прошение о «невыделении Холмской Руси из пределов Царства Польского, чтобы их братьев по крови и плоти не разделять ввиду того, что все они состоят с ними в родстве и составляют единое нераздельное стадо». Прихожане православного Полюбиченского прихода Седлецкой губернии обращались к Евлогию: «Вами поднят вопрос в Государственной Думе о выделении русского населения Холмской Руси из пределов Царства Польского. Мы все братия во Христе, как католики-поляки, так равно русские и униаты, с испокон века живем все вместе... все мы... не желаем, чтобы наши кровные братья, наши родные с нами поляки-соседи были отдалены от нас, так как это одно целое и выделять их от нас – это значит поднимать новую бурю и новые скандалы. Мы, все нижеподписавшиеся, просим Ваше преосвященство оставить нас вместе, так как все мы сроднились и выделения Холмской Руси мы во все не желаем» (Дымша 1910: 112–113). Литератор А.К. Закржевский обращал внимание на смешение языков как фактор и последствие регионального единства (Закржевский 1916: 26). Л.К. Дымша настаивал на сохранении исторически сложившихся местных «общественно-административных единиц» как основы «разумного консерватизма» и стабильности страны (Дымша 1910: 2–3, 36).

Формирование внутри государства областей и границ между ними по этнографическому критерию вызывало несогласие со стороны части депутатов правой фракции. Их позицию подробно обосновал депутат Г.А. Щечков. Формулируя позицию, депутат провел различия между категориями «национальность» и «народность». «Национальность» в его трактовке является государственно-политической категорией, а «народность» – этнографической. Холмский вопрос следует решать с позиций «общей имперской русской национальности», т. е. государственно-политического единства страны. Стремление разра-

ботчиков холмского законопроекта «положить в основу губернского деления этнографическое единство населения» имеет «противогосударственный результат»: «Если мы выделяем Русь из состава бывшего Царства Польского, то в таком случае почему же уже, идя логически, не выделить Русь из состава бывшего Царства Казанского, Астраханского, Крымского, Сибирского и т. д.? Но такое выделение будет в принципе расчленением России на составляющие ее отдельные этнографические единицы». Создание административных единиц в соответствии с этнографическими границами расчленяет единое пространство страны, превращает этнолингвистические общности («народности») в отдельные государственно-политические общности («национальности»). При проведении любых внутренних границ следует исходить из общегосударственных и административных соображений. Если же требуется для тех или иных целей определять народность, то следует исходить из приоритета конфессионального критерия (Государственная Дума 1912: 260–265).

Наряду с русским и польским этнонациональными дискурсами в холмском вопросе ярко проявился и русинский (варианты: украинский, малороссийский) этнонациональный дискурс. За создание Холмской губернии, но в интересах русинов выступила в публикации от 17 мая 1911 г. газета П.П. Рябушинского «Утро России»: «...совершенно забывают тех, кто заселяет эту землю, – русинов, тех, кто в течение столетий, лишенный всяких культурных сил, оберегал себя от денационализации... Не руководясь никакими эгоистическими и узкоклассовыми соображениями, мы за отделение Холмщины... Мы защищаем только безгласные русинские массы, когда-то с головой выданные их более сильным соседям» (Холмский вопрос 1912: 243–244). Киевский профессор-историк, член партии кадетов И.В. Луцицкий также ставил вопрос о защите прав малорусов в крае. Он выступал против колонизации местного малорусского населения Холмщины, но констатировал при этом, что законопроект не дает гарантии сохранения его самобытности. М.С. Грушевский выступал за административное выделение Холмщины, видя в этом «наименьшее зло», но предлагал идти дальше, чем правительство и «холмская комиссия» Думы, а именно трансформировать все установившиеся в крае экономические и правовые отношения, не откладывая это дело на будущее (Аврех 1966: С. 102).

Защита прав украинского населения Холмщины отстаивалась левыми фракциями III Думы. Председатель думской фракции трудовой группы депутат А.А. Булат, литовец из Сувалкской губернии, говорил о том, что критерием решения вопроса о Холмщине должны стать нужды местного большинства населения, относящегося к «украинской

народности». Вместо этого спор ведется о том, «кому заботиться об ассимиляции населения – русскому правительству и православным священникам или польским помещикам и католическим ксендзам». Для выявления мнения местного населения Холмщины депутат предложил провести референдум. Но условием такого референдума должна быть «свобода национального самоопределения» для украинского народа (Государственная Дума 1912: 218–227).

В защиту населения Холмщины как представителей «многомиллионной украинской народности», против как русского, так и польского национализма выступил от имени фракции депутат социал-демократ И.П. Покровской. При этом он соединил национальный вопрос с социальным, выдвигая последний как приоритетный. Он уличал поддерживавших законопроект в том, что они не готовы к социальной политике в пользу местного крестьянства, наделению крестьян землей за счет землевладельцев. Соответственно, на деле, полагал депутат, они выступают за сохранение прежнего сословного подхода при всей их националистической риторике. Демократизация строя России и политическая автономия для Царства Польского – условия для решения холмского вопроса. Политическая автономия Царства Польского с сеймом во главе должна гарантировать выражение интересов всех граждан, без различия национальностей (Государственная Дума 1912: 239–248).

Несмотря на активное противодействие ряда фракций, 26 апреля 1912 г. законопроект о создании Холмской губернии с небольшими изменениями был принят Думой большинством в 156 против 108 голосов. Губерния разделялась на 8 уездов и напрямую подчинялась министру внутренних дел.

Этнический состав населения Холмско-Подляшского региона существенно изменился в ходе Первой мировой войны и последующих военных конфликтов в регионе. При отступлении русской армии летом 1915 г. был отдан приказ об эвакуации «русского населения» края. Численность переселенного отсюда в различные внутренние губернии России восточнославянского населения достигла более 300 тыс. чел. В дальнейшем оккупационные германско-австрийские войска вывезли в глубь Польши до 80 тыс. чел. из числа приграничного восточнославянского населения Холмщины и Подляшья. В результате этих военных депортаций население края стало преимущественно польским (около 85 %). Тем не менее по Брестскому мирному договору от 27 января (9 февраля) 1918 г., заключенному представителями Четверного союза и Центральной Рады, территория Холмщины была признана частью Украинской Народной Республики. При определении в договоре польско-украинской границы за основу

был взят этнический критерий. В ходе последовавшей репатриации на территорию Холмщины и Подляшья к началу 1920-х гг. вернулось до 150 тыс. украинцев. Продолжавшиеся территориальные споры переросли в конце 1918 – начале 1919 г. в польско-украинский вооруженный конфликт. Парижская мирная конференция 1919 г. не смогла окончательно установить польско-украинскую границу в регионе. К середине 1919 г. Холмско-Подляшский край оказался под фактическим контролем Польши. По результатам советско-польской войны 1919–1921 гг. в соответствии с Рижским мирным договором от 18 марта 1921 г. Холмско-Подляшский регион вместе с рядом других территорий с восточнославянским населением вошел в состав Польши. В марте 1923 г. установившиеся восточные границы Польши были признаны странами Антанты. В межвоенный период продолжалась польская колонизация Холмско-Подляшского региона, проводилась политика ассимиляции местного восточнославянского населения. К концу 1930-х гг. из 700 тыс. всего населения Холмщины и Подляшья численность восточнославянского населения составила около 220 тыс. чел. (Савченко 1995; Складаров 1998; Шевчук 2008).

Итак, в холмском вопросе проявились ключевые дискурсы поздней Российской империи. Традиционный дискурс династической лояльности этнословных элит, приоритета вопросов внешней обороны и внутренней безопасности, прагматичного учета сложившихся институциональных и управленческих особенностей окраин, сохранения статус-кво мотивировал неоднократный отказ имперских администраторов от выделения Холмщины из состава Царства Польского и формирования отдельной губернии с присоединением ее к числу внутренних губерний империи. Также к отрицательному отношению к плану выделения Холмщины вел дискурс необходимости не только государственно-управленческой, но и этнокультурной русификации имперских окраин. Для сторонников русификаторской программы отделение «русской» губернии по этноконфессиональному или этнолингвистическому критерию означало одновременно признание «отдельности» Польши, создание прецедента отказа от унификации окраин по общерусскому образцу, легитимацию и закрепление их особенностей и относительной автономности. Правительственный законопроект по Холмщине 1907–1908 гг., разрабатывавшийся как составная часть реализации масштабного плана децентрализации, перехода к областному устройству страны, исходил из идеи выделения в империи «русского» (подразумевая всех восточных славян) национального «ядра» и отказа от планов русификации окраин. При этом границы «ядра» в соответствии с правительственным за-



конопроектом определялись по этноконфессиональному критерию (православие было ведущим основанием для определения «русскости»). Этнонациональный дискурс разработчиков правительственного законопроекта сочетался с областническим. Дискурс русской национальной фракции в III Думе был во многом схож с подходом правительственного законопроекта по Холмщине, но отличался в критериях определения «национальности». Думские националисты и их сторонники на первый план выдвигали этнолингвистические, этнокультурные и этноисторические основания для определения границ «национальности» («русской» в данном случае). В противоположность подобному примордиалистскому пониманию противники законопроекта из состава Польского коло и левых фракций Думы предложили критерий самосознания как ведущий в понимании национальности. «Общерусскому» этнонациональному дискурсу в холмском вопросе противостоял и этнонациональный украинский (малороссийский) дискурс, который предполагал отказ от русификации, осуществлявшейся в духе концепции «большой русской нации» (все восточнославянские народы). В ходе обсуждения законопроекта в Думе и среди широкой общественности выдвигались аргументы против создания Холмской губернии, основывавшиеся на общегосударственном (национальном в государственном смысле) подходе. В соответствии с этой логикой преобразования административных единиц должны осуществляться по сугубо государственно-управленческим и экономическим основаниям. Проведение внутри империи административных границ в соответствии с этнолингвистическими ареалами превращает этнографические общности («народности») в государственно-политические («национальности»). Соответственно, подобный шаг является антигосударственным, ведет к распаду империи. В Думе к этой риторике обращались, в частности, некоторые представители правой фракции и Польского коло. В ходе холмской дискуссии проявился и дискурс регионального единства, объединявшего население Холмщины поверх конфессиональных и этноязыковых границ. У левых депутатов Думы ведущим в холмском вопросе стал социальный подход, в котором на первый план выдвигались не национальные, а социальные вопросы, необходимость прежде всего решения земельного вопроса в регионе, расширения крестьянского землепользования. Ряд подходов (своего рода «коренизация» национальных регионов, «территориализация этничности», формирование административных границ по этнолингвистическому критерию), проявившихся в холмской дискуссии, предвосхищал будущие советские практики национально-государственного строительства.



## ЛИТЕРАТУРА

Аврех 1966 – Аврех А.Я. Царизм и третьеиюньская система. М.: Наука, 1966. 182 с.

Аврех 1991 – Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М.: Политиздат, 1991. 286 с.

Борзова 2014 – Борзова Е.С. История образования Холмской губернии // Славяноведение. 2014. № 5. С. 75–81.

В.Р. 1897 – В.Р. [Гурко И.В.]. Очерки Привислиня. М.: Тип. В.В. Чичерина, 1897. 377 с.

Воспоминания 2009 – Воспоминания: из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи / подгот. текста, вступ. ст., ком. А.В. Лихоманова. СПб.: РНБ, 2009. 228 с.

Государственная Дума 1911а – Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Третий созыв. Сессия IV. 1910–1911 г. СПб.: Гос. тип., 1911. 480 с.

Государственная Дума 1911b – Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1911 г. Сессия 5. Ч. I. СПб.: Гос. тип., 1911. 3830 с.

Государственная Дума 1912 – Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912 г. Сессия 5. Ч. II. СПб.: Гос. тип., 1912. 3824 с.

Дымша 1910 – Дымша Л.К. Холмский вопрос. СПб.: Тип. «Общественная польза», 1910. 122 с.

Закржевский 1916 – Закржевский А. Польша. Статистико-этнографический очерк. Киев: Польская тип., 1916. 120 с.

Крыжановский 1911 – Крыжановский Е.М. Русское Забужье: Холмщина и Подлясье. СПб.: Тип. «Мирный труд», 1911. XLVI + 438 с.

Кучинский 1911 – Кучинский И. Проект выделения Холмщины на почве русско-польских отношений. СПб.: Тип. Об-ва тип. дела (Герольд), 1911. 105 с.

Миллер 2006 – Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 248 с.

Савченко 1995 – Савченко В.Н. Восточнославянско-польское пограничье, 1918–1921 гг. Этносоциальная ситуация и государственно-политическое размежевание. М.: ИСБ, 1995. 195 с.

Скляров 1998 – Скляров С.А. Польско-украинское разграничение в 1918–1923 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. 247 с.

Холмский вопрос – Холмский вопрос. Обзор русской периодической печати (С 1 января 1909 г. по 1 октября 1911 г.). СПб.: Государственная типография, 1911. 668+III с.

Циунчук 2014 – Циунчук Р.У. Холмский вопрос в Государственной Думе: католики – православные – униаты / поляки – русские – малороссы? // Таврические чтения 2013. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. СПб.: ЭлекСис, 2014. Ч. 1. С. 188–197.

Чихачев 1912 – *Чихачев Д.Н.* К образованию Холмской губернии. Доклад Государственной Думе. СПб: Тип. А.С. Суворина, 1912. 181 с.

Шевчук 2008 - *Шевчук Т.Є.* Етносоціальна ситуація на Холмщині та Підляшші в першій чверті ХХ ст. // Історичний архів. Наукові студії: Збірник наукових праць. Миколаїв: Вид-во МДГУ ім. Петра Могили, 2008. Вип. 1. С. 92–103.

## REFERENCES

Avrekh, A.Ya. (1966) *Tsarizm i tret'eiyun'skaya sistema* [Tsarism and the Third June System]. Moscow: Nauka.

Avrekh, A.Ya. (1991) *P.A. Stolypin i sud'by reform v Rossii* [P.A. Stolypin and the fate of reforms in Russia]. Moscow: Politizdat.

Borzova, E.S. (2014) "To disappear ... from the earth, or to stay Russia's vanguard?": the history of education in Chelm province. *Slavyanovedenie*. 5. pp. 75–81 (In Russian).

V.R. [Gurko, I.V.]. (1897) *Ocherki Privislina* [Essays on Vistula region]. Moscow: V.V. Chicherin.

Kryzhanovsky, S.E. (2009) *Vospominaniya: iz bumag S.E. Kryzhanovskogo, poslednego gosudarstvennogo sekretarya Rossiyskoy imperii* [Memories: from the papers of S.E. Kryzhanovsky, the last State Secretary of the Russian Empire]. St. Petersburg: The National Library of Russia.

The State Duma. (1911a) *Obzor deyatelnosti komissiy i otdelov. Tretiy sozyv. Sessiya IV. 1910–1911 g.* [Review of the activities of commissions and departments. Third convocation. Session IV. 1910–1911]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.

The State Duma. (1911b) *Gosudarstvennaya Duma. Tretiy sozyv. Stenograficheskie otchety. 1911 g. Sessiya 5. Ch. I.* [The State Duma. Third convocation. Verbatim records. 1911 Session 5. Part I]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.

The State Duma. (1912) *Gosudarstvennaya Duma. Tretiy sozyv. Stenograficheskie otchety. 1912 g. Sessiya 5. Ch. II* [The State Duma. Third convocation. Verbatim records. 1912 Session 5. Part II]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.

Dymsha, L.K. (1910) *Kholm'skiy vopros* [The Chelm question]. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za.

Zakrzhevskiy, A. (1916) *Pol'sha. Statistiko-etnograficheskiy ocherk* [Poland. Statistical and ethnographic essay]. Kiev: Polskaya tipografiya.

Kryzhanovskiy, E.M. (1911) *Russkoe Zabuzh'e: Kholmshchina i Podlyash'e* [Russian Zabuzhye: Chelm and Podlasie]. St. Petersburg: Mirnyy trud.

Kuchinskiy, I. (1911) *Proekt vydeleniya Kholmshchiny na pochve russko-pol'skikh otnosheniy* [The project of separation of Chelm on the basis of Russian-Polish relations]. St. Petersburg: Gerol'd.

Miller, A. (2006) *Imperiya Romanovykh i natsionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Romanov Empire and nationalism: An essay on the methodology of historical research]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Savchenko, V.N. (1995). *Vostochnoslavlyansko-pol'skoe pogranich'e, 1918–1921 gg. Etnosotsial'naya situatsiya i gosudarstvenno-politicheskoe razmezhevanie* [East Slavic-Polish borderland, 1918–1921. Ethno-social situation and boundary delimitation]. Moscow: ISB.

Sklyarov, S.A. (1998) *Pol'sko-ukrainskoe razgranichenie v 1918–1923 gg.* [Polish-Ukrainian boundary delimitation, 1918–1923]. History Cand. Diss. Moscow.

Anon. (1911) *Kholm'skiy vopros. Obzor russkoy periodicheskoy pechati (S 1 yanvarya 1909 g. po 1 oktyabrya 1911 g.)* [The Chelm question. Review of the Russian periodical press (from January 1, 1909 to October 1, 1911)]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.

Tsiunchuk, R.U. (2014) *Kholm'skiy vopros v Gosudarstvennoy Dume: katoliki – pravoslavnye – uniati / polyaki – russkie – malorossy?* [The Chelm question in the State Duma: Catholics – Orthodox – Uniates / Poles – Russian – Little Russians?] In: Nikolaev, A.B. (ed.) *Tavrisheskie chteniya 2013. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'* [Taurian Readings 2013. Topical problems of parliamentarism: history and modernity]. St. Petersburg: ElekSis. pp. 188–197.

Chikhachev, D.N. (1912) *K obrazovaniyu Kholmskoy gubernii. Doklad Gosudarstvennoy Dume* [To the formation of Chelm governorate. Report to the State Duma]. St. Petersburg: A.S. Suvorin.

Shevchuk, T.E. (2008) *Etnosotsial'na situatsiya na Kholmshchini ta Pidlyashshi v pershiy chverti XX st.* [Ethnosocial situation in Chelm and Podlasie in the first quarter of the 20th century] In: Sokhan, P.S. et al. (eds) *Istorichniy arkhiv. Naukovi studii: Zbirnik naukovikh prats'* [Historical Archive: Collection of Academic Papers]. Mikolaiv: Petro Mohyla State Humanities University in Mykolaiv. pp. 92–103.

**Верняев Игорь Иванович** – доцент кафедры этнографии и антропологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

**Igor I. Verniaev** – St. Petersburg State University (Russia).

**E-mail:** i.verniaev@spbu.ru

УДК 94(478+477.85)“1917/1919”

UDC

DOI: 10.17223/18572685/53/8

## ХОТИНСКОЕ ВОССТАНИЕ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ\*

**С.Г. Суляк**

Санкт-Петербургский государственный университет  
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9  
E-mail: sergei\_suleak@rambler.ru

### Авторское резюме

После захвата Бессарабии Королевской Румынией в крае произошло несколько крупных вооруженных выступлений против румынской оккупации: Хотинское (январь–февраль 1919 г.), Бендерское (май 1919 г.), Татарбунарское (сентябрь 1924 г.) восстания.

Самым значительным из них было Хотинское восстание. Представителями Хотинского уезда были созданы Бессарабский национальный союз и его постоянный орган – Директория. Директория позиционировала себя как правительство всей Бессарабии. Если рассматривать органы власти, созданные хотинскими повстанцами, и аналогичные самопровозглашенные структуры тех лет, на основании учения М. Вебера, с точки зрения легитимности (этическая характеристика власти) и легальности (юридическая характеристика власти), то таковыми в полной мере не были ни Временное правительство, ни Сфатул Цэрий, ни другие многочисленные претендовавшие на власть организации, за исключением Советов. Эти т.н. органы власти были созданы в период разрушения старой русской государственности (период безвластия) и становления новой.

Под легитимностью имеется в виду признание власти местными жителями, принятие ее как правомерной и справедливой, наличие авторитета у населения. Легальность подразумевает законное происхождение власти, осуществление ее посредством закона, принятие населением власти как правомочной и справедливой. Сравнивая органы власти, действовавшие в то время на территории края и выступавшие от имени Бессарабии и ее населения, мы видим, что по большинству выше-

---

\* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований: грант № 17-01-00089 «Русины Карпато-Днестровских земель с XIV в. до 1918 г.».

перечисленных признаков Бессарабский национальный союз и его Директория на севере Бессарабии имели достаточно высокий уровень легитимности и легальности.

**Ключевые слова:** Бессарабия, Румыния, Хотинский уезд, оккупация, восстание, русины, молдаване.

## THE KHOTIN UPRISING: CAUSES AND CONSEQUENCES\*

**S.G. Sulyak**

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: sergei\_suleak@rambler.ru

### Abstract

When Bessarabia was seized by Royal Romania, the territory experienced several armed actions against the Romanian occupation: in Khotin (January-February 1919), Bendery (May 1919), Tatarbunary (September 1924). The largest of them was the Khotin uprising. The Khotin uezd representatives formed the Bessarabian National Union and its permanent body – the Directory, which positioned itself as the government of all Bessarabia. According to M. Weber, neither the Provisional Government nor Sfatul Tarii nor other numerous authorities formed by the Khotin rebels, like similar self-proclaimed structures of those years, could be considered legitimate (ethical characteristic of power) and legal (legal characteristic of power). The exception was the Soviets. These so-called power bodies were formed during the destruction of the old Russian statehood (the period of anarchy) and the formation of a new one. Legitimacy means that the population recognizes and accepts the power as justified and fair. Legality implies the legal origin of power, its implementation through the law, the acceptance of power by the population as lawful and fair. Comparing the authorities acting at that time in the region and speaking on behalf of Bessarabia and its population, we see that the Bessarabian National Union and its Directory in the north of Bessarabia had a fairly high level of legitimacy and legality.

**Keywords:** Bessarabia, Romania, Khotin uezd, occupation, uprising, Rusins, Moldavians.

---

\* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Grant Nr. 17-01-00089 "Rusyns of the Carpatho-Dniestrian Lands (from the 14th century to 1918)".

Самый северный уезд Бессарабии – Хотинский<sup>1</sup>, расположенный между Прутом и Днестром, граничил с Австро-Венгрией (австрийской Буковиной и Галицией), Румынией и Подольской губернией. Это был единственный уезд в Бессарабии, где большинство населения составляли русины (Драган 1849: 99–100; Бессарабская область 1861: XX; Защук 1862: 151, 155–156; Защук 1863: 304; Семенов 1863: 253; Петров 1892: 46–47; Бессарабия 1903: 179; Кочубинский 1903: 399; Несторовский 1905: 1–2; Россия 1910: 186, 187; НАРМ: 2; Бутович 1916: 9-12; Суляк 2015: 95–115).

Согласно переписи населения 1897 г., из 307 532 чел., проживавших в уезде, у 163 738 чел. родным языком был обозначен малорусский<sup>2</sup>. Уезд занимал первое место в губернии по численности и плотности населения (Перепись 1905: XIII, 70). По сведениям, собранным В.Н. Бутовичем в 1907 г., количество русинов (у В. Бутовича – «здешние малороссы, обычно называющие себя руснаками или русскими» (Бутович 1916: 9)) составляло в уезде не менее 182 000 чел. (Бутович 1916: 11). В самой же Бессарабии только в четырех уездах (Хотинском, Сорокском, Бельцком, Оргеевском) их проживало не менее 270 тыс. чел. (Суляк 2015: 95–115).

С началом Первой мировой войны север Бессарабии, граничивший с австрийской Буковиной, стал примыкать к театру боевых действий. После неудачного вступления в войну Румынии на стороне Антанты прифронтовым районом стала вся Бессарабия. А Россия в военном отношении оказалась еще более ослабленной из-за провальных действий слабого союзника.

К осени 1914 г. в ходе Галицийской битвы (5 (18) августа – 8 (21) сентября 1914 г.) русская армия заняла практически всю Восточную Галицию, часть Западной и большую часть австрийской Буковины (Айрапетов 2014а: 215–226; Оськин 2014: 107–112). Во время Великого отступления почти вся Галиция была оставлена российскими войсками к 22 июня 1915 г. (Айрапетов 2014б: 225–227), Черновцы русская армия покинула раньше – 17 февраля 1915 г., отступив за Прут (Добржанский et al. 2002: 180). Летом 1916 г. во время Брусиловского прорыва часть Восточной Галиции и австрийская Буковина были вновь заняты русскими войсками (Керсновский 1994: 34–64; Оськин 2014: 176–180). 5 (18) июня 9-я русская армия вновь заняла Черновцы (Айрапетов 2016а: 148).

К концу 1916 г. части 9-й русской армии были передислоцированы на юг Буковины и Галичины, а в Северной Буковине, Хотинском уезде и прилегавших районах Румынии разместились 8-я армия Юго-Западного фронта (Добржанский et al. 2002: 183). После Февральской революции и формирования Временным комитетом Государственной

Думы Временного правительства, которое в дальнейшем должно было передать всю полноту власти Учредительному собранию, началось разложение армии.

После неудачного июньского наступления 1917 г. на Юго-Западном фронте 11-я, 7-я и 8-я армии, как писал Н.Н. Головнин, «превратились в совершенно неустойчивые толпы, готовы бежать от первого же нажима неприятеля». Успешное вначале наступление 8-й армии Корнилова привело к потере почти всех сохранивших боеспособность частей (Головнин 2006: 472). 20 июля были оставлены Черновцы (Айрапетов 2016b: 267). В сентябре 1917 г. 8-я армия была придана Румынскому фронту.

Февральская революция положила начало развалу армии, к лету этот процесс усилился. Солдаты отказывались воевать, подчиняться приказам и выходить на позиции, митинговали, создавали комитеты. После провального летнего «наступления Керенского» русские части Румынского фронта стали отводить с фронта. После Октябрьской революции в ноябре–декабре 1918 г. целые части и соединения на Румынском фронте снимались с места дислокации и уходили на восток. Румынское правительство начало разоружать отступавшие части, стали задерживаться продовольствие и фураж, предназначавшиеся для пехоты и кавалерии. Это обострило и без того напряженную обстановку. Н.В. Крыленко, Верховный главнокомандующий российской армии после Октябрьской революции, издал приказ, согласно которому командование частями переходило «в руки комитетов, минуя штабы армии и фронта». Было дано указание «продовольствие брать по реквизиционным квитанциям Военно-революционных комитетов, приравненных к правительственным обязательствам. В случае столкновения с румынскими войсками прокладывать себе дорогу с оружием в руках». Без опытного командного состава части имели низкую боеспособность и, как правило, давали себя разоружить. Были произведены многочисленные аресты по политическому признаку (Бессарабия 1996: 170–171).

26 ноября (9 декабря) 1917 г. помощник командующего Румынским фронтом генерал Д.Г. Щербачев<sup>3</sup> и румынский генерал А. Лупеску подписали в г. Фокшаны перемирие с командованием австро-германских войск. Это позволило перебросить румынские войска для борьбы с большевизированными частями, которые были разоружены или блокированы. Был разогнан фронтовой Военно-революционный комитет (ВКР), убит военный комиссар фронта С.Г. Рошаль (Лазарев 1974: 78; Бойко 2014: 52; Назария 2014a: 65).

Нота Народного комиссариата иностранных дел, кратковременный арест румынской миссии в Петрограде и другие демарши советского



правительства не дали результатов. Разоружение русских частей, аресты и переход румынских войск через Прут продолжались. 13 (27) января Совнарком принял постановление о разрыве дипломатических отношений с Румынией. Способствовавший вводу румынских войск в Бессарабию генерал Д. Щербачев был объявлен вне закона (Бессарабия 1996: 171–173).

7 (20) октября 1917 г. Центральный молдавский военно-исполнительный комитет решил созвать Военно-молдавский съезд. Временное правительство и Ставка Верховного главнокомандующего запретили его проведение. Однако съезд все же прошел в Кишиневе 20–27 октября (2–9 ноября) (Мельтухов 2010: 23). Считалось, что около 600 делегатов представляли более 250 тыс. мобилизованных в армию бессарабцев. На самом деле делегатов, значительная часть которых являлись офицерами, никто не избирал. Большинство были персонально приглашены организаторами (Бессарабия 1996: 174; Левит 2000: 5; Мельтухов 2010: 23; История 2016: 8). Съезд постановил «объявить территориально-политическую автономию Бессарабии» и образовать Сфатул Цэрий (Краевой совет), который считался органом «временным до созыва Бессарабского Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права» (Бессарабия 1996: 174; Левит 2000: 5). В дни работы съезда в Петрограде было свергнуто Временное правительство, и власть перешла к большевикам. Декретом II Всероссийского съезда Советов и ВЦИК 27 октября (9 ноября) 1917 г. было создано новое правительство – Совет народных комиссаров во главе с В.И. Лениным.

Члены Сфатул Цэрий никем не избирались, а делегировались различными организациями (военными, Советом крестьян, Совдепом, кооперативами и т. д.). Решение об их количестве и распределении мест приняло 2 ноября 1917 г. созданное для организации Сфатул Цэрий бюро. Оно установило численность этого органа в 160 чел., включая 10 мест для молдаван левобережья Днестра. Вызвало нарекания распределение мест по национальному признаку: молдаване получили 70 % (105 мест), хотя в многонациональном по своему составу крае они представляли 47 % жителей (Бессарабия 1996: 175, 199). Крестьяне, самый многочисленный класс в губернии (80 % населения), получили всего 30 мест из 150. Рабочим не выделили ни одного мандата. Выделение мест политическим формированиям зависело от их политической ориентации (Назария 2013: 140).

Земства и городские управы Бессарабии, южные уезды бойкотировали Сфатул Цэрий. По той же причине в нем не было представлено и население Хотинского уезда. К тому времени в Бессарабии сложилось двоевластие. С одной стороны – Сфатул Цэрий, с другой



– Советы, в большинстве признавшие победившую в Петрограде советскую власть. Последние опирались на рабочих, крестьян и воинские подразделения, которые все больше большевизировались. Сфатул Цэрий рассчитывал на поддержку молдавских воинских частей (которые тоже постепенно революционизировались и отказывались ему подчиняться), а также на помощь Румынии и Антанты. Большевики усиливали свое влияние в крае, опираясь в политическом плане на Советы, в военном – на большевизированные части (Назария 2014b: 57).

21 ноября 1917 г. на первом заседании Сфатул Цэрий избранный его председателем И. Инкулец заявил, что «впредь до созыва бессарабского Учредительного собрания и до установления принципов федерации общероссийским Учредительным собранием верховной властью в Бессарабии должен стать Сфатул Цэрий, составленный из представителей демократических организаций, органов самоуправления, политических партий и представителей национальностей, населяющих территорию Бессарабии» (Sfatul Țării 2016: 103).

2 (15) декабря Сфатул Цэрий провозгласил создание Молдавской Народной Республики, «входящей как равноправный член в состав единой Федеративной Российской Демократической Республики», а также что до созыва народного собрания Молдавской Республики он является верховной властью (Бессарабия 1996: 201–202).

7 (20) декабря 1917 г. на закрытом заседании Сфатул Цэрий, не обращая внимания на протесты многих своих членов, в т. ч. и всей крестьянской секции, принял решение пригласить в Бессарабию румынские войска «для обеспечения порядка». Предлогом для приглашения послужили утверждения о «насилиях и злодеяниях», совершавшихся уходившими с Румынского фронта русскими частями, о росте волнений среди крестьян после провозглашенного большевиками Декрета о земле. На молдавские части Сфатул Цэрий положиться не мог. Они были большевизированы и отказывались подавлять выступления крестьян (История 1968: 62–63; Бессарабия 1996: 176–177).

1 (14) января 1918 г. Фронтотдел Румчерода своим приказом № 1 объявил, что принимает на себя «всю полноту власти и командование над войсками Румынского фронта и прифронтовой полосы». В тот же день воинские подразделения, подчинявшиеся Фронтотделу и кишиневскому Совету рабочих и солдатских депутатов, установили контроль над кишиневским вокзалом, почтой и телеграфом (История 2016: 31).

Видя, что Сфатул Цэрий стремительно теряет свое влияние и власть, 30 декабря (12 января) Совет министров Румынии по согласованию

с Антантой принял решение послать войска в Бессарабию (История 2016: 33). Предпринятые ранее попытки оккупировать Кишинев (полк трансильванцев 5 января и румынские части, продвигавшиеся со стороны Унген 6 января, не смогли захватить город), а затем всю Бессарабию малыми силами не удалось. Румынскому командованию пришлось перебросить через Прут четыре дивизии, укомплектованные по штатам военного времени, что составляло 50 тыс. штыков и сабель. Участвовали в захвате Бессарабии и сформированные на Румынском фронте по национальному признаку украинские части (Бессарабия 1996: 177, 204–206).

В постановлении Совета народных комиссаров РСФСР от 13 января 1918 г. эта акция со стороны Румынии была однозначно отмечена как «военные действия против Российской Республики», что повлекло за собой разрыв дипломатических отношений с Румынией и арест румынского золотого фонда, перевезенного на хранение в Москву в 1916 г. в связи с захватом Бухареста германскими войсками. Вскоре была создана Верховная автономная коллегия СНК РСФСР по русско-румынским делам, наделенная широкими полномочиями по ведению всех дел, касавшихся взаимоотношений с Румынией (Бессарабия 1996: 177–178).

24 января (6 февраля) 1918 г., вопреки своей прежней декларации, Сфатул Цэрий провозгласил Молдавскую Народную Республику «самостоятельной и ни от кого не зависимой свободной» (Бессарабия 1996: 208).

Результатом переговоров между Советской Россией и Румынией стало «Русско-румынское соглашение об очищении Румынией Бессарабии», подписанное 5 марта 1918 г. в Яссах председателем Совета министров, министром иностранных дел Румынии А. Авереску и 9 марта в Одессе – со стороны России – председателем Верховной автономной коллегии Совнаркома по русско-румынским делам Х. Раковским, комиссаром по иностранным делам Одесской Советской Республики М. Брашеваном, председателем Румчерода В. Юдовским, председателем исполкома одесских Совдепов А. Воронским и главнокомандующим Южными советскими армиями М. Муравьевым. Заключив соглашение, Румыния, таким образом, признала легитимность советской власти и принадлежность Бессарабии Советской России. Согласно соглашению, «Румыния обязывается очистить Бессарабию в течение двух месяцев», все освобожденные «румынскими властями местности занимаются сейчас же русскими войсками» (Документы 1: 208–211; Бессарабия 1996: 216–217).

В это же время румынское правительство заключило т. н. preliminary мир с Центральными державами в Буффе 5 (18) марта

1918 г. и в нарушение договоренностей от 5–9 марта пропустило германо-австрийские войска на Украину. Румыния фактически отказалась выполнять заключенное советско-румынское соглашение, не опасаясь ответных мер: Бессарабия оказалась отрезанной от центральной власти и сил Красной армии (Бессарабия 1996: 181). По условиям мирного договора Румыния должна была сократить свою армию. Однако румынское правительство получило одобрение Берлина на аннексию Бессарабии, и здесь разрешалось на неопределенное время сохранить две пехотные, две кавалерийские дивизии, другие воинские части (жандармерию и т. д.), а также необходимое вооружение и боеприпасы для боевых операций в крае (Левит 2000: 389–390; Назария 2014а: 67).

27 марта (9 апреля) 1918 г. Сфатул Цэрий принял декларацию, в которой «именем народа Бессарабии» объявил объединение с Румынией с «сохранением провинциальной автономии, своей диеты (имеется в виду сохранение органов самоуправления. – С.С.), земских и городских органов самоуправления; территориальным принципом прохождения службы в армии и т. д.». Голосование проходило в окруженном румынскими войсками здании. Оно было открытым: из 162 членов собрания 86 подняли руки «за», трое высказались против, остальные воздержались или под разными предлогами уклонились от участия в процедуре (Бессарабия 1996: 182, 220–221). До этого румынскими властями были расстреляны пять членов Сфатул Цэрий – противников объединения и руководителей 3-го Бессарабского губернского крестьянского съезда, высказавшегося против отторжения Бессарабии от России (Бессарабия 1996: 181–182). Решение Сфатул Цэрий вызвало протесты представителей различных органов власти и политических сил: местных членов Учредительного собрания России, многих сельских сходов, Союза учащихся г. Бендеры, Бессарабского бюро политических эмигрантов, народников, почтово-телеграфных служащих, бессарабской роты Добровольческой армии (Бессарабия 1996: 183).

29 марта 1918 г. Кишиневская городская дума в своем приветствии прибывшим депутатам румынского парламента заявила: «Мы считаем, что акт присоединения Бессарабии к Румынии может стать актом правовым только лишь по окончании общеевропейской войны, по решению международной мирной конференции, которая одна только вправе определять судьбу народов на основании ею же выработанных правовых норм, а не путем вотума никем не избранного, а потому и никем не признанного краевого органа Сфатул Цэрий, подавляющее большинство которого принадлежит к малокультурным и политически несознательным слоям населения». Осудили присоединение Бессара-

бии к Румынии и полковой комитет 1-го Молдавского полка, батареиный комитет 129-й аэробатареи и представители Севастопольского отряда матросов-молдаван (Бессарабия 1996: 183, 224–225).

20 ноября 1918 г. 40 членов Сфатул Цэрий, среди которых были старейший из депутатов, открывший первое ее заседание, И. Александри, председатель Военно-молдавского конгресса В. Чижевский, генеральный секретарь С. Епури, председатель крестьянской фракции В. Цыганко обратились с меморандумом к румынскому правительству, в котором выдвинули требования о соблюдении прав автономии Бессарабии (Бессарабия 1996: 184, 231–233). В действительности никакой автономии Бессарабии не было, вся жизнь в области регламентировалась декретами румынского короля и приказами его наместника. Хотя военные действия на Румынском фронте были давно прекращены, 1 июля 1918 г. декретом короля на территории Бессарабии было продлено осадное положение, которое послужило предлогом для сохранения цензуры печати и переписки, запрещения собраний. В ведение румынской администрации перешли почта, телеграф, телефон. Были упразднены городская и уездная милиция, в городах она была заменена румынской полицией, а в сельской местности – румынской жандармерией. В октябре 1918 г. декретом короля были распущены губернское земство, Краевой союз городов, городские и уездные органы самоуправления (думы, управы). Вместо них по представлению военного генерального комиссара Бессарабии генерала А. Вэйтояну были назначены временные комиссии по управлению городами. В конце октября на Бессарабию было распространено действовавшее в Румынии судебное законодательство (Левит 2012: 18). Русский судебный корпус, как и часть почтовых служащих присягать на верность румынскому государству отказался (История Бессарабии 2001: 98–99).

18 апреля 1918 г. советское правительства выразило протест председателю Совета министров Румынии против захвата Бессарбии. Было заявлено, что это «является не только вызовом Российской Федеративной Советской Республике, но и вопиющим нарушением заключенного Вашим предшественником соглашения с Россией об очищении в течение 2 месяцев Бессарабии. Присоединение последней к Румынии является также насилием над бессарабским населением, единогласно и открыто выразившим свой протест против румынской оккупации» (Документы 1: 248–249; Бессарабия 1996: 225–226).

В преддверии Парижской мирной конференции руководство Румынии решило, что присоединение Бессарабии с сохранением прав автономии может создать трудности в вопросе признания Бессарабии частью территории Румынии (Левит 2012: 17–18). 27 ноября (10 де-

кабря) 1918 г. спешно собранный Сфатул Цэрий принял резолюцию, в которой говорилось, что «Бессарабия отказывается от условий, выговоренных актом объединения от 27 марта 1918 года, будучи уверена, что общий демократический режим обеспечил для Румынии всех воссоединяющихся румын. Не ожидая созыва Румынского учредительного собрания, избранного всеобщим голосованием, и разрешив аграрный вопрос в согласии с нуждами и желаниями народа, Сфатул Цэрий аннулирует все условия акта 27 марта и объявляет без каких бы то ни было условий присоединение Бессарабии к Великой Румынии». За данное решение проголосовали 38 чел. из 46 присутствовавших. Всего в состав Сфатул Цэрий входили 162 члена. 10 депутатов Сфатул Цэрий составили Акт о незаконности присоединения Бессарабии к Румынии (Бессарабия 1996: 186, 234–238). После голосования в 5 часов утра явился генерал Вэйтояну и зачитал членам Сфатул Цэрий королевский указ о его роспуске (Бессарабия 1996: 186).

Судьба Хотинского уезда была несколько иной. После Октябрьской революции остро встал вопрос о его государственной принадлежности. Летом 1917 г. Центральная Рада объявила о своем желании объединить все «украинские земли». Большевики, несмотря на признание права наций на самоопределение, стремились сохранить страну единой. На Хотинский уезд претендовал и созданный в Кишиневе Сфатул Цэрий. Представители же Белого движения, осуждая присоединение Бессарабии к Румынии, выступали против вооруженного выступления, призывали к пассивному сопротивлению и рассчитывали на решение Парижской мирной конференции (Юрченко 1948: 42; Левит 2012: 34).

В расквартированной в Хотинском уезде 8-й армии действовало несколько десятков украинских солдатских комитетов. 1 октября 1917 г. прошел Всеармейский украинский съезд. В конце ноября 1917 г. Генеральный секретариат Центральной Рады объявил об объединении Юго-Западного и Румынского фронтов. Однако к тому времени большевики уже имели большое влияние в войсках. 10 ноября большевистский военно-революционный комитет 8-й армии приказал корпусным комитетам армии не выполнять приказы штаба армии и указания Центральной Рады. 20 ноября комитет заявил, что берет всю полноту власти на территории, занятой армией, в свои руки. Большевики взяли под контроль управление Хотинским уездом. В Советах сельских и рабочих депутатов были проведены досрочные перевыборы Хотинского уездного и волостных земельных комитетов (Добржанський et al. 2002: 185–187).

Хотинский Совет рабочих и солдатских депутатов в начале января 1918 г. в своем «Воззвании ко всем волостным и сельским комитетам Хотинского уезда» указал, что «создание Молдавской Республики –

это дело помещиков-капиталистов, чтобы потом включить Бессарабию в состав Румынии», и отрицательно высказался против посылки депутатов 18 января на Крестьянский съезд в Кишинев (Юрченко 1948: 117).

8–9 (21–22) января 1918 г. прошел IV Крестьянский съезд Хотинского уезда. Большинство делегатов представляли крестьянские Советы большевистской ориентации. Съезд «признал власть Советов и постановил немедленно претворять в жизнь декреты советской власти в Бессарабии, которая должна быть составной частью Страны Советов». Также съезд принял постановление о перевыборах членов уездного Совета и о созыве нового съезда (Хотинское восстание 1976: 27–28; Добржанський et al. 2002: 187).

На севере Бессарабии координацией действий против румынских интервентов занимался Бессарабский ЦИК. Он был создан 29 января 1918 г. в Могилеве-Подольском представителями Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Бельцкого и Хотинского уездов, на следующий день в него вошли представители Сорокского уездного Совета. Вместе с Военно-революционным комитетом 8-й армии был издан приказ о мобилизации в этих уездах, который призвал к сопротивлению оккупантам (История 1968: 81).

Примерно 28–29 января 1918 г. в Могилеве-Подольском состоялось собрание представителей Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Хотинского и Бельцкого уездов, на котором был образован Бессарабский центральный исполнительный комитет Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, было принято решение о подчинении ему всех государственных, гражданских и общественных учреждений, которые должны исполнять решения советских органов власти. Своей ближайшей целью комитет ставил «укрепление советской власти на местах, беспощадную борьбу с контрреволюционными силами, внешними врагами (румынами и их союзниками)» (Хотинское восстание 1976: 33–34). Бессарабский Центральный исполнительный комитет призвал население бороться с захватчиками и вступать «под знамена трудовой и крестьянской Красной гвардии» (Лунгу 1979: 53).

5 (18) февраля 1918 г. состоялся V Съезд крестьянских депутатов Хотинского уезда, который принял решение о мобилизации. В резолюции съезда предписывалось «принять все меры для изгнания румын из Бессарабии, совместно со всей Россией и со всем русским народом», «утвердить власть Советов на местах» (Юрченко 1948: 118), а также проводить агитацию для записи добровольцев и сделать все необходимое для выполнения приказа № 1 Бессарабского центрального исполнительного комитета Советов крестьянских, рабочих и

солдатских депутатов и военно-революционного комитета 8-й армии (Хотинское восстание 1976: 38–41).

Положение на севере Бессарабии осложнилось тем, что в конце февраля 1918 г., помимо румынских войск, наступавших с юга, в Хотинский уезд с территории австрийской Буковины и Галиции вторглись австро-венгерские войска (Юрченко 1948: 31; История 1968: 82). 28 февраля ими были заняты Новоселица, Хотин, Каменец-Подольский и другие населенные пункты. Австро-венгерские войска заняли почти весь Хотинский (кроме восьми сел, которые были до этого оккупированы румынами) и северную часть Сорокского уезда. Оккупируя северную часть Бессарабии, австро-немецкие захватчики обеспечивали себе контроль над железнодорожной магистралью Черновцы – Новоселица – Окница – Могилев-Подольский (Юрченко 1948: 31). Подписав мирный договор с Румынией 7 мая 1918 г., Австро-Венгрия обговорила право оставить за собой Хотинский уезд для безопасности Черновцов. После принятия Сфатул Цэрий решения об объединении Бессарабии с Румынией в Хотинском уезде с разрешения военных австро-венгерских властей в марте–апреле прошли народные собрания во многих селах, всех волостных центрах и в Хотине. На них население выразило протест против курса Сфатул Цэрий на объединение с Румынией (Добржанський et al. 2002: 190). Во время оккупации австро-венгерские власти разогнали все организации, оставив земство. Оккупанты вывозили из уезда продовольствие и скот, не стеснялись облагать поборами и грабить местное население. Это вызывало сопротивление крестьян (Юрченко 1948: 33–37, 123–125; Хотинское восстание 1976: 45–52).

Начавшиеся в Австро-Венгрии революция и разложение армии заставили австро-венгерские войска уйти из Хотинского уезда к началу ноября 1918 г. 25 октября (7 ноября) в уезд прибыл назначенный марионеточным правительством П.П. Скоропадского уездной староста Избицкий. После ухода австро-венгерских войск он объявил о присоединении уезда к Украинской державе. Против этого выступила земская управа. Еще 23 октября (5 ноября) Хотинская уездная земская управа объявила, что она «приняла на себя, как единственно правомочный орган власти, управление всем уездом» (Юрченко 1948: 38). В докладе Хотинской уездной земской управы уездному земскому собранию от 28 октября (10 ноября) 1918 г. говорилось: «Вопрос о дальнейших мероприятиях должен быть внесенным на усмотрение собрания, но в настоящее время условия изменились – положение уезда стало еще более неопределенным: в Хотин прибыл повитовый староста Украинской державы, объявивший о присоединении уезда к Державе украинской, в то же время в



Бричанах начальник 1-й румынской кавалерийской дивизии объявляет о присоединении Хотинского уезда к Румынии. Так или иначе изолированным уезд, по-видимому, более не будет, и все функции по управлению и в том и в другом случае от земства отпадут, и управа вернется к заведыванию своими чисто земскими делами. Полагая, что окончательное решение вопроса о принадлежности земли Хотинской может состояться лишь по постановлению международной конференции, и признавая настоящее положение дел временным и преходящим, управа предоставляет все вышеизложенное на усмотрение собрания и просит: 1) одобрить действия управы; 2) подтвердить стремление уезда к воссоединению с единой Великой Россией» (Юрченко 1948: 125–126). Земское собрание проголосовало за объединение с Россией (Добржанський et al. 2002: 193).

Воспользовавшись уходом австро-венгерских войск, 25 октября (7 ноября) 1918 г. румынская армия начала наступление в направлении Хотина. Захватив г. Хотин вечером 28 октября (10 ноября), командир 2-й кавалерийской румынской бригады полковник Морузи на следующий день объявил: «Румынские военные власти оккупировали гор. Хотин с целью сохранения общественного порядка и спокойствия, подавления всевозможных грабежей и насилий и поддержания вообще порядка, нарушенного в течение четырех лет, и для предупреждения оккупации неприятелем» (Юрченко 1948: 127).

В своих зашифрованных телеграммах 7 и 8 ноября Избицкий сообщал в Киев о продвижении румынских войск, указывая на «общую тревогу населения, не желающего румын» (Юрченко 1948: 38, 40). Когда в Хотин вошли румынские войска, Избицкий подал протест румынскому командованию. Ноту протеста прислало и Министерство иностранных дел гетмана Скоропадского. Представители румынского командования эти демарши проигнорировали, а Избицкого заставили 12 ноября покинуть уезд (Добржанський et al. 2002: 193–194).

На территории уезда было введено, как во всей Бессарабии, осадное и особое положение. Из приказа коменданта г. Хотин майора Г. Попеско от 2 (15) ноября 1918 г.: «9) Никто не имеет права говорить дома, на улицах, в ресторанах, кофейнях, учреждениях и школах ничего против румынского войска и вообще вести разговоры, касающиеся национальности румын; 10) Все должны оказывать должное почтение и уважение румынским войскам и особенно офицерам, так как румынские войска прибыли сюда для поддержания порядка и спокойствия, а не насильно; 11) Виновные в неисполнении сего приказа, имея в виду общественное спокойствие, будут наказаны арестом от 5 дней до 3 месяцев или штрафом от 100 до 3 000 лей. Если же будет доказано, что кто-либо оставил при себе оружие для сопротивления



румынским властям или войску, будут наказываться смертной казнью через расстреляние» (Бессарабия 1996: 210–211). Он же приказал немедленно снять все вывески, написанные на русском языке, и заменить их румынскими. В школах запрещалось вести занятия на русском языке и преподавать последний. Хотинский префект Николау несколько позднее заявил председателю уездной земской управы, что «никакая корреспонденция ни под каким видом не может быть разрешена на русском языке», и предупредил, что «во всякой корреспонденции, написанной на русском языке, будет отказано и об этом будет сообщено государственной сыскной полиции и военным учреждениям для принятия мер против уклоняющихся от закона». Все учреждения уезда были либо распущены, либо поставлены под полный контроль военных властей (Юрченко 1948: 44).

В Хотинском уезде румынские военные власти по бесчинствам над местным населением превзошли занимавших недавно Хотинский уезд австро-венгров. В с. Перебыковцы оккупанты ограбили и выпороли розгами многих крестьян, 10 чел. расстреляли. Подобные акты жестокости и произвола повторялись в Новоселице, Волчинцах, Старой Ушице, Окнице, Атаках и других местах. В конце декабря 1918 г. каратели выпороли за невыполнение какого-то приказа 285 жителей с. Диновцы Хотинского уезда. Перед этим «по ошибке» были выпороты 85 жителей с. Данковцы. Офицер, командовавший карателями, перепутал его с Диновцами. Месяцем ранее крестьяне с. Левинцы поймали с поличным ограбивших мельницу румынских солдат. Одному из них удалось сбежать. Прибыв в Хотин к коменданту, солдат заявил, что крестьяне избили невиновных. После этого многие жители Левинцов были высечены, около 30 чел. брошены в тюрьму. В одном из документов описаны действия карательного отряда, который учинил в селе Ходороуцы «страшную, небывалую порку. Порют солдатскими лопатками так, что мясо летит клочьями из крестьянских спин. Двое избиваемых не выдерживают и бросаются в колодец. По окончании избияния карательный отряд возвращается в Мендыкоуцы и уничтожает хозяйства крестьян, бежавших от наказания...» (Докладная записка 1940: 88–91; Хотинское восстание 1976: 62, 102; Лунгу 1979: 99). 18 декабря, воспользовавшись тем, что на ярмарку в м. Атаки (Сорокского уезда) съехались крестьяне окрестных сел, оккупационные власти собрали их и потребовали дать присягу на верность румынскому королю. Крестьяне отказались, стали раздаваться призывы к изгнанию оккупантов, после чего вызванные войска разогнали крестьян. В отместку за отказ принять присягу румынские власти прекратили выдачу пропусков в Могилев-Подольский и обратно. В результате население Атак, отрезанное от Бессарабии

и Подолии, стало испытывать большую нужду в продуктах питания (Хотинское восстание 1976: 61–62).

В селах Северной Бессарабии стали возникать подпольные ревкомы. В Ставчанах его возглавил участник революционных событий 1917 г. в Петрограде, член Временного Хотинского укома РКП (б) и уездного ревкома Н.Л. Адажий, в Ленкауцах – участник январского вооруженного восстания 1918 г. в Киеве В.И. Крючков (Цвинтарный), в Сталинештах во главе ревкома встал бывший матрос-большевик Х.С. Руснак, в Каларашевке – А.Д. Папуша, на железнодорожной станции Ларга – большевик В.В. Паренко. Повстанческие отряды возглавляли Г. Романюк, И.С. Лунгу, Д.Т. Чекмак, Н.Ф. Скутельник и др. В конце ноября 1918 г. в с. Дарабаны состоялось нелегальное совещание Хотинского военно-революционного комитета (председатель – руководитель Временного Хотинского укома РКП(б) И.И. Волошенко-Мардарьев, члены комитета Н.Л. Адажий, Г.М. Журавец и др.), который вынес решение о подготовке вооруженного восстания (Лунгу 1979: 99–100).

Вооруженное сопротивление румынским оккупантам началось со второй половины декабря 1918 г. Как сообщал петлюровский начальник охраны Старой Ушицы 20 декабря, вооруженные хотинцы целыми отрядами («бандами») переходили через Днестр, они «подговаривают крестьян уезда и вместе с ними стреляют в румынских солдат». 24 декабря в районе с. Кормань хотинцы обстреляли офицерский патруль. По требованию румынских военных властей начальник охраны Старой Ушицы выдал им двух бессарабцев, стрелявших в патруль (Юрченко 1948: 55).

После румынской оккупации Хотинского уезда многие его жители бежали на левобережье Днестра. В декабре 1918 г. в Каменец-Подольском, в то время одном из центров формирования войск и дислокации военного руководства УНР, был образован Бессарабский национальный союз (в некоторых документах – Межнациональный бессарабский союз)<sup>4</sup>. В его составе были в основном выходцы из Хотинского уезда. Союзом был образован комитет как исполнительный орган в составе пяти членов. Когда началось преждевременное восстание, комитет Бессарабского национального союза объявил себя Директорией – высшим временным органом освобождающейся Бессарабии<sup>5</sup> (Юрченко 1948: 66; Буковина 2005: 490).

В ночь с 6 на 7 (19–20) января отряд в 240 чел., состоявший из петлюровских солдат и бессарабских беженцев, под командованием атамана «войск Могилевского района» И.А. Маевского переправился через Днестр и четырьмя группами напал на румынские пограничные посты в м. Атаки. Маевский захватил станцию Окница. Местное население встречало отряд с хлебом-солью, в церквах

звонили колокола, крестьяне, вооружившись чем попало, вливались в его ряды. Румыны, не ожидавшие нападения, массово сдавались в плен. Это нападение не было согласовано с комитетом Бессарабского национального союза и его хотинской группой, намечавших восстание на весну (Юрченко 1948: 96–97; Добржанский et al. 2002: 196–197). К тому времени к Днестру должны были выйти, как полагали руководители восстания, части Красной армии (История 2016: 82). А.Т. Юрченко считал набег Маевского петлюровской провокацией (Юрченко 1948: 96). В этом районе действовали партизанские отряды Г.И. Барбуцы, А.Я. Старова и др. Восставшие освободили ряд сел (Хотинское восстание 1976: 7). Командование 9-й румынской дивизии ввело в районе Окницы «осадное положение, как в прифронтовой зоне» (Хотинское восстание 1976: 64).

8 (21) января 1918 г. Директория Бессарабского национального союза обратилась к командующему Окницкой группой войск УНР<sup>6</sup>, Директории УНР, президенту США и правительствам Англии, Франции, Германии, Австрии, России и Италии с нотой, в которой «от имени всего пострадавшего бессарабского народа» доводила до их сведения, что «румынское правительство произвело над всем бессарабским народом небывалое насилие», и провозглашала себя «высшим временным органом освобождающейся Бессарабии». Директория выражала надежду, что «никто не пойдет против этого завоевания свободы бессарабским народом, а наоборот, правительства всех стран помогут освободившемуся от румын народу провести у себя референдум – и только тогда, когда воля народа выяснится, присоединиться к тому или иному народу государства». Директория просила украинское правительство взять на себя передачу ноты всем вышеуказанным правительствам по телеграфу. Ее подписали председатель Директории И. Лискун, ее секретарь Л. Токан и член Директории Левицкий (Борьба трудящихся Молдавии 1967: 220–221).

Основные события разыгрались в ночь с 9 на 10 (22–23) января 1919 г. Отряд хотинских крестьян из района с. Рукшин (западнее Хотина) численностью в 230 чел.<sup>7</sup> берегом Днестра пробирался в направлении с. Атаки (Хотинского уезда). Его задачей было захватить деревянные мосты, соединявшие подольский берег Днестра у местечка Жванец с бессарабским берегом у с. Атаки. Эти мосты хорошо охранялись румынами: охрана в 150 чел., вырытые окопы, в которых были установлены пулеметы. Артиллерия, располагавшаяся на высотах возле Хотина, контролировала подходы к мостам. Поэтому весь расчет делался на внезапную атаку с тыла. Отряд случайно был обнаружен конным разъездом румын. Несмотря на завязавшуюся перестрелку, повстанцы продолжали движение. Приблизившись к

охране мостов, они напали на охрану. Одновременно другой отряд повстанцев численностью в 200–300 чел., состоявший из хотинских беженцев, двинулся с левого берега Днестра на румын прямо по мостам. Мосты были захвачены. Однако артиллерийская и оружейная стрельба была воспринята во многих окрестных селах как сигнал к восстанию. Расправившись с жандармами в своих селах, отряды двинулись к Хотину (Юрченко 1948: 56–57; Дембо 1924: 101; Добржанський et al. 2002: 197–198). На стороне восставших выступили охранявшие мосты со стороны Левобережья, у м. Жванец, конная сотня Я. Кармалюка и пятая сотня 7-го Подольского полка. Они вместе с повстанцами приняли участие в штурме пограничной заставы в Атаках и в наступлении на Хотин, которые были очищены от румын к утру 10 (23) января (Юрченко 1948: 132; Хотинское восстание 1976: 74–75; Добржанський et al. 2002: 198).

Хотя большинство участников восстания были крестьянами, в нем приняли участие все социальные слои: рабочие, ремесленники, интеллигенция, бывшие офицеры русской императорской армии. По национальному составу среди восставших были представители всех этносов, проживавших в регионе: молдаване, русины, великороссы, евреи и др. Несмотря на запрет петлюровского руководства, принимали участие в восстании и малороссы: крестьяне соседних с Бессарабией регионов, военнотружашие УНР, а также многочисленные беженцы, скрывавшиеся за Днестром от Директории, в т. ч. и участники восстания против петлюровцев в Новой Ушице, перебравшиеся в с. Секуряны (Юрченко 1948: 63–64; Хотинское восстание 1976: 8, 75). Хотинское земство выделило на нужды восстания 2 млн руб. В церквях состоялось богослужение в честь освобождения края от врага (Добржанський et al. 2002: 198).

10 (23) января Директория обратилась к гражданам Бессарабии с призывом изгнать румынских оккупантов, завершив его словами: «Да здравствует свободная демократическая Бессарабия! За волю и землю – все к оружию!» (Хотинское восстание 1976: 67). 14 (27) января Директория отдала приказ о мобилизации. Призыву подлежали все мужчины, способные носить оружие, от 18 до 25 лет, а в Хотине – до 40 лет, все офицеры и чиновники бывшей русской армии до 60 лет включительно, все медицинские, ветеринарные врачи до 60 лет, а фельдшера, фельдшерицы и бывшие сестры милосердия – до 40 лет. Мобилизованные должны были быть одеты, обуты, иметь провиант на четыре дня. За обмундирование полагались денежные выплаты. Мобилизованным было приказано явиться со своим оружием, какое у них имелось («пулеметы, ружья, бомбы, ракеты, патроны, шашки, револьверы и т.д.»). Заявивших о своей неспособности

носить оружие должны были подвергать осмотру медицинской комиссии, назначенной войсковым комиссаром. Всех, кто будет уклоняться или препятствовать мобилизации, решено было «считать врагами народа и свободы и немедленно предавать военно-полевому суду, семейства их высылать в Румынию, а имущество конфисковывать». Военный комиссар Бессарабской народной армии И. Дунгер объявил мобилизацию с 15 января (Борьба трудящихся Молдавии 1967: 225–227).

Состав Директории отражал настроения различных социальных слоев уезда. В результате образовались две группы. Одна ставила задачу полного освобождения Бессарабии от румынских оккупантов, после которого население само должно было решить судьбу края. Сторонники этой линии пользовались наибольшим влиянием (И. Волошенко-Мардарьев, бывший директор Второго приходского училища в Хотине, стоявший в то время на позициях, близких к анархизму и большевизму, и беспартийный священник Л. Токан). Вторая группа ограничивалась освобождением северной части Бессарабии (Хотинского и части Сорокского уездов) и выдвигала задачу создания Народно-Демократической Республики Малой Буковины со столицей в Хотине, входившей на автономных началах в Украинскую Республику. Сторонники этой линии (Е. Лысак, И. Лискун, члены партии украинских эсеров) были тесно связаны с украинской Директорией. Близкими к ним по взглядам были И. Дунгер и комендант Хотина Г. Журавец (Юрченко 1948: 79, 107–108; Добржанський et al. 2002: 200). Черновицкий исследователь В.П. Старик обратил внимание на такую закономерность: Бессарабская директория в своих документах не упоминала национальности (русинов<sup>8</sup>, украинцев, молдаван, русских и т.д.). Она занималась проблемами всего «бессарабского народа» и его борьбой против румынской оккупации. С 18 августа 1919 г. в том же Каменец-Подольском действовала созданная после оккупации Румынией австрийской Буковины Буковинская национальная рада, которая также использовала наднациональный термин – «буковинцы» (Старик 2009: 177–178).

Первоначально Бессарабская народная армия состояла из трех полков – Рукшинского, Анадольского и Данкоуцкого, в каждом из которых насчитывалось свыше 1 000 чел. (Юрченко 1948: 70; Хотинское восстание 1976: 8). Был назначен комендант Хотина, создан штаб армии, сформирована артиллерия, налажена телефонная и телеграфная связь с Каменец-Подольским и ближайшими селами (Добржанський et al. 2002: 198). Сначала командование армии возлагалось на И. Дунгера. Однако ему не хватало опыта командования крупными воинскими соединениями. Поэтому вскоре Директория

передала командование капитану Латьеву (местные жители называли его Латий), который служил в русской, а затем в украинской армиях. Он тоже не смог справиться с поставленными задачами (Добржанський et al. 2002: 201). Во главе штаба и полков были поставлены офицеры бывшей русской армии из числа членов Бессарабского национального союза и жителей Хотина (Юрченко 1948: 70). Из мобилизованных, имевших на руках оружие, сразу же формировались полки. Тех, кто оружия не имел, командиры полков отсылали обратно в села. После поступления оружия их вызывали для пополнения сформированных полков (Юрченко 1948: 71).

Численность Бессарабской народной армии, согласно некоторым источникам, была до 5 тыс. штыков, не считая внутренней охраны. Однако, по мнению А. Юрченко, есть основание предполагать, что силы повстанцев были значительно большими. По данным Бессарабского бюро ЦК РКП(б), в Хотинском районе повстанцев было до 20 тыс., а в Могилеве-Подольском районе – до 10 тыс. чел. (Юрченко 1948: 71).

Вначале часть руководителей восстания рассчитывала на помощь со стороны Директории Украинской Народной Республики, созданной в декабре 1918 г. после свержения правительства П. Скоропадского. Однако УНР вела в то время тяжелые бои с Красной армией, которая наступала на Киев. Директория УНР боялась спровоцировать военный конфликт с Румынией (Добржанський et al. 2002: 200), которая продавала УНР оружие и боеприпасы из присвоенного ею имущества русских армий Румынского фронта.

Испытывая недостаток в вооружении и боеприпасах, повстанцы вынуждены были изымать их на военных складах армии УНР. Изъятия происходили мирным путем. Ответственные лица в актах об изъятиях, протоколах дознания, донесениях и т.д. писали примерно одно и то же (Хотинское восстание 1976: 75–80). Из акта об изъятии хотинскими повстанцами оружия с военного склада с. Руды: «24 января 1919 г. на склад в с. Руда прибыли около 50 партизан из г. Хотина и потребовали выдачи трех орудий, снарядов к ним и другого оружия, в чем им было отказано. Не имея возможности сопротивляться и во избежание бесполезного кровопролития, начальник склада принужден был открыть магазин склада и предоставить содержимое в распоряжение партизан» (акт подписан чиновником для поручений В. Павловским и четырьмя жителями с. Руда) (Хотинское восстание 1976: 75). Из донесения начальника штаба 2-го Подольского корпуса армии УНР о нападении хотинских повстанцев на оружейный склад в Каменец-Подольском: «В Каменце в ночь на 26 января хотинские повстанцы явились на квартиру заведующего оружейным складом и потребовали у него выдать им оружие, патроны и другое имущество. Заведующий

складом отказал им, после чего они его и деловода арестовали, сняли с постов казаков из охраны, сломали замки и забрали 750 ружей, 20 000 патронов и другое оружейное имущество» (Хотинское восстание 1976: 76-77). Из показаний делопроизводителя каменецкого артиллерийского склада С.И. Рембовского: «В ночь с 25 на 26 января 1919 г., в 2 часа, я услышал стук в дверь моей квартиры. Когда я встал и открыл дверь, то в коридоре увидел несколько вооруженных людей и между ними начальника склада сотника Иванчишина. На мой вопрос, в чем дело, начальник склада сказал, что он арестован, а окружавшие его люди заявили, что они бессарабские повстанцы и прибыли на склад получить нужное им вооружение... Эти люди предложили мне идти с ними вместе с начальником склада, поставили около меня несколько вооруженных человек, повели к оружейному отделу артиллерийского склада, где сорвали пломбу, сорвали замок, открыли двери и стали забирать разное имущество... Взяты были винтовки русского образца, винчестеры, сабли, несколько мотков провода, ружейные патроны и еще другое имущество... На все взятое имущество был составлен акт» (Хотинское восстание 1976: 77-80). Однако оружие, захваченное у румын в первые дни восстания, и конфискованное вооружение со складов войск УНР не обеспечили потребностей повстанцев. Как отмечал А. Юрченко, «были пушки, но не было снарядов. У многих повстанцев не было винтовок, а тем, у кого они были, не хватало патронов» (Юрченко 1948: 77).

Более десяти дней власть в Хотинском уезде и многих селах Сорокского принадлежала Бессарабской директории. В то время, помимо формирования армии, началось восстановление советских органов власти (Хотинское восстание 1978: 8). Спустя шесть-семь дней после начала восстания румынская армия перешла в наступление. Находившиеся в процессе формирования, плохо вооруженные подразделения Бессарабской народной армии и отряды сельской самообороны не могли оказывать длительного сопротивления и сдерживать продвижение регулярных частей румынской армии (Юрченко 1948: 80-83). Превосходящие силы румын теснили повстанцев, сражавшихся за каждый населенный пункт. В ночь на 1 февраля после ожесточенного боя румыны заняли Хотин. Повстанцы вынуждены были отступить и, дав противнику последний бой по линии сел Атаки – Пригородок, перешли Днестр. В Подолию перешло до 4 тыс. вооруженных повстанцев при 40 пулеметах и 6 орудиях. Вместе с ними за Днестр бежало свыше 50 тыс. мирных жителей, в основном женщины и дети. Румынская артиллерия продолжала вести огонь по отступавшим повстанцам и мирным жителям, перенеся его на приднестровские села и местечки Подолии (Юрченко 1948: 84-85). Отступив, части



Бессарабской народной армии не прекратили бороться с захватчиками. Уже 2 февраля крупный отряд повстанцев, переправившись через Днестр у с. Бакота Ущицкого уезда, начал наступление против румын (Юрченко 1948: 111).

После подавления восстания и отступления повстанцев в Подолию петлюровское руководство попыталось их разоружить. Удалось обезоружить несколько отрядов, в т. ч. числе отряд полка Барбуцы (около 600 чел.). Но в большинстве случаев этого сделать не удалось. Были попытки сформировать из бессарабцев части для борьбы против Красной армии. Но позже подольский губернский комиссар Г. Степура потребовал их разоружить. 3 марта он телеграфировал военному министру, что «эти части целиком большевицкого направления и являются готовым большевицким войском, которое всадит нам нож в спину». Также он писал, что «ориентация бессарабских повстанцев целиком русская» (Юрченко 1948: 104).

При участии хотинских повстанцев было поднято антипетлюровское восстание, захвачен Могилев-Подольский и восстановлена советская власть до прихода Красной армии. Позже из них была сформирована отдельная Бессарабская бригада, которая затем вошла в 45-ю стрелковую дивизию (Юрченко 1948: 111).

Продолжалось сопротивление оккупантам в Хотинском уезде. В 1921 г. во многих селах произошли антирумынские выступления. В своем приказе от 4 августа командир 8-й румынской дивизии, в частности, написал: «Настоятельно рекомендую населению окрестностей Хотина не забывать прежние действия, имевшие место зимой 1919 года» (Юрченко 1948: 111).

В ходе подавления Хотинского восстания карателями под руководством генерала от кавалерии командира 1-й кавалерийской дивизии К. Давидоглу было убито, по разным источникам, от 11 до 15 тыс. жителей, сожжены десятки сел (История 2016: 83). В самом Хотине было расстреляно около 500 чел., в с. Диноуцы – 285, в Рукшине – 200, в Недобоуцах – 200 чел. На Окницком участке железной дороги оккупанты убили 165 железнодорожников, мстя за погибшего в начале восстания генерала С. Поеташа (Лунгу 1979: 102). Арестовывали и подвергали пыткам и невинных. Ф. Бузила был задержан оккупантами по подозрению в убийстве во время восстания начальника станции Наславча. На него поступил донос. Он находился в заключении две недели в расположении румынской 1-й кавалерийской дивизии. Его «пытали раскаленным докрасна штыком, но он не признал себя виновным». Не имея доказательств, его вынуждены были выпустить (Хотинское восстание 1976: 128–129).

Многочисленные факты расправ над восставшими и мирными



жителями севера Бессарабии были опубликованы в «Бюллетенях Бессарабского бюро печати», которые издавал одесский Комитет освобождения Бессарабии<sup>9</sup> (Лунгу 1979: 103–104). Сведения о страшной жестокости румынской армии при подавлении восстания стали известны во многих странах. В то время уже работала Парижская мирная конференция (18 января 1919 г. – 21 января 1920 г.), по итогам работы которой Румыния надеялась на большие территориальные приобретения. Зверства румынской армии в Хотинском уезде стали одной из причин затягивания признания Бессарабии частью Румынского королевства. Румынский диктатор И. Антонеску<sup>10</sup> на заседании правительства 27 марта 1942 г. сказал, что в 1919 г. мы «были на волосок от потери Бессарабии из-за генерала Давидоглу, который в отместку за трех застреленных солдат уничтожил 7 сел и убил множество людей. Парижская мирная конференция потому изменила свое решение о предоставлении нам Бессарабии, что мы страна дикарей» (Левит 2012: 61). Чтобы оправдаться перед политиками и общественностью западных стран, власти Румынии пытались представить восстание как «большевистскую провокацию» и «акт агрессии» (Левит 2012: 61). В свою очередь, уполномоченные четырех волостей Хотинского уезда 29 января (11 февраля) 1919 г. передали представителям стран Антанты в Одессе докладную записку, в которой подробно характеризовалась система управления румынской администрации, указывались причины восстания и описывались жестокие методы его подавления. Был вручен и акт о насилиях, творимых румынскими карателями на севере Бессарабии (Хотинское восстание 1976: 101–105; Левит 2012: 63).

Причинами поражения повстанцев были: неподготовленность восстания, отсутствие единства среди членов Директории, недостаток командного состава и отсутствие у руководства армией опыта командования крупными воинскими соединениями, нехватка времени для проведения всеобщей мобилизации и формирования воинских частей, недостаток вооружения и боеприпасов, который не смогли пополнить реквизиции со складов петлюровской армии. Одним из решающих факторов, обусловивших поражение, было отсутствие внешней поддержки. Петлюровцы (в частности, подольский комиссар Г. Степура), обещавшие вначале военную помощь (Добержанский et al. 2002: 200), затем под давлением Румынии стали разоружать и выдавать повстанцев (Хотинское восстание 1976: 97–99). Представители бессарабцев – сторонники Белого движения, хоть и относились к «крестьянскому восстанию» сочувственно, публикуя материалы о зверствах оккупантов (Хотинское восстание 1976: 113–114, 116–117, 119), реально помочь ничем не могли и надеялись на положительное

решение бессарабского вопроса в ходе Парижской мирной конференции (Левит 2012: 34–35). Не могла оказать помощь и Белая армия, дела которой в то время были не так уж хороши, и которая зависела от Румынии, получая от нее вооружение с бывших складов русских армий Румынского фронта (История гражданской войны: 196). Советская Россия, признав независимость Финляндии, Польши, Эстонии, Латвии, Литвы, созданных на землях, ранее входивших в состав Российской империи, никогда не отказывалась от Бессарабии, считая ее своей территорией. Поэтому неудивительно, что симпатии большинства бессарабцев, как находившихся за пределами Бессарабии, так и оставшихся под румынской оккупацией, были на стороне РСФСР / СССР, являвшихся в их понимании преемниками российской государственности. Как писала в 1934 г. румынская газета «Universul», «бессарабская душа, все еще живущая в мираже старой России, не может быть достаточно близкой национальным стремлениям объединенной Румынии» (Скворцова 2002: 60–61). Но РФСР и УССР (а затем СССР) не признавались мировыми державами вплоть до 1924 г. А Красная армия в то время еще воевала на Днестре, проводя 18 января – 5 февраля 1919 г. Киевскую операцию.

Весной 1919 г. после продвижения Красной армии к Днестру появилась возможность освобождения края. Перед Украинским фронтом ставилась задача очистить Бессарабию, готовиться к наступлению на Румынию, чтобы вместе с повстанцами северо-запада и Добруджи и войсками Венгрии (21 марта 1919 г. была провозглашена Венгерская Советская Республика) и Болгарии установить в Румынии власть пролетариата. Предполагалось «на крайнем правом фланге сосредоточить бессарабские части, дабы по особому приказу: а) содействовать группе т. Худякова в походе на Румынию; б) помочь походом через Буковину и Угорщину выйти на связь с Советской Венгрией» (Антонов-Овсеенко 1933: 35; Мельтюхов 2010: 72–73). Однако формирование Интернациональной и Бессарабской дивизий, которые должны были оказать помощь Венгрии и освободить Бессарабию, затянулось (Мельтюхов 2010: 79).

28 апреля 1919 г. было создано Временное рабоче-крестьянское правительство Бессарабской Республики (председатель И.Н. Криворук). В начале мая правительство опубликовало манифест, в котором «именем восставших рабочих и крестьян, именем революционной Бессарабской Красной армии, при поддержке рабоче-крестьянских правительств России и Украины» объявило, что «отныне единственной законной и правомочной властью в Бессарабии является власть рабочих и крестьян в лице Временного рабоче-крестьянского правительства». В манифесте было заявлено, что «Бессарабия образует Советскую

Социалистическую Республику, входящую в состав Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». «Все законы, приказы, договоры, постановления и распоряжения как румынского правительства и его агентов, так и Совета директоров (Сфатул Цэрий. – С.С.) и его агентов» были признаны «незаконными и не подлежащими исполнению». «Всякий, принуждающий или уговаривающий исполнять эти распоряжения, подлежит расстрелу на месте». Временное правительство заявляло, что, «справившись с румынским империализмом и восстановив советскую власть на местах», оно созывает Бессарабский съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, которому и передаст власть в крае (Борьба трудящихся Молдавии 1967: 291–295; Лунгу 1979: 107–108; Мельтюхов 2010: 75).

1 мая 1919 г. правительства РСФСР и УССР обратились к правительству Румынии с нотой, в которой напоминалось, что «5 марта 1918 г. румынское правительство под давлением военной силы русских советских войск подписало соглашение с Россией, в котором Румыния обязывалась, в силу первой статьи соглашения, очистить Бессарабию в двухмесячный срок. Этого обязательства Румыния, однако, не выполнила». Правительству Румынии предлагалось начать немедленную эвакуацию румынских войск, чиновников и агентов из всей Бессарабии и предоставить бессарабским рабочим и крестьянам свободу установить свою собственную власть; предать народному суду всех виновников преступлений, совершенных над бессарабскими рабочими и крестьянами и над всем населением Бессарабии; возратить все военное имущество, принадлежащее России и Украине, захваченное Румынией; возратить жителям Бессарабии все отнятое и конфискованное у них имущество. Ответ о принятии предложения ожидался в течение 48 часов, в противном случае правительства РСФСР и УССР будут считать себя «обладающими в отношении Румынии полной свободой действий» (Документы 2: 148–151; Мельтюхов 2010: 75–76).

К сожалению, эти планы осуществить не удалось. В начале мая поднял восстание атаман Н.А Григорьев (начальник 6-й Украинской советской дивизии), 17–19 мая 1919 г. началось успешное наступление войск А.И. Деникина на Донбасс. В июле из Галиции стали наступать войска УНР и галицкие части (Мельтюхов 2010: 82, 85). А 6 августа румынские войска заняли Будапешт, и Венгерская Советская Республика перестала существовать.

На открывшейся 18 января 1919 г. Парижской мирной конференции Румыния просила признать за ней Трансильванию, Буковину и Бессарабию. Советская Россия на конференцию приглашена не была. Временное рабочее и крестьянское правительство Украины в своей радиোগрамме председателю Парижской мирной конференции Ж.

Клемансо 7 февраля 1919 г. предложило аннулировать заявления румынского правительства об официальном признании присоединения к Румынии Бессарабии и Буковины и отвергнуть захватнические притязания. Обращение осталось без ответа (Бессарабия 1996: 238–241).

Против присоединения Бессарабии к Румынии выступали и представители Белого движения. 22 марта 1919 г. лидеры русской эмиграции кн. Львов, С.Д. Сазонов, Н.В. Чайковский, В.А. Маклаков обратились к президиуму конференции: «Бессарабия, ставшая русской провинцией по Бухарестскому договору 1812 г., в течение более чем года оккупирована румынскими войсками. Присутствие этих войск с полной очевидностью не должно предопределять судьбу провинции. Мирная конференция 24 января 1919 г. осудила употребление силы для завладения территориями». Также в обращении говорилось, что «никакое окончательное решение не может быть принято по этому вопросу до тех пор, пока русский народ не будет в состоянии свободно изъявить свою волю и принять участие в урегулировании этих вопросов» (Бессарабия 1996: 242–243). П.Н. Милюков выпустил в Лондоне под своей редакцией сборник документов, разоблачавших произвол румынской администрации. Патриарх Московский и всея Руси Тихон выступил против перехода Кишиневской епархии под юрисдикцию Румынской церкви (Бессарабия 1996: 188).

В апреле меморандум с протестом против присоединения Бессарабии к Румынии представила конференции «делегация Бессарабии» в лице А.Н. Крупенского (бывший губернский предводитель дворянства (1908–1912), действительный статский советник, гофмейстер), А.К. Шмидта (бывший глава Кишиневской городской думы и председатель Бессарабского губернского земского собрания) и др. Они же постоянно передавали в секретариат конференции протесты и меморандумы (Левит 2012: 106, 115). Излагая позицию бывших руководителей края, А. Крупенский отмечал: «Дума Кишинева заявила, что вопрос о присоединении можно решить только плебисцитом... Вскоре Дума была распущена». Земская управа протестовала против незаконного ее упразднения, напоминая, что «в самодержавной России не было ни одного случая роспуска земства за 50 лет». Эта группа бессарабцев представила конференции «План действия в интересах воссоединения Бессарабии с Россией» (Бессарабия 1996: 187).

Румыния рассчитывала, что будут приняты во внимание ее борьба с большевизмом и участие в подавлении венгерской революции. С решением бессарабского вопроса в свою пользу она увязывала вывод своих войск из Будапешта. К тому же в России наступил перелом в гражданской войне, и основные силы Белого движения были разгромлены (Бессарабия 1996: 188).

28 октября 1920 г. представители Англии, Франции Италии, Японии и Румынии подписали «Договор относительно объединения Бессарабии с Румынией», именуемый также Парижским или Бессарабским протоколом. Правительство США, несмотря на многочисленные попытки союзников втянуть его в эту сделку, так и не подписало этот протокол, считая его противоречащим нормам международного права (Бессарабия 1996: 189–192). Италией протокол был ратифицирован только в 1927 г. (Документы 10: 75–76, 109–111). Япония же, подписав, его так и не ратифицировала (Левит 2012: 190; Бойко 2014: 47), без чего он не мог вступить в силу. Узнав о подписании договора о присоединения Бессарабии к Румынии, правительства РСФСР и СССР направили 1 ноября 1920 г. ноту правительствам Великобритании, Франции, Италии и Румынии, в которой было заявлено, что они не могут признать имеющим какую-либо силу соглашение, касающееся Бессарабии, состоявшееся без их участия, и что они никоим образом не считают себя связанными договором, заключенным по этому предмету другими правительствами (Документы 3: 312; Бессарабия 1996: 247–248).

С 1920 по 1939 г. руководство РФСР / СССР пыталось решить бессарабский вопрос путем переговоров с Румынией. Бессарабия была присоединена к СССР 28 июня 1940 г. после обмена нотами между правительствами двух стран. К тому времени изменилась международная обстановка, СССР получил международно-правовое признание, создал крепкую экономику и сильную боеспособную армию.

### Примечания

1. Угол Хотинского уезда, который соприкасался с австрийской Буковиной, называли русской Буковиной (Несторовский 1905: 20).

2. Во время переписи 1897 г. принадлежность населения определялась только по языковому и религиозному признакам. Касательно русского населения (в то время была официально принята концепция триединого русского народа) в графе «Языки» было записано: «Русские», ниже – три столбца: «Великорусский», «Малорусский», «Белорусский». Русинов Бессарабии официально относили к малороссам, хотя Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел Российской империи признавал, что это неправильно (Бессарабская область 1861: XIX–XX).

3. С апреля 1917 г. по апрель 1918 г. генерал Д.Г. Щербачев формально был помощником главнокомандующего армиями Румынского фронта короля Фердинанда I. По сути дела, Щербачев командовал четырьмя русскими и двумя румынскими армиями.

4. После оккупации Бессарабии румынскими войсками большое количество бессарабских общественных деятелей уехало на территорию Украины. Здесь ими был создан ряд организаций, ставивших своей целью освобождение Бессарабии от румын. В Одессе были организованы Комитет спасения Бессарабии и Демократический комитет спасения Бессарабии, в Киеве существовала Рада бессарабских украинцев, в Могилеве-Подольском – Комитет спасения Бессарабии. В оккупированной Бессарабии действовали подпольные организации, в Хотинском уезде – Межнациональный бессарабский союз в Хотине, а также профессиональные союзы железнодорожников и почтово-телеграфных служащих в Окнице (на железнодорожном узле). Эти организации совместно с киевской Радой бессарабских украинцев и могилев-подольским Комитетом спасения Бессарабии готовили восстание против румын в северной части Бессарабии (Хотинском и Сорокском уездах) (Юрченко 1948: 65–66).

5. Директория в своих приказах и воззваниях именovala себя Бессарабской и брала на себя задачу освобождения от румын всей Бессарабии. Во время восстания деятельность Директории была ограничена Хотинским уездом и северной частью Сорокского (Юрченко 1948: 70).

6. Авторы сборника «Хотинщина: історичний нарис» указывают, что Директория считала группу И.А. Маевского одним из подразделений антирумынских сил, которое должно было ей подчиняться. Сам Маевский этого не признавал. После восстания, понеся в столкновениях с румынскими войсками потери, он увел остатки своего отряда на левый берег Днестра (Добржанський et al. 2002: 197, 201). В опубликованной в «Энциклопедии истории Украины» краткой биографии он почему-то назван одним из организаторов Хотинского восстания и главой хотинской Директории (?). Интересен тот факт, что после окончания гражданской войны Маевский остался в УССР. В 1920-х гг. работал в Держлите (Центральном управлении по делам прессы при Наркомпросе УССР). Впоследствии был репрессирован и расстрелян в 1937 г. (Осташко 2009: 419–420).

7. Как указывал А.Т. Юрченко, о численности отряда были противоречивые сведения. В материале под названием «Повстання в Бесарабії», напечатанной в газете «Життя Поділля» (Каменец–Подольський, 24 января 1919 г.), численность отряда определяется в 800 чел.; в документах и воспоминаниях, помещенных в сборнике «Хотин в огне восстания», указывается, что численность отряда была «около 80 человек» (Хотин в огне восстания 1929: 43, 94). Приведенная цифра взята из сообщения членов хотинского Совдепа. Исследователь предположил, что по мере продвижения к отряду присоединялись

группы крестьян из окрестных сел (Юрченко 1948: 56).

8. В Карпато-Днестровских землях после революций продолжал сохраняться этноним «русин». К примеру, 5 февраля 1920 г. выходящая в Черновцах на украинском языке газета «Голос Буковини» писала: «Очень странное поведение русских (так в тексте. – С.С.) национальных рад, т.е. фракций. Здешние русины проявляют в некоторых вопросах также единодушие, как "старорусины", так и "москвофилы" и "украинцы" также при минувших парламентских и сенатских выборах заявили свою незаинтересованность» (Старик 2009: 176).

9. Бывшие чиновники царской администрации, земские и думские деятели еще до роспуска Сфатул Цэрий образовали Комитет освобождения Бессарабии. После оккупации Бессарабии, опасаясь репрессий, многие его члены переехали в Одессу, где создали Одесский комитет освобождения Бессарабии. В конце 1918 г. центр Союза освобождения Бессарабии находился в Киеве. В состав комитета входили общественные и политические деятели, представители различных партий, «тесно связанные с Бессарабией и болеющие ее нуждами», «уполномоченные говорить от имени всей Бессарабии». Деятели Одесского комитета к 1 января 1919 г. подготовили записку-меморандум о положении в Бессарабии, чтобы представить ее державам Согласия и делегатам будущей Международной мирной конференции в Париже. Тезисы записки-меморандума легли в основу выступлений представителей русской белой эмиграции, участвовавшей в обсуждении бессарабского вопроса на Парижской конференции. В записке подчеркивалось, что «у Румынии отсутствуют исторические и национальные права на Бессарабию, фактической проверкой этих прав может явиться только плебисцит»; Сфатул Цэрий – незаконный орган, его решения «носят чисто бутафорский характер»; «управление румынской администрации в крае основано исключительно на насилии, терроре, все обещания, данные населению, не были исполнены (Левит 2012: 33–39). Также в Одессе действовало Бессарабское бюро политических эмигрантов (Общество бессарабских эмигрантов). Бюро позиционировало себя как центр «социалистических элементов бессарабской эмиграции». Возглавлял его эсер А. Александров, бывший член Румчерода и делегат от Бессарабии во Всероссийском Учредительном собрании. Решение Сфатул Цэрий бюро тоже объявило незаконным (Левит 2012: 41).

10. Подполковник И. Антонеску в конце сентября 1919 г. в составе военной делегации вел секретные переговоры в Париже, добиваясь у французского генералитета поддержки в территориальных требованиях Румынии и помощи в вооружении румынской армии (Левит 2012: 139).



## ЛИТЕРАТУРА

Айрапетов 2014а – *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). 1914 год. Начало. М.: Кучково поле, 2014. 640 с.

Айрапетов 2014б – *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). 1915 год. Апогей. М.: Кучково поле, 2014. 624 с.

Айрапетов 2016а – *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). 1916 год. Сверхнапряжение. М.: Кучково поле, 2016. 384 с.

Айрапетов 2016б – *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). 1917 год. Распад. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.

Антонов-Овсеенко 1933 – *Антонов-Овсеенко В.А.* Записки о гражданской войне: в 4 т. М.; Л.: Госвоениздат, 1933. Т. 4. 343 с.

Бессарабия 1903 – Бессарабия. Географический, исторический, статистический, экономический, этнографический, литературный и справочный сборник. С 224 иллюстрациями, портретами и картой. Издание газеты «Бессарабец» под редакцией П.А. Крушевана. М.: Тип. А.В. Васильева, 1903. 528 с.

Бессарабская область 1861 – Бессарабская область. Список населенных мест по сведениям 1859 г. Издан Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб., 1861. 122 с.

Бессарабия 1996 – Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии: Документы и материалы / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М.: Индрик, 1996. 380 с.

Борьба трудящихся Молдавии 1967 – Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции 1917–1920 гг. Сб. док. / Сост. Н.В. Березняков, д-р ист. наук, О.Н. Вовчок, А.С. Елисеева-Пенова и др. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1967. 684 с.

Бойко 2014 – *Бойко П.А.* Бессарабский вопрос по итогам Первой мировой войны // Русин. 2014. 4 (38). С. 47–60. DOI: 10.17223/18572685/38/4

Буковина 2005 – Буковина в контексті європейських міжнародних відносин (з давніх часів до середини ХХ ст.) / В.М. Ботушанський, С.М. Гакман, Ю.І. Макар та ін. За заг. ред. В.М. Ботушанського. Чернівці: Рута, 2005. 744 с.

Бутович 1916 – *Бутович В.Н.* Материалы для этнографической карты Бессарабской губернии. Киев, 1916. 59 с.

Головнин 2006 – *Головнин Н.Н.* Россия в Первой мировой войне. М.: Вече, 2006. 528 с.

Дембо 1924 – *Дембо В.О.* Бессарабский вопрос. М.: Красная новь, 1924. 182, [2] с.

Драган 1849 – *Драган М.* Военно-статистическое обозрение Российской империи, том 11, часть 3. Бессарабская область. По рекогносцировкам и материалам, собранным на месте, составлял Генерального штаба подполковник Драган. СПб.: Типография Департамента Генерального штаба, 1849. 308 с.

Добржанський et al. 2002 – *Добржанський О.В., Макар Ю.І., Масан О.М.* Хотинщина: історичний нарис. Чернівці: Молодий буковинець, 2002. 416 с.



Докладная записка 1940 – Докладная записка о насилиях румынских жандармов в Хотинском уезде Бессарабской губ. (январь 1919 г.) // Красный архив. Исторический журнал. 1940. № 4 (101). С. 88–91.

Документы 1 – Документы внешней политики СССР. Т. 1: 7 ноября 1917 – 31 декабря 1918 г. М.: Госполитиздат, 1959. 772 с.

Документы 2 – Документы внешней политики СССР. Т. 2: 1 января 1919 г. – 30 июня 1920 г. М.: Госполитиздат, 1958. 778 с.

Документы 3 – Документы внешней политики СССР. Т. 3: 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. М.: Госполитиздат, 1959. 702 с.

Документы 10 – Документы внешней политики СССР. Т. 10: 1 января – 31 декабря 1927 г. М.: Политиздат, 1965. 687 с.

Зашук 1862 – *Зашук А.И.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Бессарабская область. Составил Генерального штаба капитан А. Зашук. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1862. Ч. 1. 580 с.

Зашук 1863 – *Зашук А.И.* Этнография Бессарабской области // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса: Город. тип. Алексомати, 1863. Т. V. С. 491–586.

История Бессарабии 2001 – История Бессарабии. От истоков до 1991 г. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Координатор И. Скурту. Кишинэу: Реклама, 2001. 360 с.

История гражданской войны – История гражданской войны в СССР: в 5 т. 2-е изд. Т. 4: Решающие победы Красной армии над объединенными силами Антанты и внутренней контрреволюции (март 1919 г. – февраль 1920 г.) / Ред. комиссия тома: С.Ф. Найда, Г.Д. Обичкин, Ю.П. Петров, А.А. Стручков, Н.И. Шатагин, С.Н. Шишкин. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959. 444 с.

История 1968 – История Молдавской ССР: в 2 т. Т. 2: От Великой Октябрьской революции до наших дней. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1968. 815 с.

История 2016 – История Молдовы: в 3 т. Т. 3: Молдавия в новейшее время (1917 – начало XXI века). Кишинев: Tipografia Centrală, 2016. 747 с.

Керсновский 1994 – *Керсновский А.А.* История русской армии: в 4 т. Т. 4: 1915–1917 гг. М.: Голос, 1994. 368 с., ил.

Кочубинский 1903 – *Кочубинский А.А.* Частные молдавские издания для русской школы (библиографические заметки) // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). Ч. CCCXXXVII. 1903. Июнь. СПб., 1903. С. 389–418.

Лазарев 1974 – *Лазарев А.М.* Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1974. 910 с.

Левит 2000 – *Левит И.Э.* Год судьбоносный: от провозглашения Молдавской Республики до ликвидации автономии Бессарабии (ноябрь 1917 г. – ноябрь 1918 г.). Кишинев, 2000. 499 с.

Левит 2012 – *Левит И.Э.* Бессарабский вопрос в контексте международных отношений (1919–1920 гг.). Парижская мирная конференция. Тирасполь: Литера, 2012. 240 с.

Лунгу 1979 – *Лунгу В.Н.* Политика террора и грабежа в Бессарабии. 1918–1920 гг. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1979. 216 с.

Мельтюхов 2010 – *Мельтюхов М.И.* Бессарабский вопрос между мировыми войнами 1917–1940. М.: Вече, 2010. 464 с.

Назария 2013 – *Назария С.М.* Сфатул Цэрий, «объединение» с Румынией и отношение к нему молдаван и нацменьшинств Бессарабии (1917–1918 гг.) // Русин. 2013. № 3 (33). С. 138–154. DOI: 10.17223/18572685/33/10

Назария 2014а – *Назария С.М.* Появление бессарабского вопроса на последнем этапе Первой мировой войны и интерпретация этих событий в исторической и мемуарной литературе // Русин. 2014. № 4 (38). С. 61–77. DOI: 10.17223/18572685/38/5

Назария 2014b – *Назария С.М.* Борьба за власть в Бессарабии в конце 1917 года и призывание в край румынских интервентов // Вестник Костромского государственного университета. 2014. № 1. С. 57–60.

Несторовский 1905 – *Несторовский П.А.* Бессарабские русины. Историко-этнографический очерк. Варшава: Тип. «Сатурн», 1905. 174, II с.

НАРМ – Национальный архив Республики Молдова (далее – НАРМ). Ф. 1262. Оп. 1. Д. 3. Народонаселение Бессарабии (записки Драганова). Начато: 25 декабря 1910 г. 10 л.

Осташко 2009 – *Осташко Т.С.* Маєвський Йосип Альбінович // Енциклопедія історії України. Т. 6: Ла–Мі / Редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. Київ: Наукова думка, 2009. С. 419–420.

Оськин 2014 – *Оськин М.В.* История Первой мировой войны. М.: Вече, 2014. 496 с., 32 с. ил.

Перепись 1905 – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. [и с предисл.] Н.А. Тройницкого. 3. Бессарабская губерния. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1905. XXIV, 254 с.

Петров 1892 – *Петров Н.И.* Бессарабия. Историческое описание. Посмертный выпуск исторических изданий П.Н. Батюшкова. СПб.: Типография Высочайше утвержденного Товарищества «Общественная польза», 1892. 321 с.

Россия 1910 – Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга под редакцией В.П. Семенова–Тян-Шанского, помощника председательствующего отделения физической географии Императорского русского географического общества, и под общим руководством П.П. Семенова–Тян-Шанского, вице-председателя Императорского русского географического общества, и академика В.И. Ламанского, бывшего председательствующего отделения этнографии Императорского русского географического общества. Т. XIV: Новороссия и Крым. СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1910. 1016 с.

Семёнов 1863 – *Семенов П.П.* Географическо-статистический словарь Российской империи: в V т. / Сост. по поручению Русского географического

общества действительный член общества П. Семенов. Иждивением члена-соревнователя А.Н. Турубаева. При содействии действительных членов Зверинского, Н. Филиппова и Р. Маака. СПб., 1863. Т. 1. 727 с.

Скворцова 2002 – Скворцова А.Ю. Русские Бессарабии: опыт жизни в диаспоре (1918–1940 гг.). Chişinău: Pontos, 2002 (F.E.-P. «Tipogr. Centrală»). 280 с.

Старик 2009 – Старик В.П. Між націоналізмом і толерантністю. Чернівці: Прут, 2009. 184 с.

Суляк 2015 – Суляк С.Г. Русины Бессарабии в XIX – начале XX в.: к проблеме численности // Русин. 2015. № 1 (39). С. 95–115. DOI: 10.17223/18572685/39/7

Хотин в огне восстания 1929 – Хотин в огне восстания (1919–1929 г.). Сборник, посвященный десятилетию Хотинского восстания / Под ред. С. Рубана. М.: Центральный совет Общества бессарабцев, 1929 (Мосполиграф – 10-я тип. «Заря коммунизма»). 112 с.

Хотинское восстание 1976 – Хотинское восстание 1919 г. Сб. док. и материалов / Сост. Н.В. Березняков и др. Кишинев: Штиинца, 1976. 443 с.

Юрченко 1948 – Юрченко А.Т. Хотинское восстание (К истории борьбы крестьян Северной Бессарабии против австро-венгерских и румынских оккупантов в 1918–1919 гг.). Киев: Украинское издательство политической литературы, 1948. 143 с.

Sfatul Țării 2016 – Sfatul Țării: Documente. Vol. I. Procesele verbale ale sedințelor în plen / Ediție îngrijită, studiu introductiv, note și comentarii de I. Țurcanu. Chişinău. Ştiinţa, 2016. 824 p.

## REFERENCES

Ayrapetov, O.R. (2014a) *Uchastiye Rossiyskoy imperii v Pervoy mirovoy voyne (1914–1917). 1914 god. Nachalo* [Participation of the Russian Empire in the First World War (1914–1917). 1914. Start]. Moscow: Kuchkovo pole.

Ayrapetov, O.R. (2014b) *Uchastiye Rossiyskoy imperii v Pervoy mirovoy voyne (1914–1917). 1915 god. Apogey* [Participation of the Russian Empire in the First World War (1914–1917). 1915. Apogee]. Moscow: Kuchkovo pole.

Ayrapetov, O.R. (2016a) *Uchastiye Rossiyskoy imperii v Pervoy mirovoy voyne (1914–1917). 1916 god. Sverkhnapryazheniye* [Participation of the Russian Empire in the First World War (1914–1917). 1916. Overtension]. Moscow: Kuchkovo pole.

Ayrapetov, O.R. (2016b) *Uchastiye Rossiyskoy imperii v Pervoy mirovoy voyne (1914–1917). 1916 god. Raspad* [Participation of the Russian Empire in the First World War (1914–1917). 1916. Decay]. Moscow: Kuchkovo pole.

Antonov-Ovseyenko, V.A. (1933) *Zapiski o grazhdanskoy voyne: v 4 t.* [Notes on the Civil War: in 4 vols]. Vol. 4. Moscow; Leningrad: Gosvoenizdat.

Krushevan, P.A. (1903) *Bessarabiya. Geograficheskiy, istoricheskiy, statisticheskiy,*

*ekonomiche-skiy, etnograficheskiy, literaturnyy i spravochnyy sbornik* [Bessarabia. Geographical, historical, statistical, economic, ethnographic, literary and reference collection]. Moscow: Tip. A.V. Vasilyeva.

*Russia. The Central Statistical Committee of the Ministry of the Interior.* (1861) Bessarabskaya oblast'. Spisok naselennykh mest po svedeniyam 1859 g. [Bessarabian Region. List of populated places according to 1859]. St. Petersburg: [s.n.].

Vinogradov, V.N. (1996) *Bessarabiya na perekrestke yevropeyskoy diplomatii: Dokumenty i materialy* [Bessarabia at the crossroads of European diplomacy: Documents and materials]. Moscow: Indrik.

Bereznyakov, N.V., Vovchok O.N., Yeliseyeva-Penova, A.S. et al. (1967) *Bor'ba trudyashchikhsya Moldavii protiv interventov i vnutrenney kontrrevolyutsii 1917–1920 gg.* [The struggle of the working people of Moldavia against the invaders and the internal counterrevolution 1917–1920]. Chişinău: Cartea Moldovenească.

Boyko, P.A. (2014) Bessarabian question in the outcome of WWI. *Rusin.* 4(38). pp. 47–60 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/38/4

Botushanskyy, V.M., Gakman, S.M., Makar, Yu.Í. et al. (2005) *Bukovina v kontekstí evropeys'kikh mízhnarodnikh vídnosin (z davnikh chasív do seredini XX st.)* [Bukovina in the context of European international relations (from ancient times to the middle of the 20th century)]. Chernívtsi: Ruta.

Butovich, V.N. (2016) *Materialy dlya etnograficheskoy karty Bessarabskoy gubernii* [Materials for the ethnographic map of the Bessarabian province]. Kyiv: [s.n.].

Golovnin, N.N. (2006) *Rossiya v Pervoy mirovoy voyne* [Russia in the First World War]. Moscow: Veche.

Grosul, V.Ya. (2018) *Bessarabiya v mezhdunarodnykh otnosheniyakh novogo vremeni* [Bessarabia in international relations of the new time]. Chişinău: Tipografia Centrală.

Dembo, V.O. (1924) *Bessarabskiy vopros* [The Bessarabian Question]. Moscow: Krasnaya nov'.

Dragan, M. (1849) *Voyenno-statisticheskoye obozreniye Rossiyskoy imperii* [Military-statistical review of the Russian Empire]. Vol. 11(3). St. Petersburg: General Staff Department.

Dobrzhanskiy, O.V., Makar, Yu.Í. & Masan, O.M. (2002) *Khotinshchina: istorichniy naris* [Khotinshina: A historical essay]. Chernivtsi: Molodiy bukovinets'.

Anon. (1940) Dokladnaya zapiska o nasiliyakh rumynskikh zhandarmov v Khotinskoy uyezde Bessarabskoy gub. (yanvar' 1919 g.) [Report on the violence of the Romanian gendarmes in the Khotin uezd of the Bessarabian province (January 1919)]. *Krasnyy arkhiv. Istoricheskiy zhurnal.* 4(101). pp. 88–91.

Zemskov, I.N. et al. (eds) (1959) *Dokumenty vneshney politiki SSSR* [Documents

of the USSR foreign policy]. Vol. 1. Moscow: Gospolitizdat.

Deyev, G.K. et al. (eds) (1958) *Dokumenty vneshney politiki SSSR* [Documents of the USSR foreign policy]. Vol. 2. Moscow: Gospolitizdat.

Belov, G.A. et al. (eds) (1959) *Dokumenty vneshney politiki SSSR* [Documents of the USSR foreign policy]. Vol. 3. Moscow: Gospolitizdat.

Gorokhov, I.M. et al. (eds) (1965) *Dokumenty vneshney politiki SSSR* [Documents of the USSR foreign policy]. Vol. 10. Moscow: Politizdat.

Strumilin, S.G. (ed.) (1970) *Za vlast' sovetskuyu. Bor'ba trudyashchikhsya Moldavii protiv interventov i vnutrenney kontrrevolyutsii (1917–1920 gg.)* [For Soviet power. The struggle of the working people of Moldova against the invaders and the internal counterrevolution (1917–1920)]. Chişinău: AS MSSR.

Zashchuk, A.I. (1862) *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannyye ofitserami General'nogo shtaba. Bessarabskaya oblast'. Sostavil General'nogo shtaba kapitan A. Zashchuk* [Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. Bessarabian region. Compiled by the General Staff Captain A. Zashchuk]. Part 1. St. Petersburg: E. Veymar.

Zashchuk, A.I. (1863) *Etnografiya Bessarabskoy oblasti* [Ethnography of Bessarabian Region]. In: Bekker, P. et al. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities]. Vol. 5. Odessa: Gorod. tip. Aleksomati. pp. 491–586.

Nayda, S.F., Obichkin, G.D., Petrov, Yu.P., Struchkov, A.A., Shatagin, N.I. & Shishkin, S.N. (eds) (1959) *Istoriya grazhdanskoy voyny v SSSR: v 5 t.* [The History of the Civil War in the USSR: in 5 vols]. 2nd ed. Vol. 4. Moscow: Gos. izd-vo polit. lit.

Cherepnin, L.V. (ed.) (1968) *Istoriya Moldavskoy SSR: v 2 t.* [History of the Moldavian SSR: in 2 vols]. Vol. 2. Chişinău: Cartea Moldovenească.

Nazariya, S. (ed.) (2016) *Istoriya Moldovy: v 3 t.* [History of Moldova: in 3 vols]. Vol. 3. Chişinău: Tipografia Centrală.

Kavtaradze, A.G. (1988) *Voyennyye spetsialisty na sluzhbe Respubliki Sovetov, 1917–1920 gg.* [Military specialists in the service of the Soviet Republic, 1917–1920]. Moscow: Nauka.

Kersnovskiy, A.A. (1994) *Istoriya russkoy armii: v 4 t.* [The history of the Russian army: in 4 vols]. Vol. 4. Moscow: Golos.

Kochubinskiy, A.A. (1903) *Chastnyye moldavskiye izdaniya dlya russkoy shkoly (bibliograficheskiye zametki)* [Private Moldovan publications for the Russian school (bibliographic notes)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya (ZHMNP)*. CCCXXXVII. pp. 389–418.

Lazarev, A.M. (1974) *Moldavskaya sovetская gosudarstvennost' i bessarabskiy vopros* [Moldavian Soviet statehood and the Bessarabian question]. Chişinău: Cartea Moldovenească.

Levit, I.E. (2000) *God sud'bonosnyy: ot provozglasheniya Moldavskoy Respubliki do likvidatsii avtonomii Bessarabii (noyabr' 1917 g. – noyabr' 1918 g.)* [A fateful year: from the proclamation of the Moldavian Republic to the abolition of

the autonomy of Bessarabia (November 1917 – November 1918)]. Chişinău: Tsentral'naya tipografiya.

Levit, I.E. (2012) *Bessarabskiy vopros v kontekste mezhdunarodnykh otnosheniy (1919–1920 gg.)*. *Parizhskaya mirnaya konferentsiya* [The Bessarabian Question in the Context of International Relations (1919–1920). Paris Peace Conference]. Tiraspol: Litera.

Lungu, V.N. (1979) *Politika terrora i grabezha v Bessarabii. 1918–1920 gg.* [Politics of terror and robbery in Bessarabia. 1918–1920]. Chişinău: Cartea Moldovenească.

Meltyukhov, M.I. (2010) *Bessarabskiy vopros mezhdu mirovymi voynami 1917–1940* [The Bessarabian Question between the World Wars 1917–1940]. Moscow: Veche.

Nazaria, S.M. (2013) Sfatul Tarii, unification with Romania and attitude towards him Moldovans and Minorities Bessarabia (1917–1918). *Rusin*. 3(33). pp. 138–154 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/33/10

Nazaria, S.M. (2014a) The appearance of the Bessarabian question at the last stage of WWI and the interpretation of these events in historical and memoirs. *Rusin*. 4(38). pp. 61–77 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/38/5

Nazaria, S.M. (2014b) Bor'ba za vlast' v Bessarabii v kontse 1917 goda i prizvaniye v kray rumynskikh interventov [The struggle for power in Bessarabia at the end of 1917 and the vocation of Romanian interventionists in the region]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1. pp. 57–60.

Nestorovskiy, P.A. (1905) *Bessarabskiye rusiny. Istoriko-etnograficheskiy ocherk* [Bessarabian Rusins. A historical and ethnographic essay]. Warsaw: Saturn.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 1262. List 1. File 3.

Ostashko, T.S. (2009) Maëvs'kiy Yosip Al'bínovich [Majvskiy Josip Albinovich]. In: Smolíy, V.A. (ed.) *Yentsiklopedíya ístorii' Ukraíni* [Encyclopedias of the History of Ukraine]. Vol. 6. Kyiv: Naukova dumka. pp. 419–420.

Oskin, M.V. (2014) *Istoriya Pervoy mirovoy voyny* [History of the First World War]. Moscow: Veche.

Troynitskiy, N.A. (ed.) (1905) *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897* [The First General Census of the Population of the Russian Empire in 1897]. St. Petersburg: The Central Statistical Committee of the Ministry of the Interior.

Petrov, N.I. (1862) *Bessarabiya. Istoricheskoye opisaniye. Posmertnyy vypusk istoricheskikh izdaniy P.N. Batyushkova* [Bessarabia. Historical description. Posthumous release of historical publications of P.N. Batyushkov]. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za.

Semenov–Tyan-Shanskyy, V.P. (ed.) (1910) *Rossiya. Polnoye geograficheskoye opisaniye nashego otechestva. Nastol'naya i dorozhnaya kniga pod redaktsiyey V.P. Semenova–Tyan-Shanskogo, pomoshchnika predsedatel'stvuyushchego*



*otdeleniya fizicheskoy geografii Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva, i pod obshchim rukovodstvom P.P. Semenova-Tyan-Shanskogo, vitse-predsedatelya Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva, i akademika V.I. Lamanskogo, byvshego predsedatel'stvuyushchego otdeleniya etnografii Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva* [Russia. Complete geographical description of our fatherland. A table and road book edited by V.P. Semenov-Tian-Shansky, Assistant Chairman of the Department of Physical Geography of the Imperial Russian Geographical Society, and under the general supervision of P.P. Semenov-Tyan-Shansky, Vice-Chairman of the Imperial Russian Geographical Society, and Academician V.I. Lamansky, former Chairman of the Ethnography Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Vol. 14. St. Petersburg: A.F. Devriyen.

Semenov, P.P. (1863) *Geograficheskostatisticheskiy slovar' Rossiyskoy imperii: v 5 t.* [Geographical-statistical dictionary of the Russian Empire: in 5 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: [s.n.].

Skvortsova, A.Yu. (2002) *Russkiye Bessarabii: opyt zhizni v diaspole (1918–1940 gg.)* [Russian Bessarabia: the experience of living in the diaspora (1918–1940)]. Chişinău: Pontos.

Scurtu I (ed.) (2001) *Istoriya Bessarabii. Ot istokov do 1991 g.* [History of Bessarabia From the beginnings until 1991]. Chişinău: Reclama.

Starik, V.P. (2009) *Mizh natsionalizmom i tolerantnistyu* [Between nationalism and tolerance]. Chernivtsi: Prut.

Sulyak, S.G. (2015) The Rusins of Bessarabia in the 19th – early 20th centuries: the population. *Rusin*. 1(39). pp. 95–115 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/39/7

Ruban, S. (ed.) (1929) *Khotin v ogne vosstaniya. (1919–1929 g.). Sbornik, posvyashchennyy desyatiletuyu Khotinskogo vosstaniya* [Khotin in the fire of the uprising. (1919–1929). Collection dedicated to the decade of the Khotin uprising]. Moscow: Tsentral'nyy sovet Obshchestva bessarabtsev.

Bereznyakov, N.V. et al. (1976) *Khotinskoye vosstaniye 1919 g.* [Khotyn uprising of 1919]. Chişinău: Shtiintsa.

Shornikov, P.M. (2011) *Bessarabskiy front (1918–1940 gg.)* [Bessarabian Front (1918–1940)]. 2nd ed. Tiraspol: Poligrafist.

Yurchenko, A.T. (1948) *Khotinskoye vosstaniye (K istorii bor'by krest'yan Severnoy Bessarabii protiv avstro-vengerskikh i rumynskikh okkupantov v 1918–1919 gg.)* [Khotyn uprising (On the history of the peasantry struggle in Northern Bessarabia against the Austro-Hungarian and Romanian invaders in 1918–1919)]. Kyiv: Ukrainskoye izdatel'stvo politicheskoy literatury.

Țurcanu, I. (ed.) (2016) *Sfatul Țării: Documente* [Sfatul Țării: Documents]. Vol. I. Chişinău: Știința.

**Суляк Сергей Георгиевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

**Sergey G. Sulyak** – St. Petersburg State University (Russia).

**E-mail:** sergei\_suleak@rambler.ru



УДК 94:341.7(498+498.7)"1919"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/53/9

## **РУМУНСЬКА ДИПЛОМАТІЯ В БОРОТЬБІ ЗА БЕССАРАБІЮ НА ПАРИЗЬКІЙ МИРНІЙ КОНФЕРЕНЦІЇ (СІЧЕНЬ – СЕРПЕНЬ 1919 р.)**

**Я.В. Попенко**

Мелітопольський державний педагогічний університет  
ім. Б. Хмельницького

Україна, Запорізька обл., 72312, м. Мелітополь, вул. Гетьманська, 20

E-mail: popenkoaroslav80@gmail.com

### **Авторське резюме**

У статті аналізується діяльність румунського дипломатичного представництва на Паризькій мирній конференції впродовж січня – серпня 1919 р. Охарактеризовані головні політичні та військові аргументи, якими оперувала румунська дипломатія у відстоюванні права приєднати землі Бессарабії під юрисдикцію Бухаресту. В контексті визначеної теми проаналізовано і ставлення до бессарабського питання з боку лідерів Антанти (Великобританія, Франція, США).

**Ключові слова:** Паризька мирна конференція, Бессарабія, Антанта, дипломатія, «Велика Румунія».

## **РУМЫНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В БОРЬБЕ ЗА БЕССАРАБИЮ НА ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ (ЯНВАРЬ – АВГУСТ 1919 г.)**

**Я.В. Попенко**

Мелитопольский государственный педагогический университет  
им. Б. Хмельницкого

Украина, Запорожская обл., 72312, г. Мелитополь, ул. Гетманская, 20  
E-mail: popenkoaroslav80@gmail.com

### **Авторское резюме**

В статье анализируется деятельность румынского дипломатического представительства на Парижской мирной конференции в течение января – августа 1919 г. В контексте исследования охарактеризованы главные политические и военные аргументы, которыми оперировала румынская дипломатия в отстаивании собственного права присоединить земли Бессарабии под юрисдикцию Бухареста. Также проанализировано отношение к бессарабскому вопросу со стороны лидеров Антанты (Великобритания, Франция, США).

**Ключевые слова:** Парижская мирная конференция, Бессарабия, Антанта, дипломатия, «Великая Румыния».

## **ROMANIAN DIPLOMACY IN THE STRUGGLE FOR BESSARABIA AT THE PARIS PEACE CONFERENCE (JANUARY - AUGUST 1919)**

**Ya.V. Popenko**

Bogdan Khmelnytsky Melitopol State Pedagogical University  
20 Getmanska Street, Melitopol, Zaporizhia Oblast, 72312, Ukraine  
E-mail: popenkoaroslav80@gmail.com

### **Abstract**

The paper focuses on the struggle around Bessarabia at the Paris Conference in January - August 1919 to analyse the events related to the adoption of the decision about the Bessarabia territorial independence during the formation of the Versailles-Washington system of international relations. I. Brătianu's government clearly understood that the Entente would strengthen the presence of the kingdom in the region. However, the Entente showed an ambiguous attitude towards the aspirations of Bucharest. Firstly, it was the forgotten peace with Germany in 1918. Secondly, the problem was triggered by the Romanian policy of terror against the population of Bessarabia. Thirdly, the economic interests of France, England and Italy intersected in the Danube region. Fourth, the Entente leaders supported the White Guard (in particular, the representatives of the USA) and wanted to reconstruct the integrity of Russia. During

the conference, the representatives of Romania did not enter the Supreme Soviet and the number of commissions. The representatives of A. Kolchak's White government and the Ukrainian delegation also influenced the position of the conference leaders, which proved the groundlessness of claims to all Bessarabia on the part of Bucharest. On the other hand, the Entente could not ignore Romania, which, like Poland, created the "sanitary border" for the war-torn lands of the past Romanov's Empire. In addition, it was they who had to act as a counterbalance to Germany. The important factor was that, when the Bolsheviks actively called for the "world revolution" in Europe, Romania took side with the anti-Bolsheviks, which was constantly emphasised by its representatives in Paris.

**Keywords:** Paris conference, Bessarabian question, Danube Commission, Entente, diplomacy, annexation, Versailles Treaty.

18 січня 1919 р. в Парижі відкрився мирний форум, скликаний державами-переможцями у Першій світовій війні для напрацювання комплексу договорів з переможеними країнами. Стратегічно мова йшла про перерозподіл сфер політико-економічного та військового впливу і створення нової карти світу та Європи. Вже перші засідання конференції засвідчили наступні тенденції: Франція прагнула максимально ослабити Німеччину, що дозволяло їй встановити власну гегемонію в Європі та забезпечити східні кордони. Англія та США були більш зацікавлені у збереженні рівноваги, що змушувало їх більше враховувати інтереси Німеччини, яку в умовах розпаду Австро-Угорщини, революції в Росії, загального національно-визвольного руху та більшовицької пропаганди можна було використовувати як певний стабілізуючий фактор. Інші держави, які входили до Антанти, також не хотіли втрачати свого «шансу» розширити території та посилити власну політичну вагу. Однією з них була і Румунія, яка анексувала Буковину та Бессарабію в 1918 р.

Тема бессарабського питання 1919 р. знайшла своє відображення в публікаціях безпосередніх учасників тих подій (напр., де Сент-Олера (Contele de Saint-Aulaire 2016: 288) та Бретіану (Brătianu 1995: 148)). Військово-політична ситуація навколо територіальної належності Бессарабії відображена у роботах С. Назарія (Назарія 2014а: 655; Назарія 2014 б: 61–78). Не можна оминати увагою і науковий доробок І. Левіта (Левит 2012: 240), який свою монографію безпосередньо присвятив цій темі. Дослідженню зовнішньополітичної діяльності Румунії в цей період присвячені роботи ін. дослідників (Виноградов 2002: 504; Мельтюхов 2010: 464; Бойко 2014: 47–60).

Водночас, досвід «мирного та паритетного» вирішення бессараб-

ського питання у першій чверті ХХ ст. не втратив свого практичного та науково-дослідницького інтересу і нині. Як засвідчує практика сьогодення, існуючі державні кордони є відносно стабільні та, відповідно, в силу зміни геополітичної ситуації в світі, можуть бути переглянуті та змінені на користь інших. Це, у свою чергу, провокує формування нових точок «суперництва та зіткнення» і не сприяє налагодженню мирного діалогу між країнами.

Таким чином, метою наукової статті є аналіз діяльності румунського представництва на Паризькій конференції впродовж січня - серпня 1919 р. у напрямку відстоювання права Бухаресту на Бессарабію. Паралельно проаналізована і позиція лідерів Антанти щодо цієї проблеми.

Румунський уряд чітко усвідомлював, що лише дозвіл Антанти офіційно закріпить його присутність в регіоні. Натомість союзники неоднозначно ставилася до територіальних прагнень королівства. По-перше, Бухаресту не забули підписаного сепаратного мирного договору з Четвертим союзом в 1918 р. По-друге, питання викликала політика відвертого терору румунської адміністрації стосовно населення в Бессарабії (Буле 2012: 49–54). По-третє, практично у переддень відкриття конференції на території Хотинщини почалося повстання, яке підривало реноме Бухаресту як мирного об'єднувача краю з «материнською» Румунією. На практиці її війська у районах, охоплених повстанням, фізично винищували населення (Суляк 2006: 57).

Навіть окремі румунські політики (напр., І. Антонеску) згодом визнавали, що в 1919 р. «ми були на волосок від втрати Бессарабії через генерала Давідоглу, який ... знищив сім сіл та вбив безліч людей. Паризька конференція тому змінила своє рішення про надання нам Бессарабії, що ми країна дикунів» (Левит 2012: 61). Вже з перших днів роботи конференції румунські дипломати активно доводили, що Хотинське повстання – це виключно спроба більшовиків дестабілізувати ситуацію в країні. На фоні антибільшовицьких настроїв провідних держав таке тлумачення подій було вдалим дипломатичним кроком.

Наступним важливим фактором було те, що окремі країни Антанти підтримували білогвардійський рух та прагнули відродження єдиної Росії.

У таких обставинах Румунія мала постійно корегувати свою зовнішньополітичну діяльність. Тим паче, що і в середовищі переможців єдності щодо принципів нового європейського устрою не існувало. Зокрема, 22 січня на засіданні Ради Десяти був озвучений текст В. Вільсона, в якому американський президент пропонував провести мирну конференцію на Принцевих островах для всіх воюючих

сторін на територіях колишньої Російської імперії. Зустріч мала відбутися 15 лютого. Серед інших намір взяти участь висловив і Комітет звільнення Бессарабії, який відстоював приналежність краю Росії. Слід віддати належне Бухаресту, який вже 27 січня повідомив, що Бессарабія добровільно приєдналася до Румунії, і просив не запрошувати її представників до участі в конференції. Натомість С. Пішон зазначив, що бессарабці мають право самостійно вирішувати питання участі. У підсумку було ухвалено компромісне рішення не виносити питання Бессарабії на порядок денний засідань конференції. Як засвідчив подальший розвиток подій, запланований захід взагалі не відбувся.

Загалом же ситуація в Парижі для Румунії була складною. Її представники не були включені не лише до Верховної Ради конференції, а й до низки спеціальних комісій. Перші зустрічі І. Бретіану з Г. Ніколсоном, Ж. Клемансо та А. Бальфуrom підтвердили побоювання Бухаресту, що Антанта неоднозначно сприйме право Румунії на нові території. З іншого боку, відверто ігнорувати делегацію великі держави не могли собі дозволити – Румунія була певним «санітарним кордоном» відносно охоплених війною земель колишньої Російської імперії. Більше того, вона як союзник створювала противагу Німеччині у Придунайському регіоні. Крім того, і про загрозу поширення більшовицьких гасел на Захід не забували. Відповідно, досить прихильно румунські вимоги сприймала Франція. У промові під час відкриття конференції Р. Пуанкаре відзначав, що Румунія вступила у війну на боці Антанти, для того щоб «добитися національної єдності» і що лише скрутні для країни обставини змусили її підписати Бухарестський мир 1918 р. Окремо він підкреслив, що королівство перебуває під протекторатом Франції. Позитивно румунську присутність в Бессарабії оцінила і місцева преса. «Le Temps» підкреслювала заслуги королівської армії у наведенні ладу в регіоні (Le Temps 1). Навіть Хотинське повстання видання трактувало як більшовицьке та під проводом українських офіцерів (Le Temps 4).

1 лютого І. Бретіану, Н. Мішу, А. Лапедату та К. Бретіану взяли участь у засіданні Ради Десяти. Перш ніж перейти до питання територій, І. Бретіану нагадав присутнім про роль Румунії у світовій війні. Зокрема, він підкреслював, що саме румуни завдали вирішального удару німцям в битві під Макаreshtі та утримували фронт до останнього, всю провину за розвал якого він переклав на більшовиків. За словами політика, вторгнення румунів в Бессарабію було санкціоновано самою Антантаю ще в 1918 р. Щоправда, доповідач упустив вагому деталь. Дійсно, 24 січня посол Франції у Румунії де Сент-Олер підтверджував необхідність введення румунських частин в регіон, але при цьому

зазначав, що це суто військовий захід, який не матиме жодного впливу на політичне майбутнє Бессарабії (Виноградов 2002: 347). Натомість, за словами І. Бретіану, Бухарест не хвилини не вагався у своїй відданості союзникам, хоча для самої країни ця військова операція була пов'язана з великим ризиком. У своєму виступі політик неодноразово наголошував, що виключно більшовицька загроза, прохання представників Антанти в Яссах та уряду української Центральної Ради підштовхнули Румунію до введення військ (Papers Relating 1943: 747–848).

Далі у виступі він підкреслював, що Російська імперія свого часу незаконно анексувала Бессарабію, де більшість населення становили румуни. За підрахунками І. Бретіану, 72 % населення краю складали вони, решта слов'яни, болгари або німці, але, за висловом доповідача, вони не становили навіть 15 % населення. На думку промовця, це давало право вважати, що «з усіх точок зору, Бессарабія є румунською». Більше того, сама можливість повернення Бессарабії до Росії, за словами румунського прем'єр-міністра, є анахронізмом, який не може більше існувати. Як і те, що Росія не має права домінувати на Балканах. На підтвердження власних тез І. Бретіану звертав увагу присутніх, що виборна асамблея Сфатул Церій добровільно проголосила приєднання краю до Румунії.

Загалом виступ І. Бретіану чітко відбивав тогочасну державну доктрину Бухаресту, спрямовану на створення «Великої Румунії», одне з ключових місць в якій і передбачало приєднання всієї Бессарабії (Ястребчак 2011: 22). З іншого боку, І. Бретіану досить обережно, але наполегливо формував «образ» Румунії як «wartового західної цивілізації» у гирлі Дунаю. На запитання Д. Ллойд Джорджа, чи не висувала «асамблея» Бессарабії інших умов приєднання, румунський політик відзначив, що мова йшла лише про право Сфатул Церій на підготовку спеціального аграрного закону (Mitrasca 2002: 68). Виклавши всі аргументи, І. Бретіану просив визнати право Бухаресту на Бессарабію, Трансільванію та Буковину та надати підтримку його країні: «Румунія потребує моральної підтримки союзників, для того щоб вона і далі могла залишатися тим ким була, об'єднуючим фактором Європи проти більшовизму». Зрештою, він наголошував на тому, що це не лише в інтересах королівства, а і всієї Європи, навіть світової цивілізації (Papers Relating 1943: 850–851).

Підводячи підсумки виступу І. Бретіану, можна виокремити наступні акценти його промови: політик ні на крок не відходив від проекту створення «Великої Румунії»; він послідовно доводив, що румуни зайняли ці землі виключно із врахуванням історичного та етнографічного принципу; Румунія виконала всі зобов'язання перед Антантою

під час війни; Румунія є останнім форпостом західної цивілізації у Східній Європі у протистоянні більшовизму.

Звісно, національні інтереси Бухаресту мало цікавили Антанту, а ось на акцент боротьби з більшовиками звернули більш серйозну увагу. Не слід забувати, що в цей час одне з їх головних гасел пропагувало світову революцію. Відповідно західні держави мали оперативно «підбирати» різні варіанти для потенційної боротьби. Тому виступ І. Бретіану з його яскраво вираженою антибільшовицькою позицією був аргументом на користь створення сильної Румунії з можливим включенням до її складу нових територій. Забігаючи наперед, відзначимо, що антибільшовицькою тезою румунські дипломати оперувала і надалі.

1 лютого на засіданні Ради Десяти питання про територіальні претензії Румунії не було вирішене. Воно переадресовувалося на розгляд спеціальної комісії. До її складу увійшли представники США, Великобританії, Франції та Італії. Очолив комісію А. Тардьє. З лютого «Le Temps» під заголовком «Проблема Великої Румунії» надрукувала виступ І. Бретіану. Витримуючи видавничий такт, газета все ж підтримувала анексію румунами Буковини та Бессарабії, мотивуючи це тим, що це не є великою втратою для «океану слов'янських земель». В статті підкреслювалося, що підтримана Антантою «Велика Румунія» могла б стати стабілізуючим елементом, здатним підтримати лад перед загрозою поширення ліворадикальних ідей (Le Temps 2). Французьке видання вже наступного дня розмістило на своїх сторінках текст угоди між Румунією та Антантою від 4 (17) серпня 1916 р. (Le Temps 3).

8 лютого відбулося перше засідання комісії у справах Югославії та Румунії, але представники останньої не були запрошені. Від самого початку роботи чітко окреслилися різні погляди її учасників на територіальні проблеми. Делегати Італії та Франції пропонували зберегти чинність договору з Румунією 1916 р. і на його підставі вирішувати питання. Натомість дипломати США та Англії виступили проти такого варіанту. Загалом комісія дійшла висновку, що «бессарабське питання» не може бути вирішене без участі представників Росії, тому його слід відкласти (Назарія 2014а). 11 та 17 лютого відбувалися повторні засідання, але і вони не дали остаточного рішення.

22 лютого на засідання комісії було запрошено І. Бретіану для ознайомлення присутніх з румунським «баченням» ситуації. На засіданні він черговий раз наголосив на тому, що «Бессарабія є входом в наш дім; якщо вона буде перебувати у чужих руках, це може загрожувати нашому вогнищу» (Мельтюхов 2010: 87). Загалом дебати тривали до 28 лютого, коли певні рекомендації були надані Верховній Раді конференції. Натомість Румунії рекомендували врегулювати всі питання про кордони з сусідніми державами.



Отже, конференція не поспішала задовольнити територіальні вимоги Бухаресту, оскільки військово-політична ситуація на землях колишньої Російської імперії ще остаточно не вирішилася. Частина України перебувала під владою уряду УНР, інша – УСРР. Додатково лідери білого руху О. Колчак та А. Денікін готувалися до наступу проти більшовиків. Оскільки останні відстоювали принцип відновлення неділимості Росії, то погіршувати відносини з ними в разі успіху військових операцій Антанта не хотіла. Зрозуміло, що і румунські представники не могли не бачити такого ставлення союзників. До Бухаресту постійно йшли звіти про перебіг ситуації в Парижі. Зрештою, в урядових колах країни констатували: «Перемир'я поклато край війни, але не для нас» (Левит 2012: 75).

Додатковою проблемою стала і неспокійна ситуація в регіоні. Спочатку вибухнуло Хотинське повстання, потім активізувалося більшовицьке підпілля та виступи партизан. Не варто забувати і той факт, що згідно таємного англо-французького договору від 23 грудня 1917 р. Україна, Бессарабія та Крим мали перебувати у французькій сфері військово-політичного впливу. Таким чином, неспроможність Бухаресту контролювати ситуацію значно погіршувала шанси румунської дипломатії в Парижі. Крім того, Франція розпочала активні переговори з дипломатами УНР в Одесі. Головна мета їх зводилася до необхідності створення єдиного антибільшовицького фронту під керівництвом Антанти (Попенко 2008: 86–97). Прагнучи об'єднати різні сили, французи намагалися також залагодити територіальний конфлікт між УНР та Румунією. Зокрема, на цьому наголошував А. Бертело, який наполягав на встановленні чітких кордонів між сторонами. При цьому генерал все ж віддавав перевагу підтримці Бухаресту, а не Києву. За його словами, в разі якщо Антанта не підтримає Румунію, то «зникне останній бар'єр проти більшовизму».

Тим часом ситуація в регіоні ще більше загострилася. В березні 1919 р. в Угорщині була проголошена радянська республіка. Це не могло не стурбувати Антанта. 30 березня «Le Temps» відзначило, якщо Антанта не використає свої можливості на Чорному морі для підтримки Румунії, то остання зазнає вже третьої катастрофи, починаючи з 1916 р. (Le Temps 5). 25 березня відбулася зустріч Д. Ллойд Джорджа та І. Бретіану. Крім суто військових питань, обговорювалися і політичні аспекти. Зокрема, румунський прем'єр-міністр наголосив на важливості вирішення питання Бессарабії на користь Бухаресту. У підсумку він звітував уряду, що за результатами зустрічі «можна сподіватися, завдяки більшовицькій загрозі, загальне становище Румунії набуває саме того значення, яким воно і має бути». Впродовж березня-квітня І. Бретіану також мав зустрічі з Ж. Клемансо та Ф. Фошем.



Загроза поширення більшовизму Європою, зрештою, багато в чому відіграла вирішальну роль в прийнятті багатьох рішень конференції в Парижі. До речі, «антибільшовицьку карту» як засіб тиску на Антанту активно використовували не лише румуни. Схожу зовнішньополітичну стратегію обрала і Польща, яка мала амбітні плани приєднання низки земель, зокрема, Східної Галичини. Усвідомлюючи власні стратегічні переваги, Румунія та Польща на конференції займали схожі позиції (Куртов 2013: 30). 27 квітня в Парижі відбулася зустріч І. Бретіану з прем'єр-міністром Польщі І. Падеревським, під час якої було домовлено про необхідність встановити більш тісний зв'язок між державами з чітко окресленою антибільшовицькою спрямованістю.

В той же час на засіданнях відбувалися чергові дебати щодо визначення кордонів Румунії. У підсумку, 6 квітня комісія озвучила своє попереднє рішення про доцільність визнання Бессарабію румунською. Аргументами для такого рішення експерти вважали волевиявлення місцевого населення та історичні зв'язки краю з Румунією. Від останньої вимагали гарантувати рівноправ'я національним меншинам регіону. 8 травня була заслухана доповідь А. Тардьє. Щоправда, під час його виступу питання Бессарабії не було озвучене, оскільки Р. Лансінг зауважив, що піднімати його недоречно через відсутність російських представників.

Ситуація знов складалася не користь Румунії, що змусило її представників йти на відвертий дипломатичний шантаж. Так, І. Бретіану заявив французькому представнику в Бухаресті де Сент-Олеру, що подасть у відставку, якщо Антанта не задовольнить прагнення королівства. Останній, у свою чергу, звітував французькому уряду, що лише перебування І. Бретіану на посаді стримує країну від анархії. Паралельно осторонь питання Бессарабії не залишалися і представники уряду О. Колчака. До відома керівництва конференції неодноразово надходили меморандуми від Г. Львова, С. Сазонова, М. Чайковського, В. Маклакова про безпідставність румунських претензій на Бессарабію. Активізували свою діяльність і делегати УНР на конференції, які також доводили, що румуни не мають права на регіон.

Наприкінці травня ситуація з Румунією ще більше загострилася, оскільки бухарестський уряд подовжував ігнорувати вимоги союзників зупинити просування власної армії вглиб Угорщини. При цьому румунські дипломати в Парижі всіляко виправдовували агресію, активно посилаючись на більшовицьку загрозу з боку уряду Бела Куна (Le Temps 6). 10 червня на засіданні Ради Чотирьох спеціально розглядалося питання, присвячене встановленню демаркаційної лінії між Румунією та Угорщиною. Більше того, Ж. Клемансо, Д. Ллойд-Джордж та В. Вільсон в ультимативній формі висунули І. Бретіану

вимогу вивести війська та підкоритися всім рішенням конференції. В разі невиконання Антанта погрожувала перестати допомагати країні. Водночас, існував і інший погляд на ситуацію. Французький маршал Ф. Фош звертав увагу керівництва конференції, що Румунії не варто відводити війська від Тиси, оскільки це дає їй можливість ефективно «захищати Трансильванію від угорців». В якості додаткового аргументу він стверджував, що Рада Чотирьох має також враховувати і те, що Румунія зобов'язана «утримувати на Дністрі та в Буковині значну кількість своїх військ для того, щоб зберегти контроль на російським більшовизмом». Додатково французький військовий наполягав, що слід враховувати і ситуацію в Галичині, де міг будь-якої миті перестати існувати румунсько-польський союз. До речі, з визначенням «російський більшовизм» часто ототожнювався і більш категоричний вираз «російські банди» (Lazar 1928: 88).

Зрештою, ігнорування конференцією румунських інтересів викликало невдоволення з боку Бухаресту. Це знаходило відображення в місцевій пресі, яка активно «тиражувала» тези, що союзники «шантажують» країну, зловживають її законними правами, відкидають умови договору між сторонами від серпня 1916 р. тощо. 11 червня відбулося спеціальне засідання королівського уряду, на якому була заслухана і доповідь В. Антонеску. Останній наголосив, що від Румунії вимагають дотримання прав національних меншин та створення зони вільного транзиту товарів сусідніх держав, які не мають виходу до моря (Австрія). Категорично проти цієї вимоги виступив І. Бретіану, який вважав її прямим порушенням суверенітету королівства. Водночас, і Антанта не мала наміру поступатися.

Схожа ситуація складалася і навколо питань територій. В. Антонеску доповідав уряду, що позитивному вирішенню бессарабської проблеми заважала активна протидія з боку представників російського білогвардійського руху (Російська політична нарада та Російська політична делегація (Цветков 2009: 374)), інтереси якого підтримували Великобританія та США. Водночас, дипломат підкреслював, що для Франції питання про Бессарабію остаточно вирішено на користь Румунії. За підсумками урядового засідання були ухвалені наступні рішення: Бухарест погоджувався відвести свої війська в Угорщині на визначену демаркаційну лінію; представництву в Парижі надавали повноваження розпочати роботу, спрямовану на підписання договору з Австрією; Бухарест відмовлявся створювати «транзитний коридор» з вільним товарообігом.

Тим часом в Парижі боротьба за Бессарабію між представниками Румунії, УНР, уряду О. Колчака тривала. 26–27 травня Рада П'ятьох, звертаючись до О. Колчака, підкреслювала, що головними умовами

допомоги йому у боротьбі проти більшовиків були: проведення демократичних виборів, дотримання прав національних меншин, визнання незалежності Польщі та Фінляндії, визнання автономії Литви, Латвії, Естонії, кавказьких та закавказьких держав. Додатково від генерала вимагали визнати право конференції визначати майбутнє румунської частини Бессарабії (DBFP 1949: 330).

12 червня О. Колчак прийняв ці вимоги, хоча і посилався на необхідність узгодити їх з Установчими зборами. Пізніше В. Маклаков писав: «Варто було б лише союзникам припинити постачання нам військових матеріалів, як більшовики б заволоділи б всією Росією» (Будницький 2001: 61). Зважаючи на це, російські представники в Парижі погоджувалися і на територіальні поступки. Зокрема, було ухвалено рішення про можливість визнання урядом О. Колчака входження Буковини до складу Румунії, але це мало відбутися одночасно з обов'язковою відмовою останньої від анексії Бессарабії (Цветков 2009: 384). Як засвідчили подальші події, ці сподівання не справдилися – представники королівства прагнули якомога більше розширити територію для створення «Великої Румунії» (Попенко 2017: 275–280).

В липні конференція знов повернулася до розгляду питання Бессарабії. 1 липня Ж. Клемансо запропонував включити його у порядок денний засідання. Його підтримав представник Італії Т. Тіттоні, який наполягав на розгляді, оскільки за його виразом Бессарабія представляла собою район постійних заворушень. Натомість, А. Бальфур виступив проти такої ініціативи, мотивуючи свою позицію тим, що поки мова не йшла про підписання договору ні з Румунією, ні з Росією. Зрештою, було прийнято рішення заслухати не лише А. Тардьє, а й румунського та російського представників (DBFP 1947: 5).

2 липня була заслухана доповідь А. Тардьє, наприкінці якої дипломат черговий раз озвучив попередній висновок комісії від 6 квітня про доцільність приєднання Бессарабії до Румунії. Далі до слова був запрошений В. Маклаков, який під час свого виступу доводив безпідставність претензій Румунії на край. Відзначимо, що при російському представництві в Парижі працювала спеціальна Дипломатична комісія під керівництвом Б. Бахметева, яка безпосередньо займалася цими питаннями. Також була озвучена теза про необхідність проведення в регіоні плебіситу, який і мав би остаточно визначити державно-політичний статус Бессарабії. Позицію В. Маклакова щодо референдуму підтримав Р. Лансінг, який звернувся до І. Бретіану із запитанням «чи готова Румунія провести його найближчі два роки» (DBFP 1947: 11). Натомість останній заявив, що проведення будь-якого референдуму у прикордонних з Росією регіонах є недоречне через загрозу ак-

тивізації та поширення «революційної агітації», з якою донедавна активно боролася королівська армія.

У своєму виступі І. Бретіану знов наголошував на «історичних традиціях» краю, який, за виразом румунського прем'єр-міністра, був силою захоплений «російською монархією» у її просуванні до Константинополя. Відповідно, повертаючи Бессарабію, Росія тим самим повертає Румунії «великий борг» (DBFP 1947: 11). На цьому засіданні завершилося. За виразом видання «Excelsior», жодного конкретного рішення з Верховна Рада конференції не прийняла. За цим же виданням все ж була сформована певна стратегічна лінія, яка зводилася до наступного: спеціальна комісія відстоювала необхідність приєднання регіону до Румунії; конференція повідомляла О. Колчака про право самостійно вирішувати питання належності Бессарабії; слід було чітко визначити, які саме регіони Бессарабії мали відійти до складу Румунії (Excelsior).

Після завершення засідання І. Бретіану залишив Париж. Перед цим він залишив на розгляд конференції меморандум, окремий розділ якого мав назву «Питання про Бессарабію». В ньому політик фактично звинуватив союзників в ігноруванні історичних прав Румунії на край. Окремо, І. Бретіану підкреслював, що саме румунські війська зупинили просування більшовиків далі в Європу.

4 липня «Le Temps» опублікувало інтерв'ю В. Антонеску, в якому останній прокоментував ситуацію, що виникла навколо представництва. Він відзначив, що повернення І. Бретіану до Бухаресту не слід трактувати як вияв політичного демаршу. За словами дипломата, це була практична необхідність особисто довести інформацію про хід переговорів до відома короля Фердинанда I. Водночас, В. Антонеску підкреслював, що союзники зайняли відносно Румунії досить упереджену позицію з низки питань. Також дипломат наголошував на заслугах королівської армії у протистоянні з більшовицькою Угорщиною та Росією (Le Temps 7).

Відзначимо, що боротьба Румунії за Бессарабію впродовж травня-червня відбувалася на тлі інших надзвичайно важливих подій. Без перебільшення саме вони мали вирішальне значення для учасників Паризької конференції. Недаремно А. Тардьє відзначав, що питання про кордони балканських країн були досить складними та викликали «гарячі дискусії», але все ж вони поступалися німецьким, австрійським та східним проблемам (Тардьє 1943: 80).

Отже, 28 червня 1919 р. був підписаний Версальський мирний договір. Серед інших положень в ньому містилися і статті, які торкалися безпосередньо і Румунії. Зокрема, стаття 331 (глава 3) визнавала Дунай міжнародною рікою. Додатково у статтях 346–353 були чітко

прописані умови користування цією транзитною артерією (Версальський договір 1925: 143, 147–148). Крім того, було домовлено створити Міжнародну Дунайську комісію (до складу мали увійти всі придунайські держави, Великобританія, Франція та Італія). Вона мала замінити раніш діючу Європейську Дунайську комісію, до складу якої входили Великобританія, Франція, Італія та Румунія. Всі протести румунських дипломатів з цього питання були проігноровані (Мунтян 1977: 18).

Таким чином, на липень 1919 р. сподівання Румунії стати одноосібним лідером в Придунайському регіоні зазнали краху. В контексті цих подій виїзд І. Бретіану виглядав цілком логічним – румунським представникам в Парижі необхідно було скорегувати свою дипломатичну лінію з позицією Бухаресту.

Тим часом в Парижі «бессарабське питання» продовжувало перебувати в центрі уваги не лише політиків, а й журналістів. У місцевих виданнях з'явилася низка публікацій, в яких активно критикувалася політика великих держав. Зокрема, видання «L'Humanité» 7 липня опублікувало статтю під назвою «Бессарабія не хоче бути румунською», в якій автор звертав увагу, що Румунія не мала переважного права на цей край, в якому історично проживало чимала кількість різних національностей. Автор публікації також наголошував, що Бессарабія свого часу (в 1918 р.) фактично стала «подарунком німців, який вони зробили Румунії». В публікації містилося і звинувачення на адресу керівництва конференції, яке відмовлялося заслухати аргументи всіх сторін, зацікавлених у справедливому вирішенні конфлікту, зокрема, мова йшла про керівника делегації УНР Г. Сидоренка. Додатково автор статі підкреслював, що переможці занадто велику увагу та підтримку надавали створенню «Великої Польщі» та «Великої Румунії» як противаги Росії (L'Humanité 2). Знов ж таки було озвучено і право населення Бессарабії на проведення плебісциту, який і мав остаточно визначити територіальну приналежність краю (L'Humanité 1).

Звісно, що осторонь дискусії не залишалося і румунські дипломати. В. Антонеску продовжував доводити безпідставність та загрозу проведення в регіоні референдуму. За його словами, це могло зайвий раз сколихнути місцеву громадськість, що, у свою чергу, не могло не позначитися на загальному спокої у всьому Придунайському краї (Le Temps 8). Знов була озвучена теза про важливість підтримки Румунії як останнього захисника європейського порядку у Східній Європі (Le Temps 9). Зрозуміло, що всі ці публікації та громадський ажіотаж навколо Бессарабії мало турбували керівництво конференції, яке ухвалювало рішення виключно з власних стратегічних політичних міркувань та економічних розрахунків.

1 серпня відбулася зустріч делегатів Великобританії, США, Франції, Італії та Японії з приводу вирішення питання Бессарабії. У своєму виступі А. Тардье знов наголосив, що очолювана ним комісія вважає за доцільне приєднати Бессарабію Румунії. Водночас, він відзначив, що це буде суперечити рішенню керівництва конференції, яке висловило підтримку уряду О. Колчака, а останній вважав регіон російським. Натомість С. Пішон підкреслив, що в тексті телеграми до генерала не йшла мова про однозначну передачу Бессарабії Румунії. Відповідаючи А. Бальфуру, французький міністр звертав увагу останнього, що у відповіді О. Колчаку Рада конференції лише визнавала право Румунії на Бессарабію (Papers Relating 1946: 458).

У свою чергу, А. Бальфур відзначав, що з румунами в цілому, а з І. Бретіану зокрема, взагалі важко мати справу тим паче, що в країні намічалася зміна уряду. Англійській делегат запропонував дочекатися нового представника на конференції і з ним вести переговори. На його думку, новопризначеному варто було натякнути, що Верховна Рада конференції в цілому лояльно ставиться до інтересів Румунії і готова йти на територіальні поступки, але натомість вимагає від Бухаресту бути більш поступливим у вирішенні низки питань. На останок А. Бальфур запропонував відкласти розгляд питання до того часу, коли буде сформований новий уряд в Румунії. Ф. Полк відзначив, що політика Сполучених Штатів спрямована проти поділу Росії. Він же підкреслив, що саме румуни виступають однозначно проти проведення референдуму в регіоні. Результатом засідання стало перенесення вирішення питання Бессарабії на інший час.

До його розгляду повернулися лише 13 серпня. Цього дня на засіданні знов було констатовано, що Бухарест фактично відмовляється підкорятися вимогам Верховної Ради конференції щодо звільнення угорських земель, захоплених його армією. Більше того, всі виступаючі (Ж. Клемансо, А. Бальфур та Ф. Полк) підкреслювали, що в разі продовження Румунією такої політики конференція перестане враховувати її інтереси. Ж. Клемансо прямо відзначив, що «в результаті перемоги союзників Румунія взагалі подвоїла свою територію – це при тому, що ті самі Франція та Італія отримали набагато менше, ніж втратили». Схожою інтонацією був позначений і виступ Ф. Полка, який відзначив, що в разі продовження румунами такої політики «він не може гарантувати прихильне ставлення до їх вимог». А. Бальфур так само підкреслив, що Румунія повинна змінити свою політику (DBFP 1947: 408).

Таким чином, Бухаресту однозначно дали зрозуміти, що йому слід неухильно виконувати всі рішення та рекомендації конференції і не створювати «поганий приклад» для інших учасників мирного форуму.

Отже, впродовж січня – серпня 1919 р. румунські дипломати продовжували активно піднімати «бессарабське питання» на конференції в Парижі. Для цього вони використовували всі доступні ресурси та можливості: місцеву пресу, особисті зв'язки, економічні та політичні преференції для союзників, ідею «санітарного кордону» проти більшовиків тощо. При цьому вони усвідомлювали, що ситуація для них складалася неоднозначно. Румуни так і не увійшли до Верховної Ради конференції і до низки спеціальних комісій. Крім того, великі держави продовжували враховувати у своїй східноєвропейській політиці білогвардійський фактор. Всі намагання Румунії силою закріпити за собою захоплені території часто викликали невдоволення та роздратування з боку керівництва конференції.

Водночас, були і позитивні результати – відверто ігнорувати румунське представництво європейські лідери не могли собі дозволити. Нова система міжнародних відносин тільки-но формувалася, і невідома була її подальша доля, а більшовицька загроза була цілковитою реальністю. Відповідно і чітка антибільшовицька позиція Бухаресту була важливим аргументом на його користь з можливим включенням до складу королівства низки нових територій, зокрема і Бессарабії.

## ЛІТЕРАТУРА

Бойко 2014 – *Бойко П.* Бессарабский вопрос по итогам Первой мировой войны // Русин. 2014. № 4 (38). С. 47–60. DOI: 10.17223/18572685/38/4.

Будницкий 2001 – *Будницкий О.В.* (ред.) «Совершенно лично и доверительно!». Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка. 1919–1951. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 1. 568 с.

Буле 2012 – *Буле В.* Образ румынской администрации и настроения населения Бессарабии, отраженные во французских дипломатических и разведывательных отчетах 1918–1920 гг. // Русин. 2012. № 2 (28). С. 49–54.

Версальский договор 1925 – Версальский мирный договор. М.: Литиздат НКВД, 1925. 197 с.

Виноградов 2002 – *Виноградов В.Н.* За балканскими фронтами Первой мировой войны. М.: Индрик, 2002. 504 с.

Куртов 2013 – *Куртов А.А.* (ред.) Румыния: истоки и современное состояние внешнеполитического позиционирования государства. М.: РИСИ, 2013. 102 с.

Левит 2012 – *Левит И.Э.* Бессарабский вопрос в контексте международных отношений (1919–1920 гг.). Парижская мирная конференция. Тирасполь: Литера, 2012. 240 с.

Мельтюхов 2010 – *Мельтюхов М.И.* Бессарабский вопрос между мировыми войнами 1917–1940. М.: Вече, 2010. 464 с.



Мунтян 1977 – *Мунтян М.А.* Дунайська проблема в міжнародних відносинах (1945–1948). Кишинев: Штиінца, 1977. 259 с.

Назарія 2014a – *Назарія С.* Позиція Западних держав в бессарабському воєні на Паризькій мирній конференції. URL: <https://ava.md/2014/01/21/roziiciya-zapadnyh-derzhav-v-bessarabskom> (останній перегляд: 8.06.2018).

Назарія 2014b – *Назарія С.* Появлення бессарабського воєні на останньому етапі Першої світової війни і інтерпретація цих подій в історическій і мемуарній літературі // Русин. 2014. № 4 (38). С. 61–78. DOI: 10.17223/18572685/38/5

Попенко 2008 – *Попенко Я.* Переговори між УНР та французьким військовим командуванням в Одесі у листопаді 1918 – березні 1919 р. // Історичний журнал. 2008. № 3. С. 86–97.

Попенко 2017 – *Попенко Я.В.* Реалізація ідеї створення «Великої Румунії» у зовнішньополітичній діяльності Бухаресту впродовж першої чверті ХХ ст. // Наукові записки Вінницького державного педагогічного університету імені Михайла Коцюбинського. 2017. Вип. 25. С. 275–280.

Суляк 2006 – *Суляк С.* Русини в період Першої світової війни і російської смуты // Русин. 2006. № 1 (3). С. 46–65.

Тардьє 1943 – *Тардьє А.* Мир. М.: ОГІЗ, 1943. 432 с.

Цветков 2009 – *Цветков В.Ж.* Біле діло в Росії. 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2009. 635 с.

Ястребчак 2011 – *Ястребчак В.В.* Феномен «Великої Румунії» і румунська дипломатія в роки Першої світової війни // Восточная политика Румынии в прошлом и настоящем (конец XIX – начало XXI в.): материалы Междунар. науч. конф. Тирасполь, 24–25 марта 2011 г. М.: РИСИ, 2011. С. 21–33.

Brătianu 1995 – *Brătianu Gh. I.* Basarabia. Drepturi naționale și istorice. București, 1995. 148 p.

Contele De Saint-Aulaire 2016 – *Contele De Saint-Aulaire.* Însemnările Unui Diplomat de Altădată în România. 1916–1920. Traducatori: Ileana Sturdza. București: Humanitas, 2016.

DBFP 1947 – Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. Vol. I. 1919. London: His Majesty's Stationery Office, 1947. 969 p.

DBFP 1949 – Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. Vol. III. 1919. London: His Majesty's Stationery Office, 1949. 909 p.

Excelsior – Excelsior. 1919. 03 juillet. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k4605440p/f2.item> (останній перегляд: 23.12.2017).

Lazar 1928 – *Lazar V.* Răsboiul pentru întregirea neamului Românesc (1916–1919). 1928. № 153. 94 p.

Le Temps 1 – Le Temps. 1919. 20 janvier. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k243530r.item> (останній перегляд: 19.11.2017).



Le Temps 2 – Le Temps. 1919. 03. février. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k243544m.item> (останній перегляд: 20.11.2017).

Le Temps 3 – Le Temps. 1919. 04 février. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2435450/f1.item> (останній перегляд: 20.11.2017).

Le Temps 4 – Le Temps. 1919. 06 mars. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2435751.item> (останній перегляд: 19.11.2017).

Le Temps 5 – Le Temps. 1919. 30. mars. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2435997/f1.item> (останній перегляд: 24.11.2017).

Le Temps 6 – Le Temps. 1919. 30 juin. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2436904.item> (останній перегляд: 12.12.2017).

Le Temps 7 – Le Temps. 1919. 4 juillet. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k243694n.item> (останній перегляд: 5.01.2018).

Le Temps 8 – Le Temps. 1919. 14 juillet. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k243704v/f4.item> (останній перегляд: 22.01.2018).

Le Temps 9 – Le Temps. 1919. 18 juillet. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2437070/f2.item> (останній перегляд: 22.01.2018).

L'Humanité 1 – L'Humanité. Journal Socialiste. 1919. 5 juillet. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k299362s/f1.item> (останній перегляд: 7.01.2018).

L'Humanité 2 – L'Humanité. Journal Socialiste 1919. 7 juillet. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k299364j.item> (останній перегляд: 7.01.2018).

Mitrasca 2002 – Mitrasca M. Moldova: A Romanian Province under Russian Rule. Diplomatic History From the Archives of the Great Powers. NY, Algor Publishing, 2002. 439 p.

Papers Relating 1943 – Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference. 1919. Vol. III. Washington, 1943. 1062 p.

Papers Relating 1946 – Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference. 1919. Vol. VII. Washington, 1946. P. 458. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1919Parisv07> (останній перегляд: 5.04.2018).

## REFERENCES

Boyko, P. (2014) Bessarabskiy vopros po itogam Pervoy mirovoy voyny [The Bessarabian question in the outcome of WWI]. *Rusin*. 4(38). pp. 47–60 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/38/4

Budnitsky, O.V. (ed) *“Sovershenno lichno i doveritel'no!”. B.A. Bakhmetev – V.A. Maklakov. Perepiska. 1919–1951* [“Absolutely personally and confidently!” B.A. Bakhmetev – V.A. Maklakov. Correspondence 1919–1951]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN.

Bule, V. (2012) *Obraz rumynskoy administratsii i nastroyeniya naseleniya Bessarabii, otrazhennyye vo frantsuzskikh diplomaticheskikh i razvedyvatel'nykh otchetakh 1918–1920 gg.* [The image of the Romanian administration and the

mood of the population of Bessarabia, reflected in the French diplomatic and reconnaissance reports of 1918–1920]. *Rusin*. 2(28). pp. 49–54.

Klyuchnikov, Yu.V. & Sabanin, A. (eds) (1925) *Versal'skiy mirnyy dogovor* [The Versailles Peace Treaty]. Moscow: Litiizdat NKID.

Vinogradov, V.N. (2002) *Za balkanskimi frontami Pervoy mirovoy voyny* [Behind the Balkan fronts of the First World War]. Moscow: Indrik.

Kurtov, A.A. (ed.) (2013) *Rumyniya: istoki i sovremennoe sostoyanie vnesh-nepoliticheskogo pozitsionirovaniya gosudarstva* [Romania: the sources and the modern condition of the foreign policy of positioning of the state]. Moscow: RISI.

Levit, I.E. (2012) *Bessarabskiy vopros v kontekste mezhdunarodnykh otnosheniy (1919–1920 gg.)*. *Parizhskaya mirnaya konferentsiya* [The Bessarabian question in terms of international relations (1919–1920). The Paris Peace Conference]. Tiraspol: Litera.

Meltyukhov, M.I. (2010) *Bessarabskiy vopros mezhdu mirovymi voynami 1917–1940* [The Bessarabian question between the World Wars of 1917–1940]. Moscow: Veche.

Muntyan, M.A. (1977) *Dunayskaya problema v mezhdunarodnykh otnosheniyakh (1945–1948)* [The Danube problem in international relations (1945–1948)]. Chişinău: Ştiinţa.

Nazariya, S. (2014a) *Pozitsiya Zapadnykh derzhav v bessarabskom voprose na Parizhskoy mirnoy konferentsii* [The position of the Western States in the Bessarabian question at the Paris Peace Conference]. [Online] Available from: <https://ava.md/2014/01/21/poziciya-zapadnyh-derzhav-v-bessarabskom> (Accessed: 8th June 2018).

Nazariya, S. (2014b) The emergence of the Bessarabian question at the last stage of WWI and the interpretation of these events in history and memoirs. *Rusin*. 4(38). pp. 61–78 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/38/5

Popenko, Ya. (2008) *Peregovori mizh UNR ta frantsuz'kim viys'kovim komanduvannyam v Odesi u listopadi 1918 – berezni 1919 g.* [Negotiations between the Ukrainian National Republic and the French military command in Odessa in November 1918 – March 1919]. *Historical Journal*. 3. pp. 86–97.

Popenko, Ya.V. (2017) *Realizatsiya idei stvorenniya "Velikoy Rumunii" u zovnishn'opolitichniy diyal'nosti Bukharestu vprodovzh pershoi chverti XX st.* [The realization of the idea of the creation of "Great Romania" in foreign policy activity of Bucharest during the first quarter of the twentieth century]. *Naukovi zapysky Vinnyts'koho derzhavnoho pedahohichnoho universytetu imeni Mykhayla Kotsyubyn'skoho – Scientific Notes of the Vinnitsa State Pedagogical University named after Mikhail Kotsiubynsky*. 25. pp. 275–280.

Sulyak, S. (2006) *Rusins during the First World War and Russian Disorder*. *Rusin*. 1(3). pp. 46–65 (In Russian).

Tardieu, A. (1943) *Mir* [World]. Moscow: OGIZ.

Tsvetkov, V.Zh. (2009) *Beloe delo v Rossii. 1919 g. (formirovanie i evolyutsiya politicheskikh struktur Belogo dvizheniya v Rossii)* [The Whites in Russia. 1919. (The formation and evolution of the political structures of the Russian White Movement)]. Moscow: Nauka.

Yastrebnichak, V.V. (2011) [The phenomenon of "Great Romania" and Romanian diplomacy during the First World War]. *Vostochnaya politika Rumynii v proshlom i nastoyashchem (konets XIX – nachalo XX v.)* [Eastern Politics of Romania in the past and present (the end of the 19th – early 21st centuries). Proc. of the International Conference. Tiraspol, March 24–25, 2011. Moscow: RISI. pp. 21–33 (In Russian).

Brătianu, Gh.I. (1995) *Basarabia. Drepturi naționale și istorice* [Bessarabia. National and historical rights]. Bucharest: Semne.

Contele de Saint-Aulaire, A.F.Ch. de (2016) *Însemnările Unui Diplomat de Altădată în România. 1916–1920*. Necartonata.

Woodward, E.L. & Butler, R. (eds) (1947) *Documents on British Foreign Policy. 1919–1939*. Vol. 1. London: His Majesty's Stationery Office.

Woodward, E.L. & Butler, R. (eds) (1949) *Documents on British Foreign Policy. 1919–1939*. Vol. 3. London: His Majesty's Stationery Office.

*Excelsior*. (1919) 3rd July. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k4605440p/f2.item> (Accessed: 23rd December 2017).

Lazar, V (1928) *Răsboiul pentru întregirea neamului Românesc (1916–1919)* [The war on the whole Romanian nation (1916–1919)]. 53.

*Le Temps*. (1919a) 20th January. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k243530r.item> (Accessed: 19th November 2017).

*Le Temps*. (1919b) 3rd February. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k243544m.item> (Accessed: 20th November 2017).

*Le Temps*. (1919c) 4th February. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2435450/f1.item> (Accessed: 20th November 2017).

*Le Temps*. (1919d) 6th March. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2435751.item> (Accessed: 19th November 2017).

*Le Temps*. (1919e) 30th March. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2435997/f1.item> (Accessed: 24th November 2017).

*Le Temps*. (1919f) 30th June. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2436904.item> (Accessed: 12th December 2017).

*Le Temps*. (1919g) 4th July. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k243694n.item> (Accessed: 5th January 2018).

*Le Temps*. (1919h) 14th July. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k243704v/f4.item> (Accessed: 22nd January 2018).

*Le Temps*. (1919i). 18th July. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2437070/f2.item> (Accessed: 22nd January 2018).

*L'Humanité. Journal Socialiste*. (1919a) 5th July. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k299362s/f1.item> (Accessed: 7th January 2018).

*L'Humanité. Journal Socialiste.* (1919b) 7th July. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k299364j.item> (Accessed: 7th January 2018).

Mitrasca, M. (2002) *Moldova: A Romanian Province under Russian Rule. Diplomatic History from the Archives of the Great Powers.* New York: Algors Publishing.

Fuller, J. (ed.) (1943) *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference. 1919.* Vol. 3. Washington: United States Government Printing Office.

Fuller, J. (ed.) (1946) *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference. 1919.* Vol. 7. Washington: United States Government Printing Office. [Online] Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1919Parisv07> (Accessed: 5th April 2018).

**Попенко Ярослав Володимирович** – Мелітопольський державний педагогічний університет ім. Б. Хмельницького (Україна).

**Попенко Ярослав Владимирович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры права Мелитопольского государственного педагогического университета им. Б. Хмельницкого (Украина).

**Yaroslav V. Popenko** – Bogdan Khmelnytsky Melitopol State Pedagogical University (Ukraine).

**E-mail:** popenkoaroslav80@gmail.com

УДК 94 "1919"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/53/10

## КАРПАТОРУССКАЯ ПРОБЛЕМА НА ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ (1919 г.)\*

**И.В. Нам<sup>1</sup>, Н.И. Наумова<sup>2</sup>**

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

<sup>1</sup> E-mail: namirina@bk.ru

<sup>2</sup> E-mail: tomnin@yandex.ru

### Авторское резюме

Парижская мирная конференция сформировала мировой порядок на основе легализованного права наций на самоопределение. В то же время границы в Европе определялись не только национальным фактором, но и дипломатической борьбой между великими державами, которая развернулась в период работы конференции. Основной задачей держав было создание «баланса сил» в послевоенной Европе. Право на самоопределение народов отошло на второй план и не стало главной целью переговорных процессов конференции. Безусловное влияние на исход дипломатических споров оказала гражданская война в России, итоги которой определяли разные варианты решения вопроса западных границ Российского государства, включая проблему Прикарпатской (Карпатской) Руси. После распада Австро-Венгрии судьба населявших ее народов, в том числе русинов (карпаторусов), стала объектом политических и геополитических интересов – в первую очередь, Великобритании, Франции, белой России, формировавшихся государств Чехословакии и Польши. Политическая элита русинов-москвофилов отстаивала идею национального объединения и включения территорий, населенных русинами, в состав России. В обращениях к лидерам Франции, США, Великобритании, Чехословакии подчеркивалось, что карпаторусский вопрос является «неотъемлемой частью общерусского государственного и национального вопроса». В заявлениях, адресованных Парижской конференции, выражалась надежда, что «голос Карпатской Руси будет услышан союзными нациями», которые не допустят, чтобы «на исконно русских землях» попирались «права гуманности и справедливости», «права части русского народа на самоопределение».

\* Данное научное исследование (№ 8.1.27.2018) выполнено при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

Но эти требования не были приняты во внимание Версальской конференцией. Русинское население оказалось в составе новорожденных государств – Чехословакии, Польши, Югославии, Румынии и Венгрии.

**Ключевые слова:** карпаторусы, Прикарпатская (Карпатская) Русь, Галицкая Русь, Парижская мирная конференция, Центральный карпаторусский совет, Карпаторусский комитет в Париже.

## THE CARPATHO-RUSSIAN PROBLEM AT THE PARIS PEACE CONFERENCE IN 1919\*

I.V. Nam<sup>1</sup>, N.I. Naumova<sup>2</sup>

Tomsk State University  
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

<sup>1</sup>E-mail: namirina@bk.ru

<sup>2</sup>E-mail: tomnin@yandex.ru

### Abstract

The Paris Peace Conference formed a new world order on the basis of the legalised right of nations to self-determination. However, European borders were determined not only by the national factor, but also through a diplomatic battle between the great powers, which unfolded during the Conference. The participant states aimed at creating a 'balance of powers' in the post-war Europe. The right to self-determination turned out to be low on the agenda and did not constitute the main focus of negotiations at the Conference. It was Russia's Civil War that had a clear effect on the outcome of diplomatic disputes; it paved the way for different scenarios for the Russian state's western borders to be settled, including the Carpathian Rus' problem (Carpatho-Russia). After Austria-Hungary's dissolution, its peoples, with the Rusins (Carpatho-Rusins) among them, came to be of great political and geopolitical interest, first of all, on the part of Great Britain, France, the Russian Whites, and the emerging states of Czechoslovakia and Poland. The pro-Moscow Rusin political elite advocated the national unity and inclusion of territories inhabited by the Rusins into the Russian state. In their address to the leaders of France, the USA, Great Britain, and Czechoslovakia, they stressed that the Carpatho-Russian issue was "an indispensable part of the all-Russian state and national issue". They also expressed hope that "the voice of Carpathian Rus' will be heard by the allied

---

\* This research was supported by the Tomsk State University Competitiveness Improvement Programme (Grant Nr. 8.1.27.2018).

nations” so as not to allow a situation where “on the truly Russian land” “the right to humane treatment and justice” as well as “the right to self-determination enjoyed by a part of the Russian people” was undermined. However, their demands were not taken into consideration at the Versailles Conference. As a result, the Rusin population found itself in territories of the newly created states of Czechoslovakia, Poland, Yugoslavia, Romania and Hungary.

**Keywords:** Carpatho-Rusins, Carpathian Rus', Galician Rus', Paris Peace Conference, Central Carpatho-Russian Council, Carpatho-Russian Committee in Paris.

Парижская (Версальская) мирная конференция<sup>1</sup>, проходившая с 18 января 1919 г. по 21 января 1920 г., кардинально изменила европейскую территориально-политическую систему под влиянием новых подходов к устройству мира, сформулированных президентом США В. Вильсоном в его «14 пунктах». Многие стороны ее работы получили освещение в исследованиях российских и зарубежных авторов, но интерес историков был направлен преимущественно на выявление геополитических устремлений победителей, в то время как притязания этнических меньшинств распавшихся империй – Габсбургской и Российской – изучены слабо. Особый интерес представляет политическая судьба населения Прикарпатской Руси (Галицкой, Буковинской и Угорской) – русинов (карпаторусов), которая была решена конференцией без учета их волеизъявления. В итоге они оказались разделены между новыми государствами – Чехословакией, Польшей, Румынией и Югославией.

Карпатские русины<sup>2</sup> – крайняя юго-западная часть обширной восточнославянской этноязыковой общности, населяющая южные и северные склоны Карпат, которая получила историческое название *Карпатская Русь*. Находясь в составе Австро-Венгерской империи до 1918 г., русины были разделены между австрийской частью империи Габсбургов (Галиция и Буковина) и ее венгерской частью (Угорская Русь). Национальная идентичность карпатских русинов (галицких, угорских, буковинских), сформировавшаяся в XIX в. под воздействием «будителей» (А. Духновича, И. Раковского, А. Добрянского и др.) – убежденных русофилов, основывалась на идее принадлежности карпаторусов к единому русскому племени от Карпат до Тихого океана. Это обстоятельство было предметом постоянной озабоченности Вены, с недоверием относившейся к восточнославянскому населению Галиции, прорусские симпатии которого в условиях общей границы с Российской империей не могли не вызывать у австрийских властей опасений (Шевченко 2010: 71). Неудивительно, что и в послевоенных условиях представления о будущем политическом устройстве

русинов определялись сильными русофильскими настроениями и стремлением к установлению государственной связи с «великой», «демократической» Россией.

Русинам-русофилам (москвофилам) противостояло культурно-политическое движение русинов-украинофилов, которые видели будущее Восточной Галиции в единстве всех украинских земель от Карпат до Дона и ориентировались на поддержку австрийских правящих кругов в борьбе против господства польского элемента в социально-экономической сфере. К концу XIX в. относится появление термина «украинец», первоначально имевшего политический характер и отождествлявшегося с принадлежностью к политическому лагерю противников идеи общерусского единства и русской государственности и поэтому отвергавшегося «русским» (русинским) населением края (Савченко 1996: 96–97).

После окончания Первой мировой войны национальное развитие русинов могло пойти разными путями: формирования общерусинской идентичности, создания на русинской этнической основе украинской идентичности, интегрирования в польскую нацию, вхождения в состав общерусской нации. Все зависело от того, какому из проектов национального строительства – *польскому, украинскому или «большой русской нации»* – суждено было сбыться. Эти три проекта подразумевали включение в развитие собственной национальной идентичности того восточнославянского населения, которое сторонниками украинского проекта трактовалось как украинское, русского – как малороссийское, а польского – как русинское (Марчуков 2006: 25; Нам, Наумова 2015: 128). Наиболее очевидными казались общерусский и украинский (для русинов-галичан) варианты национального развития. Общерусский путь предполагал преобразование русинского населения в локальный вариант общерусской нации: либо наравне с великорусами, малорусами и белорусами, либо как общей с малорусами ветви русской нации. Согласно украинскому проекту, русинам предстояло стать неотъемлемой частью украинского народа, населявшего российскую и австро-венгерскую части (Марчуков 2007: 200–201). Любой из этих проектов, в зависимости от стечения внутренних и внешних факторов, мог быть как успешным, так и неудачным (Миллер 2000: 12).

Во время Первой мировой войны русское (русинское) движение было ослаблено австро-венгерскими репрессиями. Десятки тысяч галицких русинов и буковинцев были брошены в концентрационные лагеря Талергоф, Гнас, Терезин, Гмин и др. По некоторым данным, погибло не менее 60 тыс. русинов – австро-венгерских подданных. Больше всего пострадала Восточная Галиция, из-за военных дейст-



вий и репрессий 422 тыс. чел. вынуждены были покинуть регион. В России на положении беженцев оказалось около 200 тыс. галичан (Суляк 2015: 109).

С распадом в 1918 г. Австро-Венгрии государственно-правовое положение карпатских русинов (карпаторусов) в корне изменилось. Если раньше они находились в составе единого государства – империи Габсбургов, то теперь стали объектом притязаний нескольких новообразующихся национальных государств, прежде всего Чехословакии и Польши. В отличие от Чехословакии, возникшей на территории, ранее полностью входившей в состав Австро-Венгрии, польские земли были разделены между Германией, Россией и Австро-Венгрией, что создавало более сложные условия для возрождения польской государственности, идею которой использовали в своих интересах как Антанта, так и Центральные державы. В вопросе польских границ западные державы в качестве главного критерия использовали этнический принцип. Но если при определении северных, западных и южных границ Польша придерживалась этнического критерия, то граница на востоке определялась исключительно силой польского оружия: был проигнорирован 13-й пункт программы президента США В. Вильсона, гласивший, что независимая Польша будет включать территории с «неоспоримо польским населением» (Яжборовская, Парсаданова 2005: 137–138; Шевченко 2010: 105–111).

В решении политических судеб карпатских русинов заметную роль как во время войны, так и после ее окончания играла многочисленная русинская диаспора США, образовавшаяся в результате массовой миграции в конце XIX – начале XX в.<sup>3</sup> 21 мая 1917 г. в Нью-Йорке был создан Союз освобождения Прикарпатской Руси. На имя председателя Совета министров кн. Н.Н. Львова была отправлена телеграмма с просьбой, чтобы «свободная Россия» не оставила «прикарпатских русских» «под австро-мадьярским игом», освободила их и соединила со свободной Россией. Созванный 13 июля 1917 г. конгресс американских русинов принял меморандум, «посвященный свободному русскому народу в России, русскому Учредительному собранию и русскому правительству». «Русский конгресс, – говорилось в меморандуме, – от имени своего народа торжественно и единодушно заявляет, что весь карпаторусский народ неуклонно желает... воссоединения... Прикарпатской Руси в ее этнографических границах с ее старшей сестрой, великой демократической Россией.... Пусть не будет больше двух Русей: Руси свободной и Руси подъяремной, но да будет единая, нераздельная, могучая, свободная Русь» (Шевченко 2010: 111–112). В Вашингтон была отправлена делегация для вручения меморандума

американскому президенту и всем представителям союзнических стран (ГАРФ 2: 8 об.).

Однако после прихода к власти в России большевиков пророссийская ориентация многих русинских организаций в США уступила место новым внешнеполитическим приоритетам, среди которых ведущим оказался прочехословацкий. 21 октября 1918 г. во время встречи с руководством Американской народной рады угрорусинов, созданной в июле 1918 г., президент США В. Вильсон посоветовал русинским деятелям установить связь с чехами и словаками в форме автономии. И уже через неделю на встрече руководителей рады с Т. Масариком, прибывшим в США для подготовки учредительного съезда Среднеевропейского союза угнетенных народов<sup>4</sup> и заочно избранным президентом независимой Чехословакии<sup>5</sup>, было достигнуто соглашение о вхождении Угорской Руси в состав Чехословакии. 12 ноября в Скрэнтоне Американская рада угорских русинов одобрила план вхождения в состав Чехословакии и приняла решение о референдуме среди американских угрорусинов по этому вопросу. В результате референдума, состоявшегося во второй половине ноября, уже после провозглашения независимой Чехословакии, за присоединение к ЧСР высказалось 67 % участников, к Украине – 28 % и только по 1 % – к Венгрии и России. Хотя в голосовании приняло участие менее половины русинских общин и приходов, не участвовали в нем и православные русины, итоги референдума активно использовались впоследствии чехословацкими политиками как одно из главных доказательств легитимности вхождения русинов в состав Чехословакии (Шевченко 2010: 114–119).

В Европе, где в результате активизации национального движения русинов был образован ряд русинских организаций, а самыми активными были Пряшевская, Ужгородская и Хустская народные рады, переориентация русинских политиков с России на Прагу проходила медленнее, чем в США. Вплоть до конца января 1919 г., т. е. до того момента, когда стало известно о решении американских русинов присоединиться к Чехословакии, карпатские русины не обнаруживали стремления войти в ее состав, подчеркивая необходимость общерусского единства. Так, Пряшевская рада во главе с А. Бескидом в своей декларации от 19 ноября 1918 г. рассматривала карпатских русинов как часть единого русского народа и, ссылаясь на пункты Вильсона, требовала «для русинов в этнографических границах право свободного самоопределения» и возможности изложить свои требования на мирной конференции (Шевченко 2010: 121–122).

Стремление к объединению с Россией неизменно присутствовало среди карпатских и галицких русинов, военнопленных и беженцев,

оказавшихся в России волею военных обстоятельств<sup>6</sup>. Первоначально центром галицкого движения здесь стал Ростов-на-Дону, куда в 1915 г. переехал из Львова Русский народный совет Прикарпатской Руси (ГАРФ 2: 7 об.–8). Другой центр образовался на востоке России – сначала в Челябинске, а затем в Омске. 20 августа 1918 г. в Челябинске был создан Союз освобождения Прикарпатской Руси (Галичины, Буковины и Угорской Руси) с целью объединения ее уроженцев, «разбросанных на территории возрождающейся России», и освобождения с оружием в руках территории Прикарпатья от «австро-германского ига». Созванный 5–6 октября 1918 г. в Челябинске съезд представителей карпаторусских организаций выдвинул требование воссоединения Прикарпатской Руси, «заселенной русским народом», с Россией и осудил создание отдельного украинского государства как губительное для малороссов и великороссов. Только в пределах одного государства, говорилось в резолюции, «с предоставлением населению широкой областной автономии», будет обеспечено «правильное развитие всего русского народа, как белоруссов, так и малороссов». Был создан Центральный карпаторусский совет (ЦКС) во главе с А.В. Копыстьянским. Большое значение придавалось газете «Карпаторусское слово», издававшейся с декабря 1918 г. (Нам, Наумова 2014: 154–157). 18 декабря 1918 г. в ней было опубликовано «Открытое письмо» ЦКС с просьбой к Т. Масарику как председателю Лиги угнетенных народов Средней Европы и советнику по славянским делам на предстоящей мирной конференции с просьбой «поддержать вековые стремления населения Прикарпатской Руси... к воссоединению с родной, великой Россией». В письме подчеркивалось, что мирное культурно-национальное развитие Прикарпатской Руси «возможно только в пределах Российского государства с предоставлением населению областной автономии» (Открытое письмо 1919).

С Россией и только с Россией связывали свое будущее галицкие русины-русофилы. 7 ноября на съезде в г. Санок (Сянок) был избран Народный совет русского Прикарпатья «как представителя населения Червонной, Угорской и Буковинской Руси» и «выразителя его стремлений». В меморандуме, принятом 26 декабря 1918 г., говорилось, что русины осознают себя «гражданами единого великого Русского государства» и не признают «никакой мадьярской, польской, габсбургско-украинской и какой бы то ни было чужой власти» на их земле (Меморандум 1919; Шевченко 2010: 120–121).

Политические предпочтения русинов-лемков, населявших гористые карпатские районы, также с самого начала были связаны с Россией. 5 декабря 1918 г. на съезде в городке Флоринка был образован Русский совет Лемковщины, и провозглашено образование Русской народной

республики лемков с центром во Флоринке. Во внешнеполитической сфере руководство Лемковской республики стремилось к административному объединению карпатских и галицких русинов в составе России. Через неделю после съезда во Флоринке лидеры Лемковской республики присоединились к галицким политикам-русофилам, образовавшим в г. Сянок Народный совет русского Прикарпатья (Шевченко 2010: 120–121). 21 декабря на собрании в Кошицах Пряшевская и Угрорусская рады и Верховный совет Лемковщины объединились в Карпаторусскую народную раду (ГАРФ2: 5 об.–6).

Образованная украинофилами во Львове 19 октября 1918 г. Украинская рада, рассматривавшая земли галицких и угорских русинов как часть украинских земель, провозгласила в ноябре 1918 г. образование Западно-Украинской Народной Республики (ЗУНР). Поскольку это решение было принято без участия русофильских политиков – «той части малорусского населения в Галиции и Буковине, которая, исповедуя идею русского национально-культурного единства... стремилась к соединению с Россией», оно не могло не вызвать протесты галицких русофилов, образовавших 24 ноября 1918 г. Русский исполнительный комитет, куда вошли Д.А. Марков, В.М. Курилович, К.С. Черлунчакевич, И.Г. Третьяк, Е.М. Вальницкий. Совет выступил с протестом против присвоения Украинской Радой права исключительного представительства малороссийского населения в Восточной Галичине. Было возобновлено издание на русском языке газеты «Прикарпатская Русь», закрытой австрийским правительством в день объявления войны. 3 декабря был опубликован «Манифест к русскому населению Прикарпатья» с требованием «соединения всех русских земель в одно государство со включением Галицкой, Буковинской и Угорской Руси». Но с переходом Львова в конце декабря в руки польских войск деятельность галицких русофилов снова стала невозможной. Начались аресты «русских людей за участие в вооруженной борьбе против польских войск, за поддержку идеи о воссоединении с Россией». Прекратилось издание «Прикарпатской Руси» (Из истории 1919 а; ГАРФ 1: 3–6 об.)

Тем временем Д.А. Марков и Е.В. Вальницкий отправились на собранные крестьянами деньги в Прагу. 24 декабря делегация вручила президенту Масарику докладную записку с требованием «безусловного» присоединения к Русскому государству «русского (малорусского)» населения Прикарпатья и допуска «представителей русской народной организации как составной части делегации России к участию в совещаниях по вопросам, касающимся судьбы и устройства русского народа Прикарпатья». Одновременно в Прагу прибыли представители угрорусов и лемков Карчмарчик, Цеханский,

Юрчакевич и Невицкий, обратившиеся к Масарику с заявлением, что угрорусское и лемковское население желает «присоединения только к одной России, отнюдь не к самостоятельной Украине». Из Праги Марков и Вальницкий выехали в Белград, откуда Вальницкий отправился в Екатеринодар к Деникину, а Марков – в Париж, куда прибыл в середине февраля 1919 г. (ГАРФ 1: 6; Из истории 1919 а), когда работа мирной конференции уже началась.

В Париже Д.А. Марков установил контакты с лидерами американских галицких русинов, «довел до сведения» делегатов Парижской конференции Сянокский меморандум от 26 декабря 1918 г. о воссоединении карпаторусских областей с Россией и представил в качестве обоснования этнографические карты. С приездом в Париж представителей американских русинов П.М. Дзвончика и П.П. Гаталяка был образован «Карпаторусский комитет в Париже» под председательством Маркова (Из истории 1919 б). В то же время из Сибири выехали И. Церох, С. Бендасюк и М. Сохоцкий, направлявшиеся в Америку, а затем в Париж, чтобы присоединиться к Парижскому комитету. В отправленной 4 июня на имя Ж. Клемансо каблограмме они просили «определить границы Польши, Румынии и Венгрии строго по этнографическому принципу без малейшего ущерба для ныне беззащитного карпаторусского народа». С этой целью предлагалось делегировать на места особую комиссию, материалы для которой могли предоставить находившиеся в Париже представители Прикарпатской Руси Марков, Гладик, Дзвончик и Гаталяк (Карпаторусы 1919; Прикарпатская Русь 1919).

Конгресс карпаторусов, состоявшийся 5 апреля 1919 г. в Нью-Йорке, принял декларацию, в которой провозглашались независимость Прикарпатской Руси и неприемлемость каких-либо «политических комбинаций», преследующих цель «сохранить хотя бы косвенную связь с Австрией, Венгрией или с другими... иноплеменными государственными образованиями», и заявлялась «солидарность с русскими правительствами в Омске, Архангельске и Екатеринодаре». Декларация была послана в Париж Д.А. Маркову и В. Вильсону, одновременно извещалось об избрании Маркова главой карпаторусской делегации на мирной конференции (Декларация 1919). В ее состав входили Гаталяк и Дзвончик от карпаторусов США, Гладик от Канады, Бендасюк и Церох от России (Состав 1919).

Деятельность Карпаторусского комитета и делегации, представленных главным образом галицкими русофилами, была направлена на присоединение к России всей Карпатской и Галицкой Руси и претендовала на представительство интересов всех карпатских русинов, что объективно противоречило целям делегации американских угрору-

синов, добивавшихся присоединения Угорской Руси к Чехословакии (Шевченко 2010: 122). На это обстоятельство обратил внимание член Русского политического совещания в Париже<sup>6</sup> министр иностранных дел С. Сазонов. В июне 1919 г. он сообщал в Омск, что группы «русских Австро-Венгрии» придерживаются разных направлений и только группа Маркова открыто требует воссоединения с Россией (Баринов, Стрелков 2012: 123). В свою очередь, председатель ЦКС А.В. Копыстьянский попросил Сазонова передать Маркову как «главному вождю всех карпатороссов» просьбу о формальном подчинении адмиралу Колчаку как Верховному правителю, в целях «согласованности действий и фактического объединения всяя Руси» (ГАРФ 2: 70).

На фоне относительной успешности внутренней самоорганизации карпаторусского движения в России, Европе и в Америке более проблематичным был вопрос о налаживании международных связей с целью продвижения идеи «воссоединения» с Россией. Во время работы Парижской конференции карпаторусские организации прилагали немалые усилия к тому, чтобы донести свои политические требования до ее руководителей, прежде всего до В. Вильсона и Ж. Клемансо. Так, Американское общество русских братств, представлявшее карпаторусов Галиции, Буковины и Северной Угорщины, отправило в Париж телеграммы, адресованные В. Вильсону и руководителю Русской политической делегации князю Г.Е. Львову. В телеграмме Вильсону, выдвинутым принципам «мира и войны» которого отдавалось должное, содержалась просьба о помощи карпаторусам «в их национальном и политическом воссоединении с Матерью Русью», и подчеркивалось, что карпаторусы «всегда стремились к самоопределению своей национальности» и сейчас хотели бы воссоединиться с Россией «как Эльзас-Лотарингия с Францией». В телеграмме Г.Е. Львову выражалась просьба приложить все усилия к допуску делегации карпаторусов на мирную конференцию и к воссоединению Прикарпатской Руси с Россией (Голос 1919). В Декларации ЦКС, переданной представителю Франции в Сибири Ренью для вручения президенту Р. Пункаре, содержалась просьба «выслушать голос забытой и забитой Прикарпатской Руси» и дать ей возможность, со ссылкой на прецедент передачи Франции Эльзас-Лотарингии, «воссоединиться с родной, великой Россией». Подчеркивалось, что культурно-национальное развитие Прикарпатской Руси возможно только в пределах Российского государства с предоставлением ее населению областной автономии (ГАРФ 2: 4–5).

Политическая ориентация русинских политиков объяснялась рядом факторов, одним из которых была идея присоединения Прикарпатской Руси к России, обсуждавшаяся в российском обществе и в правительственных сферах еще в годы Первой мировой войны и ранее.

Восточная Галиция и Лемковщина рассматривались как «коренные русские области». Сложившаяся к началу войны национально-политическая ситуация в Галиции благоприятствовала ее интеграции с Россией (Савченко 2002: 79). В условиях гражданской войны русины-русофилы стали возлагать надежды на белых (правительство А.В. Колчака в Омске, Добровольческая армия А.И. Деникина), полагая, что провозглашенный ими принцип «единой и неделимой России» позволит русинам реализовать свои планы. Так, глава Центрального комитета карпаторусских организаций в США В.С. Черняк заявил, что карпатороссы «боролись и будут бороться за единство русского народа, за общерусский литературный язык, за русское имя и достоинство русского народа». При этом он отмечал важность взаимодействия Прикарпатской Руси с Омским правительством (Праздник 1919), имея в виду деятельность ЦКС в Сибири.

Однако политическая активность карпатских русинов-русофилов, опиравшихся на провозглашенный Вильсоном «принцип национальности» при проведении послевоенных границ, поддержки со стороны Парижской конференции не получила. Единственными союзниками карпаторусской делегации русофилов были русские политики, связанные с Белым движением и также руководствовавшиеся собственными геополитическими интересами. Политики и дипломаты Белого движения рассматривали проблему Прикарпатской Руси в контексте вопроса о послевоенных границах и геополитических задач России. В ноябре 1918 г. внешнеполитическое ведомство Омского правительства получило указание А.В. Колчака «о срочной разработке... всех данных, обеспечивающих наиболее выгодную для России пограничную линию с Польшей... с тем расчетом, чтобы Белоруссия, Литва и Прикарпатская Русь входили в состав России». В декабре 1918 г. было учреждено Особое подготовительное к мирным переговорам совещание. На первом заседании, состоявшемся 15 декабря, отмечалось, что важной геополитической задачей России является содействие «сплочению и укреплению всей славянской группы народов, которая может сыграть в будущем роль мощного буфера между Германией и Россией». 17 декабря, когда рассматривался вопрос о Восточной Галиции и Холмщине, исполняющий обязанности товарища министра иностранных дел В.Г. Жуковский высказался против самой возможности притязаний поляков на Галичину, а секретарь МИД К.Н. Фаминский подчеркнул: «В вопросе о Холмщине мы должны допускать возможность уступки полякам... для получения от поляков Галичины». По итогам обсуждений управляющий МИД Ю.В. Ключников сделал доклад, который содержал отдельный раздел «Россия и славянский вопрос» (Зубачевский 2005: 120–121).



Для русской делегации, которую предполагалось направить в Париж для участия в конференции, Ю.В. Ключников разработал принципы, предусматривавшие «ограничение национального начала во имя начала государственного и правового»; присоединение к России Мраморного моря с Дарданеллами и Босфором, Галиции, Прикарпатской Руси и Буковины и создание славянского государственного союза по типу конфедерации (Хандорин 2017: 357). В феврале 1919 г. управляющий МИД направил военному министру письмо, в котором подтверждалась необходимость руководствоваться в работах подготовительного совещания тем, что Прикарпатская Русь «должна войти в пределы России на основах широкой автономии», и рекомендовалось использовать в Сибири во имя достижения общих целей военную силу карпаторусов (ГАРФ 2: 32). В начале июня 1919 г. ЦКС приступил к мобилизации, мотивируя это тем, что в Галицию нужно вернуться в организованном порядке, а лучший путь к этому – армия (Голос 1919). Однако уже в мае стало ясно, что этим планам не суждено осуществиться, поскольку обсуждение «русского вопроса», одного из главных в повестке дня конференции, проходило без участия представителей России, несмотря на их заявления о том, что ни один вопрос, «касающийся частных русских интересов, не может быть решен без участия России и без соглашения с ней, а в разработке международных вопросов общего порядка ей должно быть предоставлено принадлежащее место» (Скаба 1971: 123–124).

Гражданская война в России вынудила угорских и лемковских политиков-русофилов переориентироваться на Чехословакию. Эти планы были поддержаны Карпаторусской радой в Пряшеве, руководитель которой А. Бескид вместе с представителем лемков Д. Собиным направил 12 марта 1919 г. правительству ЧСР меморандум с просьбой присоединить «северокарпатскую часть русской ветки» вместе с угрорусинами южных склонов Карпат к Чехословакии. Аналогичные меморандумы были отправлены 20 апреля Парижской конференции и 1 мая – В. Вильсону. Но планы территориального объединения и совместного вхождения угорских русинов и лемков в состав Чехословакии реализованы не были. Против этого выступило как правительство ЧСР, не желавшее обострять отношения с Польшей, так и созданная 8 мая 1919 г. при поддержке чехословацких властей в Ужгороде Центральная Украинская Рада, сформированная из Пряшевской, Ужгородской и Хустской рад, которая санкционировала вхождение Угорской Руси в состав Чехословакии. В Прагу была послана делегация для переговоров о деталях вхождения в состав ЧСР, о словацко-русинской границе и о статусе Подкарпатья. Эта идея была одобрена В. Вильсоном и активно поддерживалась президентом



Масариком и министром иностранных дел Бенешем. Предполагалось, что эта область станет полностью самоуправляемой единицей в составе федерации под названием Чешско-словацко-русская республика. Но мнение карпатских русинов по вопросу о словацко-русинской границе, который они рассчитывали решить на основании этнографического принципа, не было принято во внимание. Судьба края была определена Парижской конференцией на основе Сен-Жерменского и Трианонского мирных договоров. Сен-Жерменский договор, подписанный 10 сентября 1919 г., юридически закрепил вхождение Подкарпатской (Угорской) Руси в состав Чехословакии, оставив Лемковщину Польше. Согласно Трианонскому договору, Венгрия признала за ЧСР территории Словакии и Угорской Руси (Марьина 2003: 4; Шевченко 2010: 123–133; Марьина 2015: 31–32). Так земли карпатских русинов оказались разделенными между Чехословакией и Польшей.

Раскол в русинском движении особенно беспокоил галицких русофилов, которые не намерены были отказываться от своей программы объединения с Россией. Проходивший 14–15 апреля 1918 г. в Омске Второй карпаторусский съезд потребовал «воссоединения Прикарпатской Руси с Россией с предоставлением населению областного самоуправления» и осудил начавшуюся перекройку государственных границ. В принятой съездом резолюции выражался протест против посягательств соседних государств на территорию Прикарпатской Руси, являющихся не только «попранием воли местного населения, но и грубым нарушением прав всего русского народа». Не одобрялось постановление угрорусского съезда в г. Пряшев о присоединении части угрорусов к Чехословацкой Республике. Осуждалось стремление малороссов к «самостийной» Украине. Создание Польского государства приветствовалось, но только в пределах «коренных польских земель» и при условии вхождения Галицкой, Буковинской и Угорской Руси в состав России. Содержался призыв сплотиться вокруг Верховного правителя, «собирателя земли русской», который ведет страну «через победу над анархией к Национальному собранию» (Нам, Наумова 2014: 159–160).

Не были заслушаны делегаты России и Прикарпатской Руси и на заседании министров иностранных дел 26 апреля 1919 г., когда обсуждался вопрос о границах между Польшей и Восточной Галицией (Скаба 1971: 124). Между тем творцы Версальской системы в вопросе о судьбе Восточной Галиции пошли навстречу Польше. 25 июня 1919 г. Верховный совет благословил Польшу «на дальнейшее прохождение военных операций до реки Збруч». Это означало согласие на занятие всей Восточной Галиции, которую Верховный совет отдал в управле-

ние Польши на 25 лет. Таким образом, будущее предопределялось военным захватом (Яжборовская, Парсаданова 2005: 141). Право на окончательное решение судьбы Восточной Галиции державы Антанты оставили за собой. Этот вопрос предполагалось решить впоследствии на основе плебисцита, к которому жители Восточной Галиции могли прибегнуть «как к последнему средству для разрешения вопроса о своей принадлежности к тому или иному государству» (Ллойд Джордж 1957: 492). Показательно, что коренное восточнославянское население Галиции рассматривалось на конференции как русины, а не как украинцы, хотя представители ЗУНР были заслушаны (Савченко 1996: 104).

Решение Верховного совета о передаче Восточной Галиции и Лемковщины под управление Польши было расценено Карпаторусским комитетом в Париже как «явное нарушение принципа самоопределения народов», создающее почву для национального ирредентизма. А собрание галицко-русинских общественных деятелей, состоявшееся в Праге 17 июня 1919 г., приняло обширную резолюцию протеста, настаивая на «праве быть воссоединенными с демократической Россией», подобно тому, как по воле конференции были объединены с «единоплеменными государствами» другие народы бывшей Австро-Венгрии – итальянцы, румыны, поляки, сербо-хорваты, словенцы и словаки (К судьбе 1919). 2 июля карпаторусские делегаты были приглашены на заседание комиссии, которой было поручено рассмотрение вопроса о судьбе Восточной Галиции и Буковины. Им было сказано, что конференция намерена образовать из восточной части Галиции и русской Буковины автономный штат при Польше, но только временно, пока не будет произведен плебисцит и население само не решит вопрос о государственной принадлежности и управлении краем. Карпаторусская делегация опротестовала эти предложения и выдвинула контрпредложения, включая присоединение карпаторусских земель к России. Но, понимая, что в сложившихся условиях сделать это затруднительно, предложила образовать международную комиссию с участием, кроме представителей союзников, Югославии, Чехословакии и России. Выдвигались требования полной национальной свободы для русского населения края, допущения в школы русского литературного языка и свободы вероисповедания для православных (Карпаторусский 1919).

По договору 1920 г. между Францией, Великобританией, Италией, Японией и Польшей, Румынией, Чехословакией и Сербо-хорвато-словенским государством Польша получила Западную Галицию. Таким образом, вся Галиция стала частью Польского государства (Штейн 1949: 197, 199–200). В марте 1923 г. Конференция послов передала

Восточную Галицию в «полное суверенное владение» Польши. Это решение сопровождалось оговоркой, в которой последняя признавала, что восточная часть Галиции «по своим этнографическим условиям требует установления автономии». Тем не менее Польша ничего не сделала для того, чтобы выполнить это обязательство (Ллойд Джордж 1957: 492–493). 1 августа 1919 г. решением Парижской конференции территория Угорской Руси (Буковины) была передана Румынии, за исключением небольшой части на севере, которая отходила Польше. Русины Воеводины вошли в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев, хотя греко-католическое духовенство русинов Воеводины выступало за вхождение Воеводины в состав Венгрии.

Таким образом, в условиях гражданской войны в России и в отсутствие на конференции в Версале ее представителей русинские политики-русофилы не сумели добиться согласования требований и действий русинов Буковины, Угорской Руси и Галиции и не нашли понимания со стороны государств-победителей. Программу мирного урегулирования В. Вильсона, в основу которой был положен «принцип национальности», согласно которому границы новых и реорганизуемых государств должны были совпадать с этническими и языковыми ареалами населявших их народов, великие державы осуществляли избирательно и непоследовательно, руководствуясь в первую очередь собственными геополитическими интересами. Право на самоопределение предоставлялось прежде всего тем, кто это «заслужил» своим участием в борьбе с большевизмом и «тевтонизмом». Важную роль в создании нового миропорядка страны-победительницы отводили Польше, участвовавшей в антисоветской борьбе. Почти каждое из этих государств включало в свой состав языковые и этнические меньшинства, но право на самоопределение за ними правящими кругами новых государств не признавалось. Русинское население оказалось в положении меньшинств в составе новых национальных государств Чехословакии, Польши, Югославии, Румынии и Венгрии.

### Примечания

1. Высшим органом Парижской мирной конференции являлся Верховный совет в составе десяти, а с марта 1919 г. – четырех глав стран-победителей в лице президента США В. Вильсона, премьер-министров Франции (Ж. Клемансо), Великобритании (Д. Ллойд Джордж), Италии (В.Э. Орландо). «Русский вопрос» был одним из главных, но его обсуждение проходило без участия России. Из всех правительств стран, образовавшихся на территории России, к участию в конференции была приглашена только Польша.

2. Термин «русины» закрепился в научной литературе за «русской» частью Австро-Венгрии, население которой именовалось также в работах русских авторов «малороссами». Понятие «русский» относилось ко всем восточным славянам и обозначало цель концепции «большой русской нации». Будучи этнической концепцией, этот проект проводил четкую грань между русским и другими народами империи, отрицая качественный характер этнических различий между велико-, мало- и белорусами, включая их в единую этническую общность (Миллер 2000: 37).

3. Массовая эмиграция за океан была обусловлена обезземеливанием, вызванным заселением русинской части Галиции польско-католическим населением. С 1880 по 1910 г. выехало свыше 800 тыс. чел., главным образом русинов (Савченко 1996: 97).

4. Учредительный съезд Среднеевропейского союза угнетенных народов проходил в конце октября 1918 г. Русины были в числе его участников и вошли в состав союза.

5. 21 октября американский президент Вильсон потребовал у Австрии независимости для чехов и южных славян. Утром 28 октября Вена подписала ноту о независимости чехов и южных славян. Т. Масарик в то время был еще в Америке. Через две недели, 14 ноября, в Женеве на заседании Национального чехословацкого собрания он был избран первым президентом Республики Чехословакии.

6. Русское политическое совещание в Париже было создано для налаживания связи с союзниками и привлечения их к задаче сохранения единства, целостности и суверенитета России. При нем была образована Русская политическая делегация, призванная повлиять на решения Парижской конференции в наиболее благоприятном для России направлении. В ее состав вошли князь Г.Е. Львов, С.Д. Сазонов, В.А. Маклаков, Н.В. Чайковский. За подписями этих людей делались все официальные заявления РПС (Скаба 1971: 46–47).

## ЛИТЕРАТУРА

Баринов, Стрелков 2012 – *Баринов И., Стрелков И.* А.В. Копыстьянский и его деятельность в России в годы гражданской войны, 1918–1920 гг. // Русин. 2012. № 3 (29). С. 116–126.

ГАРФ 1 – Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 176. Оп. 3. Д. 65. Доклад уполномоченного Русского исполнительного комитета во Львове и переписка с министрами Российского правительства о формировании карпаторусских отрядов и отправке их в Сибирь, о деятельности Центрального карпаторусского совета, схематические карты Прикарпатской Руси и другие материалы. 2 июня – 21 августа 1919 г.

ГАРФ 2 – ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 357. Переписка с Центральным карпаторусским советом в Омске, Военным министерством и российскими послами за границей о политическом положении карпаторусов – населения Галицкой, Буковинской и Угорской Руси. 5 окт. – 25 июня 1919 г.

Голос 1919 – Голос Американской Руси // Карпаторусское слово. 1919. № 13.

Декларация 1919 – Декларация Карпаторусского конгресса в Нью-Йорке // Карпаторусское слово. 1919. № 14.

Зубачевский 2005 – *Зубачевский В.А.* Геополитическая страница истории Гражданской войны. 1918–1919 годы // Отечественная история. 2005. № 5. С. 118–131.

Из истории 1919 а – Из истории освободительного движения // Карпаторусское слово. 1919. № 17.

Из истории 1919 б – Из истории освободительного движения // Карпаторусское слово. 1919. № 19.

К судьбе 1919 – К судьбе русской Галиции // Карпаторусское слово. 1919. № 25.

Карпаторусский 1919 – Карпаторусский вопрос не решен окончательно // Карпаторусское слово. 1919. № 22.

Карпаторусы 1919 – Карпаторусы – мирной конференции // Карпаторусское слово. 1919. № 16.

Ллойд Джордж 1957 – *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. Т. 2. 556 с.

Марчуков 2006 – *Марчуков А.В.* Украинское национальное движение: УССР. 1920–1930-е годы: цель, методы, результаты. М.: Наука, 2006. 599 с.

Марчуков 2007 – *Марчуков А.В.* «Русские» или «украинцы»? Пути национального развития населения Галиции глазами австрийских дипломатов // История народов России в исследованиях и документах. М.: ИРИ РАН, 2007. Вып. 2. С. 196–224.

Марьина 2003 – *Марьина В.В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. М.: Новый хронограф, 2003. 304 с.

Марьина 2015 – *Марьина В.В.* Закарпатье как объект международной политики. 1938–1943 годы // Новая и новейшая история. 2015. № 5. С. 31–46.

Меморандум 1919 – Меморандум народного совета Русского Прикарпатья // Карпаторусское слово. 1919. № 21.

Миллер 2000 – *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб.: Алетейя, 2000. 260 с.

Нам, Наумова 2014 – *Нам И.В., Наумова Н.И.* Съезды карпаторуссов в Сибири в годы гражданской войны. 1918–1919 // Русин. 2014. № 3 (37). С. 152–156.

Нам, Наумова 2015 – *Нам И.В., Наумова Н.И.* Историческая память и национально-политическая идентификация русинов. 1914–1920 гг. // Русин. 2015. № 4 (42). С. 126–142.

Открытое письмо 1919 – Открытое письмо Центрального карпаторусского совета президенту Чешско-Словацкой Республики профессору Масарику // Карпаторусское слово. 1919. №1 (2).

Праздник 1919 – Праздник русского единения в Нью-Йорке // Сибирская речь. Омск, 1919. 5 июля.

Прикарпатская Русь 1919 – Прикарпатская Русь на мирной конференции // Карпаторусское слово. 1919. № 6.

Скаба 1971 – *Скаба А.Д.* Парижская мирная конференция и иностранная интервенция в стране Советов. Киев, 1971. 159 с.

Савченко 1996 – *Савченко В.Н.* Восточная Галиция в 1914–1915 гг. (этно-социальные особенности и проблема присоединения к России) // Вопросы истории. 1996. № 11–12. С. 95–106.

Савченко 2002 – *Савченко В.Н.* Национально-политические отношения в Восточной Галиции и Буковине. 1910–1911 гг. // Вопросы истории. 2002. № 5. С. 76–89.

Состав 1919 – Состав карпаторусской делегации в Париже // Карпаторусское слово. 1919. № 15.

Суляк 2015 – *Суляк С.Г.* Русинская идентичность (на примере участия галичан в гражданской войне). Русин, 2015. № 4 (42). С. 107–125.

Устав 1918 – Устав Карпаторусского совета // Карпаторусское слово. 1918. № 1.

Хандорин 2017 – *Хандорин В.Г.* Национальная идея и адмирал Колчак. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 624 с.

Что происходит 1918 – Что происходит в Восточной Галичине? // Карпаторусское слово. 1918. № 1.

Шевченко 2010 – *Шевченко К.В.* Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX в. М.: Regnum, 2010. 414 с.

Штейн 1949 – *Штейн Б.Е.* «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.) М.: Госполитиздат, 1949. 463 с.

Яжборовская, Парсаданова 2005 – *Яжборовская И.С., Парсаданова В.С.* Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. М.: Academia, 2005. 404 с.

## REFERENCES

Barinov, I. & Strelkov, I. (2012) A.V. Kopystyanskiy i ego deyatel'nost' v Rossii v gody Grazhdanskoj vojny, 1918–1920 gg. [Adrian V. Kopystyanskiy and his activities in Russia during the Civil War (1918–1920)]. *Rusin*. 3(29). pp. 116–126.

The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 176. List 3. File 65.

The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 200. List 1. File 357.

- Anon. (1919) Golos Amerikanskoy Rusi [The voice of the American Rus']. *Karpatorusskoe slovo*. 13.
- Anon. (1919) Deklaratsiya Karpatorusskogo kongressa v N'yu-Yorke [Declaration of the Carpatho-Russian Congress in New York]. *Karpatorusskoe slovo*. 14.
- Zubachevsky, V.A. (2005) Geopoliticheskaya stranitsa istorii Grazhdanskoy voyny. 1918–1919 gody [The geopolitical aspect of the history of the Civil War in 1918–1919]. *Otechestvennaya istoriya*. 5. pp. 118–131.
- Anon. (1919) Iz istorii osvoboditel'nogo dvizheniya [From the history of the liberation movement]. *Karpatorusskoe slovo*. 17.
- Anon. (1919) Iz istorii osvoboditel'nogo dvizheniya [From the history of the liberation movement]. *Karpatorusskoe slovo*. 19.
- Anon. (1919) K sud'be russkoy Galitsii [To the fate of Russian Galicia] *Karpatorusskoe slovo*. 25.
- Anon. (1919) Karpatorusskiy vopros ne reshen okonchatel'no [The Carpatho-Russian question has not been finally solved] *Karpatorusskoe slovo*. 22.
- Anon. (1919) Karatorussy – mirnoy konferentsii [Carpathorussians to the Peace Conference]. *Karpatorusskoe slovo*. 16.
- Lloyd George, D. (1957) *Pravda o mirnykh dogovorakh* [The Truth about Peace Treaties]. Vol. 2. Translated from English. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury.
- Marchukov, A.V. (2006) *Ukrainskoe Natsional'noe dvizhenie v USSR. 1920–1930-e gody* [The Ukrainian national movement in the USSR in 1920–1930s]. Moscow: Nauka.
- Marchukov, A.V. (2007) “Russkie” ili “ukraintsy”? Puti natsional'nogo razvitiya naseleniya Galitsii glazami avstriyskikh diplomatov [“Russians” or “Ukrainians”? The ways of national development of the population of Galicia through the eyes of Austrian diplomats]. In: Trepavlov, V.V. (ed.) *Istoriya narodov Rossii v issledovaniyakh i dokumentakh* [The history of the peoples of Russia in the studies and documents]. Vol. 2. Moscow: RAS. pp. 196–224.
- Maryina, V.V. (2003) *Zakarpatskaya Ukraina (Podkarpatskaya Rus') v politike Benesha i Stalina. 1939–1945 gg.* [Transcarpathian Ukraine (Subcarpathian Rus) in the politics of Beneš and Stalin. 1939–1945]. Moscow: Novyy khronograf.
- Maryina, V.V. (2015) Transcarpathia as an object of international policy. 1938–1943. *Novaya i noveyshaya istoriya – Modern and Current History Journal*. 5. pp. 31–46 (In Russian).
- Anon. (1919) Memorandum Narodnogo Soveta Russkogo Prikarpat'ya [Memorandum of the People's Council of the Russian Subcarpathia]. *Karpatorusskoe slovo*. 21.
- Miller, A.I. (2000) “Ukrainskiy vopros” v politike vlastey i russkom obshchestvennom mnenii (vtoraya polovina XIX v.) [“The Ukrainian case” in the government policy and in Russian public opinion (the second half of the 19th century)]. St. Petersburg: Aleteyya.
- Nam, I.V. & Naumova, N.I. (2014) Carpatho-Russian Conventions in Siberia



during the Civil War (1918–1919). *Rusin*. 3(37). pp. 152–156 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/37/11

Nam, I.V. & Naumova, N.I. (2015) Istoricheskaya pamyat' i natsional'no-politicheskaya identifikatsiya rusinov. 1914–1920 gg. [Rusins' historical memory and national and political identification in 1914–1920]. *Rusin*. 4 (42). pp. 126–142.

Anon. (1919) Otkrytoe pis'mo Tsentral'nogo Karpatorusskogo Soveta prezidentu Cheshsko-Slovatskoy respubliki professoru Massariku [An open letter from the Central Carpatho-Russian Council to the President of the Czech-Slovak Republic, Professor Massarik]. *Karpatorusskoe slovo*. 1(2).

Anon. (1919) Prazdnik russkogo edineniya v N'yu-Yorke [The Feast of Russian Unity in New York]. *Sibirskaya rech'*. 5th July.

Anon. (1919) Prikarpat'skaya Rus' na mirnoy konferentsii [Subcarpathian Rus at the Peace Conference]. *Karpatorusskoe slovo*. 6.

Skaba, A.D. (1971) *Parizhskaya mirnaya konferentsiya i inostrannaya interventsiya v strane Sovetov* [The Paris Peace Conference and Foreign Intervention in the Soviets country]. Kiev: Ukrainian SSR Academy of Science.

Savchenko, V.N. (1996) Vostochnaya Galitsiya v 1914–1915 gg. (etnosotsial'nye osobennosti i problema prisoedineniya k Rossii) [Eastern Galicia in 1914–1915 (ethnosocial features and the problem of accession to Russia)]. *Voprosy istorii*. 11–12. pp. 95–106.

Savchenko, V.N. (2002) Natsional'no-politicheskie otnosheniya v Vostochnoy Galitsii i Bukovine. 1910–1911 gg.) [National-political relations in Eastern Galicia and Bukovina. 1910–1911]. *Voprosy istorii*. 5. pp. 76–89.

Anon. (1919) Sostav karapatorusskoj delegatsii v Parizhe [The Carpatho-Russian delegation in Paris]. *Karpatorusskoe slovo*. 15.

Sulyak, S.G. (2015) Rusinskaya identichnost' (na primere uchastiya galichan v grazhdanskoy voyne) [The Rusin identity (a case study of Galicians' participation in the Civil war)]. *Rusin*. 4(42). pp. 107–125 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/9

Anon. (1918) Ustav Karpatorusskogo soveta [The Charter of the Carpatho-Russian Council]. *Karpatorusskoe slovo*. 1.

Khandorin, V.G. (2017) *Natsional'naya ideya i admiral Kolchak* [National idea and Admiral Kolchak]. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke.

Anon. (1918) Chto proiskhodit v Vostochnoy Galichine? [What is happening in East Galicia?]. *Karpatorusskoe slovo*. 1.

Shevchenko, K.V. (2010) *Slavyanskaya Atlantida: Karpatskaya Rus' i rusiny v XIX – pervoy polovine XX v.* [Slavic Atlantis: Carpathian Rus and Rusins in the 19th – the first half of the 20th centuries]. Moscow: Regnum.

Stein, B.E. (1949) "Russkiy vopros" na Parizhskoy mirnoy konferentsii (1919–1920 gg.) [The "Russian case" at the Paris Peace Conference (1919–1920)]. Moscow: Gospolitizdat.

Yazhborovskaya, I.S. & Parsadanova, V.S. (2005) *Rossiya i Pol'sha. Sindrom voyny 1920 g.* [Russia and Poland. The syndrome of war of 1920]. Moscow: Academia.

**Нам Ираида Владимировна** – доктор исторических наук, профессор кафедры современной отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета (Россия).

**Iraida V. Nam** – Tomsk State University (Russia).

**E-mail:** namirina@bk.ru

**Наумова Наталья Ивановна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и документоведения исторического факультета Томского государственного университета (Россия).

**Natalia I. Naumova** – Tomsk State University (Russia).

**E-mail:** tomnin@yandex.ru

УДК 94(470)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/53/11

# АВСТРО-ВЕНГЕРСКАЯ ИМПЕРИЯ, ГЕНЕЗИС НАЦИОНАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ И РУСИНСКИЙ ВОПРОС

**С.В. Бирюков**

Восточно-Китайский педагогический университет

КНР, 200062, г. Шанхай, ул. Чжуншань Бэй, 3663

E-mail: birs.07@mail.ru

## Авторское резюме

Австрийская (с 1867 – Австро-Венгерская) империя, существовавшая с 1804 по 1918 г., являла собой государственное образование, соединявшее многие народы под властью дома Габсбургов. Заслуга исчезнувшей империи заключалась не только в осуществлении консолидации и модернизации подчиненных ей народов и территорий, но и в сдерживании распространения великогерманских проектов на земли исторического проживания славянских народов. При этом собственно имперская миссия предполагала сдерживание процесса складывания наций у населявших империю народов с сохранением иерархии этносословий. Автор показывает, как империя в процессе своего развития объективно способствовала формированию подчиненных ей народов различных типов национальных движений в зависимости от специфики развития ее конкретных национальных регионов. Исчерпав свою миссию, империя постепенно пришла к своему концу, после чего молодые славянские нации (включая подкарпатских русинов), сложившиеся в империи, получили возможность для развития в рамках различных государственных проектов. Русинское национальное движение, консолидировавшееся в середине XIX в. в условиях общеславянского подъема в рамках империи, не добилося политического закрепления статуса русинского народа и нации, что требует дальнейших поисков конструктивного решения русинского вопроса.

**Ключевые слова:** Австрийская империя, славяне, унификация, этносословия, национальные движения, нациестроительство, русинский вопрос.

# THE AUSTRO-HUNGARIAN EMPIRE, THE GENESIS OF NATIONAL MOVEMENTS AND THE RUSINIAN QUESTION

**С.В. Бирюков**

East China Normal University  
3663 Zhongshan Road (N), Shanghai, 200062, China  
E-mail: [birs.07@mail.ru](mailto:birs.07@mail.ru)

## **Abstract**

The Austrian (from 1867 - Austro-Hungarian) Empire, which existed from 1804 to 1918, was a state formation that connected many nations under the rule of the House of Habsburg. The disappeared Empire not only consolidated and modernized its subordinate peoples and territories, but also managed to restrain the Great German projects on the Slavic peoples' ancestral territories. The Imperial mission proper was to curb the process of the nation-building of the peoples inhabiting the empire and to preserve the hierarchy of ethnoclasses. The author shows how the developing Empire contributed to different types of national movements in its subordinate peoples, depending on the specificity of national regions. Having fulfilled its mission, the Empire gradually came to its end, after which the young Slavic nations (including the Subcarpathian Rusins) could develop within various government projects. The Rusin National Movement, which consolidated in the middle of the 19th century during the all-Slavic rise within the Empire, failed to achieve political consolidation of the status of the Rusin people and Rusin nation, thus a constructive solution to the Rusin question requires a further search.

**Keywords:** Austrian Empire, the Slavs, unification, ethnoclasses, national movements, Nation-building, Rusin question.

Национальный вопрос и национально-государственное строительство – сложная и внутренне противоречивая область общественно-политических отношений, которая не допускает унификации политических практик и конъюнктурного подхода и не содержит универсальных политических рецептов, являющихся действенными и результативными вне зависимости от условий места и времени, а также опыта государственного строительства конкретных народов и стран.

Вплоть до сегодняшнего дня между собой конкурировали две

противоположные по смыслу модели нациестроительства: если в рамках модели политической нации этнические различия в рассматриваемых обществах не трактовались в качестве значимого политического фактора, то для модели культурной нации принадлежность к определенной национальной, языковой или религиозной общности признавалась решающей. В последнем случае нация понималась как «сообщество судьбы», лежащие в основе которого факторы «культурного самоопределения» – язык, культура и общее самосознание – сохраняли свою силу и значимость в течение десятилетий (Ridel 2003: 62–63). Шанс на сохранение единства многонациональной империи также связан с созданием собственной модели наднационального «сообщества судьбы»; при этом, в понимании Э. Ренана (Ренан 1902: 87–101), подобная империя неизбежно сталкивается с вызовом со стороны национальных движений, в рамках которых народы первоначально выдвигают требования в духе «культурного самоопределения» и уже на следующей стадии переходят к модели политической нации. Способна ли имперская модель адекватно ответить на этот вызов? Попытаемся ответить на поставленный вопрос на примере опыта Австрии, одним из ключевых факторов трансформации и распада которой явилась активность движений славянских и других народов, заявивших о себе в середине XIX в.

Тема статьи неразрывно связана с двумя значимыми датами – 170-летним юбилеем Первого славянского конгресса в Праге в 1848 г. и со столетием с момента распада Австро-Венгерской империи. В 1919 г. нас также ожидает 100-летний юбилей Парижской конференции и Сен-Жерменского договора, закрепивших результаты Первой мировой войны и определивших судьбу распавшейся к тому моменту Австро-Венгрии и связанных с ней народов. Указанный акт зафиксировал самоопределение славянских народов империи в форме двух славянских государств – Чехословакии и Югославии, судьба которых была весьма драматичной накануне и после начала Второй мировой войны, равно как не менее драматичной оказалась постимперская судьба русинского (карпаторусского) народа, волей судеб включенного в несколько последовательно сменявших друг друга государственных проектов. Тем самым вопрос об эффективных формах политического самоопределения славянских народов остается открытым и по сию пору, вызывая оживленные дискуссии (Корейба 2018).

В этом контексте изучение опыта Австрии (Австро-Венгрии) призвано ответить на вопрос о причинах возникновения и различий в характере национальных движений у славянских народов империи и о соотношениях моделей «культурной» и политической нации в

процессе политической эмансипации последних.

Австрийская (с 1868 – Австро-Венгерская) империя – уникальная империя с наднациональной (универсальной) повесткой и миссией, существовавшая с 1804 по 1918 г. и создавшая собственное пространство для самореализации (и последующего самоопределения) многих народов, включая славян, игравших во внутриимперской политике значимую роль. Население монархии Габсбургов включало в себя более полутора десятка этносоциальных общностей, проживавших на территории семнадцати административно-политических территорий, каждая из которых была уникальна своей историей, статусом и правами. Поданные монархии говорили на четырнадцати языках, исповедовали три мировые религии и принадлежали к нескольким конфессиям. Из 37 млн жителей империи в 1847 предреволюционном году 18 млн составляли славянские народы (чехи, словаки, поляки и др.), 7 млн – австрийские немцы, 5 млн – венгры (мадьяры). Около 7 млн приходилось на долю романских народов – итальянцев и румын. Равновесие в подобном многонациональном государстве могло быть обеспечено только за счет гибкой и взвешенной национальной политики, принимавшей во внимание интересы населяющих страну народов.

Следует признать, что, благодаря следованию определенной миссии, Австрия превратилась из пестрого конгломерата династических владений дома Габсбургов в сообщество народов (так и не установив итоговую границу, отделявшую имперскую организацию от собственно страны, а общеавстрийскую идентичность – от чувства национальной принадлежности у отдельных народов). Миссия Австрии в разные периоды была связана с противостоянием османской экспансии, с реализацией идеалов и принципов Просвещения, а позднее – со своеобразной протекцией в отношении подчиненных ей славянских народов от распространения на них проектов в духе «Срединной Европы» Фридриха Науманна (Naumann 1915: 1–18) и других германских экспансионистских планов.

При этом логика внутриимперского развития неизбежно предполагала противодействие любым проявлениям национализма и сдерживание процесса складывания политических наций у населявших империю народов. Таким образом, в рамках имперской системы австрийские немцы и германизированные выходцы из других народов несли на себе основное бремя по обеспечению единства Австрии (Яси 2011: 27–43). Последовательно формировавшаяся, начиная с эпохи правления Марии Терезии, германоязычная бюрократия и проводившаяся ею (при поддержке германоязычного же городского среднего класса) политика культурной унификации сдерживали процесс фор-

мирования национального самосознания у негерманских этносов, чему также способствовали существовавшие сословные перегородки. В то же время, постепенно перейдя к модели «либеральной империи», Австрия (позднее – Австро-Венгрия) создала предпосылки для национального разнообразия и национального развития и не стремилась к унификации (с неизбежной в этом случае культурной и политической ассимиляцией инонациональных групп) по образцу Германской империи, поскольку не имела для этого возможностей.

Как результат в истории империи чередовались политика модернизации и контрреформ, централизации и децентрализации, что до известного момента позволяло ей сохранять определенную устойчивость. Политика Габсбургов стимулировала активность населявших империю народов – как прямо, через расширявшие возможности для национального развития модернизационные реформы, так и косвенно – через консервативно-охранительные, сдерживавшие любые устремления к политической эмансипации подчиненных империи народов.

Так, еще в XVIII в. Габсбурги были реформаторской династией, но уже в XIX в. стали своеобразными «чемпионами по консерватизму». И главный парадокс развития империи состоял в том, что реформаторские начинания одних и тех же правителей Австрии могли одновременно как препятствовать эмансипации народов (и в том числе славянских меньшинств) в одном отношении, так и способствовать ей – в другом.

Например, упомянутая выше императрица Мария Терезия (1717–1780) не только создала имперскую бюрократию, но и сохранила привилегированный статус за Венгрией и ее магнатами (благодаря чему может считаться не только основательницей собственно империи, но и предшественницей австро-венгерского дуализма). В то же время учрежденная ею в рамках образовательной реформы система начальных школ на языках основных населявших империю народов способствовала закреплению национального разнообразия.

Наследовавший ей на троне приверженец «просвещенного абсолютизма» Иосиф II (1741–1790) стремился превратить империю в централизованное государство путем последовательной германизации ее провинций (что было неблагоприятно для ее народов); но при этом он отказался от короны венгерских монархов и признания привилегий венгерской аристократии, что выглядело очевидным умалением значимости «венгерского фактора» и де-факто ослабляло венгерское доминирование над славянами в пределах тогдашней Венгрии.

В то же время деспотизм Иосифа II имел ярко выраженный реформаторский характер: он разорвал союз с римско-католической



церковью (что повышало статус национальных и конфессиональных меньшинств империи) и провел аграрную реформу, сохранившую землю в руках крестьян (благодаря чему именно крестьянство и стало оплотом большей части возникших впоследствии национальных движений).

В свою очередь правивший страной в течение 68 лет император Франц Иосиф (1830–1916), после длительных колебаний и переговоров согласившийся в 1867 г. на уступки Венгрии и дуалистическую структуру монархии, породил масштабные надежды у славян империи (в итоге не оправдавшиеся). Платой за разочарование в этих надеждах стал отказ славянских народов и их лидеров поддерживать имперскую структуру в ситуации глубокого кризиса, вызванного Первой мировой войной.

В итоге, создав путем долговременных усилий самобытную модель относительно мирного и гармоничного существования весьма отличавшихся друг от друга народов, империя так и не нашла политическую формулу и метод, обеспечивавшие ей полноценное и устойчивое «единство во многообразии», т.е. не сумела обеспечить на длительное время устойчивый баланс интересов различных населявших ее этносов. Соотношение численности основных народов империи, культурные различия между ними, отмеченные венгерским исследователем О. Яси (Яси 2011), не позволяли построить этнополитическую систему сугубо централизованного характера и последовательно осуществлять из единого центра укрепляющие ее единство реформы.

Принимая во внимание это обстоятельство, австрийские монархия и бюрократия твердо придерживались идеи иерархии народов. В результате в рамках империи одни были «более равны, чем другие» (немцы, венгры, поляки в Восточной Галиции, итальянцы и, с определенными оговорками, хорваты), а другие (большая часть славян и румыны) находились в подчиненном статусе. Данное обстоятельство генерировало межэтнические противоречия и побуждало многие этносы бороться за расширение своих прав и повышение статуса в империи (Грот 1914: 3–7).

В стабильной ситуации Австро-Венгрия опиралась на имперские сословия и требовала к себе лояльности всех основных социальных классов. Ее опорой были бюрократия, служилая аристократия (связанная обязанностью нести государственную службу) и верхние слои германского городского среднего класса, в то время как славянам (за исключением поляков в Восточной Галиции) отводилась подчиненная роль, что не допускало их признания в качестве субъекта государственного строительства.

Следуя этой логике, империя приписывала своим народам определенные статусы. Австриец (австрийский немец) выступал как бюрократ, работавший на имперскую организацию и имевший централизаторскую и культуртреггерскую задачу, связанную с распространением просвещения на его инонациональное окружение. Венгр представлял собой мелкого дворянина (джентри), тогда как славянин (чех, словак, хорват, словенец, серб, русин) «типологически» воплощал в себе крестьянское сословие (когда условием вертикальной мобильности были германизация либо мадьяризация). При этом статус дворян и чиновничьего сословия гарантировался исключительно самой империей (прирожденное дворянство существовало лишь в Италии и Польше).

В случае же возникновения угрозы этой иерархической системе империя стремилась найти удобный для венского двора и своего самосохранения баланс национальных сил, действуя в соответствии со знаменитым принципом «разделяй и властвуй», т. е. делая уступки одним народам и обещая их другим. В периоды наивысшего напряжения имперская элита лавировала между национальными движениями, обеспечивая свое политическое выживание главным образом за счет интересов лояльных ей славянских народов (чехов, словаков, сербов, хорватов и подкарпатских русинов).

При этом даже собственно немецкий «субстрат» Австрии не являлся безусловным твердым основанием имперской модели. И если консервативное австро-немецкое чиновничество желало объединения с консервативными силами других германских государств (Романенко 2013: 190), то немецкий городской средний класс был в значительной своей части оппозиционен империи, желая более глубоких либеральных реформ, объединившись на просвещенно-реформаторской платформе с немцами из Германии, что ярко проявилось в период «весны народов» 1848 г. Немецкий политический национализм, таким образом, представлял угрозу для космополитической империи, и поэтому последняя вспоминала о своих немецких «корнях» лишь в случае реальной угрозы своему существованию.

Упомянутая выше «весна народов» 1848 г., вылившись в череду национальных революций (германской, венгерской, чешской и др.) и восстаний, в итоге вовлекла империю в период политических потрясений, в рамках которого охранительно-репрессивные меры сменялись относительными политическими уступками. Особое значение в контексте этих событий имело проведение в Праге во дворце Жофин Первого Всеславянского съезда, на котором впервые были публично заявлены идеи славянского единства и требования о восстановлении ущемленных прав славянских народов, включая тех из них, которые не находились к тому моменту под властью Австрии (поляков в Пруссии

и балканских славян) (Тулаев 2017: 77–78). На съезде столкнулись две политические позиции – умеренно-реформаторская (поддержка славянами идеи сохранения монархии Габсбургов в обмен на превращение Австрии в федерацию немцев, венгров и славян, которую поддерживал сам председатель съезда Франтишек Палацкий) и радикально-революционная (предполагавшая использовать события «весны народов» 1848 г. для революционного освобождения славян с последующим созданием «Всеславянской федерации»; ее придерживались М. Бакунин и поддерживавшие его тогда К. Либельт и Л. Штур). В результате был найден временный компромисс, призванный к объединению славян на общей платформе. Съезд принял «Манифест к народам Европы», главная идея которого – право на самоопределение народов, реализованное на практике после Первой мировой войны. И именно с трибуны Славянского съезда Палацкий призвал славян Австрии беречь империю как своего естественного защитника, предлагая им всемерно «содействовать обеспечению независимости, целостности и властному развитию Австрии» (Schulze, Paul 1994: 1157–1160), что способствовало спасению империи в ситуации масштабнейшего кризиса.

Параллельно с этим Палацкий обосновал идею превращения Австрии в союз народов (немцев, венгров и славян): «Мы, таким образом, предлагаем славянским народам империи, действуя в качестве членов народного союза, заключить защитный и наступательный союз и начать строить австрийскую монархию как союзное государство» (Geißler 1939: 595). Однако отсутствие единства между пришедшими на волне упомянутых событий народами империи, равно как и жесткое подавление революционных выступлений в разных ее частях, не позволили им заявить единую политическую платформу и повестку. Так, чехи хотели переговоров с Францем Иосифом и надеялись на «восстановление единства земель чешской короны». Народы, не имевшие своей государственности, враждовали с австрийцами и венграми и в то же время нередко находились в неприязненных отношениях друг с другом.

Как следствие, австро-венгерский дуализм (вместо федерализации империи), явившийся главным результатом масштабных политических трансформаций 1848–1867 гг. и плодом уступок умеренной части венгерской аристократии, стал разочарованием для лидеров славянских движений и многих народов, которые сменили прежнюю лояльность к империи на оппозиционную и критическую позицию. В итоге Палацкий, в свое время утверждавший, что «если бы Австрии не было, ее следовало придумать», узнав о введении дуализма, с глубоким сожалением констатировал: «Чехи жили до Австрии, проживут и

после нее». В свою очередь венгры, получив значительные политические привилегии, начали проводить жесткую политику мадьяризации, игнорируя требования подвластных им национальных меньшинств.

Именно австро-венгерские соглашения 1867 г. (так называемые *Ausgleich*) нарушили межэтничный баланс в империи и лишили ее значительной части поддержки славян, что способствовало ее последующим кризису и распаду. Славянские народы и представлявшие их интересы национальные движения не разрушали империю целенаправленно – они просто отказали ей в поддержке в кризисной ситуации, поскольку не связывали с ней больше свою историческую перспективу, выйдя таким образом из общеимперского «сообщества судьбы». Подобное равнодушие к судьбе империи Габсбургов, охватившее и австрийских немцев, предопределило неблагоприятный для нее финал. В конечном итоге именно Франтишек Палацкий, выдвинувший на упомянутом Славянском съезде 1848 г. проект глубокого переустройства империи, оказался более глубоким стратегом, нежели почитавшийся некоторыми славянскими деятелями император Франц Иосиф. Последний пренебрег интересами славян в ситуации политической «развилки» 1867 и 1914 гг., чем в значительной степени и предопределил последовавшее затем крушение имперского проекта.

Так или иначе, именно после 1848 г. империя столкнулась с несколькими видами национализма и национальных движений – упомянутым германским (пангерманистским) реформаторски-прогрессистским национализмом, консервативным национализмом мелкого дворянства в Венгрии и Польше, формирующимся национал-демократическим движением в Чехии и национализмом инновативных крестьянских наций у славянских народов.

На первоначальной, романтической стадии развития национальных движений народов империи устремления их лидеров были весьма различны и зачастую далеки от политической реальности. Так, немецкие националисты в Австрии желали актуализации наследия Священной Римской империи, венгерские – короны святого Штефана, чешские – короны святого Венцеслава, хорватские – восстановления средневекового Хорватского королевства (Taylor 1941: 112–117). Однако постепенно политический реализм взял верх, и программы национальных движений приобрели более прагматический характер, что породило целый ряд проектов переустройства империи на национальных началах, а затем и проектов национально-государственного самоопределения.

Следует признать, что самими особенностями политики по отношению к своим различным регионам и сословиям империя предопределила специфику возникших в этих регионах национальных

движений; данный тезис может служить известным дополнением к знаменитой гипотезе американского социолога Баррингтона Мура о связи между определенными типами социально-экономической модернизации и последующим политическим развитием обществ и стран (Moore 1966).

Так, сохранив привилегии за венгерским дворянством и особый статус Венгрии в империи по результатам компромисса 1867 г., с одновременным отказом от политической реформы и от введения на венгерских землях всеобщего избирательного права, Вена предопределила консервативный характер венгерского национального движения и собственно венгерского национализма, ставшего ключевым фактором политического развития страны вплоть до момента окончания Второй мировой войны. Подобным же образом сохранив доминирование польской знати в Галиции, империя также способствовала складыванию национального движения аналогичного типа в подчиненной ей части Польши.

Напротив, в Чехии (дворянство которой было фактически ликвидировано еще по результатам Тридцатилетней войны) вследствие активного индустриального развития Богемии и значительного научного и культурного потенциала Праги сформировались предпосылки для складывания сильного и влиятельного национально-демократического движения, признающего национальное многообразие страны и общедемократические принципы. Последние были положены в основу Чехословацкой Республики 1918–1938 гг., получившей в силу этого признание и поддержку европейских демократий (в отличие от Венгрии, понесшей масштабнейшие территориальные потери в результате заключения Трианонского договора в 1920 г.).

Процесс становления славянских национальных движений в Австрии в целом соответствовал общей логике политической эмансипации народов, ведя их от стадии «культурной нации» к превращению в политические нации с заявлением требований о политическом самоопределении.

В итоге славянские подданные империи из числа «нетитульных» и «непривилегированных народов», пережив подъем своих движений на рубеже XVIII–XIX вв., сравнительно быстро перешли от культуроцентричной и романтической стадии к созданию национальных движений с определенными политическими задачами. Предпосылки для этого «пробуждения» создали знаменитые славянские «будители» XVIII–XIX вв., – как чешские (Г. Добнер, Ф.М. Пельцль, Й. Добровский, Й. Юнгман, Ф. Палацкий, П. Й. Шафарик), так и карпаторусские (А. Духнович, А. Павлович, А. Добрянский, А. Митрак, И. Сильвай и др.).

На смену первоначальному романтическому (и ориентированному в основном на Россию) панславизму сравнительно быстро пришел тесно связанный с именем Ф. Палацкого австрославизм, связанный с идеей лояльности империи в обмен на ее переустройство на национальных (федеративных) началах. Поворотным пунктом стала общеевропейская «весна народов» 1848 г.

Славянские нации и выражавшие их интересы политические проекты, заявленные после 1848 г., были продуктом воображения писателей и других гуманитариев – представляемые в рамках этих проектов нации («воображаемые сообщества», в соответствии с принятым сегодня термином Б. Андерсон) первоначально существовали только в воображении этих идеологов (Андерсон 2001). Славянским и другим национальным интеллектуалам еще предстояло подтвердить свое право говорить от имени сложившихся народов, еще не консолидированных по политическому принципу.

Единственный шанс превратить такие замыслы в реальность заключался в адаптации этих созданных национально ориентированными интеллектуалами проектов к запросам крестьянских в своей основе славянских протонаций (хорватской, словацкой, словенской, карпаторусинской, галицко-украинской). Такие достижения городской цивилизации, как массовая печать и литература, были использованы идеологами славянских движений для того, чтобы нести свои идеи в крестьянскую среду. И особую роль в ретрансляции этих идей играли священнослужители, изначально враждебные разделяемой многими идеологии просвещения, связавшие интеллектуалов с широкими массами за пределами городов. В результате славянские движения трансформировались в значительную силу, которая была способна изменять политическое устройство империи вне зависимости от планов венского двора и бюрократии.

Единственная возможность империи сохранить себя в качестве «сообщества судьбы» для входящих в нее народов состояла в достижении нового политического консенсуса с учетом интересов всех проживавших национальностей с превращением их в полноценных субъектов государственной жизни. Однако, не найдя ответа на вызов со стороны национальных движений, исчерпав свою модернизационную и защитную (в отношении славян) миссию и превратившись в ситуации войны в сателлита кайзеровской Германии, империя закономерно пришла к своему распаду в 1918 г. Таким образом, Австро-Венгрия не смогла обойти в своем развитии три классических «ловушки», которых не избежала и распавшаяся практически одновременно с ней Российская империя: 1) не нашла баланса между необходимой унификацией и принципом этноконфессионального разнообразия;

2) не сумела трансформироваться из иерархически организованного сообщества элит в полноценный союз народов; 3) не справилась с общим запросом на более глубокую политическую и социально-экономическую модернизацию (которой препятствовали как застывшая сословно-иерархическая структура империи, так и глубокие различия между подчиненными ею национальными территориями).

Проекты в духе «Соединенных Штатов Австрии» (румынский деятель А. Попеску) (Geier 2009: 132), разделенного на национальные автономные области «союзного государства национальностей» или внетерриториальной национальной автономии (проект известного социал-демократа К. Реннера) были нереализуемы в отсутствие минимально необходимого консенсуса между венской имперской бюрократией и лидерами национальных движений. Время для глубокой автономизации либо федерализации было упущено, что и подтвердила попытка последнего австрийского императора Карла I о преобразовании империи в сообщество народов, предпринятая незадолго до отречения последнего от австрийского престола 1 ноября 1918 г.

Как представляется, условный шанс на сохранение единства Австрии состоял именно в своевременном принятии федеративной модели переустройства, предложенной в 1848 г. Ф. Палацким. Последняя в случае опоры на принципы множественной идентичности (общегосударственной, национальной, языковой, региональной) могла бы объединить в едином политическом пространстве различные народы, уже перешедшие к тому моменту от стадии «культурной нации» к модели политической нации. Однако для этого требовались существенное изменение политической «надстройки» империи и отказ от бюрократической и этносословной иерархии, к чему Габсбургская монархия была тогда, очевидно, не готова.

Кризис начала XX в. показал слабость традиционной общеавстрийской идентичности, которая разрушилась в ситуации подъема формировавшихся молодых наций. Соединение социального и национально-го факторов при отсутствии консолидирующей наднациональной идеи вели страну к распаду, который был ускорен из-за военного поражения 1918 г. В этой ситуации у народов распадавшейся империи существовал выбор между двумя возможными политическими стратегиями – социальной революцией и национализмом (Hobsbaum 1996: 153).

В то же время именно в политическом пространстве империи на базе национальных движений сформировались национально-политические проекты (венгерский, чехословацкий, отчасти польский, галичанско-украинский и собственно русинский), которые с разной степенью успешности были реализованы уже после распада



Австро-Венгрии в рамках новообразованных государств, заимствовавших некоторые элементы австрийского политического наследия. При этом судьба всех четырех образовавшихся из распавшейся империи национальных государств оказалась показательно драматичной, вылившись в полную либо частичную утрату суверенитета (Австрия и Чехословакия как жертвы оккупации со стороны Третьего рейха и послевоенная Венгрия в системе «ограниченного суверенитета» после событий осени 1956 г.), либо в территориальный распад вследствие не разрешенных межнациональных противоречий (Югославия в 1941 и 1990 гг. и вторая Чехословацкая Республика в 1993 г.). Как полагает уже цитировавшийся нами британский историк Австро-Венгрии А.Дж. Тэйлор, именно империя, отказавшись от реформы своего устройства, оставила ранее входившим в нее народам существенные проблемы, которые они так и не смогли разрешить в процессе национально-государственного развития: «Монархия не была решением (национального вопроса в Центральной Европе. – С.Б.); она являлась следствием скепсиса по отношению к возможности найти такое решение, из-за чего продлевалось существование... институтов, давно утративших моральную легитимность... Габсбурги оставили (своим) народам в наследство две проблемы: внутреннюю – проблему власти и внешнюю – проблему безопасности» (Taylor 1941: 272).

Одной из молодых славянских наций, предпосылки для консолидации которой сложились в рамках Австро-Венгрии, являются подкарпатские русины. С раннего Средневековья они проживали как автохтоны в долинах Карпат, являясь сложившейся национальностью (Суляк 2005: 50). Преобразовываться из этнокультурной общности в политическую нацию русины начали под влиянием событий 1848 г., когда произошла их первая встреча с исторической Россией (после перехода через Карпаты армии генерала И.Ф. Паскевича). Именно тогда усилилось русинское движение за национальную самобытность и автономизацию, что стало началом процесса перехода от стадии «культурной нации» к политическому самоопределению.

Именно в составе Австрии подкарпатские русины были вовлечены в процесс внутриимперской модернизации, интегрированы в сообщество славянских народов и вовлечены в общеславянский процесс складывания политических наций, обогатившись уникальным политическим опытом.

В то же время, представляя наименее развитый в социально-экономическом отношении регион Австро-Венгрии, русины относительно позже других славянских народов приступили к процессу нациестроительства и к моменту распада империи не имели необходимых

предпосылок для полноценного государственного самоопределения.

При этом связь с собственно австрийским проектом у русинов выражалась слабее, нежели у их соседей – украинцев-галичан (Миллер 1997: 76). Поскольку если для последних империя действительно может считаться «доброй бабушкой» (термин получившего признание в Германии украинского писателя из Галичины Юрия Андруховича), то у подкарпатских русинов и галицких русофилов существует память о Терезине и Талергофе, связанных с уничтожением их ориентированной на Москву интеллектуальной элиты и «обезглавливанием» карпаторусского и русофильского движений.

Русины Подкарпатя политически самоопределились как нация, согласно реализованному ими самоопределению и собственным законам, начиная с 26 декабря 1918 г., когда им была предоставлена автономия в составе Венгрии. Из этого процесса были исключены русины Воеводины в Сербии, переселенные туда за 250 лет до этого при императрице Марии-Терезии.

Русины прошли процесс нациогенеза относительно поздно по сравнению с другими народами империи и не имели возможности реализовать проект собственной государственности. Поэтому их политический статус и политическая субъектность в постимперский период были связаны с несколькими государственно-политическими проектами (венгерским, чешским, прорусским, проукраинским, прокоммунистическим), на которые ориентировались различные направления внутри русинского движения (прочешское, провенгерское, проукраинское). Обретя автономию в составе Венгерской Республики 26 декабря 1918 г. (под именем «Руськая Краина»), они были исключены из состава Венгрии после подавления Венгерской Советской Республики. Затем они реализовали свою автономию на территории Подкарпатской Руси (вкуче с признанием их самостоятельным народом) в рамках первой Чехословацкой Республики, а после упразднения суверенитета последней и провала ориентированного на Германию проекта «Карпатской Украины» А. Волошина в 1938 г. русины развивались как нация уже в рамках независимой Венгрии до момента окончания Второй мировой войны. Послевоенное политическое развитие – вхождение в состав УССР в качестве Закарпатской области – официально лишило подкарпатских русинов статуса нации и политического субъекта, и вопрос об их восстановлении был снова поставлен ими после распада СССР в 1991 г.

После Второй мировой войны в Карпатской Руси, точнее, в ее частях, отошедших к СССР, Польше и Чехословакии, была проведена административная унификация русинов с игнорированием их этнического своеобразия. В итоге русинская идентичность сохранялась

лишь на бытовом уровне и благодаря усилиям отдельных деятелей культуры. При этом многие русины, проживавшие вне Карпатской Руси, продолжили полноценную национальную жизнь под старыми этнонимами – русины, руснаки, карпатороссы.

Как представляется, подкарпатским русинам с учетом неоднозначности их судьбы в составе Австро-Венгрии нет смысла идеализировать этот период своей истории, с которым были связаны и определенные возможности для национального развития, и практики ассимиляции и даже геноцида. Следуя реалистическим установкам, они должны получить признание в качестве разделенного народа, более того – в качестве четвертого восточнославянского этноса, в силу самого своего происхождения относящегося к «миру Руси» (в широком смысле этого термина).

Полноценная институционализация Подкарпатской Руси в соответствии с международными рекомендациями и с воссозданием условий для всестороннего этнокультурного, политического и социально-экономического развития русинского народа могла бы стать конструктивным вариантом решения национальной проблемы в ситуации, когда стандартные решения в духе идей унитаризма и мультикультурализма уже не работают. И именно полноценная солидарность современного славянского движения в деле восстановления и защиты прав русинского народа должна стать тестом, призванным подтвердить дееспособность современных славянских государств и славянского движения в целом, чей потенциал востребован сегодня в ситуации кризиса институтов и механизмов Европейского союза.

## ЛИТЕРАТУРА

- Андерсон 2001 – *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М., 2001.
- Грот 1914 – *Грот К.Я.* Австро-Венгрия или Карпато-Дунайские земли в судьбах славянства и в русских исторических исследованиях. СПб., 1914.
- Корейба 2018 – *Корейба Я.* Русский миф о собственном величии: возможно ли единое славянское государство // Московский комсомолец. 2018. 16 февраля.
- Миллер 1997 – *Миллер А.И.* Внешний фактор в формировании национальной идентичности галицийских русинов // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. Москва, 1997.
- Ренан 1902 – *Ренан Э.* Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 6. Киев, 1902.
- Романенко 2013 – *Романенко С.А.* Социалистическая революция в России и «национальная революция южного славянства» в Австро-Венгрии

1917–1918 гг. // Россия и славянство: диалог культур. Тверь, 2013.

Суляк 2005 – Суляк С.Г. Русины: этапы истории (часть 1) // Русин. 2005. № 1 (1).

Тулаев 2017 – Тулаев П.В. Первые славянофилы и их съезды. М., 2017.

Яси 2011 – Яси О. Распад Габсбургской монархии. М., 2011.

Geier 2009 – Geier W. Europabilder. Begriffe, Ideen, Projekte aus 2500 Jahren. Wien, 2009.

Geißler 1939 – Geißler G. (Hrsg.): Europäische Dokumente aus fünf Jahrhunderten. Leipzig, 1939.

Hobsbaum 1996 – Hobsbaum E. Nationen und Nationalismus: Mythos und Realität seit 1780. München, 1996.

Moor 1966 – Moor B. Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World. Boston, 1966.

Naumann 1915 – Naumann F. Mitteleuropa. Berlin, 1915.

Ridel 2003 – Ridel S. Politisierung von Ethnizität in Transformationsgesellschaften // Welttrends. 2003. № 11.

Schulze, Paul 1994 – Schulze H., Paul I. (Hrsg.) Europäische Geschichte. Quellen und Materialien. München, 1994.

Taylor 1941 – Taylor A.J.P. The Habsburg Monarchy, 1809–1918: A History of the Austrian Empire and Austria-Hungary. Oxford, 1941.

## REFERENCES

Anderson, B. (2001) *Voobrazhayemye soobshchestva* [Imagined Communities]. Translated from English by V. Nikolaev. Moscow: Kanon-Press.

Grot, K.Ya. (1914) *Avstro-Vengriya ili Karpato-Dunayskiye zemli v sud'bah slavyanstva i v russkikh istoricheskikh issledovaniyakh* [Austria-Hungary or the Carpathian-Danube lands in the fate of the Slavs and in Russian historical studies]. St. Petersburg: I.N. Kushnerev i K°.

Korejba, J. (2018) Russkiy mif o sobstvennom velichii: vozmozhno li yedinoe slavyanskoye gosudarstvo [The Russian myth of their own greatness: is a unified Slavic state possible?]. *Moskovskiy komsomolets*. 16th February.

Miller, A.I. (1997) Vneshniy faktor v formirovani natsional'noy identichnosti galitsiyskikh rusinov [An external factor in the formation of national identity of Galician Rusins]. In: Khvanova, O.B. (ed.) *Avstro-Vengriya: integratsionnyye protsessy i natsional'naya spetsifika* [Austria-Hungary: integration processes and national specificity]. Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies.

Renan, J.E. (1902) *Sobraniye sochineniy: v 12 t.* [Collected Works in 12 vols]. Vol. 6. Kiev: [s.n.].

Romanenko, S.A. (2013) Sotsialisticheskaya revolyutsiya v Rossii i "natsional'naya revolyutsiya yuzhnogo slavyanstva" v Avstro-Vengrii 1917–1918

gg. [The socialist revolution in Russia and “the national revolution of the southern Slavs” in Austria-Hungary in 1917–1918]. In: *Rossya i Slavyane: dialog kultur* [Russia and the Slavs: the dialogue of cultures]. Tver: Alfa-Press.

Sulyak, S.G. (2005). Rusins: etapy istorii (chast 1) [Rusiny: etapy istorii (chast' 1)]. *Rusin*. 1(1). pp. 49–60.

Tulayev, P.V. (2017) *Pervyye slavyanofily i ikh s"yezdy* [The First Slavophiles and Their Congresses]. Moscow: Slava.

Jászai, O. (2011) *Raspad Gabsburgskoi monarchii* [The Collapse of the Habsburg Monarchy]. Moscow: Tri kvadrata.

Geier, W. (2009). *Europabilder. Begriffe, Ideen, Projekte aus 2500 Jahren* [The Europe Images. Terms, Ideas, Projects for 2500 years]. Vienna: Promedia.

Geissler, G. (ed.) (1939) *Europäische Dokumente aus fünf Jahrhunderten* [European documents from five centuries]. Leipzig: Esche Verlag.

Hobsbaum, E. (1996) *Nationen und Nationalismus: Mythos und Realität seit 1780* [Nations and nationalism: myth and reality since 1780]. Munich: Campus Verlag.

Moor, B. (1966) *Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. Boston: Beacon Press.

Naumann, F. (1915) *Mitteleuropa* [Central Europe]. Berlin: [s.n.].

Ridel, S. (2003) Politisierung von Ethnizitaet in Transformationsgesellschaften [Politicization of ethnicity in transformation societies]. *Welttrends*. 11.

Schulze, H., Paul, I. (eds) (1994) *Europäische Geschichte. Quellen und Materialien* [The European History. Sources and materials]. Munich: Bayerischer Schulbuch.

Taylor, A.J.P. (1941) *The Habsburg Monarchy, 1809-1918: a History of the Austrian Empire and Austria-Hungary*. Oxford: Fellow of Magdalen College.

**Бирюков Сергей Владимирович** – доктор политических наук, профессор, старший научный сотрудник Центра изучения России Восточно-Китайского педагогического университета (Шанхай, КНР).

**Sergey V. Biryukov** – Centre for Russian Studies, East China Normal University (China).

**E-mail:** birs.07@mail.ru

УДК 94(47)"1920/1953"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/53/12

## **ДОЛГОЕ ЭХО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: УРОЖЕНЦЫ ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ РОССИИ И КАРПАТСКОЙ РУСИ В ЖЕРНОВАХ РЕПРЕССИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ**

**В.П. Зиновьев<sup>1</sup>, В.Н. Уйманов<sup>2</sup>**

<sup>1</sup> Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: vpz@tsu.ru

<sup>2</sup> Администрация Томской области

Россия, 634050. г. Томск, ул. Вершинина 48/1

E-mail: uimanov@tomsk.gov.ru

### **Авторское резюме**

В статье рассматривается судьба уроженцев западных губерний и Карпатской Руси, репрессированных на территории Томской области в период 1920–1953 гг. Они оказались на ней в результате переселений, высылки, в качестве военнопленных и беженцев в годы Первой мировой войны. Как и все население Западной Сибири, они стали объектом репрессий сталинских властей. Авторы обращают внимание на то, что уроженцы Карпато-Днестровских земель подверглись более жестким репрессиям по сравнению с другими жителями региона из-за ксенофобии коренного населения и сотрудников органов внутренних дел и государственной безопасности. Более всех пострадали поляки. Репрессии против них объясняются многовековым противостоянием Речи Посполитой и Московской Руси, породившим уверенность в том, что «поляк – враг всего русского», подтвержденным войной с белополяками в 1919–1920 гг., карательными походами белопольских соединений в Западной Сибири в годы гражданской войны, далекое эхо которой докатилось до 1950-х гг.

**Ключевые слова:** западные губернии России, Карпатская Русь, Томская область, репрессии.

# THE LONG ECHO OF THE CIVIL WAR: NATIVES OF THE CARPATHIAN – DNIESTER LANDS UNDER THE WHEELS OF REPRESSIONS IN TOMSK REGION

V.P. Zinovyev<sup>1</sup>, V.N. Uimanov<sup>2</sup>

<sup>1</sup>Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: vpz@tsu.ru

<sup>2</sup>Administration of Tomsk region

48/1 Vershinin Street, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: uimanov@tomsk.gov.ru

## Abstract

The paper focuses on the fate of the natives of the Carpathian-Dniester lands repressed in 1920–1953 in the territory of Tomsk Region, where they appeared as a result of evictions, exiles, as prisoners of war and refugees during WWI. As all the population of Western Siberia, they were subject to repressions by the Stalinist authorities. The authors underline that the Carpathian – Dniester natives were subject to harsher repressions than other residents of the region due to xenophobia on the part of locals, militia and security service officers. The Poles suffered most of all. The authors argue that the harshest repressions against the Poles can be explained by the anti-Polish propaganda imprinted into the Russian subconsciousness, with the slogan “a Pole is an enemy of all the Russian”, which was supported by the war with Poland in 1919–1920 and the crimes committed by the White Poles in West Siberia during the Civil War. The long echo of the Civil War lasted well into the 1950s.

**Keywords:** Western provinces of Russia, Carpathian Rus', Tomsk region, repressions.

Первая мировая и гражданская войны в России были первыми в истории страны событиями, которые по-настоящему затронули всех живших в громадном государстве, сдвинули с места жительства, лишили привычного статуса миллионы людей. Многие из них были заброшены за тысячи километров от дома. По этой причине не стоит удивляться, что на территории Томской области оказалось много выходцев из западных губерний России и Карпатской Руси (Подкарпатья, Буковины и Галиции).

Судьбе этих людей и посвящена настоящая статья. Оказавшись в новой для себя ситуации, они острее, чем местные уроженцы,



ощутили на себе тяжесть режима сталинской мобилизационной и репрессивной системы.

Появлению в далекой Сибири уроженцев западных губерний Российской империи способствовало несколько обстоятельств. Западные губернии (нас интересуют Волынская, Каменец-Подольская, Бессарабская) были плотно заселены, крестьяне испытывали недостаток земли и так же, как жители центрально-черноземных губерний империи, Белоруссии, Малороссии, ехали за Урал в поисках земли и воли. Население Сибири пополнялось в основном за счет крестьян-переселенцев. В конце XIX в. в Сибири из 6 млн жителей 1,3 млн родились в Европейской России, а за 1897–1914 гг. переселились еще 3,3 млн крестьян (Крестьянство Сибири 1983: 180, 231). Русины Австро-Венгрии, подобно другим подданным этого государства, как известно, чаще оправлялись за океан – в Канаду, Южную Америку (Шевцов, Бабута 2017).

В Сибири выходцы из западных губерний империи оседали преимущественно на юге Томской губернии, но попадали нередко и в северный Томский уезд, позднее ставший Томской областью. В 1897 г. крестьян с Украины насчитывалось 92 тыс. из двухмиллионного населения губернии, в т. ч. из Каменец-Подольской губернии – 2 454, из Волынской – 1 623 чел. В 1898–1905 гг. переселилось соответственно еще 75 и 1 785 чел., а в 1906–1914 гг. за Урал переехали 73 051 чел. из Подольской губернии и 52 460 чел. из Волынской, в общем числе 1,37 млн переселенцев из новороссийских и малороссийских губерний. Половина из них осела в Томской губернии. К началу Первой мировой войны крестьяне из малороссийских губерний составили четверть всех переселенцев в Томскую губернию (Подольяно 2010: 130, 182, 231), в т. ч. около 70 тыс. – из Каменец-Подольской и Волынской губерний. Выходцев из Бессарабии было намного меньше.

Отправлялись жители западных губерний в Сибирь и на Дальний Восток в поисках заработка на железной дороге, стройках, горных разработках, но их число было незначительным (Рабочий класс 1982).

События Первой мировой войны существенно увеличили количество уроженцев из Карпатской Руси и Бессарабии в Томской губернии. Западные губернии (в т. ч. Волынская и Бессарабская), как и австро-венгерские в то время Галиция, Подкарпатье и Буковина, оказались в самом эпицентре военных действий на Восточном фронте, что породило массу беженцев, административно высланных. Существенное их количество оказалась в Томской губернии. С началом войны были задержаны и помещены в лагерь близ Новониколаевска около тысячи германских и австрийских подданных.

В период отступления из Галиции, Польши, Прибалтики были выселены и высланы в Сибирь обвиненные в шпионаже и враждебности

евреи, немцы-колонисты, поляки, украинцы (русины) общим числом до 87 тыс. чел. (Шиловский 2015: 178–179). Значительная их часть разместились в Томской губернии и в Томске. На 1 сентября 1916 г. беженцев и выселенцев в Томской губернии было 32 тыс. чел., в т. ч. русских – 25 260, поляков – 3 245, латышей – 1 687, евреев – 890, немцев – 687, галичан (русинов) – 40 (Шиловский 2015: 180). В ноябре 1915 г. прибыли и были размещены по волостям 540 беженцев из Холмской, Волынской, Сувалкской губерний, среди которых 280 русских, 75 латышей, 65 галичан (русинов), 120 поляков (Когда рушились государства 2015: 185). В Томске в августе 1916 г. находились 1 300 семей беженцев (3 961 чел.), в т. ч. русских – 1502, поляков – 1 232, евреев – 664, литовцев – 276, латышей – 253, цыган – 36 (Шиловский 2015: 181). Некоторые из них остались в Сибири надолго.

Временно находились в Сибири военнопленные из Австро-Венгрии и Германии. Среди них немало было славян – чехов, словаков, поляков, русинов. Из 2,1 млн военнопленных из держав Центральной оси, находившихся в России на 1917 г., 336 тыс. чел. числились в 58 лагерях в Сибири. Их размещали в городах и волостях, обеспечивая по возможности работой. В ноябре 1914 г. по городам Томской губернии были размещены более 33,1 тыс. военнопленных, в т. ч. в Каинске – 745 чел., Мариинске – 478, Томске – 10 435, Новониколаевске – 7 350, Барнауле, – 6 191, Бийске – 4 622, Колывани – 1 000, с. Берском – 800, Боготоле – 1 000, в Татарске – 500 чел. (Когда рушились государства 2015: 14–16). В Томске уже в июне 1915 г. насчитывалось 7 527 военнопленных, среди них немцев – 1 460, славян (поляков, словаков, чехов, русинов) – 2 107, венгров – 904, румын – 13, евреев – 35 и прочих национальностей – 17. Около тысячи военнопленных были распределены на лесозаготовки по Томскому округу (Когда рушились государства 2015: 37–38).

Накануне Февральской революции на территории Сибири и Дальнего Востока находилось 240 950 военнопленных периода Первой мировой войны: в Омске – 14 000, Новониколаевске – 12 000, Красноярске – 13 000, Иркутске – 8 800, Канске – 6 000, Томске – 5 200, Кургане, Тюмени, Тобольске и Семипалатинске – по 5 000, Барнауле – 2 500, Бийске – 3 000, Ачинске – 2 750 и т. д. По данным Сибэвака, в их числе было 63 тыс. польских граждан (Вегман 1929: 517–520), чего не учитывать на фоне сложных и напряженных отношений между Россией и Польшей было нельзя.

Военнопленные остались в Сибири на период гражданской войны, а некоторые приняли в ней активное участие. Если немцы остались нейтральными, то мадьяры приняли сторону советской власти, а братья-славяне в основном поддержали Белую армию. Воинские под-

разделения, сформированные из поляков, чехов, словаков и сербов, оставили после себя в губернии дурную славу из-за бандитизма и убийств мирных жителей (Баяндин 2011: 191–203). Польские воинские соединения, сформированные из военнопленных, представляли серьезную силу: в 1919 г. в Новониколаевске в них насчитывалось 11 145 чел. (Нам 2009: 496). Рвение белополяков в борьбе с красными партизанами впоследствии сослужило оставшимся в Сибири их соотечественникам плохую службу.

Попытки формирования украинских и русинских соединений для армии Колчака были неудачными и запоздалыми, хотя этнический материал в Сибири для этого был в лице 25 тыс. русинов-военнопленных и значительного числа украинцев (Нам 2009: 249–262; Нам, Наумова, Зиновьева 2017: 85–100). Правительство А.В. Колчака, выступавшее с позиции «единой и неделимой России», не очень-то поощряло формирование национальных воинских формирований, в т. ч. и русинских, из бывших подданных империи.

По данным историка П.Ф. Николаева, на 1 марта 1920 г. на территории губернии оставалось 160 тыс. бывших военнопленных (Николаев 1967: 168).

После разгрома армии Колчака и других белых правительств гражданская война закончилась не сразу. Продолжались крестьянские восстания, бандитские налеты, борьба на границе. Власть сохраняла подозрительность, и ее репрессивный аппарат был наготове и запускался каждый раз, когда обнаруживались внутренние трудности. Именно в Западной Сибири репрессии по своей массовости и жестокости побили все рекорды (Уйманов 2012: 137).

Среди 20 899 лиц, репрессированных по политическим мотивам в Томской области, по нашим подсчетам, 620 оказались выходцами из Волынской, Каменец-Подольской, Бессарабской губерний Российской империи, соседних с ними территорий Австро-Венгерской империи (Галиции, Буковины и Подкарпатья (Закарпатья)) и Румынского королевства (Боль людская 1991; Боль людская 1992а; Боль людская 1992б; Боль людская 1994; Боль людская 1999; Уйманов 2012: 530–562). Принадлежность их по рождению к названным территориям не всегда указывалась в списках репрессированных, и поэтому проводились поиск сел, городов, местечек и привязка их к административному делению Российской и Австрийской империй. Была также проведена редакция ошибок в географических названиях, устранены повторы информации об одних и тех же лицах, установлена национальность репрессированных. Для этого были использованы сайты организаций, собирающих и систематизирующих сведения о репрессированных в СССР ([nkvd.tomsk.ru](http://nkvd.tomsk.ru); [ru.openlist.wiki](http://ru.openlist.wiki); [rosgenea.ru](http://rosgenea.ru)).

Репрессированные в Томской области выходцы из западных губерний и Карпатской Руси распределялись по местам, из которых прибыли, следующим образом: Волынская губерния – 250; Каменец-Подольская – 117; Бессарабская губерния (Молдавская ССР) – 147; Галиция (Королевство Галиции и Лодомерии) – 73; Буковина – 30; Закарпатье – 1.

Уроженцы малороссийских губерний прибыли в Сибирь в основном как крестьяне-переселенцы, их репрессированные дети числились уже уроженцами Томской губернии. Уроженцы Бессарабской губернии, Галиции и Буковины делились на беженцев и их потомков, переселенцев и ссыльных довоенного и военного времени.

Репрессии можно разделить на четыре волны. Первая, самая слабая, пришлось на 1920–1921 гг., когда попали под политические репрессии 7 выходцев из западных губерний: интернированные поляки во время советско-польского конфликта и некоторые другие лица. Более жесткими были репрессии 1930–1933 гг., под них попали 46 уроженцев Карпатской Руси и Бессарабии. Большой террор 1937–1938 гг. ударил по судьбам 389 выходцев из Украинской ССР и Молдавской АССР. Репрессии 1940-х гг. можно назвать умеренными: в 1940–1949 гг. в их жернова попали 95 чел. из интересующего нас контингента. 1950–1953 гг. характеризовались новым подъемом активности репрессивных органов: 72 чел. попали под их действие. В 1940–1950-е гг. это были в основном уроженцы вновь присоединенных к СССР земель – Галиции, Буковины, Бессарабии (табл. 1).

Таблица 1

**Распределение репрессированных в Томской области уроженцев  
Карпато-Днестровских земель (по годам)**

| Год  | Количество репрессированных | Год  | Количество репрессированных |
|------|-----------------------------|------|-----------------------------|
| 1920 | 7                           | 1942 | 13                          |
| 1921 | 1                           | 1943 | 12                          |
| 1930 | 10                          | 1944 | 10                          |
| 1931 | 17                          | 1945 | 12                          |
| 1932 | 4                           | 1946 | 12                          |
| 1933 | 15                          | 1947 | 7                           |
| 1934 | 1                           | 1948 | 3                           |
| 1935 | 5                           | 1949 | 1                           |
| 1936 | 6                           | 1950 | 6                           |
| 1937 | 275                         | 1951 | 14                          |
| 1938 | 114                         | 1952 | 20                          |
| 1939 | 3                           | 1953 | 31                          |
| 1940 | 8                           | 1954 | 2                           |
| 1941 | 18                          | 1958 | 3                           |

Репрессии сразу после гражданской войны были минимальны, во время коллективизации их можно сравнить с мелкой рябью, большой террор смел людей как цунами, после которого наступило легкое волнение, грозившие перейти в новый шторм репрессий в начале 1950-х гг., накануне смерти Сталина.

Если жертвы репрессий разделить по национальному признаку, то выходцев из Западной Украины и Бессарабии можно распределить в табл. 2 следующим образом.

Таблица 2

**Распределение репрессированных в Томской области уроженцев  
Карпато-Днестровских земель в 1920–1958 гг. по национальностям**

| Национальность<br>репрессированных       | Мужчин | Женщин | Всего   |                     |                                    |
|------------------------------------------|--------|--------|---------|---------------------|------------------------------------|
|                                          |        |        | человек | в т. ч. расстреляно |                                    |
|                                          |        |        |         | человек             | % к числу<br>репресси-<br>рованных |
| Русские                                  | 100    | 5      | 105     | 64                  | 61                                 |
| Украинцы                                 | 216    | 14     | 230     | 136                 | 59                                 |
| Белорусы                                 | 10     | 0      | 10      | 5                   | 50                                 |
| Русины (австро-<br>венгерские подданные) | 5      | 0      | 5       | 4                   | 80                                 |
| Поляки                                   | 110    | 6      | 116     | 94                  | 81                                 |
| Молдаване                                | 38     | 5      | 43      | 8                   | 19                                 |
| Немцы                                    | 34     | 9      | 43      | 24                  | 56                                 |
| Евреи                                    | 40     | 10     | 50      | 13                  | 26                                 |
| Румыны                                   | 3      | 0      | 3       | 1                   | 33                                 |
| Чехи                                     | 1      | 0      | 1       | 1                   | 100                                |
| Болгары                                  | 3      | 0      | 3       | 1                   | 33                                 |
| Итальянцы                                | 1      | 0      | 1       | 1                   | 100                                |
| Неизвестно                               | 10     | 0      | 10      | 1                   | 10                                 |
| Итого                                    | 571    | 49     | 620     | 353                 | 57                                 |

Жесткость репрессий по отношению к представителям разных национальностей была различна. Доля расстрелянных русских, украинцев равнялась приблизительно 60 %, немцев – 56, евреев – 26, молдаван – 19 %. Выделяются поляки и русины из Австрии – 80 % расстрелянных. Более низкие проценты расстрелянных среди евреев и молдаван объясняются тем, что большинство их появилось в Томской области в числе спецпереселенцев накануне и во время войны, когда вынесение смертного приговора стало редкостью. Данные по уроженцам Западной Украины и Молдавии подтверждают общую тенденцию характера репрессий в регионах Западной Сибири. Репрессированных русских расстреливали от 50 до 60 %, поляков – от 62

до 82 %. Поляки оказались наиболее гонимой нацией в регионах бывшей Томской губернии (Томская и Кемеровская области, Алтайский край, Республика Алтай). К числу проживавших в них жителей доля репрессированных, например, в 1931–1941 гг., составила русских – 1,07 %, украинцев – 2,1, белорусов – 5,06, евреев – 6,06, немцев – 12,3, поляков – 30 % (Уйманов 2012: 414–419). Из 21 тыс. репрессированных на территории Томской области в 1920-х – начале 1950-х гг. русских было 14 263 чел. (68 % от общего числа), расстреляны из них 6 623 чел., или 46,43 %, поляков – 1 507 (7,2 %), расстреляны 1 204 (79,89 %), украинцев – 1 159 (5,52 %), расстреляны 662 (57,11 %), немцев – 750 (3,57 %), расстреляны 421 (56,13 %), белорусов – 638 (3,04 %), расстреляны 394 (61,76 %), евреев – 479 (2,28 %), расстреляны 196 (40,92 %) (Большудская 2016: 561). Доля расстрелянных русских, украинцев, белорусов из Западной Украины выше, чем в среднем по области среди тех же национальностей, на 4–15 %.

Это подтверждает, что самым главным фактором более интенсивных репрессий против недавно прибывшего населения была ксенофобия местных жителей и работников органов власти. Репрессии против «иных» были всегда жестче, чем против коренного этноса (Уйманов 2012: 414–415). Так, среди расстрелянных в Кузбассе оказалось 82,29 % корейцев, 84,7 % карелов, 83,8 % австрийцев, 83,3 % туркмен, 81,8 % латышей, 80,16 % китайцев, по 80 % бурят и ассирийцев, 79,9 % поляков, 58,5 % немцев, 57,8 % литовцев и т.д. В Томске в числе наиболее пострадавших в процентном отношении были китайцы – 96 %, корейцы – 87,8, финны – 86,0, поляки – 79,65 и татары – 58,82 %. На Алтае таковыми стали венгры – 73 %, румыны – 69,23, белорусы – 65,1, латыши – 62,95, поляки – 61,48, эстонцы – 59,6 % (подсчитано по базам данных репрессированных жителей названных субъектов).

Однако в данном случае уместно сделать оговорку – представители указанных национальностей не являлись преобладавшим населением в вышеупомянутых субъектах, и их количество исчислялась несколькими десятками или сотнями человек. Даже в Ойротии, где автохтонное население преобладало, число репрессированных лиц иных национальностей много выше числа репрессированных представителей коренного населения.

К врагам часто относили людей с необычными фамилиями (а к полякам автоматически причисляли всех, у кого фамилия оканчивалась на *-ский*), с непривычными традициями и обычаями. Чаще отправляли на нары людей, бывавших за границей или родившихся на территориях, отошедших к другим государствам. Ничего удивительного в этом не было, т. к. как населению страны постоянно внушалось через

партийно-идеологический аппарат, с помощью печати, радио и т. п., что Советский Союз находится в плотном окружении империалистических государств, стремящихся всеми силами если не уничтожить СССР, то всячески вредить и мешать советскому народу строить «светлое будущее». Проявление бдительности и выявление врагов было одной из важнейших задач для каждого активного члена советского общества. По мере разворачивания репрессий национальный аспект стал одним из факторов, определявших возможную принадлежность человека к вражескому окружению. По линии органов НКВД были изданы соответствующие т. н. линейные приказы (по репрессированню немцев, поляков и др.), всего 12.

Нельзя не учитывать и то, что в стремлении избежать попадания в «жернова репрессий», обезопасить себя и своих близких часть населения активно сигнализировала в соответствующие органы чаще всего о «чужаках».

Кроме этого, наиболее жесткие репрессии против поляков объясняются многовековым противостоянием Польши и России, породившим уверенность в том, что «поляк – враг всего русского», подтвержденным войной с белополяками в 1919–1920 гг., карательными экспедициями белополяков против красных партизан в Западной Сибири в годы гражданской войны.

По мере изменения политических ветров в стране претерпевала изменения и репрессивная политика, менялась система наказаний, менялся и контингент репрессируемых. В годы Великой Отечественной войны и по ее окончании представители многих народов испытали на себе давление катка государственной репрессивной машины. Сибирь стала новой родиной для сотен тысяч человек, оторванных, как показала жизнь, на десятилетия от своих корней и мест постоянного проживания. В октябре 1946 г. число спецпереселенцев в Западной Сибири достигло 341 048 чел.: на Алтае – 35 381, в Кемеровской области – 129 423, в Томской – 83 276 и в Новосибирской – 92 968 чел. (Иосиф Сталин 1992: 245). В последующие три года в Кемеровскую, Новосибирскую и Томскую области прибыли еще более 56 тыс. спецпереселенцев из Белоруссии, Украины и Прибалтики.

Далекое эхо гражданской войны долетело до 1950-х гг. В справке УМВД по Томской области (по данным на 10.09.1953 г.) о национальном составе спецконтингента, находившегося в Томской области, были указаны представители 20 национальностей (57 621 чел.), к числу других были отнесены еще 389 чел. В числе спецпереселенцев было 16 914 немцев, 11 278 латышей, 9 249 украинцев, 6 922 литовца, 3 555 молдаван, 1 856 эстонцев, 1 122 еврея, 962 поляка, 494 болгарина, 112 румын и 30 белорусов (Уйманов 1995: 322–333). Несом-



ненно, среди украинцев, молдаван, евреев и представителей некоторых других национальностей было значительное число жителей из рассматриваемого нами региона.

Сами же организаторы репрессий не вели целенаправленной политики против какой-либо нации. Это противоречило официально продекларированному советским руководством интернационализму. Обвинения в этом репрессивных органов СССР безосновательны, вызваны идеологией антикоммунизма и русофобией бойцов информационной войны с современной Россией.

## ЛИТЕРАТУРА

Баяндин 2011 – *Баяндин В.И.* Незванные гости в сибирском доме (интервью в Новониколаевске в годы гражданской войны) // Человек – Текст – Эпоха. Вып. 4: Аналитические практики и перспективы современного историковеда. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. С. 191–203.

Боль людская 1991 – Боль людская. Книга памяти томичей, репрессированных в 30–40-е и начале 50-х годов / Сост.: В.Н. Уйманов, Ю.А. Петрухин. Томск: Управление КГБ, 1991. 400 с.

Боль людская 1992а – Боль людская. Книга памяти томичей, репрессированных в 30–40-е и начале 50-х годов / Сост. В.Н. Уйманов. Томск: Управление АФБ РФ, 1992. Вып. 2. 440 с.

Боль людская 1992б – Боль людская. Книга памяти томичей, репрессированных в 1930–40-е и начале 50-х годов / Сост. В.Н. Уйманов. Томск: Управление МБ РФ по Томской области, 1992. Т. 3. 465 с.

Боль людская 1994 – Боль людская. Книга памяти репрессированных томичей / Сост. В.Н. Уйманов. Томск: Управление Федеральной службы контрразведки по Томской области, 1994. Т. 4. 384 с.

Боль людская 1999 – Боль людская. Книга памяти репрессированных томичей / Сост. В.Н. Уйманов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. Т. 5. 384 с.

Боль людская 2016 – Боль людская. Книга памяти жителей Томской области, репрессированных в 1920-х – начале 1950-х гг. 2-е изд., доп. и перераб. / Сост. В.Н. Уйманов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. Т. 3. 704 с.

Вегман 1929 – *Вегман В.* Военнопленные империалистической войны // Сибирская советская энциклопедия. Том первый: А–Ж. Новосибирск: Сибирское краевое издательство, 1929. Стлб. 517–521.

Иосиф Сталин 1992 – Иосиф Сталин – Лаврентию Берия: «Их надо депортировать...». Документы, факты, комментарии. М.: Дружба народов, 1992. 288 с.

Когда рушились государства 2015 – Когда рушились государства: судьба сибирской провинции в контексте Первой мировой войны: сборник документов и материалов / Сост. Т.В. Шульга, А.В. Большакова В.А. Бузанова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. Т. 2. 240 с.

Крестьянство Сибири 1983 – Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск: Наука, 1983. 440 с.

Нам 2009 – *Нам И.В.* Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. 500 с.

Нам, Наумова, Зиновьева 2017 – *Нам И.В., Наумова Н.И., Зиновьева В.И.* Карпаторусский совет и формирование воинских подразделений карпаторусов в Сибири в годы гражданской войны (1918–1919 гг.) // Русин. 2017. № 3 (49). С. 85–100.

Николаев 1967 – *Николаев П.Ф.* Советская милиция в Сибири (1917–1922 гг.). Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1967. 391 с.

Подольнюк 2010 – *Подольнюк А.С.* Переселение в Томскую губернию крестьян из Малороссии и Новороссии (1885–1914 гг.) // Вопросы истории, международных отношений и документоведения. Сборник трудов студентов и аспирантов исторического факультета. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. Вып. 5. С. 17–20.

Рабочий класс 1982 – Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск: Наука, 1982. 459 с.

Уйманов 1995 – *Уйманов В.Н.* Репрессии. Как это было... (Западная Сибирь в конце 20-х – начале 50-х годов). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. 336 с.

Уйманов 2012 – *Уйманов В.Н.* Ликвидация и реабилитация: политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919 – 1941 г.). Томск: Томский государственный университет, 2012. 564 с.

Шевцов, Бабута 2017 – *Шевцов В.В., Бабута М.Н.* Иммиграция русинов в Канаду на рубеже XIX – начала XX в.: формирование диаспоры и ее адаптация // Русин. 2017. № 1 (47). С. 122–131.

Шиловский 2015 – *Шиловский М.В.* Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск: Автограф, 2015. 331 с.

nkvd.tomsk.ru – сайт Мемориального музея «Следственная тюрьма НКВД» (Томск).

ru.openlist.wiki – Открытый список – база данных жертв политических репрессий в СССР (1917–1991 гг.).

rosgenea.ru - Центр генеалогических исследований.

## REFERENCES

Bayandin, V.I. (2011) *Nezvanye gosti v sibirskom dome* (interventy v Novonikolaevske v gody grazhdanskoy voyny) [Uninvited guests in the Siberian house (interventionists in Novonikolaevsk during the Civil War)]. In: Zinoviev, V.P. (ed.) *Chelovek – Tekst – Epokha* [Man – Text – Epoch]. Issue 4. Tomsk: Tomsk State University. pp. 191–203.

Uymanov, V.N. & Petrukhin, Yu.A. (eds) (1991) *Bol' lyudskaya. Kniga pamyati tomichey, repressirovannykh v 30-40-e i nachale 50-h godov* [Human Pain. The

Memory Book of the Tomsk Residents Repressed in the 1930s, 1940s and the early 1950s]. Tomsk: Office of the KGB USSR.

Uymanov, V.N. (ed.) (1992a) *Bol' lyudskaya. Kniga pamyati tomichey, repressirovannykh v 30-40-e i nachale 50-h godov* [Human Pain. The Memory Book of the Tomsk Residents Repressed in the 1930s, 1940s and the early 1950s]. Vol. 2. Tomsk: Office of AFB RF.

Uymanov, V.N. (ed.) (1992b) *Bol' lyudskaya. Kniga pamyati tomichey, repressirovannykh v 30-40-e i nachale 50-h godov* [Human Pain. The Memory Book of the Tomsk Residents Repressed in the 1930s, 1940s and the early 1950s]. Vol. 3. Tomsk: Office of the Ministry of Finance of the Russian Federation for Tomsk Region.

Uymanov, V.N. (ed.) (1994) *Bol' lyudskaya. Kniga pamyati repressirovannykh tomichey* [Human Pain. The Memory Book of the Repressed Tomsk Residents]. Vol. 4. Tomsk: Office of the Federal Counterintelligence Service in the Tomsk Region.

Uymanov, V.N. (ed.) (1999) *Bol' lyudskaya. Kniga pamyati repressirovannykh tomichey* [Human Pain. The Memory Book of the Repressed Tomsk Residents]. Vol. 5. Tomsk: Tomsk State University.

Uymanov, V.N. (ed.) (2016) *Bol' lyudskaya. Kniga pamyati zchiteley Tomskoy oblasti, repressirovannykh v 1920-h – nachale 1950-h gg.* [Human Pain. The Memory Book of the Tomsk Residents Repressed in the 1920s - early 1950s]. 2nd ed. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.

Vegman, V. (1929) Voennoplennyye imperialisticheskoy voyny [Prisoners of war of the imperialist war]. In: Azadovskiy, M.K. et al. (eds) *Sibiskaya sovetskaya entsiklopediya* [Siberian Soviet Encyclopedia]. Vol. 1. Novosibirsk: Sibirskoe kraevoe izdatelstv. pp. 517–521.

Stalin, I. (1992) *Iosif Stalin – Lavrentiyu Beriya: “Ikh nado deportirovat’...”*. *Dokumenty, fakty, kommentarii* [Joseph Stalin to Laurentius Beria: “They must be deported ...”. Documents, facts, comments]. Moscow: Druzhba narodov.

Shulga, T.V., Bolshakova, A.V. & Buzanova, V.A. (eds) (2015) *Kogda rushilis gosudarstva: sudba sibirskoy provincii v kontekste Pervoy mirvoy voyny. Sbornik dokumentov i materialov* [When states collapsed: the fate of the Siberian province in the context of WWI. A collection of documents and materials]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.

Okladnikov, A.P., Bychkov, A.P., Goryushkin, L.M. et al. (eds) (1983) *Krest'yanstvo Sibiri v epokhu kapitalizma* [The peasantry of Siberia in the era of capitalism]. Novosibirsk: Nauka.

Nam, I.V. (2009) *Natsional'nyye men'shinstva Sibiri i Dal'nego Vostoka na istoricheskoy perelome (1917–1922 gg.)* [National minorities of Siberia and the Far East at a historic turning point (1917–1922)] Tomsk: Tomsk State University.

Nam, I.V., Naumova, N.I. & Zinov'yeva, V.I. (2017) The Carpatho-Russian Council and the Formation of the Carpatho-Russian Military Units in Siberia during the Civil War. *Rusin*. 3(49). pp. 85–100 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/49/6

Nikolayev, P.F. (1967) *Sovetskaya militsiya v Sibiri (1917–1922 gg.)* [Soviet militia in Siberia (1917–1922)]. Omsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo.

Podolyanko, A.S. (2010) *Pereseleniye v Tomskuyu guberniyu krest'yan iz Malo-rossii i Novorossii (1885–1914 gg.)* [Resettlement of peasants in Tomsk province from Little Russia and New Russia (1885–1914)]. *Voprosy istorii, mezhdunarodnykh otnosheniy i dokumentovedeniya*. 5. Tomsk: Tomsk State University. pp. 17–20.

Blinov, N. (1982) *Rabochiy klass Sibiri v dooktyabr'skiy period* [Siberian working class in the pre-October period]. Novosibirsk: Nauka.

Uymanov, V.N. (1995) *Repressii. Kak eto bylo... (Zapadnaya Sibir' v kontse 20-kh – nachale 50-kh godov)* [Repressions. As it was ... (Western Siberia in the late 1920s – early 1950s)]. Tomsk: Tomsk State University.

Uymanov, V.N. (2012) *Likvidatsiya i rehabilitatsiya: politicheskiye repressii v Zapadnoy Sibiri v sisteme bol'shevistskoy vlasti (konets 1919–1941 g.)* [Liquidation and rehabilitation: political repressions in Western Siberia in the system of Bolshevik power (the late 1919–1941)]. Tomsk: Tomsk State University.

Shevtsov, V.V. & Babuta, M.N. (2017) Immigration of rusins to Canada in the late 19th – early 20th centuries: the diaspora formation and adaptation. *Rusin*. 1(47). pp. 122–131 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/47/11

Shilovkiy, M.V. (2015) *Pervaya mirovaya voyna 1914–1918 godov i Sibir'* [The First World War of 1914 – 1918 and Siberia.] Novosibirsk: Avtograf.

*The Memorial Museum “NKVD Investigation prison”*. (n.d.) Official Website. [Online] Available from: <http://nkvd.tomsk.ru> (Accessed: 27th May 2018).

Ru.openlist.wiki. (n.d) *Otkrytyy spisok – baza dannykh zhertv politicheskikh repressiy v SSSR (1917–1991 gg.)* [Open list-database of victims of political repressions in the USSR (1917–1991)].

*The Centre for Genealogical Research*. (n.d.) Official Website.

**Зиновьев Василий Павлович** – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Томского государственного университета (Россия).

**Vasily P. Zinoviev** – Tomsk State University (Russia).

**E-mail:** [vpz@tsu.ru](mailto:vpz@tsu.ru)

**Уйманов Валерий Николаевич** – доктор исторических наук, администрация Томской области (Россия).

**Valeriy N. Uimanov** – Administration Tomsk Region (Russia).

**E-mail:** [uimanov@tomsk.gov.ru](mailto:uimanov@tomsk.gov.ru)

УДК 94(438).071

UDC

DOI: 10.17223/18572685/53/13

## **ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБРАНИЯ ВИШНЕВЕЦКОГО ЗАМКА НАКАНУНЕ И ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПО НЕОПУБЛИКОВАННЫМ МАТЕРИАЛАМ ИЗ АРХИВА В.К. ЛУКОМСКОГО)**

**Н.В. Эйльбарт**

Российский государственный педагогический университет  
им. А.И. Герцена

Россия, 191186, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48

E-mail: ejlbart@mail.ru

### **Авторское резюме**

Специфика общественно-политического развития Речи Посполитой способствовала тому, что значимые для нее во всех отношениях события происходили не в столицах и не при королевском дворе, а в резиденциях крупной магнатории; одним из самых ярких таких замков, а в последующем дворцово-парковых комплексов и является расположенный на Волини Вишневец. На протяжении многих веков властителями этой усадьбы были представители родов Вишневецких и Мнишков, многие из которых сыграли значительную роль в истории политических взаимоотношений между Россией и Польшей, особенно в период Смутного времени и русско-польского соперничества за Украину в середине XVII в. В связи с этим изучение историко-художественных собраний Вишневца приобретает особое значение для отечественной истории. Первая мировая война послужила тем рубежом, той «точкой невозврата», после которой восстановить целостность замковых коллекций уже не представлялось возможным, – огромная их часть была навсегда утрачена. Накануне Первой мировой войны, а именно в 1911 г., Вишневец по приглашению тогдашнего владельца П.А. Демидова посетили сотрудники художественно-исторического петербургского журнала «Старые годы» братья В.К. и Г.К. Лукомские, которые были последними представителями российского научного сообщества, видевшими собрания резиденции в более или менее полном их виде. Однако опубликованная затем брошюра «Вишневецкий замок, его история и описание» вместила лишь малую часть

материала, полученного братьями Лукомскими в замке. Это становится очевидным при изучении бумаг В.К. Лукомского, хранящихся в Российском государственном историческом архиве. В результате развернувшихся на территории Волыни военных действий, связанных с Первой мировой, а также советско-польской войнами, Вишневецкий замок был разграблен и опустошен, а впоследствии предметы из его коллекций всплывали на аукционах во многих странах мира. Выявление состояния вишневецких собраний накануне Первой мировой войны может способствовать обнаружению в наши дни предметов, книг и рукописей из замка, имеющих значение для отечественной истории.

**Ключевые слова:** Речь Посполитая, Московское государство, Вишневецкий замок, исторические коллекции, В.К. Лукомский, П.А. Демидов.

## **HISTORICAL COLLECTIONS OF THE VISHNEVETS CASTLE BEFORE WWI (ON UNPUBLISHED MATERIALS FROM V.K. LUKOMSKY'S ARCHIVE)**

**N.V. Eylbart**

Herzen State Pedagogical University of Russia  
48 Moika River Embankment, Saint Petersburg, 191186, Russia  
E-mail: ejlbart@mail.ru

### **Abstract**

Due to the specificity of social and political development of the Polish-Lithuanian Commonwealth, all significant events took place in the residences of large magnates rather than in the capitals and royal court. One of the brightest among them was the castle, later Palace and Park Vishnevets, located in Volhynia. For many centuries, the estate was ruled by the representatives of the Vishnevetsky and Mniszchowie, many of whom played a significant role in political relations between Russia and Poland, especially during the Time of Troubles and the Russian-Polish rivalry for Ukraine in the middle of the 17th century. In this regard, the study of Vishnevets historical and artistic collections acquires special importance for national history. WWI served as the borderline, the "point of no return", after which it was no longer possible to restore the integrity of the castle collections, with many of them lost forever. On the eve of WWI, namely in 1911, P.A. Demidov, the owner of Vishnevets, invited the employees of the Petersburg artistic and historical magazine "Starye gody", V.K. and G.K. Lukomskys to become the last representatives of the Russian academic community who saw the residence col-

lections in more or less complete form. However, the brochure "Vishnevetsky Castle, Its History and Description", which was published later, contains only a small part of the material received by the Lukomsky brothers in the castle. It becomes apparent when studying the papers by V.K. Lukomsky, stored in the Russian State Historical Archives. As a result of hostilities unleashed in Volhynia during WWI as well as the Soviet-Polish wars, Vishnevetsky castle was looted and devastated. Later the items from its collections were seen at auctions in many countries around the world. The analysis of the state of the Vishnevetsky collections on the eve of the First World War can contribute to the discovery of objects, books and manuscripts from the castle, which are of relevance to the national history today.

**Keywords:** Rzeczpospolita, Muscovy, Vishnevetsky castle, historical collections, V.K. Lukomsky, P.A. Demidov.

Вишневецкий замок, в начале XX в. располагавшийся в Кременецком уезде Волынской губернии Российской империи, накануне Первой мировой войны являлся вместилищем уникальных в своем роде собраний артефактов и документов, имеющих непосредственное отношение к русской истории (Aftanazy 1994). В описываемое время эти коллекции представляли огромный интерес для исследователей, однако война привела к потере или полному уничтожению большей ее части, поэтому описания замка, составленные в предвоенный период, исключительно ценны и даже могут способствовать обнаружению тех или иных материальных свидетельств в наши дни. Ученым, которому еще посчастливилось увидеть вишневецкие собрания если не в полном расцвете, то, по крайней мере, в большей степени сохранными, стал российский историк и геральдист польского происхождения Владислав Крескентьевич Лукомский. Он много путешествовал по восточным окраинам бывшей Речи Посполитой и совместно с братом, художником Георгием Крескентьевичем Лукомским написал в 1912 г., пожалуй, самую полную для того времени брошюру о Вишневце под названием «Вишневецкий замок, его история и описание» (Лукомские 1912). Тем не менее, просматривая бумаги ученого, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве, мы выяснили, что и вышеприведенное издание вместило далеко не всю информацию, почерпнутую исследователями в «польском Версале», как в свое время образно назвал Вишневецк Оноре де Бальзак. Часть ее так и оставалась неопубликованной.

Построенный в Средневековье на высоком и крутом правом берегу реки Горынь Вишневецкий замок многократно становился свидетелем заметных исторических событий, впрочем, как и значительно страдал во время войн (например, в 1672 г. он был сожжен в результате та-



тарского набега). Своим внешним монументальным и одновременно изящным видом он обязан последнему мужскому представителю княжеского рода Вишневецких Михаилу Сервацию, который около 1720 г. для реконструкции старинного гнезда предков, длившейся около двенадцати лет, привлек французского архитектора Якова Бланже. Князя Михаила Сервация без преувеличения можно назвать первым вельможей Великого княжества Литовского рубежа XVII–XVIII вв.: он поочередно занимал должности канцлера и виленского воеводы. Получив прекрасное образование (обучаясь в Львовском коллегиуме иезуитов, а затем в Парижской академии), Вишневецкий имел репутацию библиофила (библиотека его насчитывала 1 445 изданий) (Betlej 2016: 9). Составленный после его смерти инвентарь имущества, находившегося в Вишневецком замке, не содержал, однако, перечня каких-либо выдающихся произведений искусства: в нем значилось несколько десятков карт, портретов и пейзажей, а также «девяносто четыре различные картины, привезенные из Дрездена» (Betlej 2016: 46). Составитель инвентаря также обошел молчанием авторство и внешний вид небольших скульптур, драгоценностей, фарфоровой коллекции и шпалер. Однако некоторые группы картин из Вишневца все же обозначены более подробно. К этим группам, например, относились 19 портретов князей из рода Вишневецких и 17 картин, представляющих историю Александра Великого.

После смерти Михаила Сервация Вишневецкого и его супруги Текли резиденция перешла в руки родственной Вишневецким ветви семьи Мнишек, которая и способствовала дальнейшему превращению уже имевшейся коллекции предметов искусства и библиотеки в едва ли не самую крупную в Польше. Если говорить о библиотеке, нам думается, что, уступая в количестве другому знаменитому польскому собранию книг – библиотеке братьев Залуских, она, тем не менее, не уступала в ценности хранившихся в ней книг и манускриптов. Касательно же художественных полотен можно с уверенностью сказать, что слившаяся с коллекцией Вишневецких художественная коллекция Мнишков в Вишневце была, пожалуй, самым крупным среди польско-литовских магнатских семей собранием живописи.

Думается, что громкая и скандальная история распродаж и разворывания собраний Вишневецкого замка, начавшаяся после того, как в середине XIX в. представители рода Мнишек покинули его, привела В.К. и Г.К. Лукомских на Волынь, куда в то время стекались толпы антикваров в надежде получить за бесценок что-либо значимое. Кроме того, поскольку более века Вишневец был в руках потомков знаменитой московской царицы Марины Мнишек, памятный культ которой поддерживался последовательно всеми владельцами замка

из рода Мнишек, собрания его имели особое значение для русской истории. Корни этого культа следует искать не только в фамильной гордости иметь в своем роду коронованную особу, но и в надежде на те привилегии, которые графы Мнишек надеялись получить вследствие этого родства у русского императорского дома.

Вот как об этом обстоятельстве пишет в своих воспоминаниях князь Адам Чарторыйский, имея в виду визит в Вишневец наследника русской короны цесаревича Павла Петровича с супругой Марией Федоровной: «Павел, будучи еще великим князем, и великая княгиня Мария, его супруга, во время их путешествия за границу, кажется, в 1785 году, проезжали по югу Польши. Король Станислав-Август выехал из Варшавы, чтобы встретить их в пути и устроить им в своем королевстве прием. Главный прием был в Вишневце, в замке, принадлежавшем графу Мнишек, гофмаршалу короны, мужу одной из племянниц короля, дочери подольского воеводы Замойского, который потом долго жил со своими детьми в Париже и получил известность недостатком такта и постоянными недоразумениями. Княжеский замок в Вишневце принадлежал роду Вишневецких, теперь уже прекратившемуся. Последняя наследница этого рода вышла замуж за одного из Мнишков, потомка того Мнишка, дочь которого некоторое время занимала русский трон. Апартаменты замка были наполнены ценными историческими портретами; между прочим, там были портреты знаменитой Марины и Дмитрия и картины, изображавшие их коронование в Москве. В этом прекрасном помещении король Станислав-Август праздновал благополучное прибытие русского великого князя в Польское королевство. Станислав-Август умел быть любезным и приобрел расположение Павла; он также сумел понравиться и великой княгине Марии. Между ними шли конфиденциальные разговоры, быть может, были даны даже обещания и, во всяком случае, были поданы несбывшиеся никогда надежды на тот случай, когда Павел получит власть и у него явится возможность сторицею отблагодарить своего хозяина за великолепный и дружеский прием, оказанный ему в Польше. Говорят, что тогда у маршала Мнишка зародилась надежда на то, что доброе расположение наследника Екатерины могло бы в один прекрасный день привести его к избранию на [польский] престол, на который он, быть может, считал себя вправе претендовать как наследник Вишневецких и потомок отца знаменитой царицы. Рассказывали даже, что во время одной из дружеских бесед великая княгиня, показывая свои бриллианты, чтобы лучше отметить красоту одной диадемы из драгоценных камней, надела ее на голову племянницы короля, а затем на голову гофмаршала. "Я принимаю это как предзнаменование", – будто бы сказал тот в порыве наивности или

глупого тщеславия, о котором он, вероятно, пожалел через минуту» (Чарторыйский).

В данном случае Чарторыйский имел в виду Михаила Юрия Мнишка, великого коронного маршала, женатого на любимой племяннице короля Станислава Понятовского Урсуле Замойской, разумеется, помнившего о необычной истории Марины и Лжедмитриев и надеявшегося преподнести этот факт Павлу Петровичу в качестве доказательства своего лояльного отношения к русскому влиянию в Польше (негативный тон в отношении этого вельможи мы объясняем исключительно ревностью князя Чарторыйского, который, как известно, сам стремился в будущем занять место русского наместника в Царстве Польском).

Последующий владелец Вишневец из рода Мнишек Карл Филипп, которого в свое время посетил историк Н.И. Костомаров в надежде на получение доступа к архиву замка, был известным любителем истории. Не подлежит сомнению то, что хотя он и отказал русскому ученому в его просьбе, однако с почтением хранил здесь все реликвии, связанные с семьей (даже при самом беглом осмотре вестибюля резиденции гостю бросились в глаза неизвестные ранее и не найденные поныне картины из жизни Самозванца и Марины).

Широкую известность сокровища Вишневец получили при его последнем владельце, графе Андрее Юрии Мнишке, который в 1852 г. продал его княгине Абамелек и, взяв с собой незначительную часть собраний (рукописи, старопечатные издания, картины), которые, как потом оказалось, не имели отношения к истории Марины Мнишек, эмигрировал во Францию. Легкомысленных владельцев, подобных княгине Абамелек или графу В. Плятэра, сменяли коммерсанты вроде киевского градоначальника И. Толли или князя М.М. Кочубея, видевшие только один толк в вишневецких собраниях – продаже их с молотка за бесценок. В бумагах В.К. Лукомского сохранилось письмо к нему дальнего родственника Николая Теодоровича Лукомского, датированное июнем 1912 г., где, между прочим, было сказано следующее: «Помню, как в 1893 году мне предлагали купить 154 портрета (королей польских, князей Вишневецких, графов Мнишек, Тарло и другие без названия) из Вишневецкого замка – по 15 рублей за портрет, даже с некоторой скидкой. Князь Михаил Михайлович Кочубей, тогдашний владелец Вишневец, за бесценок сбывал эти вещи... Сожалею, что, не имея денег, я не мог купить их... Много портретов были разорваны, рамы поломаны... В числе портретов был живописный портрет [жившего и умершего в Вишневецком замке] венгерского эмигранта Фордача (во весь рост) в массивной раме из черного мрамора (ему особая цена 90 рублей). Был огромный портрет

генерала польского Хлопицкого (цена 100 рублей). Были мраморные бюсты королевы Боны (Сфорца), графа Иосифа Понятовского, короля Яна Собеского (последние два по 900 рублей). Дворец представлял собой полное запустение: все было оборвано, обдернуто, запачкано, обломано... Я лично был во дворце несколько раз при владельце Кочубее М.М.» (РГИА 1: 34–35).

Своего рода удачей, хотя временной и непродолжительной, для вишневецких собраний стал их переход на рубеже XIX–XX вв. (предположительно в 1905 г.) в руки русского аристократа Павла Александровича Демидова, предводителя дворянства Волынской губернии, который приобрел замок у М.М. Кочубея, второго мужа своей бывшей жены Ольги Васильевны Шереметевой (Шиян 2013). П.А. Демидов был увлеченным любителем истории и, унаследовав обширную библиотеку и архив деда – промышленника П.Г. Демидова, написал и издал обстоятельную книгу «Родословная рода Демидовых», став действительным членом Московского историко-генеалогического общества (Демидов 1910). За восемь лет владения Вишневецом (в 1913 г. он продал его еврейскому коммерческому союзу) этот человек успел предпринять попытки восстановления и упорядочения собраний резиденции, целенаправленно искал и выкупал периодически всплывавшие на аукционах вещи из замка (хотя в одном из писем к Г.К. Лукомскому и жаловался на то, что «появляются в продаже вещи якобы из Вишневецка, который не мог бы вместить и 1/100 всего, ему приписанного» (РГИА 1: 13), а также пополнил его собственной библиотекой.

Мы предполагаем, что визит братьев Лукомских в Вишневец не был случайным и состоялся именно по приглашению тогдашнего его хозяина, который, судя по сохранившимся у В.К. Лукомского письмам, остался недоволен изданной брошюрой, поскольку в нее в полном объеме не вошли материалы, предоставленные исследователям в замке. Судя по всему, Демидов поначалу воспринял братьев Лукомских как специалистов по польской истории, поскольку те имели польские корни. Местное польское дворянство, к представителям которых он обращался за помощью по систематизации собраний, часто вело себя недоброжелательно и враждебно и от сотрудничества отказывалось. Кажется, П.А. Демидов нуждался в оценке исторической ценности имевшихся у него старинных предметов, поскольку не обладал достаточными познаниями в области польской истории и культуры. В самом начале его вступления в роль хозяина резиденции он столкнулся со следующим фактом, весьма его насторожившим: «Два бюста мраморных из Вишневецка в 1897 году были мной уступлены брату моего полкового товари-

ща графу А. Тышкевичу, который их гораздо дороже продал графу У.А. Потоцкому» (РГИА 1: 2 об.). Из писем Павла Александровича видно, что он проводил оценку данного имущества отнюдь не с целью распродать его иностранцам, подобно прежнему владельцу И. Толли, избавившемуся с молотка даже от старинных могильных плит в замковом парке, а для того, чтобы «судьба дала возможность Вишневцу вновь сделаться хранилищем вещей искусства» (РГИА 1: 33). Искусствовед Г.К. Лукомский также был сторонником той точки зрения, что художественно-исторические ценности замка, прежде всего портреты и картины, должны если не остаться в нем, то быть препровожденными в центральные музеи России. «Из Вавельского королевского замка, – писал ему Демидов 25 ноября 1911 года, – приезжал при Вас, кажется, посредник и мне предлагал 10 тысяч рублей за королей польских, которые Вы не советовали мне продавать, хотя художественно они плохо исполнены» (РГИА 1: 12). Таким образом, эти портреты не только не были проданы в находившуюся тогда в составе Австро-Венгерской империи часть Польши, но и подверглись некоторого рода реконструкции: по просьбе Демидова один поляк согласился сделать к ним соответствующие подписи, вскоре идентифицировавшие состав этой коллекции (РГИА 1: 31).

Из вышеприведенной переписки, а также из списка, хранящегося в бумагах В.К. Лукомского в РГИА, составленного им в 1911 г., и из нескольких находящихся там же фотографий мы можем судить о том, сколько портретов исторических личностей было на тот момент в залах резиденции. К сожалению, это были лишь остатки нескольких тысяч полотен, хранившихся в замковых собраниях при графах Мнишек. «32 портрета в библиотеке, в королевской комнате 35, на Мнишковской лестнице 14, на парадной 5, возле театра 15, а разбросано свыше 40, всего 141», – писал Демидов Г.К. Лукомскому в 1911 г. (РГИА 1: 22 об.). Свидетельством того, что братья Лукомские действительно тщательно изучали эти портреты, является список на нескольких листах, вошедший в дело № 15 (РГИА), где указано, в каком помещении, в каком месте относительно других расположено то или иное полотно, а также списаны латинские надписи на них, которые, к сожалению, содержат ошибки. Из польских королей и князей, висевших в Королевском зале, здесь значатся портреты Сигизмунда III (коих было очень много, они изображали государя в разные периоды его жизни – от избрания на польский трон до пожилого возраста), легендарного Кракуса, Мешко I, Мешко II, Земовита (родоначальника аристократической семьи Тарло), Владислава Германа, Болеслава I, Болеслава II, Болеслава III, Александра I, Казимира IV, Генриха Валуа (РГИА 2: 167).

В библиотеке Вишневецкого замка находилось большое количество портретов семьи Мнишек, к которым как Лукомские, так и Демидов испытывали большой интерес (в одном из писем Павел Александрович упоминал, что «лично знал последнего владельца графа Мнишек» (РГИА 1: 19). Из семьи царицы Марины Мнишек здесь значились брат Станислав Мнишек, сестра Ефросина Мнишек, брат Ян Мнишек, бабка Барбара Каменецкая, брат Франциск Мнишек (два портрета), сестра Урсула Мнишек, тетка Барбара Мнишек, брат Сигизмунд Мнишек, двоюродный брат Генрих Фирлей, отец Юрий Мнишек (портрет представляет его в юношеском возрасте с титулом сокальского старосты), а также некий Кристоф Мнишек, обозначенный сыном Франциска (скорее всего, ошибка в имени, поскольку в польских гербовниках таковой не значится) (РГИА 2: 166). Здесь также хранятся несколько фотографий, часть из которых была опубликована, часть же весьма любопытна, поскольку нигде более этих изображений нам видеть не доводилось (например, ренессансные гобелены из малой столовой с изображением битв, фотографии залов и портретов королей). Фотография, сделанная в библиотеке, при сопоставлении с вышеприведенным списком позволяет понять, где расположен портрет той или иной особы. Так, интересно изображение юного отца царицы Марины воеводы Юрия Мнишка, все известные образы которого написаны с него уже в пожилом возрасте (в левом нижнем углу стены библиотеки находился довольно большой портрет, представляющий плотного круглолицего молодого человека без бороды и усов с зачесанными вверх темными волосами, закутанного в плащ и держащего в руках книгу).

Кроме того, в бумагах В.К. Лукомского имеются отпечатанные снимки прилегавшей к замку территории, в частности полуразрушенного в то время римско-католического костела Св. Михаила, входившего некогда в ансамбль монастыря босых кармелитов, основанного в 1645 г. принявшим католичество князем Иеремией Вишневецким. П.А. Демидов приложил много усилий для спасения произведений искусства, хранившихся в этой святыне, которая с 1830-х гг. находилась под юрисдикцией православной церкви. О том, насколько ужасающим было состояние храма на рубеже XIX–XX вв., говорит то, что в нем были осквернены могилы владельцев Вишневецка – князей Вишневецких и графов Мнишек, а останки выброшены из гробов. Демидов поначалу имел желание выкупить весь комплекс сакральных строений и отреставрировать их в изначальном стиле, однако получил отказ епархиального начальства и ограничился переносом и захоронением останков бывших владельцев резиденции и монахов-кармелитов на местном католическом кладбище, куда была

перемещена и каменная часовня из костела, который в середине XX в. был полностью разобран. П.А. Демидов писал Г.К. Лукомскому в 1911 г.: «Статуя св. Михаила мной приобретена и снята с костела по случаю его перестройки в православную церковь с разрешения высшего епархиального начальства. Ангелы и вазы в парке тоже (сделаны в 1724 году)» (РГИА 1: 16). Также в замок попала и старинная икона с надписью «1608», которая не была включена Лукомскими в брошюру. Если в целом говорить о фотографиях, сохранившихся у В.К. Лукомского, то при их просмотре бросается в глаза неухоженность всего здания замка. Яркий пример тому – одна из фотографий лестничного пролета, где представлена свалка старинных (по виду театральных) костюмов, оружия и доспехов. Как видно из переписки, художник имел проблемы даже со съемками портретов, поскольку «все картины покрыты лаком, который весь в трещинах, а потому негативы требуют ретуши» (РГИА 1: 7). Знаменитых вишневецких портретов Дмитрия Самозванца и Марины Мнишек тогда уже не было в замке. Как писал Демидов, «при покупке от Толли Вишневеца портреты Дмитрия и Марины было поручено переслать в Москву, я не знал, что он это выполнил своим именем» (РГИА 1: 1 об.). Портреты и сюжетные картины, посвященные свадьбе Самозванца, украсили стены Государственного исторического музея в Москве.

В то же время из писем П.А. Демидова мы узнаем, что владелец резиденции остался очень неудовлетворен тем, что братья Лукомские настолько кратко описали вишневецкие собрания. Раздражение и укор пронизывают эти письма, потому что в замке «много вещей превосходного качества» и в книге не написано «о двухстах старинных миниатюрах... Ничего не сказано и не упомянуто даже о трех старых мраморных бюстах Урсулы и Марины Мнишек и их сестры Хоткевич, что возле дома в парке... Не сказано о существовании в замке театра» (РГИА 1: 22–24 об.). Действительно, информация эта весьма ценна (хотя Демидов и ошибся в генеалогии семьи Мнишек и назвал Анну Хоткевич сестрой Марины, в то время как она была женой ее племянника Юрия Яна Мнишка, волынского воеводы) и является первым упоминанием о мраморном бюсте царицы, сделанном, возможно, с какого-либо прижизненного образца, поэтому приходится сожалеть, что авторы брошюры не уделили этому внимания. Вообще в резиденции находилось тогда около двух десятков мраморных бюстов, а также бюсты гипсовые, среди которых пять экземпляров бюста короля Станислава Августа и два экземпляра бюста Сигизмунда III, где король, по словам Демидова, «очень похож на свои профили на монетах» (РГИА 1: 19).

Накануне Первой мировой войны Вишневец был вновь выставлен на торги и продан еврейскому коммерческому союзу, сам же



П.А. Демидов выехал сначала в Крым, а затем во Францию, оставив вишневецкие собрания будущим владельцам, взяв, по мнению исследователя Е.И. Пироговой, только несколько портретов из галереи замка (например, «Портрет канцлера Паца», «Портрет Марии Лещинской», теперь хранящиеся в одном из музеев Севастополя) (Пирогова 2003: 138–149). В течение последующих лет (например, во времена Первой мировой войны в Вишневце располагался штаб 25-го корпуса 11-й армии; при Вишневце же состоялось сражение в ходе Брусиловского прорыва в сентябре 1915 г.; затем эта территория на короткое время стала ареной для сражений уже советско-польской войны, и в замке квартировали бойцы Первой конной армии Буденного) собрания замка были окончательно утрачены как цельный культурный объект и до настоящего времени обнаруживаются в самых разных местах. В начале XXI в. в замке в качестве наследия советской эпохи еще находились ПТУ, Дом культуры и библиотека. Во время нашего посещения этой исторической резиденции в декабре 2003 г. активно велись реставрационные работы, в частности, восстановление старинных росписей в находящейся у подножия замка православной Вознесенской церкви, под полом которой доныне покоятся останки православных представителей рода Вишневецких.

Среди местных жителей, в т. ч. числе и задействованных в реставрации художников, продолжала ходить легенда о том, что именно в этой церкви состоялось тайное обручение Марины Мнишек и Дмитрия Самозванца, о чем много писалось в русской исторической литературе до 1917 г., и что не соответствует действительности. Что касается самого замка, его помещения большей частью были совершенно пусты и непротапливаемы, так что все находившиеся там сотрудники и посетители вынуждены были ходить в верхней одежде. По всем вопросам, касающимся истории резиденции и ее перспектив, сотрудники отсылали к «пани Любе» – историку Любови Николаевне Шиян, работавшей в совершенно немыслимых условиях в кабинете слева от главной лестницы, где во влажном и холодном помещении изо рта шел пар. Несомненно, исследовательский интерес помогает преодолеть бытовые неурядицы и трудности: спустя несколько лет из-под пера Л.Н. Шиян вышла обстоятельная книга по истории Вишневецка и его собраний (Шиян 2006), которая, по задумке автора, не является точкой в изучении проблемы: к изданию готовится ее расширенная версия, ставшая новым этапом в изучении возрождаемого ныне как музей замка. Говоря об уникальных коллекциях этой резиденции, в одном из интервью историк дала им следующую оценку: «Нет ни одного крупного музея в Европе, где бы не было экспонатов из собраний Вишневецких и наследников рода Мнишек. На Украине

первый публичный общественный музей (Национальный музей истории Украины) создавался на базе коллекции Вишневецких, а первая научная публичная библиотека им. В. Вернадского формировалась, в частности, из знаменитой библиотеки Вишневецких. Это была одна из самых больших целостных коллекций» (Осадчук 2012).

Таким образом, брошюра, изданная братьями Г.К. и В.К. Лукомскими, являвшаяся, по сути, номером ежемесячного периодического печатного издания «для любителей искусства и старины» «Старые годы», представляла собой очень поверхностный обзор коллекций замка Вишневец, и факт этот весьма возмутил его тогдашнего хозяина П.А. Демидова, о чем свидетельствуют его письма к Георгию Крескентьевичу, художнику и сотруднику редакции. Мы озадачились фразой из одного из них, где Павел Александрович говорит о многих «предметах превосходного качества», оставшихся за рамками публикации. Прежде всего, разумеется, нам интересны предметы, как-то проливающие свет на русскую историю, в частности на период Смутного времени, с которым так сильно были связаны предки владельцев Вишневец из рода Мнишек. К счастью, до нас дошли инвентарные списки вещей и книг, хранившихся в Вишневец при Мнишках, неоднократно публиковавшиеся польскими историками – последний раз в 2016 г. исследователем А. Бетлеем и его коллегами. Делая соответствующую выборку из этих списков XVIII в., мы можем точно соотнести ту или иную вещь или книгу с семейством царицы Марины, поскольку инвентари содержат списки предметов, хранившихся в Вишневец и принадлежавшие лично первому его владельцу из рода Мнишек Яну Карлу, а также пометку «из Ляшек», что означает, что перевезены они были из замка, некогда являвшегося собственностью отца Марины, сандомирского воеводы Юрия Мнишка. Обратимся поочередно к трем имеющимся в нашем распоряжении инвентарям Вишневецкой резиденции и перечислим предметы и книги, которые, вероятнее всего, принадлежали Мнишкам на рубеже XVI–XVII вв. и могли храниться там вплоть до Первой мировой войны.

Список вещей, лично принадлежавших Яну Карлу Мнишку и привезенных им в Вишневец, датируется 1759 г. В списке книг, где много произведений посвящено истории, политике, архитектуре, военному делу и алхимии, значатся и весьма любопытные наименования. Среди них книги, изданные в XVI – начале XVII в. на латинском языке: «Записки о Московии» С. Герберштейна (вполне возможно, самое первое их издание), «Космография» С. Мюнстера, «Хроника Польского королевства» М. Кромера, «Искусство войны» и «Государь» Н. Макиавелли, «История Флоренции» Ф. Гвиччардини, «Испанская монархия» Т. Кампанеллы, «Хроника европейской Сарматии»

А. Гвагнини, «Из царствования императора Карла Великого» В. Лазиса, «Институции Юстиниана». На польском языке в изданиях того же периода значатся «Гиппика, или Трактат о лошадях» К. Дорогостайского, посвященные Мнишкам «Гораций Флакк» С. Петрици и переводное издание «Описание мира» Д. Ботеро, «Коронные статуты» С. Сарницкого. Вполне логично, таким образом, предположить, что книги эти имелись в замковой библиотеке резиденции в Ляшках Мурованых, а отец и братья царицы испытывали живой интерес к географии, истории, государственному и правовому устройству европейских стран, военному делу. Вероятно также, что свои первые сведения о Московском государстве были почерпнуты самой Мариной именно в книгах С. Герберштейна и А. Гвагнини.

Инвентарь замка, составленный в 1758–1764 гг., как уже было сказано выше, содержит напротив многих позиций подпись «из Ляшек», что позволяет нам предполагать принадлежность данных предметов именно Марине и ее семье. Среди них стоит отметить большое количество живописи, многие картины были помещены в позолоченные рамы: «ландшафты над окнами и дверьми рисованных на полотне 36 штук из Ляшек»; полотна «Казак с бандурой» и «Казак с трубкой»; сюжетные картины «Старая баталия на Днестре с турками» (возможно, на ней было отражено событие, в котором участвовал сандомирский воевода Юрий Мнишек в 1594 г.), «Братья Иосифа перед фараоном», «Клеопатра, царица Египта, убивает себя кинжалом»; многочисленные картины голландских мастеров (морские баталии, полотно «Голландец, зажигающий свечу»); генеалогии знатных польских семейств – Мнишек, Потоцких, Вишневецких, Пацов, Ходкевичей; из портретов отмечены изображения Коперника и Станислава Мнишка. Инвентарь также указывает на многочисленную старинную мебель: обтянутые красной кожей стулья, кресла и приспособления для коленопреклонения во время молитвы, складные походные столы, разноцветные расписанные цветами угловые деревянные шкафы для вещей и книг, мозаичные столики с мраморными гербами Мнишек и Тарло, относящиеся к XVI в. и, скорее всего, принадлежавшие родителям Марины (о них упоминается также и во времена владения Вишневецом П.А. Демидова, который вновь купил их на одной из аукционных распродаж). В обоих вышеозначенных инвентарях XVIII в. упомянуты принадлежавшие семейству Мнишек ценные предметы: часы с родовыми гербами, трости, инкрустированные драгоценными камнями (бриллиантами, рубинами, топазами), янтарные ложки и алтари, статуи из слоновой кости, дорогая одежда, подбитая горностаевым мехом, оправленные в золото и серебро оружие (палаши, фузии), конские сбруи и седла. Любопытно, что среди каменных изваяний значатся

статуи М. Лютера и Ж. Кальвина, вероятно, как напоминание о протестантских корнях семьи.

Последний имеющийся в нашем распоряжении инвентарь вишневецких собраний датируется 1877 г., и составлен он неким Ф. Эйзнером, скорее всего, оценщиком при очередной перепродаже замка. Внимание тут обращает на себя то, что последующими владельцами Вишневецца из рода Мнишек – графами Юрием Михаилом и Карлом Филиппом – были перемещены предметы и произведения искусства из других семейных резиденций, которые либо были проданы, либо отошли к другим фамилиям в качестве приданого дочерей. В этом списке, например, указаны картины Ф. Гольбейна и П. Веронезе, сюжетные картины, связанные со свадьбой и коронацией Марины, портреты ее и Дмитрия Самозванца, «целые галереи» семейств Мнишек, Тарло и Стаднических. Как писал автор инвентаря, «внимание тут обращают на себя представленные костюмы польские, мужские и женские, начиная с XVI века» (Betlej 2016: 153). Инвентарь отмечает и 27 мраморных бюстов и столько же гипсовых, последние из которых изображали выдающихся поляков и послужили прототипами для галереи бронзовых бюстов, украшавших рыцарскую залу короля Станислава Понятовского (составитель инвентаря указал, что гипсовые бюсты, «кажется, сегодня находятся в Петербурге», однако их наличие в музеях Северной столицы пока нами не установлено).

Вышеприведенные инвентари и даже списки тех остатков, которые имелись в коллекции резиденции после ее многочисленных перепродаж, поражают воображение. Накануне Первой мировой войны все вышеназванные предметы и книги вполне могли еще находиться в Вишневецком замке и по праву должны были пополнить именно российские музейные коллекции как имеющие отношение к московской царице Марине Мнишек, подобно тому, как живопись из Вишневецца стала достоянием Государственного исторического музея. К сожалению, научная и культурная общественность и предположить не могла, что так скоро, практически в одночасье, война уничтожит многие подобные оазисы искусств. Быть может, такое объяснение хотя бы отчасти послужит оправданием тем людям, в частности братьям Г.К. и В.К. Лукомским, которые имели возможность составить полное описание и фототеку вишневецких собраний, однако не сделали этого, рассчитывая, что время не обратится против них.

## ЛИТЕРАТУРА

Демидов 1910 – Демидов П.А. Родословная рода Демидовых, их благотворительная деятельность и медали в память их рода. Житомир, 1910. 64 с.

РГИА 1 – Российский государственный исторический архив. Ф. 986. Оп. 1. Д. 14. Л. 13, 16, 19, 22 об., 34–35.

РГИА 2 – Российский государственный исторический архив. Ф. 986. Оп. 1. Д. 15. Л. 166–167.

Лукомские, 1912 – *Лукомский В.К., Лукомский Г.К.* Вишневецкий замок, его история и описание. СПб., 1912. 40 с.

Осадчук 2012 – *Осадчук Л.* Историк Любовь Шиян: «Статус человека знатного – это статус благотворительного человека. Об уроках князей Вишневецких для современной элиты» // *День*. 2012. № 199.

Пирогова 2003 – *Пирогова Е.П.* Материалы о жизни П.А. Демидова и история его коллекций // *Уральский сборник. История. Культура. Религия*. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2003. Вып. 5. С. 138–149.

Чарторийский – *Чарторийский А.* Мемуары. URL: <http://www.rulit.me/books/memuary-read-295858-50.html> (дата обращения: 26.12.2017).

Шиян 2006 – *Шиян Л.* Вишневец та князі Корибути Вишневецькі. Тернопіль: Горлиця, 2006. 88 с.

Шиян 2013 – *Шиян Л.Н.* П.А. Демидов и его роль в судьбе Вишневецкой резиденции // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2013. № 4 (30): в 3 ч. Ч. II. С. 209–212.

Aftanazy 1994 – *Aftanazy R.* Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1994. T. 5. 695 s.

Betlej 2016 – *Betlej A., Dworzak A., Markiewicz A.* Pałac w Wiśniowcu w świetle inwentarzy staropolskich. Kraków, 2016. 165 s.

## REFERENCE

Demidov, P.A. (1910) *Rodoslovnaya roda Demidovykh, ikh blagotvoritel'naya deyatel'nost' i medali v pamyat' ikh roda* [The genealogy of the Demidovs, their charitable activities and medals in memory of their kind]. Zhitomir: [s.n.].

The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 986. List 1. File 14.

The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 986. List 1. File 15. pp. 166–167.

Lukomskiy, V.K. & Lukomskiy, G.K. (1912) *Vishnevetskiy zamok, yego istoriya i opisaniye* [The Vishnevets castle, its history and description]. St. Petersburg: [s.n.].

Osadchuk, L. (2012) *Istoriik Lyubov' Shiyan: "Status cheloveka znatnogo – eto status blagotvoritel'nogo cheloveka. Ob urokakh knyazey Vishnevetskiikh dlya sovremennoy elity"* [Historian Lyubov Shiyan: "The status of a person of nobility is the status of a charitable person. On the lessons of the Vishnevetsky princes for the modern elite"]. *Den'*. 199.

Pirogova, Ye.P. (2003) Materialy o zhizni P.A. Demidova i istoriya yego kollektsey [Materials about the life of P.A. Demidov and the history of his collections]. *Ural'skiy sbornik. Istoriya. Kul'tura. Religiya*. 5. pp. 138–149.

Chartoryyskiy, A. (n.d.) *Memuary* [Memoirs]. [Online] Available from: <http://www.rulit.me/books/memuary-read-295858-50.html> (Accessed: 26th December 2017).

Shiyan, L. (2006) *Vishnevets' ta knyazí Koributi Vishnevets'ki* [Vishnevets and princes of Korybut-Vishnevetsky]. Ternopil: Goriitsya.

Shiyan, L.N. (2013) P.A. Demidov i yego rol'v sud'be Vishnevetskoy rezidentsii [P.A. Demidov and his role in the fate of the Vishnevets residence]. *Istoricheskiye, filosofskiy, politicheskoy i yuridicheskoy nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*. 4(30). pp. 209–212.

Aftanazy, R. (1994) *Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczpospolitej* [Historical residence on the old outskirts of the Polish-Lithuanian Commonwealth]. Vol. 5. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.

Betlej, A., Dworzak, A. & Markiewicz, A. (2016) *Pałac w Wiśniowcu w świetle inwentarzy staropolskich* [The palace in Vishnevets from the point of view of the Old Polish inventory]. Kraków: Attyka.

**Эйльбарт Наталия Владимировна** – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Россия).

**Nataliya V. Eylbart** – Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia).

**E-mail:** ejlbart@mail.ru

УДК 94(478)"1914/1919"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/53/14

## ИТОГИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СУДЬБЕ БОЛГАР БЕССАРАБИИ

**Н.Д. Руссев**

Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака  
Молдова, 7400, г. Тараклия, ул. Мира, 9  
E-mail: nrussev@mail.ru

### Авторское резюме

Окончание Первой мировой войны и революционный взрыв в России обернулись в 1918 г. для Бессарабии присоединением к Румынии, по поводу которого в исторической науке давно ведутся острые дебаты. Бессарабские болгары, подобно представителям других этнических меньшинств края, пережили это событие как коллективную трагедию своей общности. Анализ источников, полученных, в частности, в результате санкционированных государством специальных миссий, показывает всю сложность процессов, определявших будущее региона послевоенного времени. В этнически пестрой Бессарабии антирумынское (в основном крестьянское) движение чаще всего приобретало национальную окраску и было обречено на провал.

**Ключевые слова:** бессарабские болгары, окончание Первой мировой войны, революция в России, Сфатул Цэрий, оккупация Бессарабии, присоединение к Румынии.

## RESULTS OF THE FIRST WORLD WAR IN THE DESTINY OF THE BESSARABIAN BULGARIANS

**N.D. Russev**

Grigorii Tsamblak State University of Taraclia  
9 Peace Street, Taraclia, 7400, Moldova  
E-mail: nrussev@mail.ru

### Abstract

The end of the First World War and the revolutionary explosion in Russia lead to Bessarabia's annexation by Romania in 1918, which has long been debated in



history. Bessarabian Bulgarians, like members of other ethnic minorities in the region, experienced this event as a collective tragedy of their community. The analysis of the sources obtained, in particular, as a result of special missions authorized by the state has shown the complex nature of the processes determining the post-war future of the region. In the ethnically diverse Bessarabia, the anti-Romanian movement, mostly of peasantry, often acquired a national tint and was doomed to failure.

**Keywords:** Bessarabian Bulgarians, end of WWI, Russian revolution, Sfatul Tarii, occupation of Bessarabia, annexation to Romania.

*Это над взбитой битвами пылью,  
над всеми, кто грызся, в любви зверясь,  
днесь  
небывалой сбывается былью  
социалистов великая ересь!*

Владимир Маяковский,  
17 апреля 1917 г., Петроград

Переход Бессарабии под власть Румынского королевства произошел столетие тому назад в сложной, быстро менявшейся социально-политической обстановке, вызванной революцией и крахом Российской империи. Повсюду на осколках трехвековой державы Романовых возникали самостоятельные образования, возглавлявшиеся местными группировками разной идейной направленности, часто вовсе не чуравшимися военной поддержки преследовавших свою корысть иноземцев.

События 1917 г. в Российской империи ввергли в хаос даже самые отдаленные уголки огромной страны, очень быстро докатившись и до болгарских сел многонациональной Бессарабии. Слово «революция», которое тогда было у всех на устах, в патриархальный быт болгар несли возвращавшиеся с фронта солдаты, по свидетельству документов, почти поголовно зараженные «духом недоверия, сомнения, отрицания». Из их среды выдвигались организаторы беспорядков, воспринимавшие свои действия не иначе как «революционные». Самозванные вожди в каждом селе громче всех кричали о «свободе» и на свой лад стремились претворять в жизнь чаяния простых людей.

Главной причиной массового негодования людей явился пресловутый земельный вопрос. В условиях войны количество безземельных и малоземельных хозяйств, с одной стороны, особенно выросло, а с другой – меньшинство завладело огромными имениями. Там, где не было помещиков, охваченные духом революционной свободы

крестьяне делили церковные и общественные земли (Думиника, Червенков 2014: 147–148). В воздухе, еще не остывшем от пыла сражений Великой мировой войны, стоял немилосердный азарт всех оттенков социализма...

Созванный в Кишиневе 2 декабря 1917 г. парламентский орган, именовавшийся Сфатул Цэрий (Совет страны), именем революции провозгласил создание Молдавской Демократической Республики. Как стало ясно совсем скоро, не заботясь о широкой поддержке народа, вожди предпочли тайные переговоры с правительством Румынии, получив за свою предательскую сговорчивость крупные денежные суммы. Неслучайно уже 28 декабря глава правительства И. Ерхан сделал заявление о целесообразности введения в Бессарабию румынских войск «для борьбы с анархией, охраны продовольственных складов, железных дорог и заключения иностранного займа». В начале 1918 г. воинские части соседнего государства перешли на левый берег реки Прут и 13 января вступили в Кишинев. В городе начались репрессии, и по обвинению в антирумынизме были расстреляны пять членов Сфатул Цэрий (ИРМ 1997: 173–175).

Между тем 10 января в Аккермане прошел III Съезд представителей крестьянства, городских и земельных управ Буджака, которые выступили против действий Сфатул Цэрий и постановили, что южный край остается «на вечные времена» в составе России, какой бы в ней ни был строй. Практически одновременно румынские войска развернули наступление на Аккерман, Измаил и Болград, на подступах к которому завязались тяжелые бои. С 12 по 22 января упорно сопротивлялся Измаил. До 4 февраля оборонялось Вилково. Сопротивление румынским отрядам оказали Тараклия и окрестные села (Думиника, Червенков 2014: 148). Население юга в целом враждебно отнеслось к вторжению из-за Прута. Зазвучали призывы к созданию Буджакской автономной республики в составе России. Созданная для борьбы с войсками Румынии революционная армия, в которую наряду с солдатами вошли рабочие Одессы, Тирасполя, Бендер, Рыбницы, нанесла им поражение в боях у Днестра. В результате последовавших переговоров 5 марта было заключено соглашение, по которому Румыния обязалась в течение двух месяцев вывести войска из Бессарабии (Лебеденко, Тичина 2002: 123–124). Однако, когда ситуация переменилась, правители соседней страны не выполнили взятые на себя обязательства и продолжили вооруженное подчинение восточных земель.

Еще 24 января Сфатул Цэрий принял декларацию о независимости Молдавской Республики. Однако теперь марионеточный «Совет страны» пошел на имитацию законного волеизъявления о добровольном присоединении к Румынскому королевству. Под дулами румынских

винтовок прошло антидемократическое голосование по этому вопросу. Впрочем, даже в условиях жесткого давления извне сторонники объединения собрали только 86 голосов; 3 депутата высказались против, 36 воздержались, а 13 вообще отсутствовали на заседании. В такой обстановке 27 марта 1918 г. появилась Декларация об объединении Бессарабии с Румынией. Как признал румынский премьер, «присоединение было осуществлено не в Кишиневе, а в Бухаресте». Молдавская Республика просуществовала только 2 месяца (Скворцова 2002: 28).

Посетивший со специальным заданием приграничные города Рени, Болград, Измаил (май – июнь 1918 г.) болгарский подполковник Константин Соларов (1881–1959) изложил свое понимание характера политических перемен в Бессарабии. На страницах выпущенной им брошюры офицер сообщал, что Сфатул Цэрий возглавили «люди темного происхождения», одержимые «большой алчностью к обогащению», которые силой взяли власть и создали милицию, чтобы «защищала их от народа». Затем именно «эти грабители» предложили правительству Румынии премьера А. Маргиломана (1854–1925) провозгласить присоединение Бессарабии в обмен на «крупную сумму». С радостью заключив выгодную сделку, румыны при поддержке местной милиции довольно быстро оккупировали бывшую царскую губернию (Думиника 2016: 261–262).

В конце лета 1918 г. приехавший из Одессы в Софию болгарский консул Д. Влахов (1878–1953) писал, что действия румынских войск на железнодорожной ветке Унгены – Кишинев – Бендеры, предательство и обман части руководителей Сфатул Цэрий, а также жестокие расправы с депутатами, придерживавшимися антирумынской позиции, достигли в Бессарабии цели. Еще 8 апреля 1918 г., вернувшись из Ясс, П. Халиппа заявил: «Бессарабия будет румынской – этого хотят и немцы». Похоже, возникло опасение, что Болгария и Украина могут установить общую границу на Дунае. Чтобы предотвратить возможное блокирование, следовало из дипломатического донесения, были приняты столь масштабные действия. Оказалось, что «сильная Румыния нужна Германии как противовес Болгарии» (Калчев 2014: 216–217).

Эти и другие подобные источники столетней давности не содержат выводов о том, что действия Сфатул Цэрий встретили «единогласное одобрение населения Бессарабии», а объединение «соответствует всем общепринятым критериям национального объединения». Хотя свидетельства очевидцев несут на себе отпечаток большого эмоционального запала и явные черты личной пристрастности, они, несомненно, ближе к истине, чем наукообразные построения многих авторов нынешней эпохи (Назария 2014: 106–107).

Широко известно, что на юге Бессарабии с конца XVIII – начала XIX в. компактно осело довольно большое число задунайских переселенцев – преимущественно болгар и гагаузов (Грек, Червенков 1993: 11–15). Их количество в 1918 г. Д. Влахов определяет примерно в 250 тыс. чел., или 8,2 % жителей Измаильского, Аккерманского и Бендерского уездов (Калчев 2014: 214–215). Эти люди являлись значительным фактором для перспектив региона послевоенного времени. Понятно, почему представителей Болгарии интересовало как самочувствие, так и поведение бессарабских болгар в условиях формирования новой геополитической обстановки.

К. Соларов пишет, что в Измаиле местное население «держится очень неприязненно по отношению к румынам». В придунайском городе, по его словам, как и в других местах края, чаще румынского слышались русский и болгарский языки, а население нередко бросало открытый вызов захватчикам. Порой русские и болгары даже публично называли румын цыганами. Один измаильский торговец-болгарин Червеняков по поводу оккупации Бессарабии возмущенно произнес: «Они сделали то же, что с Добруджей, но не пройдет много времени, и их прогонят». В Измаиле автор слышал от одного осведомленного русского человека любопытную версию поглощения Молдавской Республики Румынией. Она строилась на утверждении, что «Украина исключила из своих границ Бессарабию, потому что в последней нет украинцев» (Думиника 2016: 259–264). Соответственно, Румыния этим якобы и воспользовалась.

Массовый политический сумбур и абсурд нагнетали атмосферу в крае до предела. Имели место рассуждения о том, что «будет хорошо, если болгары из Бессарабии выселятся и поселятся в Добрудже», а немецкое меньшинство займет земли на юге края (Калчев 2014: 220). Учитель из Болграда, напротив, сообщил К. Соларову, что с началом революции в России местные болгары «основали комитет, который поставил перед собой задачу создать из Бессарабии единую самостоятельную республику», будто бы видевший конечной целью «присоединение к матери-Болгарии» (Думиника 2016: 254–257).

Цитируемые болгарские авторы вполне осознавали несбыточность рисуемых картин. Д. Влахов указывает, что население насильственно присоединенной Бессарабии «предпочитает любой другой режим румынскому», который через бесправие и притеснение нес денационализацию нацменьшинствам. При этом он констатирует: «Болгары в Бессарабии ничего не предприняли, да и не в состоянии предпринять ради своего освобождения» (Калчев 2014: 219–220). К. Соларов называет бессарабских соотечественников «наивные

люди», а исповедуемые ими взгляды характеризует как «чистый и наивный идеализм» (Думиника 2016: 259–260).

В самом деле, к концу мая деятельность Сфатул Цэрий была приостановлена, а управление Бессарабией передано генералу А. Вэйтояну. Одна из задач военного губернатора новой провинции состояла в том, чтобы ликвидировать автономию края, закрепленную юридически всего несколькими месяцами ранее. Чтобы заручиться международным признанием своих новых границ на конференции по итогам Первой мировой войны в Париже, Бухарест спешил предъявить Антанте свои права на безоговорочное господство в Бессарабии, причем полученные не иначе как с согласия законной власти (Бессарабия 1996: 233–234).

Рано утром 27 ноября 1918 г., в отсутствие должного числа депутатов, Сфатул Цэрий принял ранее сфабрикованное решение о «безусловном объединении» Бессарабии и Румынии. По этому поводу А. Маргиломан записал в своем дневнике: «Несмотря на все истраченные деньги, не набралось 30 депутатов, чтобы за это проголосовать». Все условия, гарантировавшие автономию, были перечеркнуты (БТМ 1967: 217–219; Левит 2000: 445). Сторговавшиеся кое-как братья-политиканы с обоих берегов Прута, по сути дела, довели первый в истории молдавский парламент до акта позорного самоубийства.

Правда, довольно многочисленная группа депутатов выступила против предательского сговора. Как истинные патриоты страны они смело заявили, что считают принятые постановления «ввиду допущенных явных нарушений, граничащих с обманом, недействительными, незаконными и со всей энергией протестуют против отказа от автономии, акта насилия над волею народов, населяющих Бессарабию» (БТМ 1967: 217–219). Однако эти действия явно запоздали – с того времени более двух десятилетий (вплоть до лета 1940 г.) этнически разнородным бессарабцам предстояло жить на своей земле в тисках объятий «Великой Румынии».

Парижский протокол, подписанный 28 октября 1920 г. Англией, Францией, Италией, Японией и Румынией, определил юридически судьбу края «в интересах всеобщего мира в Европе». Ведущие державы мира согласились обеспечить «над Бессарабией суверенитет» Румынии, которая «добровольно выразила желание дать прочные гарантии свободы и справедливости, без различия расы, религии и языка». Этот протокол довольно долго не мог вступить в силу, поскольку не был ратифицирован до 1927 г. Италией и до 1931 г. – Японией. С самого начала его не признавали Россия и Украина (Бессарабский протокол 1920).

В силу произошедшего бессарабские болгары были лишены поддержки исторической родины. Болгария была в какой-то мере даже враждебной страной, поскольку воевала на стороне Тройственного союза, а бессарабцы, напротив, служили входившей в Антанту царской России. После окончания войны судьбы побежденных стран целиком зависели от государств-триумфаторов. Поэтому на переговорах о будущем Бессарабии Болгария не предпринимала никаких дипломатических действий, чтобы как-то защитить бессарабских болгар. Более того, «все в Софии» надеялись, что в обмен на Бессарабию «Болгарии будет возвращена вся Добруджа» (Пенчиков 1992: 136 и др.). Однако эти циничные комбинации политиканствующих интеллектуалов были актуальны только в кругу завсегдатаев столичных кафе и клубов.

Между тем в Софии возникло Общество бессарабских болгар, объединявшее образованных, деятельных, заслуженных, но оторванных от реальности людей. Они подготовили обращение к представителю мирной конференции в Париже. В нем 1 апреля 1919 г. 128 чел. выразили мнение, что «болгарская Бессарабия» должна стать «составной частью Болгарии», от которой ее отделяет только устье Дуная. Имелось в виду соседство с Добруджей, которая в новое время никогда не была болгарской государственной территорией. Авторы декларации сами не верили в возможность такого объединения, поэтому предлагали и второй вариант устройства Буджака: «На территории, расположенной к югу от Троянова вала, создать отдельное политическое образование, малое независимое государство между реками Прут, Дунай, Днестр и Черным морем, охватывающее 23 000 кв. км». Если же передача Бессарабии другой стране неминуема, выдвигались следующие условия:

- 1) это «ни в коем случае не должна быть Румыния»;
- 2) необходимо гарантировать демократические свободы болгарскому меньшинству (Тодоров 1992: 153–155).

Нетрудно представить, что усилия от такого заступничества не могли отклониться далеко от нулевой отметки.

Тем временем Румыния перешла в Бессарабии к активным действиям. В августе 1919 г. в край приехали 97 пропагандистов – агентов сигуранцы. Причем в каждый уезд прибыло по три таких сотрудника, а в Хотинский, Измаильский, Аккерманский уезды, где большинство составляло немолдавское население, – по 12 (Зеленчук 1973: 32). Так, под особый контроль властей, наряду с лояльностью других этнических меньшинств, попала благонадежность болгар.

Сельские жители, как правило, были далеки от политики, но большинство из них с недоверием восприняло румынскую власть. Новые хозяева были чужды укладу жизни болгар, устоявшемуся у них за

время продолжительного проживания в Российской империи. Впрочем, прежние устои уже успели в значительной мере пошатнуться в ходе мировой войны и русских революций. Власти Румынии столкнулись с сопротивлением на местном уровне. В ряде мест коммунальные советы призывали сельчан не вносить арендную плату за землю, полученную до прихода румын. Например, в Шикирли-Китае сельская администрация весной 1919 г. не желала налаживать «хорошую работу» и действовала с «явным злонамерением» (Лунгу 1979: 56).

Однако те, кому вернули захваченные у них земли или потерянные должности, становились союзниками румын. Вероятно, в числе наиболее авторитетных приверженцев новой власти оказался и священник В.Д. Агура. Ему возвратили приход, в котором он служил до своей кончины в 1924 г. Будучи образованным и состоятельным, он свободно владел румынским языком и обладал большим влиянием на односельчан, а также жителей ряда соседних сел. Наверняка его поддерживали и другие зажиточные односельчане, особенно ровесники – «чурбаджи» близких взглядов, которые до глубокой старости не выпускали из-под контроля хозяйственную деятельность ближайших родственников. Такие люди составляли опору государственной власти в селах.

Несогласные с новыми порядками искали другие пути. По сравнению с концом XIX в. число сельчан, в т. ч. числе болгар, порвавших с традиционным бытом, несомненно, зримо возросло. Часть навсегда или на время уходила в города, в т. ч. в пределах Старого Королевства – от Галаца до Брашова, от Ясса до Бухареста. Были люди, перебравшиеся через границу в другие страны, включая Советскую Россию и Болгарию. Однако цифры свидетельствуют о мизерном количестве беженцев из Бессарабии, оказавшихся в Болгарии: 1914–1917 гг. – 2 чел.; 1918–1919 гг. – 4; 1920 г. – 16 чел. (Тодоров 1992: 158). Обычно это были молодые и одинокие люди.

До прихода румын резкая перемена прежде патриархальных настроений болгар особенно чувствовалась среди фронтовиков. Общество раскололось на сторонников «доброго старого» и многообещающего нового. Людей, жаждавших перемен, было много и в Шикирли-Китае, но их ожидания никак не соответствовали результатам действий представителей королевства в Бессарабии. Казалось, растревоженные военно-революционным лихолетьем, как пчелиные ульи, степные села мало-помалу утихомириваются.

Замирение в Буджаке было тяжелым по ряду причин. Среди них важнейшими являлись языковые различия и более высокий уровень хозяйственно-бытовой свободы жителей края. Стремление новых хозяев изменить положение на свой лад наталкивалось на коллектив-



ное сопротивление. Попытки устранить острые противоречия грубой силой делали их неразрешимыми, выдвигая из числа бессарабцев тех, кто включался в борьбу с господствующим режимом. О таких непримиримых революционерах, среди которых были и болгары, в Советском Союзе было написано немало книг. Они вели подпольную работу против Румынского королевства, временами принимавшую открытые острые формы. Международная общественность признала, что многочисленные антигосударственные действия жителей Бессарабии выражали неприятие ими румынской власти.

Причину этого неприятия приоткрыл в своей речи на организованном против подпольщиков в 1920 г. «Процессе 39» адвокат Н. Коча: «Что сделали мы в течение двух лет румынского управления, чтобы привлечь к себе симпатии бессарабцев? Они имели свободную страну, Русская революция дала им все права и свободы. Что им дали взамен? Жандармов? Агентов сигуранцы? Грабителей перцепторов? Всех бандитов из старой Румынии! И хотите теперь быть любимыми? Вы хотите, чтобы бессарабец любил кулак жандармов!» (БТБ 1970: 165). Как следует из французских источников, в то время болгары и гагаузы были «непримиримо враждебны присоединению, как и прежде». В частности, немало инцидентов произошло именно в 1920 г. в районе Болграда при призыве румынами новобранцев (Винсент 2012: 53).

Вместе с тем в своих действиях по укреплению государства на новых землях власти Румынии не решались прямо игнорировать права национальных меньшинств. Причина была в том, что за время Первой мировой войны этнический облик страны приобрел совершенно иной характер. Если в 1914 г. территория королевства составляла около 138 тыс. км<sup>2</sup>, то после 1918 г. она увеличилась более чем в два раза и превысила 295 тыс. км<sup>2</sup>. Население также выросло вдвое – с 7,35 млн до 15,63 млн чел. При этом до Первой мировой войны этнические меньшинства составляли только 8 % жителей, а после нее – уже почти 1/3 (Скворцова 2002: 80).

Поскольку внимание всей Европы было обращено к Румынии, которая всячески добивалась официального признания в своих расширенных границах, с этим обстоятельством нельзя было не считаться и в Бессарабии. В частности, известно, что в 1919/1920 учебном году в 65 из 1 787 государственных начальных школ преподавание должно было вестись на болгарском языке. Болградское реальное училище стало смешанным болгарско-румынским лицеем (Скворцова 2002: 99).

В августе 1921 г. в Болграде прошел конгресс, собравший около 80 делегатов болгарских сел Южной Бессарабии. Его участники заявили о необходимости создания школ с болгарским языком обучения от начальных училищ до гимназий. Был поставлен вопрос о пополнении

учительских кадров за счет специалистов из Болгарии. Для защиты интересов болгар, живших в регионе, конгресс избрал комитет, в который вошли представители четырех южных уездов (Нягулов 1998: 193). Многие участники этого съезда проживали в Болграде. Среди них выделяется группа преподавателей и сотрудников знаменитой гимназии. Шикирли-Китай представлял секретарь сельской коммуны Агура (Нягулов 1998: 192), очевидно, сын известного священника.

Как поиск общего языка с местным населением можно расценивать строительство памятника трем жандармам, похороненным в Шикирли-Китае. Их имена со званиями засвидетельствованы документально: *platonieri Chirica Enache, Neculai Grigore, cap[ral] Preda Alecu*. Все «погибли при исполнении долга» в 1919 г. (*trei morți în 1919 făcându – și datoria*). Дата события не вполне ясна. Тут же указан и 1918 г. Однако известно, что поблизости от населенного пункта боевые действия не велись (Руссев 2016: 217–231). Можно лишь допустить, что военнослужащие погибли в результате несчастного случая.

Сбор средств на памятник, который до сих пор возвышается в центре старой части кладбища, был превращен в значимое общественное дело. Работы в 1922 г. велись по инициативе и при непосредственном участии Общества захоронении героев, погибших на войне (*Societatea mormintele eroilor cași în razboiu*). Центральное управление организации во главе с руководителем в чине полковника находилось в Бухаресте. В Шикирли-Китае был создан и действовал местный комитет, председателем которого был священник В.Д. Агура. В имеющихся источниках упоминаются сумма в 600 леев (часть собранных средств?), а также информация о покупке крестов для украшения мемориального сооружения. Свой вклад в сооружение памятника внесли не только шикирлийцы, но и жители многих сел края – от Табак до Старых Троян. Правда, в некоторых населенных пунктах было собрано совсем мало денег, иногда – ни одного лея (например, в Муравлевке, населенной русскими старообрядцами). Чаще всего рядовые сельчане сдавали по 1 лею, а румынские служащие – до 10 леев. Самый крупный взнос в 25 леев сделал фабрикант Самоил (*Samoil Fissman fabric*). В списке жертвователей отмечен и примар села Зиновей Ташаков (*Zinovei Tazacov*) (КПИА. Ф. 217. Оп. 1. Д. 1. Л. 6–22 и др.).

Памятник на кладбище был в румынское время местом проведения поминальных мероприятий и церковных служб, посвященных памяти не вернувшихся с фронта солдат и офицеров. Поскольку среди шикирлийцев таких насчитывалось много, то введенный властями ежегодный День героев (*Ziua eroilor*), отмечавшийся 10 мая, собирал сотни жителей села – прежде всего, родственников и друзей погибших,

фронтовиков, а также представителей румынской администрации, жандармов, учителей и служителей культа. Так создавалось подобие примирения и даже духовного единения. Между тем тяжелые будни большинства шикирлийцев, как и основной массы крестьян юга Бессарабии, уже угрожали иным поворотом событий. Чаша народного терпения переполнилась – в 1924 г. Буджак охватило Татарбунарское восстание, затронувшее многие болгарские села.

Всякий бунт вызывается не одной, а рядом причин. Складываясь вместе, они могут привести к взрыву негодования. Одной из причин волнений в Бессарабии было то, что Румыния никак не могла освоить новые территории, делавшие ее «Великой». Их население, особенно этнические меньшинства, оставалось для бухарестских политиков чужим, а значит, враждебным элементом. В особенности это касалось бессарабцев, получивших в границах царской России не только возможность относительно благополучной жизни, но и своеобразную прививку имперской державности.

Это видели и отчасти понимали даже отдельные румынские деятели. Так, проводник румынизма в Бессарабии О. Гибу побывал здесь в 1923 г. и отметил следующие настроения ее жителей: «Все сожалеют о совершенном объединении с Румынией... и говорят, что, если бы была возможность повернуть время вспять, они бы не сомневались ни секунды и зачеркнули бы все совершенное» (Скворцова 2002: 43–44). Неслучайно хорошо знавшему край уроженцу села Бабель (ныне Озерное Измаильского района) генералу А. Авереску (1859–1938), который трижды (в 1918–1927 гг.) был премьер-министром, приписывают заявление, что румынам нужна Бессарабия без бессарабцев...

\* \* \*

Знаменитый американский журналист Джон Рид (1887–1920) отмечал, что вскоре после Октябрьского переворота в Петрограде В.И. Ленин, отвечая на обвинения в адрес большевиков, сказал по поводу эсеров: «Они нас обвиняют в том, что мы украли у них аграрную программу... Ну что ж, если это так, то мы можем их поблагодарить. С нас и этого довольно...» (Рид). «Декрет о земле», всколыхнувший вековые сны миллионов мужицких голов в Российской империи, поставил на повестку дня идеалы крестьянского социализма. В Бессарабии, почти такой же этнически пестрой, как и вся рухнувшая в ходе мировой войны держава Романовых, он стремился обрядиться в национальные одежды. Когда их государственный покров оказался румынским, это вызвало острое неприятие тех, кто не был готов рядиться в них без сопротивления. Неслучайно поставленный во

главе Измаильского уезда префект Ламбрино признавался своему начальству: «Я убедился, что болгарское население является самым враждебным нам, румынам...» (Шорников 2011: 138).

## ЛИТЕРАТУРА

Бессарабия 1996 – *Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семенова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. М., 1996.

Бессарабский протокол 1920 – Бессарабский протокол (справочная статья). URL: <http://doc20vek.ru/node/1379> (дата обращения: 25.06.2018).

БТБ 1970 – Борьба трудящихся Бессарабии за свое освобождение и воссоединение с Советской Родиной (1918–1940 гг.) / Сост. Н.В. Березняков, И.М. Бобейко, Я.М. Копанский и др. Кишинев, 1970.

БТМ 1967 – Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции в 1917–1920 гг.: сборник документов и материалов / Сост. Березняков. Кишинев, 1967.

Винсент 2012 – *Винсент Б.* Образ румынской администрации и настроения населения Бессарабии, отраженное во французских дипломатических и разведывательных отчетах 1918–1920 гг. // Русин. 2012. № 2 (28). С. 49–54.

Грек, Червенков 1993 – *Грек И., Червенков Н.* Българите от Украйна и Молдова: минало и настояще. София, 1993.

Думиника 2016 – *Думиника И.* Неизвестни пъти бележки на един български офицер в Бесарабия през 1918 г. // Молдовско-български връзки: история и култура. Кишинев, 2016. С. 240–266.

Думиника, Червенков 2014 – *Думиника И.И., Червенков Н.Н.* Первая мировая война в судьбе бессарабских болгар // Русин. 2012. № 3 (37). С. 142–151.

ИРМ 1997 – История Республики Молдова. С древнейших времен до наших дней. Кишинев, 1997.

Зеленчук 1973 – *Зеленчук В.С.* Население Молдавии: демографические процессы и этнический состав. Кишинев, 1973.

Калчев 2014 – *Калчев К.* Началото на присъединяването на Бесарабия към Румъния (1918 г.) през погледа на един български дипломат // Бесарабските българи: история, култура и език. Кишинев, 2014. С. 212–221.

КПИА – Коммунальное предприятие «Измальский архив». Ф. 217. Оп. 1 Д. 1.

Лебеденко, Тичина 2002 – *Лебеденко О.М., Тичина А.К.* Українське Подунав'я: минуле та сучасне. Одеса, 2002.

Левит 2000 – *Левит И.Э.* Молдавская республика (ноябрь 1917 – ноябрь 1918). Кишинев, 2000.

Лунгу 1979 – *Лунгу В.* Политика террора и грабежа в Бессарабии 1918–1920 гг. Кишинев, 1979.

Назария 2014 – Назария С.М. Бессарабский вопрос в новейшей румынистской историографии // Вестник Дагестанского государственного университета. 2014. Вып. 4. С. 106–113.

Нягулов 1998 – Нягулов Б. Забравени водачи // Родолюбец. Бр. III. София, 1998. С. 189–194.

Пенчиков 1992 – Пенчиков К. Бессарабският въпрос в политиката на централните сили (1916–1918 г.) // Българите в Северното Причерноморие. Т. I: Изследвания и материали. Велико Търново, 1992. С. 131–140.

Рид – Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=68961&p=51> (дата обращения: 21.07.2018).

Руссев 2016 – Руссев Н.Д. Первая мировая война и сельские жители Буджака (из микроистории бывшей болгарской колонии) // Русин. 2016. № 3 (45). С. 217–231.

Скворцова 2002 – Скворцова А.Ю. Русские Бессарабии: опыт жизни в диаспоре (1918–1940 гг.). Кишинэу, 2002.

Тодоров 1992 – Тодоров П. Основаване и начална дейност на Софийското дружество «Бессарабски българи» (1918–1919 г.) // Българите в Северното Причерноморие. Т. I: Изследвания и материали. Велико Търново, 1992. С. 141–159.

Шорников 2011 – Шорников П.М. Бессарабский фронт (1918–1940). Тирасполь, 2001.

## REFERENCES

Vinogradov, V.N., Yereshchenko, M.D., Semenova, L.Ye. & Pokivaylova, T.A. (1996) *Bessarabiya na perekrestke yevropeyskoy diplomatii. Dokumenty i materialy* [Bessarabia at the crossroads of European diplomacy. Documents and materials]. Moscow: Indrik.

Anon (1920) *Bessarabskiy protokol (spravochnaya stat'ya)* [Bessarabian Protocol (the reference article)]. [Online] Available from: <http://doc20vek.ru/node/1379> (Accessed: 25th June 2018).

Bereznyakov, N.V., Bobeyko, I.M., Kopanskiy, Ya.M. et al. (1970) *Bor'ba trudyashchikhsya Bessarabii za svoye osvobodzheniye i vossoyedineniye s Sovetskoy Rodinoy (1918–1940 gg.)* [The struggle of the Bessarabian workers for their liberation and reunification with the Soviet homeland (1918–1940)]. Chişinău: Cartea Moldovenească.

Bereznyakov, N.V. (1967) *Bor'ba trudyashchikhsya Moldavii protiv interventov i vnutrenney kontrrevolyutsii v 1917–1920 gg.* [The struggle of Moldavian workers against interventionists and internal counterrevolution in 1917–1920]. Chişinău: Cartea Moldovenească.

Vincent, B. (2012) *Obraz rumynskoy administratsii i nastroyeniya naseleniya Bessarabii, otrazhennoye vo frantsuzskikh diplomaticheskikh i razvedyvatel'nykh*

otchetakh 1918–1920 gg. [The image of the Romanian administration and the mood of the population of Bessarabia, as reflected in French diplomatic and intelligence reports of 1918–1920]. *Rusin*. 2(28). pp. 49–54.

Grek, I. & Chervenkov, N. (1993) *Blgarite ot Ukrayna i Moldova: minalo i nastoyashche* [Bulgarians from Ukraine and Moldova: Past and Present]. Sofia: Khristo Botev.

Duminika, I. (2016) Neizvestni ptni belezhki na yedin blgarski ofitser v Besarabiya prez 1918 g. [Unknown travel notes of a Bulgarian officer in Besarabia in 1918]. In: Chervenkov, N. & Duminika, I. (eds) *Moldovsko-blgarski vrzki: istoriya i kultura* [Moldavian-Bulgarian relations: history and culture]. Chişinău: S.Ş.B. pp. 240–266.

Duminika, I.I. & Chervenkov, N.N. (2012) Pervaya mirovaya voyna v sud'be bessarabskikh bolgar [WWI in the fate of the Bessarabian Bulgarians]. *Rusin*. 3(37). pp. 142–151.

Andrushchak, V.Ye., Boyko, P.A. et al. (1997) *Istoriya Respubliki Moldova. S drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of the Republic of Moldova. From ancient times to the present day]. Chişinău: Elan-Poligraf.

Zelenchuk, V.S. (1973) *Naseleniye Moldavii: demograficheskiye protsessy i etnicheskii sostav* [The population of Moldova: demographic processes and ethnic composition]. Chişinău: [s.n.].

Kalchev, K. (2014) Nachaloto na prisyedinyavaneto na Besarabiya km Rumniya (1918 g.) prez pogleda na yedin blgarski diplomat [The beginning of the accession of Bessarabia to Romania (1918) through the eyes of a Bulgarian diplomat]. In: Chervenkov, N.N. (ed.) *Besarabskite blgari: istoriya, kultura i yezik* [The Bessarabian Bulgarians: History, Culture and Language]. Chişinău: S.Ş.B. pp. 212–221.

The Izmalsky Archive. Fund 217. List 1. File 1.

Lebedenko, O.M. & Tichina, A.K. (2002) *Ukrains'ke Podunav'ya: minule ta suchasne* [Ukrainian Danube: past and present]. Odessa: Astroprint.

Levit, I.E. (2000) *Moldavskaya respublika (noyabr' 1917 – noyabr' 1918)* [Moldavian Republic (November 1917 – November 1918)]. Chişinău: Tsentral'naya Tipografiya.

Lungu, V. (1979) *Politika terrora i grabezha v Bessarabii 1918–1920 gg.* [Politics of Terror and Robbery in Bessarabia 1918–1920]. Chişinău: Cartea Moldovenească.

Nazariya, S.M. (2014) Bessarabskiy vopros v noveyshey rumynistskoy istoriografii [The Bessarabian question in the newest Romanian historiography]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4. pp. 106–113.

Nyagulov, B. (1998) Zabraveni vodachi [Forgotten Guides]. *Rodolyubets*. 3. pp. 189–194.

Penchikov, K. (1992) Besarabskiyat v'pros v politikata na tsentralnite sili (1916–1918 g.) [The Bessarabian question in the politics of the central powers

(1916–1918)]. In: Penchikov, K. et al. *B"lgarite v Severnoto Prichernomoriye* [The Bulgarians in the Northern Black Sea]. Vol. 1. Veliko Trnovo: [s.n.]. pp. 131–140.

Reed, J. (n.d.) *Desyat' dney, kotoryye potryasli mir* [Ten Days That Shook the World]. [Online] Available from: <https://www.litmir.me/br/?b=68961&p=51> (Accessed: 21st July 2018).

Russev, N.D. (2016) WWI and the villagers of Budjak (the experience of micro-history). *Rusin*. 3(45). pp. 217–231 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/45/15

Skvortsova, A.Yu. (2002) *Russkiye Bessarabii: opyt zhizni v diaspole (1918–1940 gg.)* [Russian Bessarabia: the experience of living in the diaspora]. Chişinău: Pontos.

Todorov, P. (1992) Osnovavane i nachalna deynost na Sofiyskoto druzhestvo "Besarabski b"lgari" (1918–1919 g.) [The foundation and initial activities of the Sofia Society "Bessarabian Bulgarians" (1918–1919)]. In: Penchikov, K. et al. *B"lgarite v Severnoto Prichernomoriye* [The Bulgarians in the Northern Black Sea]. Vol. 1. Veliko Trnovo: [s.n.]. pp. 141–159.

Shornikov, P.M. (2001) *Bessarabskiy front (1918–1940)* [The Bessarabian Front (1918–1940)]. Tiraspol: Poligrafist.

**Руссев Николай Дмитриевич** – доктор исторических наук, профессор кафедры филологии, истории и общественных наук Тараклийского государственного университета им. Г. Цамблака (Молдова).

**Nikolai D. Russev** – Grigorii Tsamblak State University of Taraclia (Moldova).

**E-mail:** nrussev@mail.ru



УДК 94(477)"1921"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/53/15

## УЕНЕРІВСЬКА КОНСПІРАЦІЯ В БЕССАРАБІЇ: СТВОРЕННЯ ПІДПІЛЬНИХ СТРУКТУР ТА ЇХ ОРГАНІЗАЦІЙНО-БОЙОВА ДІЯЛЬНІСТЬ НА ПІВДНІ УКРАЇНИ (1921 р.)

**І.В. Срібняк<sup>1</sup>, М.Г. Палієнко<sup>2</sup>**

<sup>1</sup> Київський університет ім. Б. Грінченка  
Україна, 04053, м. Київ, вул. Бульварно-Кудрявська, 18/2  
E-mail: i.sribniak@kubg.edu.ua

<sup>2</sup> Київський національний університет ім. Т. Шевченка  
Україна, 01601, м. Київ, вул. Володимирська, 60  
E-mail: mpaliienko@gmail.com

### Авторське резюме

У статті здійснено аналіз процесу створення на теренах Бессарабії підпільних антибільшовицьких структур уенерівської політичної приналежності та деякі епізоди їх організаційно-бойової діяльності на півдні України впродовж 1921 р. Вже наприкінці зими 1921 р. у цьому регіоні була розгорнута І (Південна) повстанська група армії УНР на чолі з генералом А. Гулим-Гуленко, та започатковане таємне відрядження до України старшин-організаторів повстанських загонів. У вересні 1921 р. у Бессарабії було розпочато формування т. зв. Бессарабської групи повстанської армії УНР, що мала перетнути більшовицько-румунський кордон та ініціювати повстання на південному заході України. В ніч з 18 на 19 листопада нею була здійснена спроба захопити місто Тирасполь, яка закінчилась невдачею. Поразка цього виступу призвела до згорання партизансько-повстанського руху на півдні України та демонтажу всього уенерівського підпілля в Бессарабії.

**Ключові слова:** повстанці, партизанський рух, штаб, старшини, Гулий-Гуленко, Бессарабська група.

# УНР-ОВСКАЯ КОНСПИРАЦИЯ В БЕССАРАБИИ: СОЗДАНИЕ ПОДПОЛЬНЫХ СТРУКТУР И ИХ ОРГАНИЗАЦИОННО-БОЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА ЮГЕ УКРАИНЫ (1921 г.)

**И.В. Срибняк<sup>1</sup>, М.Г. Палиенко<sup>2</sup>**

<sup>1</sup> Киевский университет им. Б. Гринченко  
Украина, 04053, г. Киев, ул. Бульварно-Кудрявская, 18/2  
E-mail: i.sribniak@kubg.edu.ua

<sup>2</sup> Киевский национальный университет им. Т. Шевченко  
Украина, 01601, г. Киев, ул. Владимирская, 60  
E-mail: mpaliienko@gmail.com

## **Авторское резюме**

Проанализированы процесс создания в Бессарабии подпольных антибольшевистских структур УНР-овской политической принадлежности и некоторые эпизоды их организационно-боевой деятельности на юге Украины в течение 1921 г. Уже в конце зимы 1921 г. в этом регионе была развернута I (Южная) повстанческая группа армии УНР во главе с генералом А. Гулым-Гуленко и начата тайная переправка на Украину офицеров – организаторов повстанческих отрядов. В сентябре 1921 г. в Бессарабии началось формирование т.н. Бессарабской группы повстанческой армии УНР, которая должна была пересечь советско-румынскую границу и инициировать восстание на юго-западе Украины. В ночь с 18 на 19 ноября группой была предпринята попытка захватить город Тирасполь, которая закончилась неудачей. Провал этой вылазки привел к сворачиванию повстанческого движения на юге Украины и демонтажа всего УНР-овского подполья в Бессарабии.

**Ключевые слова:** повстанцы, партизанское движение, штаб, офицеры, Гулый-Гуленко, Бессарабская группа.

# THE UPA UNDERGROUND IN BESSARABIA: ITS STRUCTURES AND ORGANIZATIONAL AND MILITARY ACTIVITY IN SOUTHERN UKRAINE (1921)

**I.V. Sribnyak<sup>1</sup>, M.G. Paliienko<sup>2</sup>**

<sup>1</sup> Borys Grinchenko Kyiv University  
18/2 Bylvarno-Kydryavska Street, 04053, Ukraine  
E-mail: i.sribniak@kubg.edu.ua

<sup>2</sup> Taras Shevchenko National University of Kyiv  
60 Volodymyrska Street, Kyiv, 01601, Ukraine  
E-mail: mpaliienko@gmail.com

## **Abstract**

This article attempts to shed light on the creation and activity of the political, anti-Bolshevik underground structures of the Ukrainian People's Army (UPA) in Bessarabia and Southern Ukraine. The First (Southern) UPA insurgent army group led by General Andrii Hulyi-Hulenko was deployed on the territories of Mykolaiv, Odessa, and Kherson governorates, as well as partly in Podillia and Katerynoslav governorates. The group was divided into five insurgent districts where separate command units and intelligence services were established. The task of district commanders was to prepare a general military insurgency. The officers from Poland and Romania were sent to fill in command units personnel, and new checkpoints were founded to facilitate their movement across the border. The command unit in Chişinău coordinated the activity of all formations. In September 1921, the main command unit received a task to launch the creation of Southern (Bessarabian) strike force that, according to the plan of the UPA political authorities, would have to cross the border and trigger an insurgency in Southern Ukraine meant to distract the Bolsheviks from the main direction of the insurgency. In October 1921, a command was received to start active offensive actions in Southern Ukraine, but its implementation was delayed several times because of the lack of arms. It was not until the night of November 19 when the strike force crossed the Dniester and made an attempt to seize Tiraspol. However, as the squad's actions were poorly coordinated and the strike force was outnumbered by the Bolshevik troops, this attempt was not a success. After the hours-long battle, the insurgents were forced to retreat to the Dniester and begin an assault across the river under double fire from Soviet and Romanian border guards. The failure caused general weakening of the insurgent

movement in Southern Ukraine and the general collapse of the UPA underground resistance movement in Bessarabia.

**Keywords:** insurgents, guerilla movement, headquarters, petty officers, Hulyi-Hulenko, Bessarabian group.

Досліджувана проблема почала розроблятися українськими істориками вже з початку 1960-х рр., коли світ побачила коротка розвідка про один з центральних епізодів збройної протидії більшовицькій владі в Україні з боку еміграційних структур УНР (Вдовиченко 1961: 9–12). З перервою у тридцять років робота з вивчення цієї теми була поновлена виходом ще кількох публікацій, для написання яких були використані документи з київських архівів, і зокрема – Центрального державного архіву вищих органів влади та управління України. Завдяки цьому було зібрано першу – джерельне підкріплену – але, все ще фрагментарну інформацію про діяльність уенерівського підпілля на півдні України, а також його зв'язок з еміграційними військовими осередками УНР, керівні структури яких перебували в Бессарабії (Срібняк 1994а: 23–25; Срібняк 1994b: 15–17; Срібняк 1997: 88–91).

За останню чверть століття історіографія даної проблеми поповнилась кількома статтями та розділами у монографічних дослідженнях, автори яких зосередили свою увагу на різних аспектах діяльності як згадуваних підпільних структур УНР, так і особливостей розгортання партизансько-повстанського руху на півдні України. Так, зокрема, М. Павленко навів деякі факти з діяльності штабу І Південної повстанської групи (з місцем осідку в Кишиневі) та організаційних зусиль генерал-хорунжого А. Гулого-Гуленка, що мали своєю метою активізації партизансько-повстанського руху на півдні України, подавши це в контексті «радянсько-румунського діалогу навколо проблеми інтернованих» (Павленко 1999: 288–291). Деякі аспекти створення та агентурно-організаційної роботи штабу згадуваної групи – але вже у контексті діяльності Партизансько-повстанського штабу армії УНР – були висвітлені в ще одній публікації автора цієї статті (Срібняк 2001: 107–120). Значний обсяг інформації про участь А. Гулого-Гуленка в організації уенерівської партизанки на півдні України було наведено й в он-лайнній книзі Р. Ковалю (Коваль 2006).

Але найактивніше дана проблематика стала розроблятися вже за кілька років, коли низка молодих дослідників обрала цю та суміжну з нею проблематику об'єктом своїх дисертаційних досліджень. Завдяки цьому вийшла друком ціла низка публікацій, автори яких увели до наукового обігу значну кількість архівних джерел, достатньо повно відтворивши як специфіку розгортання партизансько-повстанського руху на півдні України, так і внесок структур уенерівської

конспірації в Бессарабії в його інспірування. Одним з промоторів наукової розробки цієї теми та її популяризації був Я. Файзулін, зусиллями якого уявлення істориків про участь Бессарабської повстанської групи у Другому зимовому поході армії УНР набули чіткіших обрисів (Файзулін, Скальський 2008: 23–27; Файзулін 2011: 367–388).

Ґрунтовно цю проблему досліджував й В. Василенко, який якнайповніше використав матеріали Галузевого державного архіву Служби безпеки України, що дозволило йому реконструювати процес підготовки антибільшовицького збройного повстання в Україні у 1921 р., а також участь у цьому керівництва та співробітників штабу Південної (Бессарабської) групи військ УНР (Василенко 2008: 138–196; Василенко 2011: 94–125). Ще один дослідник С. Боган зосередився на дослідженні партизансько-повстанського руху на південному заході України, опублікувавши за результатами своєї пошукової роботи окрему монографію (Боган 2013).

Але потреба збагачення джерельно-документального підґрунтя даної дослідницької проблеми вимагає продовження пошукової роботи в архівах різних країн. Слід відзначити, що відрадним явищем у цьому став вихід цінної збірки документів (з київських архівосховищ), ознайомлення з матеріалами якої суттєво розширює наші знання про діяльність уенерівської конспірації на півдні України. Великий обсяг фактичної інформації про поточну роботу майже всіх співробітників штабу I групи містить низка документів (і зокрема № 13 «Доповідь сотника Василюка про хід організації повстання проти більшовиків на півдні України у червні-грудні 1921 р.»), які були опубліковані дослідником В. Власенком (Власенко 2008).

Надзвичайно важливе джерельне значення мають й документи, які зберігаються в Національній установі ім. Оссолінських у Вроцлаві (Польща). Вони містять значний обсяг інформації, яка додатково прояснює різні аспекти діяльності Партизансько-повстанського штабу (ППШ) в Бессарабії та на півдні України (ZNiO 1).

\*\*\*

Військова поразка армії Української Народної Республіки у листопаді 1920 р. та її відступ до меж Польщі та Румунії ще не означали завершення її збройного протистояння з більшовицькою Росією. Державний Центр (ДЦ) УНР в екзилі, який у цей час перебував у Тарнові, Польща, плекав надії активізувати партизансько-повстанський рух в Україні та ініціювати в ній загальне збройне повстання. На думку провідних українських політичних діячів в еміграції, поява в такій ситуації на українських землях армії УНР та її успішні бойові

дії могли дестабілізувати становище більшовицької влади і за сприятливих умов навіть призвести до її повалення. З огляду на це своїм першочерговим завданням ДЦ УНР вбачав надання організаційно-матеріальної допомоги партизанським загонам та міському підпіллю в різних регіонах України (але тільки тим, які провадили свою діяльність під гаслами відновлення Української Народної Республіки та визнавали зверхність її уряду), а також реалізацію комплексу заходів для підготовки загального повстання в Україні.

Тому вже 21 січня 1921 р. голова директорії і головний отаман військ УНР С. Петлюра на засіданні Ради народних міністрів порушив питання «про необхідність всебічної роботи уряду в справі організації повстання в Україні проти більшовицької влади». На цьому ж засіданні С. Петлюра запропонував заснувати спеціальний фонд, кошти з якого мали використовуватись для забезпечення постійного зв'язку ДЦ УНР з повстанськими організаціями в Україні та подальшої загальної координації дій останніх. Наступним кроком мало стати вироблення певного плану боротьби, обов'язкового для виконання усіма підпільними структурами, які визнавали владу УНР. Нарешті, для здійснення загального керівництва партизанським рухом в Україні (а пізніше – й самим повстанням) мав бути створений й спеціальний таємний керівний осередок (ЦДАВО 1: 21; ЦДАВО 2: 75).

Всі ці завдання покладались на створений у кінці січня 1921 р. Партизансько-повстанський штаб (ППШ) при Головній команді військ УНР на чолі з командуючим 4-ю Київською стрілецькою дивізією армії УНР генерал-хорунжим Ю. Тютюнником. Останній мав багатий досвід використання різних форм і методів партизанської боротьби, бо колись очолював штаб партизанських формувань отамана Григор'їва. Штаб підлягав безпосередньо С. Петлюрі (як головнокомандуючому всіма українськими регулярними і повстанськими військами УНР) та мав вирішувати всі питання, що були пов'язані зі збройною протидією більшовицькій владі в Україні та впровадженням у життя сталої системи організації майбутнього загального збройного повстання.

Спочатку ППШ перебував у Тарнові, але в квітні 1921 р. – у зв'язку зі збільшенням обсягу своєї діяльності – був перенесений до Львова. Весь час штаб провадив свою роботу в тісній кооперації з польською військовою розвідкою («Двуйкою»), яка отримувала завдяки цьому потрібну їй агентурну інформацію про політичний та військовий стан УСРР. У порозумінні з цією польською спецслужбою на польсько-радянському кордоні була створена мережа контрольно-перепускних пунктів, які використовувались кур'єрами та емісарами ППШ для виконання різних розвідувально-агентурних завдань на теренах Радянської України (Срібняк 2001: 107–111).

Крім території Західної України ДЦ УНР в екзилі розраховував використати й територію окупованої румунами Бессарабії, в межах якої перебувала точно невстановлена кількість вояків деяких частин армії УНР та бійців зі складу мігруючих партизанських формувань, що мали на прикордонних бессарабських землях свої опорні бази (здійснити точний обрахунок їх кількості не видається можливим через брак документальних джерел, але очевидно, що їх число коливалось від кількох сотень до однієї тисячі осіб. – *І.С., М.П.*). Ця обставина також розглядалась ДЦ УНР як один із сприятливих факторів, що дозволив би вирішити проблему з комплектуванням майбутніх підпільних структур на півдні України.

Дуже важливе значення мало й те, що ще з 1919 р. українська дипломатія підтримувала з румунським урядом як офіційні, так і неофіційні контакти, які були зумовлені бажанням УНР використати офіційний Бухарест у якості свого військово-політичного союзника. Такі сподівання підкріплювались тим, що останній також розраховував використати інтернованих на своїй території вояків армії УНР та повстанців для дестабілізації більшовицького заплілля у разі загострення радянсько-румунських стосунків.

З огляду на це румунський уряд вважав за доцільне не перешкоджати у створенні та подальшому функціонуванні на окупованих Румунією бессарабських землях таємних українських військових структур, покликаних об'єднати партизансько-повстанський рух на півдні України під прапором УНР. Водночас румунська влада не афішувала свою моральну підтримку уенерівців, не бажаючи зв'язувати себе жодними формальними зобов'язаннями перед екзильним урядом УНР. Така настанова офіційного Бухаресту була обумовлена й тим, що останній хотів зберегти «обличчя» у міждержавному діалозі з більшовицькою Росією та не загострювати стосунки з її урядом, достатньо добре усвідомлюючи всю небезпеку цього.

Але зрештою бажання розіграти уенерівську «карту» перемогло, і вже у лютому 1921 р. заходами ППШ на південному заході України було розгорнуто «Південний повстанський фронт», реорганізований невдовзі у І (Південну) повстанську групу армії УНР. Територіально згадувана група охоплювала терен Миколаївської, Одеської і Херсонської губерній, а також південь Поділля та західну частину Катеринославщини та поділялась на п'ять повстанських районів. Географічно терени групи були обмежені на заході радянсько-румунським кордоном (ріка Дністер), на півдні – Чорним морем, на сході – Дніпром, на півночі лінією Ямпіль-Вапнярка-Черкаси (ЦДАВО 3: 11–19).

Командувачем групи було призначено полковника А. Гулого-Гулєнка, штаб якого розміщувався у Кишиневі. З метою ознайомлення з



ситуацією у дорученій йому повстанській групі та надання отаманам повстанських загонів керівних вказівок від ППШ – А. Гулий-Гуленко взимку-навесні 1921 р. кількаразове переходив радянсько-румунський кордон та здійснював тривалі й небезпечні подорожі півднем України. Під час одного з таких відряджень його було поранено (ZNiO 2), і деякий час командував групи перебував на лікуванні. Його діяльність була вже на початку весни 1921 р. гідно відзначена головним отаманом військ УНР С. Петлюрою. У своїй власноручній резолюції військовому міністру УНР на одному з рапортів А. Гулого-Гуленка С. Петлюра – «за поход в запілля ворога серед дуже тяжких обставин, за персональну бойову хоробрість і організаційно-державні заслуги в справі організації повстання» нагородив полковника А. Гулого-Гуленка «рангою генерал-хорунжого армії УНР з старшинством з часу переходу р. Збруч» (ZNiO 3).

Поїздки А. Гулого-Гуленка на південь України та надана ним організаційна допомога кільком місцевим партизанським ватажкам об'єктивно причинились до активізації повстанського руху в цьому регіоні. Але важливішим завданням було відрядження сюди старшин-організаторів, які би залишались у партизанських загонах на постійні основі (у якості інструкторів). Вкрай необхідним було й призначення старшин (з відповідним досвідом та організаційно-діловими якостями) на посади начальників повстанських районів, їх штабів, служб розвідки та зв'язку. Тому ще взимку 1921 р. А. Гулий-Гуленко активізував пошук кандидатів з числа старшинства, здатних виконувати такі відповідальні завдання. З огляду на те, що у цей час на теренах Румунії перебувала значна кількість інтернованих старшин армії УНР (Срібняк 2017: 122–136), місця їх утримання з метою пошуку добровольців регулярно відвідували представники А. Гулого-Гуленка (ZNiO 2).

Начальник групи також розраховував знайти бажаючих відправитись на партизанку до радянської України і серед тих колишніх вояків армії УНР, які перебували на роботах у селах Бессарабії в безпосередній наближеності до радянсько-румунського кордону (частина з них час від часу брала участь у нападах на червоноармійські загони та радянські інституції на прикордонні, а після цього знову поверталась до Бессарабії). Але вже невдовзі генерал А. Гулий-Гуленко переконався, що віднайти серед них достатню кількість старшин-організаторів з відповідним досвідом та кваліфікаціями не видається можливим. З огляду на відсутність в Румунії достатньої кількості бажаючих вирушити до Радянської України, останній клопотався перед начальником ППШ генералом Ю. Тютюнником про відрядження для цієї мети старшин з Польщі до Бессарабії. Вже у березні 1921 р. до А. Гулого-Гуленка були відправлені перші посланці ППШ, що дозво-

лило зробити перші їх призначення на різні посади в повстанських районах (ZNiO 4).

У цей час до України для заміщення посад цивільних комісарів окремих регіонів відряджались й особи з числа військових урядовців армії УНР. До цієї категорії, зокрема, належав В. Складар (у 1920 р. він посідав посаду прифронтового комісара при 4-й Київській стрілецькій дивізії військ УНР), який мав виїхати у середині березня 1921 р. на південь України як представник Партизансько-повстанського штабу (ZNiO 5). Але відбув він до Бессарабії лише через місяць, про що свідчить його лист дружині та доньці від 18 квітня 1921 р. (ZNiO 6).

Причиною такого довгого його очікування (так само як й інших груп українських старшин) могло бути довге залагодження всіх формальностей для перетинання польсько-румунського кордону. Річ у тім, що навіть маючи відповідні дозволи на перетин кордону від польської військової влади, посланці ППШ зустрічались з різними штучними проблемами ще на польському боці кордону. Справа в тім, що його легальний перетин потребував як візи МЗС Польщі, так і румунської влади, а в разі відсутності будь-якої з них польсько-румунський кордон довелось переходити нелегально, що тягнуло за собою й додаткові матеріальні витрати. Але попри це, відрядження українських старшин з Польщі до Румунії продовжувалось і надалі.

Завдяки цій кадровій допомозі стала можливою активізація партизансько-повстанського руху на півдні України, зокрема – в межах (Балтського і Ольгопольського повітів Подільської губернії та далі на схід до Вапнярки). У цьому регіоні, зокрема, діяли загони отамана С. Заболотного, який був призначений начальником 5-го повстанського району. Відрядження до цього району кадрових старшин армії УНР дозволила С. Заболотному створити міцне постійне ядро свого загону (до 800 повстанців при 16 кулеметах). Сили повстанців у цьому районі поділялись на окремі загони під проводом призначених С. Заболотним отаманів, у оперативній підлеглості йому перебувала Придністрянська партизанська бригада на чолі з отаманом І. Кіршулом (Срібняк 1997: 90–91).

Добре налагоджена служба розвідки та розгалужена агентурна мережа (у т. ч. й деяких більшовицьких частинах) уможливлювали Заболотному розробку та проведення широкомасштабних партизанських операцій проти більшовицьких військ. Найпоказовішою в цьому відношенні була партизанська акція 2 квітня 1921 р., коли відділ отамана Кошового (близько 200 повстанців) стрімким ударом зумів захопити повітове місто Ольгополь, де містився штаб 12-ї більшовицької стрілецької дивізії. В бою загинув начдив А.Рева, що внесло на короткий час повну дезорганізацію в дії підрозділів 12-ї

дивізії та дозволило партизанам майже без втрат залишити місто (ЦДАГО 1: 47).

Зрештою, у 1921 р. практична вся територія Південно-Західної України була просякнута уенерівським підпіллям – таємні інформатори та агенти повстанських отаманів або ППШ діяли практично у кожному селі. У містах діяли повстанські комітети (повстанками), які накопичували зброю, залучали до своїх лав всіх незадоволених радянською владою, проводили збір агентурно-розвідної інформації про дислоковані в містах підрозділи Робоче-селянської Червоної армії та структури більшовицької ЧК. До числа найбільших повстанкомів, які визнавали зверхність еміграційного уряду УНР, належали зокрема одеська губернська повстанська організація, обласний повстанський комітет Катеринославщини, Херсонщини і Таврії, Холодноярський повстанком Право- і Лівобережної України. Кожна з цих організацій об'єднувала значну кількість активних противників більшовицького режиму (від кількох сотень в Одесі до 2-3 тис. в районі Холодного Яру на Черкащині) (Срібняк 2001: 112–114).

Але найефективнішим чинником для дестабілізації радянської влади в Україні ППШ вбачав бойову діяльність партизанських загонів, які могли би опанувати обширною територією та тривалий час її утримувати, уможливлючи в такий спосіб дієву допомогу регулярним формуванням армії УНР. Поява останніх на українських землях дозволила би перейти від стихійних до організованих форм боротьби з радянською владою та досягти вирішальної переваги. Тому присутність у партизанських загонах досвідчених старшин розглядалась ППШ як один з найголовніших чинників, який забезпечив би початковий успіх у протистоянні з частинами регулярної більшовицької армії. Відтак А. Гулій-Гуленко докладав всіх зусиль аби збільшити кількість старшин, які відряджались з різними дорученнями до України. Для полегшення процесу переходу кордону заходами начальника групи на р. Дністер було облаштовано кілька контрольно-перепускних пунктів, у т. ч. у селах Криуляни (начальник – сотник Є. Гулій), Вадулці-Води (поручник Стратієнко), Кіцкани (поручник Топор), Атаки (поручник Потапчук), Нападове (сотник Грішний), Резіна (сотник І. Нога-Новицький) (Василенко 2011: 103).

Згадувані пункти містились у віддалених орендованих хатах цих сіл, до їх штату крім начальників могли входити й провідники (з числа місцевих мешканців), послуги яких оплачувались штабом І групи. Через відсутність відповідних документів досить непросто охарактеризувати ефективність діяльності контрольно-перепускних пунктів, але виходячи з того, що навесні-влітку 1921 р. до Румунії з Польщі було переправлено 60–80 старшин армії УНР, можна припустити, що

кожен пункт забезпечив переправлення через кордон 10–15 кур'єрів ППШ. Координацію роботи всіх пунктів та комунікацію з румунською військовою розвідкою забезпечувало створене штабом І групи «інформбюро» на чолі з підполковником Чорненком.

З метою централізації діяльності всіх структур уенерівського підпілля в Бессарабії та на південному заході України 30 червня 1921 р. у Кишиневі було створено штаб І повстанської групи на чолі з Генштабу підполковником О. Стефанівим (ЗНІО 7). У вересні 1921 р. перед штабом було поставлено завдання сформувати т. зв. «Бессарабську групу» армії УНР, завданням якої мав стати проникнення на територію УСРР з метою дестабілізації військово-політичної ситуації на південному заході України. Дії цієї групи мали відволікти увагу більшовиків від просування Подільської та Волинської груп під командуванням Ю. Тютюнника – в напрямку на Київ.

Але виконання цього завдання зіштовхнулось з низкою труднощів, найголовнішою з яких була та, що переважна більшість інтернованих у Румунії вояків армії УНР не виявляла готовності долучитись до збройної боротьби з більшовицькою владою (Срібняк 2017: 122–136). Це пояснювалось, зокрема, моральною втомою та невірою частини вояцтва в успіх народного повстання в Україні, а також тими матеріальними труднощами, з якими перманентно стикався штаб 1-го району, відраджаючи організаторів партизансько-повстанського руху в Україну.

6 жовтня 1921 р. штаб І групи отримав наказ начальника ППШ розпочати здійснення запланованої операції. Генерал Ю.Тютюнник також конкретизував завдання для Бессарабської групи, які включали захоплення м. Тирасполя та розгортання широких партизанських акцій в Одеській губернії (ЦДАВО 4: 48). Безпосереднє керування справою підготовки рейду Бессарабської групи здійснював начальник цивільного керування штабу І групи підполковник В. Поплавський, який мав забезпечити переправлення через Дністер загону командувача 1-го району полковника Й. Пшонника у кількості 187 осіб (Василенко 2011: 118).

Деякі дані дають підстави вважати, що значна частина співробітників штабу групи принаймні недбало ставилась до виконання своїх обов'язків, чим у значній мірі причинились до зриву термінів виступу проти більшовиків та загальної невдачі рейду Бессарабської групи. На користь цього свідчить хоча б вже згадувана «Доповідь сотника Василюка...», в якій наведено значна кількість інформації про нецільове використання старшими чинами штабу асигнованих їм для потреб повстання коштів, а також і про фінансові махінації деякого з них (Власенко 2008: 147–153).

Підготовці проведення рейду Бессарабської групи найбільше

заважала майже повна відсутність зброї, на підтвердження чого свідчить інформація, почерпнута з рапорту А. Гулого-Гуленка до головного отамана С. Петлюри (від 6 жовтня 1921 р.), в якому йшлося про неотримання 1 млн румунських лей, що мали бути асигновані для організації на території Румунії повстанського відділу та придбання для нього достатньої кількості зброї. Як зазначав А. Гулий-Гуленко у своєму рапорті – «кожна рушниця або кулемет буде не лише мати значіння з технічного боку, а і з боку морального», і звертався з проханням негайно перерахувати цю суму представникові штабу Південної групи, члену військової секції дипломатичної місії УНР в Румунії підполковникові В. Поплавському, який й мав здійснити оплату вже замовлених А. Гулим-Гуленком партій стрілецької зброї (ЗНіО 8). Але гроші так і не були отримані, і лише приватним шляхом було таємно закуплено 30 рушниць, половину з яких було використано для озброєння частини штабу генерала А. Гулого-Гуленка, з яким він у кінці жовтня переправився в Україну (ЦДАВО 5: 20).

В ніч з 18 на 19 листопада 1921 р., завдяки зусиллям начальника штабу 1-го району підполковника Г. Савченка, Бессарабський загін успішно форсував Дністер (ЦДАВО 6: 263). Захопивши поблизу Тирасполя два прикордонних села (Красногорку і Паркани), повстанці здобули трофеї – значну кількість стрілецької зброї, що дало можливість озброїти весь особовий склад загону. Тоді ж до повстанців приєдналися місцеві селяни (близько 100 осіб), які мали на озброєнні рушниці й вили (ЦДАВО 6: 277).

Після цього об'єднаний загін почав наступ з трьох напрямків на м. Тирасполь. Захопивши передмістя, кілька кварталів та фортецю, повстанці не змогли здобути залізничний вокзал, де закріпився один з більшовицьких батальйонів. Після п'ятигодинного бою та прибуття до Тирасполя підкріплення (невстановленої кількості червоноармійців) повстанцям стало зрозуміло, що здобути місто не вдасться. Вони відступили до села Паркани, де ще деякий час тримали оборону, але надвечір розпочали зворотну переправу через Дністер. За весь цей час загинуло та було поранено лише кілька осіб зі складу загону, ще двоє повстанців зазнали поранень під час самої переправи під вогнем румунських прикордонників (Василенко 2011: 119).

Отже, Державний Центр УНР в екзилі, прагнучи використати всі можливі ресурси для дестабілізації більшовицької влади в Україні, вжив заходів для створення в Бессарабії власних військових структур, покликаних сприяти піднесенню партизансько-повстанського руху в Одеській губернії, а також прилеглих до неї територіях. За умови сприятливого розвитку подій та вибуху загального повстан-

ня, на думку політичного проводу УНР, могла виникнути загроза захоплення м. Одеси, що змусило би більшовиків до концентрації у цьому регіоні значних військових сил аби перешкодити такому розвитку подій. У свою чергу таке перегруповування полегшило би бойову діяльність на Подільської та Волинської груп на напрямку головного удару.

Хоча реалізація цього плану була пов'язана з величезними труднощами, командував групи полковник А. Гулий-Гуленко докладав всіх зусиль для створення ефективної підпільної інфраструктури, а також встановлення сталого контакту з таємними повстанськими організаціями та партизанськими загонами на півдні України. Підпорядкована йому I повстанська група була поділена на п'ять районів, до яких відряджались старшини з організаційними завданнями з різними організаційно-агентурними та агітаційними завданнями. Для створення ним сприятливих умов для перетинання румунсько-радянського кордону у безпосередній до нього наближеності були облаштовані спеціальні пункти з прийому та переправлення на радянський бік кур'єрів та емісарів ППШ. В кінці червня 1921 р. весь тягар підготовки до загального збройного повстання перебрав на себе штаб I повстанської групи, який діяв у Кишиневі.

Але виконати поставлені перед ним завдання в повному обсязі штаб не міг, що було зумовлено цілою низкою причин. Зокрема, свою негативну роль відіграла обмеженість матеріальних ресурсів, якими диспонували А. Гулий-Гуленко та його штаб, що особливо наочно проявилось під час підготовки до відправки на радянську територію Бессарабської групи; швидше за все – неефективна робота штабу групи; фактична відмова від продовження збройної боротьби переважної більшості інтернованих у таборах Румунії вояків-українців; відсутність достатньої кількості відданих ідеї УНР старшин-організаторів партизанського руху.

I повстанська група не змогла досягти скільки-небудь помітного успіху ще й тому, що партизанські загони та міське унерівське підпілля – після перших спорадичних успіхів навесні 1921 р. – були у своїй більшості або ліквідовані, або розпорошені, та вже влітку майже не виявляли своєї активності. Репресивно-каральна машина більшовиків діяла дуже ефективно, а крім того, повстанці були роз'єднані через проголошення радянською владою амністій, чим скористалась значна кількість отаманів та рядових бійців. Українське селянство хоча й продовжувало симпатизувати та допомагати повстанцям, разом з тим в своїй масі уникало братись за зброю, змірившись з новою владою з огляду на запровадження нею нової економічної політики.

### Примітки

Дану статтю було підготовлено завдяки сприянню Студіуму Східної Європи (Studium Europu Wschodniej) Варшавського університету, за ініціати́ви якого 2014 р. була започаткована щорічна Нагорода ім. Івана Виговського (під почесним патронатом президента Польщі), що вручається рішенням її Капітули з числа делегатів від 25 університетів та вищих шкіл Польщі.

Гулий-Гуленко Андрій Олексійович (1886 – після 1926 р.) – штабс-капітан Російської імператорської армії, генерал-хорунжий армії УНР. У 1920 р. – начальник 1-ої Запорізької стрілецької дивізії армії УНР. Після відступу військ УНР з теренів України оперував на чолі партизанського загону в районі Умані. З кінця 1920 р. – у Румунії, був призначений начальником I повстанської групи Армії УНР, брав участь у II Зимовому поході Повстанської армії УНР. Влітку 1922 р., перебуваючи в Україні, був арештований та тривалий час перебував під слідством. За вироком суду був засуджений до 10 років ув'язнення. Подальша доля невідома.

### ЛІТЕРАТУРА

Боган 2013 – *Боган С.М.* Повстанці Одещини і Придністров'я. Антикомуністичний повстанський рух на південному заході України. Кам'янець-Подільський, 2013. 174 с.

Василенко 2008 – *Василенко В.* Документальні свідчення про підготовку в Україні загального антибільшовицького повстання та відновлення УНР (1921 р.) // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. Київ, 2008. № 1–2 (30/31). С. 138–196.

Василенко 2011 – *Василенко В.* Південна група військ УНР у підготовці антибільшовицького повстання в Україні (1921 р.) // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. Київ, 2011. № 2 (37). С. 94–125.

Вдовиченко 1961 – *Вдовиченко О.* Рейд генерала Гулого-Гуленка // Бюлетень Союзу бувших українських вояків у Канаді. Торонто, 1961. Жовтень–грудень. Ч. 9. С. 9–12.

Верстюк та ін. 2011 – *Верстюк В.Ф., Файзулін Я.М., Скальський В.В.* Юрій Тютюнник: від «Двійки» до ГПУ. Документи і матеріали. Київ, 2011. 616 с.

Власенко 2008 – *Власенко В.* Документи і матеріали Надзвичайної дипломатичної місії УНР в Румунії (1919–1923) // Пам'ятки: археографічний щорічник. Київ, 2008. Т. 8. С. 129–160.

Коваль 2006 – *Коваль Р.* Андрій Гулий-Гуленко, командувач Південної групи військ УНР // Коли кулі співали (Біографії отаманів Холодного Яру і Чорного лісу). Б.м., 2006. URL: <https://coollib.com/b/132787> (останній перегляд: 20.09.2018).



Павленко 1999 – *Павленко М.* Українські військовополонені й інтерновані у таборах Польщі, Чехословаччини та Румунії: ставлення влади і умов перебування (1919–1924). Київ, 1999. С. 251–302.

Срібняк 1994а – *Срібняк І.* Військові організації УНР у Румунії і південному заході України у 1921 р. // Штурм. Міннесота, 1994. Ч. 76. С. 23–25.

Срібняк 1994б – *Срібняк І.* Військові організації УНР у Румунії і південному заході України у 1921 р. // Штурм. Міннесота, 1994. Ч. 77. С. 15–17.

Срібняк 1997 – *Срібняк І.* Обеззброєна, але нескорена: Інтернована Армія УНР у таборах Польщі й Румунії (1921–1924 рр.). Київ; Філадельфія, 1997. 187 с.

Срібняк 2001 – *Срібняк І.* Діяльність партизанського-повстанського штабу при головній команді військ УНР у 1921 р. // Український історичний журнал. 2001. № 5. С. 107–120.

Срібняк 2017 – *Срібняк І.* Українці в Бессарабії та Румунії, 1921–1923 рр. (таборове та позатаборове повсякдення інтернованого вояцтва армії УНР) // Русин. 2017. № 3 (49). С. 122–136. DOI: 10.17223/18572685/49/8

Файзулін, Скальський 2008 – *Файзулін Я.М., Скальський В.В.* Перелоги Української революції: Другий зимовий похід армії УНР. Київ, 2008. 48 с.

Файзулін 2011 – *Файзулін Я.* Бессарабська повстанська група в Другому Зимовому поході Армії УНР // Проблеми вивчення історії Української революції 1917–1921 років. Київ, 2011. Вип. 6. С. 367–388.

ЦДАВО 1 – Центральний державний архів вищих органів та управління України (далі – ЦДАВО України). Ф. 1429. Канцелярія Директорії Української Народної Республіки, м. Київ, з лютого 1919 р. – м. Кам'янець-Подільський, з грудня 1920 р. Польща. Оп. 2. Спр. 113. Інформаційні повідомлення Міністерства преси та пропаганди УНР про внутрішнє становище Директорії; стан і настроїв військових частин, матеріальне становище інтернованих частин на території Польщі, про події та життя в РРФСР і УСРР, 89 арк.

ЦДАВО 2 – ЦДАВО України. Ф. 1429. Канцелярія Директорії Української Народної Республіки, м. Київ, з лютого 1919 р. – м. Кам'янець-Подільський, з грудня 1920 р. Польща. Оп. 2. Спр. 32. Універсали, декларації, відозви, законопроекти, постанови, накази, розпорядження Директорії та Ради Народних Міністрів УНР про боротьбу з радянською владою та визнання Директорії єдиною владою на Україні, утворення вищого військового управління та ради, відступ армії УНР на територію Польщі. 146 арк.

ЦДАВО 3 – ЦДАВО України. Ф. 2297. Партизансько-повстанський штаб при Головній команді військ Української Народної Республіки в м. Львові, с. Балахівка (Волинь), с. Михайлівка, Дідковичі, Зеньки (Київщина). Польща. Оп. 2. Спр. 14. Накази, розпорядження, інструкції головної команди Військ УНР, Партизансько-повстанського штабу армії УНР про основні правила для військово-розвідувальних донесень, звітів; організацію зв'язку з повстанськими організаціями; забезпечення кадрами контррозвідувальних пунктів;

схеми і карти розташування військ та ін., 231 арк.

ЦДАВО 4 – ЦДАВО України. Ф. 1075. Військове міністерство Української Народної Республіки. Оп. 2. Спр. 473. Закони Ради міністрів, інспекторський огляд і рапорти командуючих про стан армії УНР, реєстр старшин і урядовців, інтернованих у таборі Стржалково. 92 арк.

ЦДАВО 5 – ЦДАВО України. Ф. 1078. Головне управління Генерального штабу УНР. Оп. 2. Спр. 256. Оперативні зведення розвідувальної управи І-го генерал-квартирмейстерства про становище та перебіг боротьби з радянською владою в Україні. 58 арк.

ЦДАВО 6 – ЦДАВО України. Ф. 1075. Військове міністерство Української Народної Республіки. Оп. 2. Спр. 827. Ситуаційні звіти про становище у таборах, листування командування групи інтернованих Військ УНР у Стржалково з Українською військово-ліквідаційною комісією в різних справах. 307 арк.

ЦДАГО 1 – Центральний державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГО України). Ф. 1 Центральний комітет Комуністичної партії України (ЦК КПУ), м. Київ (1918–1991). Оп. 20. Спр. 615. Операційні та інформаційні зведення про діяльність петлюрівських банд в УСРР. 217 арк.

ZNiO 1 – Zakład Narodowy im. Ossolińskich we Wrocławiu (dalej – ZNiO), Dz. Rękopisów, sygn. акс. 22/53 («Papiery różne dotyczące spraw ukraińskich z czasów I wojny światowej i po jej zakończeniu (materiały dot. rządu ukraińskiej Republiki Ludowej w Tarnowie 1920–1921, papiery Ostapa Łuckiego i Oleksandra Kowalewskiego, materiały dotyczące wojska ukraińskiego)»).

ZNiO 2 – ZNiO, Dz. Rękopisów, sygn. акс. 22/53/5 (доповідь військовому міністру Уряду УНР начальника військового відділу Надзвичайної дипломатичної місії УНР в Румунії генерал-поручника С. Дельвіга № 300 від 28 квітня 1921 р.).

ZNiO 3 – ZNiO, Dz. Rękopisów, sygn. акс. 22/53/5 (резолуція С.Петлюри на рапорті полковника А.Гулого-Гуленка від 19 березня 1921 р.).

ZNiO 4 – ZNiO, Dz. Rękopisów, sygn. акс. 22/53/5 (клопотання генерала Ю.Тютюнника перед майором Чарноцьким у справі отримання візи для в'їзду до Румунії зв'язкового старшини Партизансько-повстанського штабу сотника О.Долинюка).

ZNiO 5 – ZNiO, Dz. Rękopisów, sygn. акс. 22/53/3 (Посвідчення за підписом Ю.Тютюнника, видане Василю Яковичу Скляру про його відрядження до України як представника Партизансько-повстанського штабу військ УНР, № 16 від 12 березня 1921 р., м. Тарнів).

ZNiO 6 – ZNiO, Dz. Rękopisów, sygn. акс. 22/53/4 (Лист В.Скляра своїм рідним від 18 березня 1921 р.).

ZNiO 7 – ZNiO, Dz. Rękopisów, sygn. акс. 22/53/5 (Розпорядження С.Петлюри про відрядження підполковника О.Стефаніва до Румунії та його призначення начальником штабу І-ої повстанської групи).

ZNiO 8 – ZNiO, Dz. Rękopisów, sygn. akc. 22/53/17 (Папорт генерал-хорунжого А.Гулого-Гуленка головному отаману Військ УНР С.Петлюрі № 49 від 6 жовтня 1921 р.).

## REFERENCES

Bogan, S.M. (2013) *Povstantsi Odeschchyny i Prydnistrov'ya. Antykomunistychnyy povstans'kyi rukh na pivdennomu zakhodi Ukrainy* [The rebels of Odessa and Transnistria. Anti-Communist Rebel Movement in the Southwest of Ukraine]. Kamianets-Podilskyi: Zelenyy pes.

Vasylenko, V. (2008) Dokumental'ni svidchennya pro pidhotovku v Ukrayini zahal'no-ho antybil'shovys'koho povstannya ta vidnovlennya UNR (1921 r.) [Documentary evidence of preparation for the general anti-Bolshevik uprising and restoration of the UPA in Ukraine (1921)] *Z arkhiviv VUCHK-HPU-NKVD-KHB*. 1-2(30/31). pp. 138–196.

Vasylenko, V. (2011) Pivdenna hrupa viys'k UNR u pidhotovtsi antybil'shovys'koho povstannya v Ukrayini (1921 r.) [The UPA south group of troops in preparation for the anti-Bolshevik uprising in Ukraine (1921)] *Z arkhiviv VUCHK-HPU-NKVD-KHB*. 2(37). pp. 94–125.

Vdovychenko, O. (1961) Reyd henerala Huloho-Hulenka [General of the Hulyi-Hulenka raider] *Byuletен' Soyuzu Buvshykh Ukrayins'kykh voyakiv u Kanadi*. 9. pp. 9–12.

Vlasenko, V. (2008) Dokumenty i materialy Nadzvychaynoyi dyplomatychnoyi misiyyi UNR v Rumuniyi (1919–1923) [Documents and materials of the extraordinary diplomatic missions of the UPA in Romania (1919–1923)]. *Pam'yatky: arkhеоhrafіchnyy shchorichnyk*. 8. pp. 129–160.

Verstyuk, V.F. et al. (2011) *Yuriy Tyutyunnik: vid "Dviyky" do HPU. Dokumenty i materialy* [Yuri Tyutyunnik: from "Two" to the GPU. Documents and materials]. Kyiv: Dukh i Litera.

Koval, R. (2006) *Koly kuli spivaly (Biоhrafіyi otamaniv Kholodnoho Yaru i Chornoho lisu)* [When bullets sang (Biographies of the Cold Yar and Black Forest atamans)]. [s.l., s.n.]. [Online] Available from: <https://coollib.com/b/132787> (Accessed: 20th September 2018).

Pavlenko, M. (1999) *Ukrayins'ki viys'kovopoloneni y internovani u taborakh Pol'shchi, Chekhoslovachchyny ta Rumuniyi: stavlennya vldy i umovy perebuvannya (1919–1924)* [Ukrainian prisoners of war and the interned in the camps of Poland, Czechoslovakia and Romania: the attitude of power and conditions of stay (1919–1924)]. Kyiv: NAS of Ukraine.

Sribnyak, I. (1994a) Viys'kovi orhanizatsiyyi UNR u Rumuniyi i pivdennomu zakhodi Ukrainy u 1921 r. [The UPA military organizations in Romania and southwest Ukraine in 1921]. *Shturm*. 76. pp. 23–25.

Sribnyak, I. (1994b) Viys'kovi orhanizatsiyi UNR u Rumuniyi i pivdennomu zakhodi Ukrayiny u 1921 r. [The UPA military organizations in Romania and southwest Ukraine in 1921]. *Shturm*. 77. pp. 15–17.

Sribnyak, I. (1997) Obezzbroyna, ale neskorena: Internovana Armiya UNR u taborakh Pol'shchi i Rumuniyi (1921–1924 rr.) [Disarmed, but not overdue: The UPA Interwar Army of n the camps of Poland and Romania (1921–1924)]. Kyiv, Philadelphia: Vyd-vo im. Oleny Teligy.

Sribnyak, I. (2001) Diyal'nist' Partyzans'koho-povstans'koho shtabu pry Holovniy komandi viys'k UNR u 1921 r. [Activities of the Partisan-Insurgent Staff with the Main Command of the UPA in 1921]. *Ukrayins'kyy istorychnyy zhurnal*. 5. pp. 107–120.

Sribnyak, I. (2017) Ukrainians in Bessarabia and Romania in 1921-23 (Everyday Life of the UPA Interned Soldiers Inside and Outside the Camp). *Rusin*. 3(49). pp. 122–136 (In Ukrainian). DOI: 10.17223/18572685/49/8

Fayzulin, Ya.M. & Skalsky, V.V. (2008) *Perelohy Ukrayins'koyi revolyutsiyi: Druhyy zymovyy pokhid armiyi UNR* [Problems of the Ukrainian Revolution: The Second Winter Army of the UPA]. Kyiv: Vyd-vo im. Oleny Teligy.

Fayzulin, Ya. (2011) Bessarabs'ka povstans'ka hrupa v Druhomu Zymovomu pokhodi Armiyi UNR [Bessarabian insurgent group in the UPA Second Winter Campaign]. *Problemy vyvchennya istoriyi Ukrayins'koyi revolyutsiyi 1917-1921 rokiv*. 6. pp. 367–388.

The Central State Archive of Higher Bodies and Administration of Ukraine (TSDAVO). *Kantselyariya Dyrektoriyi Ukrayins'koyi Narodnoyi Respubliky, m. Kyiv, z lyutoho 1919 r. – m. Kam'yanets'-Podil's'kyy, z hrudnya 1920 r. – Pol'shcha* [Office of the Directory of the Ukrainian People's Republic, Kyiv, since February 1919 - Kamyanets-Podilsky, December 1920 Poland]. Fund 1429. List 2. File 113.

The Central State Archive of Higher Bodies and Administration of Ukraine (TSDAVO). *Universal, deklaratsiyi, vidozvy, zakonoproekty, postanovy, nakazy, rozporядzhennya Dyrektoriyi ta Rady Narodnykh Ministriv UNR pro borot'bu z radyans'koyu vladoyu ta vyznannya Dyrektoriyi yedynoyu vladoyu na Ukrayini, utvorennya vyshchoho viys'kovoho upravlinnya ta rady, vidstup armiyi UNR na terytoriyu Pol'shchi* [Universals, declarations, proclamations, bills, decrees, orders, directives of the Directory and the Council of National Minorities of the UPA on the struggle against Soviet power and the issuance of the Directory of the only authorities in Ukraine, the formation of higher military administration, the retreat of the UPA army on the territory of Poland]. Fund 1429. List 2. File 32.146.

The Central State Archive of Higher Bodies and Administration of Ukraine (TSDAVO). *Partyzans'ko-povstans'kyy shtab pry Holovniy komandi viys'k Ukrayins'koyi Narodnoyi Respubliky v m. L'vovi, s. Balashivka (Volyn'), s. Mykhaylivka, Didkovychi, Zen'ky (Kyivshchyna), Pol'shcha, op.2, spr.14 Nakazy, rozporядzhennya, instruktsiyi holovnoyi komandy Viys'k UNR, Partyzans'ko-povstans'koho shtabu armiyi UNR pro osnovni pravyla dlya viys'kovo-rozviduval'nykh donesen', zvitiv;*

orhanizatsiyu zv'yazku z povstans'kymy orhanizatsiyamy; zabezpechennya kadramy kontrozviduval'nykh punktiv; skhemy i karty roztashuvannya viys'k ta in [The rebel headquarters with the main command of the troops of the Ukrainian People's Republic in Lviv, p. Balashivka (Volhynia), p. Mikhailivka, Dedkovichi, Zenyka (Kyiv Region), Poland. Orders, instructions of the main command of the Armed Forces of the UPR, Partisan-Rebel Army headquarters of the UPA on the basic rules for military intelligence reports, reports; organization of communication with the post-Soviet organizations; provision of personnel for counter-intelligence units; schemes and maps of the location of troops]. Fund 2297. List 2. File 14. 231.

The Central State Archive of Higher Bodies and Administration of Ukraine (TSDAVO). *Viys'kove ministerstvo Ukrayins'koyi Narodnoyi Respubliki, Zakony Rady ministriv, inspektors'kyy ohlyad i raporty komanduyuchykh pro stan armiyi UNR, reyestr starshyn i uryadovtsiv, internovanykh u tabori Strzhalkovo* [Military Ministry of the Ukrainian People's Republic. Laws of the Council of Ministers, inspection reports and reports of the Commander-in-Chief on the status of the UPA army, the register of elders and government officials interned in the Stargalkovo camp]. Fund 1075. List 2. File 473. 92.

The Central State Archive of Higher Bodies and Administration of Ukraine (TSDAVO). *Holovne upravlinnya Heneral'noho shtabu UNR, Operatyvni zvedennya rozviduval'noyi upravy I-ho heneral-kvartyrmeysterstva pro stanovyshche ta perebih borot'by z radyans'koyu vladoyu v Ukrayini* [General Directorate of the General Staff of the UPA. Operative constructions of the intelligence council of the I General Staff on the situation and the course of the struggle against the Soviet authorities in Ukraine]. Fund 1078. List 2. File 256. 58.

The Central State Archive of Higher Bodies and Administration of Ukraine (TSDAVO). *Viys'kove ministerstvo Ukrayins'koyi Narodnoyi Respubliki, Sytuatsiyini zvity pro stanovyshche u taborakh, lystuvannya komanduvannya hrupy internovanykh Viys'k UNR u Strzhalkovo z Ukrayins'koyu viys'kovo-likvidatsynoyu komisiyeyu v riznykh stravakh* [Military ministry of the Ukrainian People's Republic. Reports on the situation in the camps, correspondence of the command of the internment troops of the UPA in Strankovo with the Ukrainian Military Liquidation Commission]. Fund 1075. List 2. File 827. 307.

The Central State Archive of Public Associations of Ukraine (TsDAGO of Ukraine). *Tsentral'nyy komitet Komunistychnoyi partiyi Ukrayiny (TSK KPU), m. Kyiv (1918-1991), Operatsiyini ta informatsiyini zvedennya pro diyal'nist' petlyurivs'kykh band v USRR* [Central Committee of the Communist Party of Ukraine (CC CPU), Kyiv (1918–1991). Operational and information reports on the activities of Petlyuriv gangs in the Ukrainian SSR]. Fund 1. List 20. File 615. 217.

The National Ossoliński Institute in Wrocław (ZniO). *Papiery różne dotyczące spraw ukraińskich z czasów I wojny światowej i po jej zakończeniu (materiały dotyczące rządu ukraińskiej Republiki Ludowej w Tarnowie 1920-1921, papiery Ostapa Łuckiego i Oleksandra Kowalewskiego, materiały dotyczące wojska ukraińskiego*

[Various papers on Ukrainian issues from World War I and after its end (materials concerning the government of the Ukrainian People's Republic in Tarnów 1920-1921, papers of Ostap Łucki and Oleksandr Kovalevsko, materials concerning the Ukrainian army]. Manuscript Department. Reference number 22/53.

The National Ossoliński Institute in Wrocław (ZniO). *Dopovid' viys'kovomu ministru Uryadu UNR nachal'nyka viys'kovoho viddilu Nadzvychaynoi dyplomatychnoyi misiyi UNR v Rumuniyi heneral-poruchnyka S.Del'viha № 300 vid 28 kvitnya 1921 r.* [Report to the military minister of the Government of the UNR head of the military unit of the UNRD Extraordinary Diplomatic Mission in Romania to the General-Guard mr S. Delvig No. 300 dated April 28, 1921]. Manuscripts. Reference number 22/53/5.

The National Ossoliński Institute in Wrocław (ZniO). *Rezolyutsiya S. Petlyury na raporti polkovnyka A. Huloho-Hulenka vid 19 bereznya 1921 r.* [S. Petliura's resolution on the report of the regimental commander A. Hulyi-Hulenko dated March 19, 1921]. Manuscripts. Reference number 22/53/5.

The National Ossoliński Institute in Wrocław (ZniO). *Klopotannya henerala Yu. Tyutyunnyka pered mayorom Charnots'kym u spravi otrymannya vizes dlya v'yizdu do Rumuniyi zv'yazkovoho starshyny Partyzans'ko-povstans'koho shtabu sotnyka O.Dolynyuka* [Petition by General Yu. Tutiunnik before Major Charnotsky for obtaining a visa for the entry into Romania of a senior elder of the Partizansky-rebel headquarters of the centurion O. Dolinuk]. Manuscripts. Reference number 22/53/5.

The National Ossoliński Institute in Wrocław (ZniO). *Posvidchennya za pidpysom Yu. Tyutyunnyka, vydane Vasylyu Yakovychu Sklyaru pro yoho vidryadzhennya do Ukrayiny yak predstavnyka Partyzans'ko-Povstans'koho shtabu Viys'k UNR, Nr. 16 vid 12 bereznya 1921 r., m. Tarniv* [Identity document signed by Yu. Tutiunnik, issued to Vasily Yakovlevich Sklyaru about his trip to Ukraine as a representative of the UPA Insurgent Staff, No. 16 of March 12, 1921, Tarniv]. Manuscripts. Reference number 22/53/5.

The National Ossoliński Institute in Wrocław (ZniO). *Lyst V.Sklyara svojim ridnym vid 18 bereznya 1921 r.* [Letter by V. Sklyar to his relatives from March 18, 1921]. Manuscripts. Reference number 22/53/4.

The National Ossoliński Institute in Wrocław (ZniO). *Rozporyadzhennya S.Petlyury pro vidryadzhennya pidpolkovnyka O.Stefaniva do Rumuniyi ta yoho pryznachennya nachal'nykom shtabu 1-oyi Povstans'koyi hrupy* [Decree of S. Petliura on the trip of Lieutenant Colonel O. Stefaniv to Romania and his appointment as Chief of Staff of the First Insurgent Group]. Manuscripts. Reference number 22/53/5.

The National Ossoliński Institute in Wrocław (ZniO). *Raport heneral-khorunzhoho A.Huloho-Hulenka holovnomu otamanu Viys'k UNR S.Petlyuri. Nr. 49 vid 6 zhovtnya 1921 r.* [Report No. 49 of October 6, 1921 of General-Ensign A. Hulyi-Hulenko to the main UPA ataman S. Petliura]. Manuscripts. Reference

number 22/53/17.

**Срибняк Игорь Владимирович** – доктор философии Украинского вольного университета (Мюнхен, Германия), доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всемирной истории историко-философского факультета Киевского университета им. Б. Гринченко (Украина).

**Срібняк Ігор Володимирович** – доктор філософії Українського вільного університету (Мюнхен, Німеччина), доктор історичних наук, професор, завідувач кафедри всесвітньої історії історико-філософського факультету Київського університету ім. Б. Грінченка (Україна).

**Ihor V. Sribnyak** – Ukrainian Free University in Munich, Borys Grinchenko Kyiv University (Ukraine).

**E-mail:** i.sribniak@kubg.edu.ua

**Палиенко Марина Геннадиевна** – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой архивоведения и специальных исторических дисциплин исторического факультета Киевского национального университета им. Т. Шевченко (Украина).

**Палієнко Марина Геннадіївна** – доктор історичних наук, професор, завідувач кафедри архівознавства та спеціальних історичних дисциплін історичного факультету Київського національного університету ім. Т. Шевченка (Україна).

**Maryna G. Paliienko** – Taras Shevchenko National University of Kyiv (Ukraine).

**E-mail:** mpaliienko@gmail.com



УДК 94(47).084.3+94(478)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/53/16

## **БЕЖЕНЦЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1918–1921 гг. В БЕССАРАБИИ: «СПАСИТЕЛЬНЫЙ ОСТРОВ»**

**О.А. Гарусова**

Институт культурного наследия Министерства образования,  
культуры и исследований РМ  
Молдова, 2001, г. Кишинев, пр. Штефана чел Маре, 1  
E-mail: garusovaolga@mail.ru

### **Авторское резюме**

Статья посвящена малоизвестной странице истории постреволюционной русской эмиграции – ситуации в Бессарабии периода гражданской войны в России. Рассматриваются вопросы численности, условий жизни и правового статуса беженцев из-за Днестра, политики румынского правительства в решении беженского вопроса. На основе архивных документов и материалов периодической печати анализируется деятельность русских организаций в Румынии по защите интересов, юридической и гуманитарной поддержке бывших российских подданных. Особое внимание уделено участию в судьбе беженцев бессарабских благотворительных обществ.

**Ключевые слова:** Бессарабия, гражданская война, беженцы, благотворительность.

## **REFUGEE POPULATION IN BESSARABIA DURING THE RUSSIAN CIVIL WAR OF 1918–1921: “THE LIFE-SAVING ISLAND”**

**O. A. Garusova**

Institute of Cultural Heritage of the Ministry of Education, Culture  
and Research of Moldova  
1 Stefan cel Mare Avenue, Chişinău, 2001, Moldova  
E-mail: garusovaolga@mail.ru

**Abstract**

The article dwells on the history of the Russian emigration after the Revolution of 1917 with the focus on the situation in Bessarabia in 1918–1921. The author analyses the number of the refugees from the left bank of the Dniester, their living conditions and legal status, as well as the Romanian Government policy related to the refugee matters. Basing on the archival documents and materials from periodicals press, the author examines the activity of Russian organizations that protected the rights and interests of former Russians and provided legal humanitarian support. Special attention is paid to the charitable associations in Bessarabia.

**Keywords:** Bessarabia, Civil War, refugees, philanthropy.

В Бессарабию беженцы из-за Днестра шли в течение всего межвоенного периода. Пик их движения пришелся на годы гражданской войны в России.

Понятие «беженец» появилось в России в Первую мировую войну, когда исход населения с прифронтовых территорий и с отступающей русской армией принял массовый характер (Курцев 1999: 98). Покинувшие Россию после Октябрьской революции 1917 г., до закрепления власти за большевиками, также считались беженцами и с эмигрантами не отождествлялись. В 1920-е гг. в международных официальных документах по отношению к ним был принят термин «беженцы». Всего за пределами России оказалось более 2 млн чел.

Историки русского зарубежья считают определение численности российских беженцев в разных странах рассеяния одним из наиболее трудных и спорных вопросов. Особенно сложной, по мнению сербского исследователя М. Йовановича, является ситуация в Румынии ввиду представленных в литературе «крайне противоречивых» данных о русских эмигрантах, которые «колеблются в огромных, зачастую невероятных интервалах» – от 10 до 100 тыс. Сам историк полагает, что в начале 1920-х гг. было не более 2 тыс. беженцев, однако в указанных им архивных источниках речь идет лишь о Старом Королевстве (Йованович 2005: 116).

Между тем в документах межвоенного времени разброс цифр выглядит не столь впечатляющим. В 1921 г., согласно отчету Румынии в Лигу Наций, на ее территории находилось более 100 тыс. беженцев, а по информации Международного Красного Креста – 60 тыс., включая и репатриантов в Бессарабию (Скворцова 2002: 141). К 1 января 1922 г., по данным Лиги Наций, – 35–40 тыс. (Раев 1994: 261).

Численность прибывших в годы гражданской войны из-за Днестра в Бессарабию невозможно достоверно установить по ряду причин.

В начале 1920-х гг. ситуация на приграничной территории менялась буквально по месяцам; потоки беженцев, недаром сравнивавшиеся с нахлынувшими волнами, практически не поддавались учету. Официальные институты давали информацию о количестве зафиксированных ими лиц, тогда как многие из нелегально перешедших границу избегали регистрации. По подсчетам авторов статистического словаря, «временное» население бессарабских городов достигало до 60 % их постоянных жителей. К 1923 г. из 406 308 чел. городского населения насчитывалось 168 325 временных (Dicționarul 1923: 12).

Определенная статистическая путаница связана с большим количеством особой категории беженцев – вернувшихся на родину уроженцев Бессарабии. Уехавшие в разное время по семейным обстоятельствам, в связи с переводом по службе, получением высшего образования и пр., а также солдаты и офицеры, воевавшие на фронтах Первой мировой и в белых армиях, до получения румынского паспорта считались иностранцами. Только в Кишиневе в 1923 г. в списки иностранцев было внесено несколько тысяч бессарабцев, задержанных при переходе границы (НАРМ 1: 4).

Большинство приезжих осели в главном городе Бессарабии, превратившимся в начале 1920-х гг. в узловую станцию российской эмиграции. По информации статистического отдела городской управы, к 1 октября 1920 г. в Кишиневе проживали 185 902 чел. «Сведения эти, несомненно, не отвечают действительности, так, к 1 января постоянное население, не считая войсковых частей, превышает 210 тыс. душ» (Население 1920: 3). По данным службы областной статистики Бессарабии, в 1922 г. в городе проживало 133 тыс. постоянных жителей и 66 500 временных (Dicționarul 1923: 12). В прессе начала 20-х гг. упорно фигурировало 300 тыс. – цифра, которая не покажется слишком преувеличенной, если иметь в виду «море» транзитных беженцев, прежде всего лиц еврейской национальности, эмигрировавших в Америку и Палестину.

Уроженцы края, которых лишь политические катаклизмы вынудили вернуться, как и сорванные с родных мест беженцы из Петербурга, Москвы, Одессы, Киева, пребывание в Бессарабии воспринимали временным явлением. В ожидании «полного краха большевизма», рассчитывая в безопасности переждать смутное время, они жили надеждой вернуться в Россию, по крылатому выражению, «сидели на чемоданах».

«Кишинев, как и вся, впрочем, Румыния, в некотором отношении напоминает теперь счастливый остров, уцелевший среди страшного наводнения. Кругом волны, мутные потоки. Здесь – тишь и благодать. И спасаются те, кто успел, кому посчастливилось. Сидят и ждут... Уля-

гутся волны, войдет поток в новое русло – и с чувством благодарности распрощаются они со своим спасительным островом» (Невидимка 1919: 3).

Благополучный переход границы казался финальным этапом бегства. Опубликованные на страницах местной прессы впечатления беженцев отмечены резким контрастом в восприятии разных миров по ту и эту стороны границы. Пережившим революцию, не понаслышке знавшим о кошмарах красного террора и петлюровских погромах, «вырвавшимся из мира убийств, грабежей и насилия» Бессарабия представлялась цветущей, благополучной, чудом сохранившимся осколком старой России. Изумляли «нормальное» течение повседневной жизни, яркие витрины магазинов, заполненные давно не виданными продуктами, толпы людей на оживленных дневных улицах и необычайная тишина ночью.

«Когда года полтора тому назад я перешел Днестр и попал в Кишинев, меня многое поразило, – описывал свои самые первые ощущения П. Пильский. – По вечерам в городском саду играла музыка, Александровская улица была полна гуляющих, нарядных и влюбленных пар, текло вино, шумно, легко и весело торговали кафе, погребки, рестораны, с голубого неба на буйную зелень садов бросало свое лучистое золото южное солнце». Но Днестр разделил не только миры, но и государства. Пильский, удивляясь тому, что «сытые, устроенные, в общем, сносно живущие» бессарабцы «отшатнулись от Румынии, завздыхали по России», так объяснял оппозиционные настроения: «Только что они испытали всю разгоряченную страстность, всю ярость, все бессердечие либеральных режимов, этот разгул националистических бредов, удары по самолюбию, шельмование, угрозы, притеснения» (Пильский 1923: 3). В полной мере русофобские крайности нового режима испытать пришлось беженцам.

Русских не ждали ни в одной стране, повсюду они были на положении непрошенных гостей. Страны-реципиенты к ним относились по-разному, зачастую в зависимости от менявшейся политической конъюнктуры. На отношение к беженцам Королевской Румынии политические проблемы влияли непосредственно – в первую очередь, «бессарабский вопрос». Правительственную политику по отношению к россиянам можно разделить на два этапа – до и после признания Англией, Францией и Италией права Румынии на Бессарабию.

Интересы выходцев из бывшей Российской империи перед румынской администрацией представляла Российская дипломатическая миссия в Бухаресте. По свидетельству консула А. Барановского, в 1919 г. миссии приходилось «ежедневно прилагать все свои старания к ограждению русских подданных от притеснений и неприятностей»

(ГАРФ 1: 17). В период гражданской войны содействие миссии соотечественникам заключалось преимущественно в оформлении и выдаче документов, ходатайствах о пропуске отдельных беженцев в Бессарабию. Отношение к вопросу о беженцах в определенной степени зависело от политических взглядов министров внутренних дел. Глава российского дипломатического ведомства бывший царский дипломат С.А. Поклевский-Козелл писал, что зимой 1919–1920 гг. по распоряжению симпатизировавшего большевикам министра-социалиста доктора Н. Лупу «румынские местные власти отказались признавать российские паспорта и отнимали таковые у их обладателей, выдавая взамен румынские визы на жительство». С назначением нового министра внутренних дел «не было случаев непризнания русских паспортов. Наоборот, весьма часто наблюдаются случаи, когда местные власти, обнаруживая, особенно в новоприсоединенных провинциях, российских граждан, проживающих без национальных паспортов, обязывают последних в определенный срок обзавестись паспортом из нашего консульства в Бухаресте. <...> Сама жизнь заставляет румынские власти направлять в наши консульства тех российских граждан, в документах которых они сами разобраться не в состоянии» (ГАРФ 2: 3).

Паспорта консульством выдавались на год с последующим продлением срока их действия. В 1918–1922 гг. за эти услуги взималось 12 леев пошлины. На основании российских паспортов румынские власти выдавали документы на право проживания в стране.

Все беженцы обязаны были зарегистрироваться в сигуранце, в Бюро контроля иностранцев. На них заводились личные дела, которые по оформлении передавались в МВД Румынии для окончательного решения. Те, кто доказал свою политическую благонадежность, прежде всего отсутствие контактов с большевиками, получали разрешение остаться в стране. Уроженцам Бессарабии выдавалось удостоверение личности («bilet de identitate»), остальным – вид на жительство («bilet de libere petrecere») сроком на три месяца, по истечении которого он мог быть продлен. Беженцы должны были ежемесячно отмечаться в полиции.

Задержанные пограничниками при переходе Днестра отбывали предусмотренный законом карантин в пограничном пункте. В зависимости от обстоятельств их либо освобождали, либо отправляли в тюрьму или интернировали в лагерь. В 1919–1920 гг. за самовольный переход границы по приговору военных властей полагалось довольно длительное тюремное заключение. Затем суровый срок наказания стал применяться реже, однако некоторые из ранее осужденных продолжали его отбывать. На это ненормальное положение, как и на

тяжелые условия содержания заключенных (не было тюфяков, люди спали на полу, нуждались в книгах), обращала внимание кишиневская пресса (В мертвом 1920: 2). В автобиографическом романе В. Федоров подробно живописал весьма своеобразные методы румынских жандармов, применявшиеся к сидельцам кишиневской тюрьмы; камера, где находился автор, представляла «большой грязный зал», с десятками арестованных – русских, молдаван и румын. «Вместо коек на полу были разбросаны охапки истлевшей соломы, на которой лежали или сидели бледные, изнуренные люди» (Федоров 2011: 177).

Интернированные размещались в лагерях, устроенных в селениях Чуплены и Котюжаны-Марь; в Старом Королевстве наиболее крупным лагерем был Текиргиол<sup>1</sup>, курортное место на Черном море вблизи Констанцы, где наряду с военными содержались и гражданские лица. Подтвердившие после проверки наличие родных или имущества в Бессарабии освобождались под поручительство двух коренных жителей края.

Среди беженцев были представители различных социальных слоев, национальностей, образовательного уровня. Все они стали «бывшими», материальное и социальное положение в прошлом мало определяло их дальнейшую судьбу. Часть приезжих могла рассчитывать хотя бы некоторое время на поддержку родных, друзей, знакомых. Врачи, журналисты, артисты, продолжившие профессиональную деятельность, как-то сводили концы с концами. Адвокаты и преподаватели брались за любую, прежде им чуждую работу; к примеру, «артель интеллигентных беженцев» занималась погрузкой и разгрузкой вагонов на железной дороге. Люди состоятельные, по наблюдениям газетчиков, «великолепно устроились и живут в полном достатке». Среди постояльцев лучших отелей и завсегдатаев фешенебельных ресторанов была опознана «теплая компания одесских притонодержателей», открывших в центре Кишинева игорный дом (Заднеэстровские 1920: 3). Но основная масса беженцев бедствовала, оставшись без средств к существованию.

Проблема беженцев была знакома Бессарабии по мировой войне, когда на территории края находились эвакуированные из Польши, Галиции и Румынии, в большинстве своем переправленные в глубь России. Но после войны она несоизмеримо усложнилась. Из-за ликвидации румынской администрации в Бессарабии органов земского и городского самоуправления, отсутствия финансирования со стороны нового режима, разрушения прежней системы государственной и общественной благотворительности сохранившиеся учреждения едва выживали и оказать ощутимую помощь беженцам были не в состоянии.

Материальная поддержка российским изгнанникам зависела от приютивших их государств<sup>2</sup> и международных организаций. В начале 20-х гг. проблемами эмигрантов занимались Лига Наций, Международный Красный Крест и продолжившее свою деятельность за границей Российское общество Красного Креста (РОКК). В Румынии РОКК не имел никаких собственных учреждений; ограниченный по сравнению с другими странами масштаб деятельности был связан, как утверждалось в докладе члена комитета Временного Всероссийского земско-городского союза А.А. Эйлера, с «враждебным отношением румын к организациям общерусского характера, особенно имевшим какое-либо отношение к бывшему русскому правительству» (ГАРФ 3: 2). Из сложной политической ситуации уполномоченный Красного Креста М.Н. Редькин нашел конструктивный выход для оказания помощи беженцам «по линии наименьшего сопротивления при посредстве местных национальных организаций и румынских учреждений». В результате РОКК стал пользоваться «систематической и широкой поддержкой румынского Красного Креста, как денежной, так и имуществом в натуре (одеждой, обувью, медикаментами)» (ГАРФ 3: 1). В отличие от РОКК, деятельность Земского союза в Румынии, представители которого не сумели организовать работу по помощи соотечественникам, «буквально ни в чем не проявилась», и он был закрыт.

В Бессарабии РОКК выделял средства на питание учащимся и на амбулаторию при детской больнице. Кроме этой материальной помощи, М.Н. Редькин занимался выделением индивидуальных пособий, трудоустройством беженцев, ходатайствовал об освобождении из тюрем незаконно перешедших границу и другими вопросами. Принятые на себя уполномоченным обязанности позволили А. Эйлеру охарактеризовать Русский Красный Крест в Румынии в качестве «не столько гуманитарно-благотворительной организации, сколько административного центра и посредника между беженцами, с одной стороны, и румынскими и русскими официальными учреждениями, с другой стороны» (ГАРФ 3: 2). Однако именно посредническая роль, как и ранее несвойственные благотворительным организациям функции защиты правовых интересов подопечных, приобрели особо важное значение в устройстве и дальнейшей судьбе беженцев.

Поддержку бывшим российским подданным в Бессарабии оказывали общественные объединения, созданные на национально-конфессиональной основе. О беженцах-поляках заботилось Польское католическое благотворительное общество. Евреи получали разнообразную и систематическую поддержку от различных местных и международных организаций: с 1919 г. действовали кишиневское



отделение Джойнта и Центральный украинский комитет, получивший свое наименование в связи с тем, что подавляющее большинство бежавших из Украины имели украинское гражданство. Помощь русским беженцам сдерживало подозрительное отношение румынского правительства к русским общественным организациям. «Христианское население Бессарабии» не имело возможности проявить себя в деле помощи своим несчастным единоверцам, выбитым из колеи нормальной жизни и принужденным искать спасения в чуждых им краях (Воззвание 1 1920: 3).

До осени 1920 г., когда нуждавшиеся русские беженцы были выделены в особую группу, им помогали частные лица и некоторые сохранившиеся с прежних времен организации. Военные и члены их семейств обращались за единовременными пособиями в Бессарабский комитет по оказанию временной помощи пострадавшим от войны. В прошениях на имя председателя комитета, последнего предводителя бессарабского дворянства Р.В. Доливо-Добровольского, предстает жизнь, полная горя и лишений. Вдова капитана М.И. Рачковская рассказывала о двухмесячном пути из Могилева, во время которого она потеряла двух дочерей, о том, что «прибыла сюда совершенно больной и без всяких средств, поселилась временно у своей сестры К.И. Филатовой, которая обременена большой семьей и также бедная, с большим трудом существует на скудные средства, добываемые ее мужем, так что обречена почти на голодную смерть». В. Нивинский просил несколько сотен леев «для облегчения положения» служившего в Добровольческой армии больного подпоручика Мохова: «Не найдет ли возможным русская колония помочь этому борцу за лучшие русские идеалы государственного порядка? Зная ваше отзывчивое сердце и доброту уважаемой Марии Николаевны, не откажитесь...» (НАРМ 2: 1–7).

С весны 1920 г. поток беженцев шел непрерывно, газеты писали о появлении в Кишиневе целых партий людей, с риском для жизни переправившихся через Днестр. «В большинстве случаев беженцы – люди с расстроенной психикой, физически истощенные от перенесенных болезней и невероятной нуждой» (Местная 1920: 3). Многие нуждались в крыше над головой, пище, одежде, лекарствах, моральной поддержке. В условиях экономической нестабильности, растущей безработицы беженцы стали серьезным испытанием для Бессарабии. Участие в их устройстве и судьбе приняли различные слои населения.

Городские власти по мере возможностей пытались пристроить беженцев-бедняков в благотворительные заведения, приюты и ночлежные дома. Значительное увеличение городских жителей

обострило квартирный вопрос. Кишинев был уплотнен приезжими до чрезвычайности и не мог обеспечить жильем даже людей со средствами. Как пример исключительной «нужды в квартирах» в прессе приводился такой факт: в день открытия после ремонта Швейцарской гостиницы были заняты все номера. Владельцы квартир за баснословные деньги предлагали сырые, темные, проходные помещения. Чтобы упорядочить ситуацию, городская администрация создала квартирную комиссию.

Священников прикрепляли к епархиальным благотворительным заведениям. Надо сказать, что архиепископ Гурий принимал личное участие в устройстве лиц духовного звания в Бессарабии и вообще очень сочувственно относился к беженцам. В соборе во время литургии устраивались тарелочные сборы в пользу беженцев. Архиепископ в своих проповедях призывал паству к пожертвованиям «братьям-бессарабцам, бежавшим из-за Днестра».

Редакции газет объявляли подписку в пользу лиц, оказавшихся в совсем безнадежных обстоятельствах. Таким образом, например, были собраны деньги для участника Русско-японской войны М.В. Бабаева, который «переплыл Днестр и явился на пограничный пункт положительно в чем мать родила, так как из опасения утонуть узел с вещами и обувью пришлось бросить на той стороне» (Вниманию 1920: 3).

Наплыв обездоленных людей поставил бессарабское общество перед настоятельной необходимостью организации, призванной заботиться о беженцах. «Прибывая в Бессарабию, беженцы в подавляющем большинстве остаются на улице, буквально без всяких средств, и не имеют куда обратиться за помощью, содействием или даже советом. Будучи предоставлены исключительно сами себе, они претерпевали всякие лишения в самом необходимом, и материальное положение их мало чем разнится от той жизни, из которой они с таким трудом вышли» (На помощь 1920: 3).

В Кишиневе, где сконцентрировалось большинство беженцев, первое благотворительное объединение возникло по инициативе С.Д. Крупенской. Известные своей филантропической деятельностью Е.Н. Леонард, М.К. Рышкан, А.Ф. Алейников, В.Ф. Казимир, баронесса Е. Стюарт и другие представители местного дворянства организовали Бессарабский кружок помощи беженцам разных областей, который был утвержден трибуналом 19 октября 1920 г.

Кружок ставил своей задачей определить численность нуждавшихся и оказать им первую материальную помощь. «Наш долг, – говорилось в обращении, – дать умелую ориентацию беженцам, попавшим в совершенно чуждую обстановку: многие из них в качестве профессоров и техников могут оказаться полезными в той или иной

области. Особенно беспомощным нужно помочь устроением помещения, снабжением пищей и одеждой. Для бессарабского общества повелительно выдвигается обязанность исполнить христианский и общественный долг перед беженцами, попадающими в Бессарабию» (Воззвание 2 1920: 3). Финансовую основу составили переданные С.А. Поклевским-Козеллом 10 тыс. руб. из оставшейся на счетах суммы, отпущенной царским правительством на беженцев мировой войны. В своей деятельности кружок следовал давно сложившимся традициям: была организована работа по пошиву белья, к которой привлекались воспитанницы гимназий, в частности гимназии Гейкинг; дамы-патронессы устраивали благотворительные спектакли и балы.

Более основательным и разносторонним стало содействие беженцам Бессарабского комитета оказания помощи безработным и остро нуждающимся. Создан он был в мае 1919 г. для содействия семьям погибших на фронте и бывшим чиновникам и служащим, уволенным вследствие отказа принять присягу румынскому государству. Многие из них, привыкшие жить собственным трудом, оказались в тисках «безысходной нужды», образовав специфический «кадр нищих из выброшенных за борт жизни». Близкой им социальной категорией были и русские беженцы, часто обращавшиеся за помощью в комитет, который, в конце концов, взял их на свое попечение. Приняв во внимание размеры бедствия и учитывая общественные настроения, правление в октябре 1920 г. решило создать Беженский отдел (БО). В попечительный совет вошли видные бессарабские общественные деятели – А. Георгиу, В. Глоба, прот. В. Гума, А. Руссо, Л. Сицинский, А. Хачикова; председателем стал вице-примар Кишинева В.Г. Кристи. Для канцелярии было выделена комната в помещении городской библиотеки.

Беженский отдел начал работу публикацией призыва к населению Бессарабии о пожертвовании средств для поддержки «потерявших родину, семью, имущество и кров». В специальном воззвании к представителям местной торговли и промышленности говорилось: «В своем благополучии вы не должны забывать этих людей. С большими трудностями пробрались они сюда к нам. Если они здесь получили возможность осуществить свое право на жизнь, то надо им дать средства и возможность самого существования. Забитых, измученных, буквально нищих встречаем мы их. Не кричат они о себе, не требуют ничего, даже не просят. Тихо и скромно скитаются они, существуя лишь случайными доходами, добытыми физическим трудом, но ведь они все лица интеллигентных профессий, коим физический труд не по силам и даже губителен. <...> Вам, торговцам, купцам и промышленникам, особенно дороги должны быть их интересы. Ведь потерпели они

за цивилизацию и культуру, часть которой составляете и вы. Ибо без промышленности и торговли жизнь замирает и обрекается на гибель. Уделяя им незначительную частицу своих достатков, вы тем самым служите своему делу, своим интересам» (От Беженского 1920: 3).

В редакциях газет «Бессарабия» и «Новое слово» был открыт прием пожертвований. Представители БО обходили дома с подписными листами о пожертвованиях. Бессарабцы обычно охотно откликались на призывы о помощи. Владельцы магазинов и предприятий перечисляли довольно значительные суммы. Так, от товарищества В.Т. Пташникова было передано 2 772 лея и товаров на 200 леев из общей суммы в 3 832 лея и товаров на 2 932 лея, поступивших в первые дни после публикации воззвания. В пользу беженцев устраивались кружечные сборы; ноябрьская «кружка» от популярной в Кишиневе благотворительницы, заведующей городской библиотекой Д.П. Харжевской, дала 14 400 леев. Объявлялся сбор вещей у жителей города и продуктов на новом базаре. На просьбу Беженского отдела к домовладельцам приютить одного-двух беженцев на время поисков помещения для общежития откликнулся староста Кафедрального собора Д.Ф. Кара-Стоянов, безвозмездно предоставивший свою дачу.

Активное участие в деле благотворительности традиционно принимало духовенство. Почетный председатель Беженского отдела архиепископ Гурий объявил сбор пожертвований по епархии, призывая к полному содействию делегатам комитета. В пользу беженцев в бессарабских церквях устраивались целевые пожертвования, монастыри присылали деньги и продукты. Так, настоятель Суручанского монастыря преосвященный Дионисий выделил детям беженцев по пять пудов пшеничной и кукурузной муки, картофеля и фасоли. По информации комитета, особенно успешно шел сбор пожертвований зерном в Аккерманском, Бендерском, Измаильском, Кагульском уездах.

С открытием благотворительных организаций бессарабская пресса уделяла все больше внимания беженцам; об этом социально-политическом феномене размышляли местные и приезжие журналисты. Большая часть газетных публикаций обращалась к свойственному бессарабцам чувству милосердия, была направлена на то, чтобы вызвать сострадание к «потрясающему горю» изгнанников, собрать больше для них средств. «Беженцы, беженцы, как песок морской, бесчисленные, страдающие, измученные. Впалые лица, истощенное тело, измученная душа. Все похоронено, все, все осталось на родном пепелище. <...> Пришли они к нам, эти печальные вереницы бывших людей, пришли без деления на бесчисленные политические партии. Просто люди, просто измученные истерзанные люди, которым нужно участие, ласка, приют. Вы – наши слабые обедневшие братья, мы не

должны и не хотим знать ваших взглядов и убеждений, мы не будем отличать вас по платью, по речи, по национальности. Богатая и хлебосольная Бессарабия встретит вас тепло и радушно. <...> Пройдут дни. Уходя отсюда, растекаясь по всем уголкам Европы, пусть унесут они неугасимую веру в человека» (Вершховский 1920: 3).

Всегда острым для общественной благотворительности был вопрос финансов. Основными источниками средств Беженского отдела были пожертвования частных лиц и в особенности поступления от культурно-просветительных и развлекательных мероприятий. Стараниями театральной комиссии БО регулярно устраивались концерты, спектакли, лекции, балы и вечера с участием известных литераторов, артистов драмы, оперы, балета, эстрадных исполнителей, коих оказалось немало в то время в Кишиневе. К тому же на мероприятия с благотворительной целью проще было получить разрешение в полицейском управлении. Проводились лотореи-аллегри в пользу детей беженцев в Городском саду. Пособие из личных средств выделяла комитету румынская королева Мария; в Бухаресте «под покровительством королевы состоялся концерт в пользу комитета, давший 70 тыс. лей чистого сбора» (ГАРФ 3: 5).

Беженский отдел расширил свои действия, оказывая необходимую юридическую, медицинскую и трудовую помощь. С организацией новых направлений деятельности, связанных с социальной защитой бывших российских подданных, БО решал конкретные правовые проблемы, с которыми сталкивалось большинство беженцев. Юридическая комиссия, поставив вопрос о «ненормальном положении» нелегально перешедших Днестр, ходатайствовала перед властями о том, чтобы их не отправляли обратно. Было открыто Бюро ходатайств по возвращению беженцев-бессарабцев из концентрационных лагерей, в частности, из Текергиола. Удалось добиться если не отмены для неимущих беженцев сбора за «*bilet de libere petrecere*», как настаивал БО, то хотя бы освобождения от уплаты в индивидуальном порядке по усмотрению председателя городской временной комиссии. С 1921 г. для получения вида на жительство нужно было свидетельство только Беженского комитета. На основании заверенных БО заявлений кишиневская префектура полиции выдавала беженцам визы на поездки по стране. На адрес комитета приходили из разных стран письма от россиян, разыскивавших своих родных и знакомых. БО занимался регистрацией находившихся в Бессарабии беженцев, а июле 1921 г. открыл эмиграционно-информационный пункт.

Оказывал Беженский отдел помощь и интернированным. В опубликованном в прессе письме из Текиргиола русские беженцы выражали благодарность за присланные им деньги и «за внимание». Имелись

у БО собственные учреждения. Он организовал столовую и общежитие на 35 чел., через которое в 1921 г. прошло 2 тыс. беженцев. В пансионе обучались привезенные из лагерей Старого Королевства 24 мальчика и 2 девочки, обучение и одежду которым оплачивал РОКК. Всего к 1 апреля 1921 г. было выдано одежды и обуви на сумму 26 893 лея (ГАРФ 3: 5).

Разумеется, Беженский отдел был не в силах помочь всем нуждавшимся, но, благодаря этой и другим не столь заметным благотворительным организациям, многие беженцы смогли «передохнуть от всего пережитого». Общежитие БО стало временным приютом для писателя В. Федорова. Помощь комитета позволила киевскому врачу Н. Лебедеву встать на ноги, открыть в Кишиневе практику и самому помогать бедным.

Те, кто находили работу, предпочитали с отъездом не спешить. Но бессарабское пристанище было очень ненадежным. «Все время Бессарабия чувствует себя, как на вулкане. Это особенно испытывают беженцы, – писал свидетель того тревожного времени Петр Пильский. – Чуть что – проверка паспортов. Чуть что – и над всеми головами русского беженства нависает опасность изгнания. Чуть что – и среди русских возникает паника. Тотчас же объявляется военное положение. Расклеиваются объявления. Выходят приказы. Перечисляется ряд проступков, грозящих высылкой на советскую сторону <...> Вспоминаю, как летом 1921 года внезапно было объявлено военное положение. И тотчас же, будто по команде, по чьему-то велению, по мановению чьей-то руки сразу сорвались тысячи людей, едва передохнувшие после советских мук, после всякого рода напугов, после чекистских угроз. <...> видел своими глазами и эту беготню, и растерянность, и шепот, и очереди у кассы, и спешные отъезды, и горькие русские слезы» (Пильский 1923: 377).

Но не только опасная географическая близость к Советской России и угроза высылки стимулировали дальнейший бег. Хотя румынское правительство противилось приему российских беженцев и всячески пыталось от них избавиться, крайние меры не принимались. Несмотря на неоднократные распоряжения МВД о высылке нелегалов за Днестр, эти угрозы, по всей видимости, редко приводились в исполнение. По крайней мере, в известных нам архивных материалах, в бессарабской прессе конкретных подтверждений этому мы не нашли. Согласно документальным источникам, в 1920–1930-е гг. практиковалась высылка в другие балканские страны.

Вопрос о насильственной высылке находился в центре внимания прессы и общественности, обеспокоенной дальнейшей судьбой беженцев в Бессарабии. Высказывания на этот счет официальных лиц,

представителей военных властей были противоречивыми. Категории беженцев, имевших право остаться в Бессарабии, постоянно уточнялись. Попытка решить беженскую проблему радикальным способом не удалась. Когда власти назначили «ликвидацию» беженства к определенному сроку, «эвакуация» за Днестр всех находившихся в Кишиневе беженцев по ходатайству авторитетных общественных и церковных деятелей Бессарабии откладывалась несколько раз и, в конце концов, была отсрочена «на неопределенное время».

Особенно болезненный для беженцев правовой вопрос усугублял их зависимость от правительства страны, в которой они находились. С поражением белых армий проблема беженцев приобрела международный характер. Принятый в декабре 1921 г. Советом народных комиссаров Декрет об эмигрантах, согласно которому бывшие российские подданные перестали считаться русскими гражданами, лишил оказавшихся за границей всех положенных иностранцам гражданских прав<sup>3</sup>. Статус беженца и удостоверения личности для россиян, не принявших какого-либо другого гражданства, были определены Международным комитетом Лиги Наций под руководством верховного комиссара по делам беженцев, известного норвежского исследователя Ф. Нансена и в июле 1922 г. одобрены резолюцией Женевской конференции Лиги Наций. Нансеновский паспорт наряду с документами других государств – членов Лиги Наций Румыния признала, но с существенными примечаниями.

В ответе Румынии от 29 сентября 1922 г. на циркуляр генерального секретаря Лиги Наций касательно нансеновского паспорта сообщалось: «Королевское правительство готово принять предлагаемый образец, который позволит беженцам, находящимся в Румынии, въехать по собственному выбору в ту страну, где они смогли бы обосноваться. По национальным, экономическим и санитарным соображениям Румыния не считает себя обязанной принимать беженцев из других стран, принимая во внимание то, что увеличение численности беженцев, уже проживающих на ее территории, представляется опасным. Румыния закрыла свои границы для русских беженцев. Предоставления транзитных виз в условиях, предусмотренных конференцией, не вызывает никаких возражений со стороны королевского правительства» (Русские 2001). Выраженная в данном документе позиция стала основой проводимой в дальнейшем румынским правительством беженской политики.

По окончании гражданской войны многие беженцы, распыленные по разным странам, стремились попасть в Бессарабию. Пути тех, кому это удалось, лежали через Константинополь, Болгарию, Грецию...



## Примечания

1. В соответствии с международными соглашениями, румынское правительство выделяло средства на содержание интернированных в лагере Текиргиол прибывших из Константинополя по приглашению короля Фердинанда врангелевцев.

2. О деятельности еврейских благотворительных организаций см.: *Копанский Я.М.* Благотворительные организации евреев Бессарабии в межвоенный период 1918–1940 гг. Кишинев: Pontos, 2002; *Guzun V.* Indezirabilii: aspecte mediatice, umanitare și de securitate privind emigrația din Uniunea Sovietică în România interbelică. Cluj-Napoca: Argonaut, 2013.

3. Подробнее см.: *Бочарова З.С.* Российское зарубежье 1920–1930-х гг. как феномен отечественной истории. М.: АИРО-XXI, 2011.

## ЛИТЕРАТУРА

Балтийский архив 1999. С. 374–379.

В мертвом 1920 – В мертвом доме // Бессарабия. 1920. 18 сент.

Вершховский 1920 – *Вершховский А.* Изгнанники // Бессарабия. 1920. 19 дек.

Вниманию 1920 – Вниманию общества // Бессарабия. 1920. 29 июля.

Воззвание 1 1920 – Воззвание // Бессарабия. 1920. 11 дек.

Воззвание 2 1920 – Воззвание // Бессарабия. 1920. 30 окт.

ГАРФ 1 – Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. Р-7788. Оп. 1. Д. 32.

ГАРФ 2 – ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Д. 65.

ГАРФ 3 – ГАРФ. Ф. Р-5766. Оп. 1. Д. 274.

Заднестровские 1920 – Заднестровские гости. Бессарабия. 1920. 18 нояб.

Йованович 2005 – *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940. М.: Русский путь, 2005.

Курцев 1999 – *Курцев А.Н.* Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1917) // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 98–113.

Местная 1920 – Местная жизнь // Бессарабия. 1920. 22 янв.

Население 1920 – Население Кишинева // Бессарабия. 1920. 30 нояб.

На помощь 1920 – На помощь беженцам // Бессарабия. 1920. 26 октяб.

НАРМ 1 – Национальный архив Республики Молдова (далее НАРМ). Ф. 679. Оп. 1. Д. 279.

НАРМ 2 – НАРМ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 16.

Невидимка 1919 – *Невидимка.* На темы дня // Бессарабия. 1919. 7 июня.

От Беженского 1920 – От Беженского отдела. К торгово-промышленным фирмам // Бессарабия. 1920. 21 ноября.

- Петроний 1922 – *Петроний*. В румынском оркестре // Сегодня (Рига). 1922. 4 февраля.
- Пильский 1923 – *Пильский П.* / Бессарабия // Последние известия (Ревель). 1923. № 34. Цит. по: Балтийский архив. 1999. С. 374–379.
- Раев 1994 – *Раев М.* Россия за рубежом. М.: Прогресс-Академия, 1994. С. 296.
- Русские 2001 – Русские беженцы: проблемы расселения, возвращения на родину, урегулирования правового положения (1920–1930-е годы): сборник документов и материалов / Сост. З.С. Бочарова М., 2001. URL: [http://www.hrono.ru/libris/lib\\_b/bezhen.html](http://www.hrono.ru/libris/lib_b/bezhen.html) (дата обращения: 12.05.2018).
- Скворцова 2002 – *Скворцова А.* Русские Бессарабии. Опыт жизни в диаспоре (1918–1940). Кишинэу: Pontos, 2002.
- Федоров 2011 – *Федоров В.* Человек задумался // В поисках минувшего. Из жизни Русского зарубежья: очерки, беседы, документы / Авт.-сост. В.П. Нечаев. М.: Книжница: Русский путь, 2011. Ч. I. С. 150–200.
- Dicționarul 1923 – *Dicționarul statistic al Basarabiei*. Chișinău: Glasul țării, 1923.

## REFERENCES

- Belobrovtsseva, I. (1999) *Baltiyskiy arkhiv* [The Baltic Archive]. Riga: Daugava. pp. 374–379.
- Anon. (1920) V mertvom dome [In a dead house]. *Bessarabiya*. 18th September. p. 2.
- Vershhovsky, A. (1920) Izgnanniki [Exiles]. *Bessarabiya*. 19th December.
- Anon. (1920) Vnimanuyu obshchestva [To the Attention of Society]. *Bessarabiya*. 29th July.
- Anon. (1920) Vozzvanie [Appeal]. *Bessarabiya*. 11th December.
- Anon. (1920) Vozzvanie [Appeal]. *Bessarabiya*. 30th October.
- The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 7788 . List 1. File 32.
- The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 5680. List 1. File 65.
- The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 5766 . List 1. File 274.
- Anon. (1920) Zadnestrovskie gosti [Guests from the left bank of the Dniester]. *Bessarabiya*. 18th November.
- Jovanovich, M. (2005) *Russkaya emigratsiya na Balkanakh: 1920–1940* [Russian emigration in the Balkans: 1920–1940]. Moscow: Russkiy put'.
- Kurtsev, A.N. (1999) Bezhtensy Pervoy mirovoy voyny v Rossii (1914–1917) [The refugees of the First World War in Russia (1914–1917)]. *Voprosy istorii*.

8. pp. 98–113.

Anon. (1920) *Mestnaya zhizn* [Local life]. *Bessarabiya*. 22nd January.

Anon. (1920) *Naselenie Kishineva* [The population of Chişinău]. *Bessarabiya*. 30th November.

Anon. (1920) *Na pomoshch bezhentsam* [Help the refugees]. *Bessarabiya*. 26th October.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 679. List 1. File 279.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 203. List 1. File 16.

Anon. (1919) *Nevidimka* [The invisible. On the topic of the day]. *Bessarabiya*. 1919. 7th June.

Anon. (1920) *Ot bezhenskogo otdela. K trgovno-promyshlennym firmam* [From the Refugee Department. To the trade and industry firms]. *Bessarabiya*. 21th November.

Petronius. (1922) *V rumynskom orkestre* [In Romanian orchestra]. *Segodnia* (Riga). 4th February.

Pilsky, P. (1999) *Bessarabiya* [Bessarabia]. *Poslednie novosti*. 34. See: The Baltic Archive, 1999. pp. 374–379.

Raev, M. (1994) *Rossiya za rubezhom* [Russia abroad]. Moscow: Progress-Academiya.

Bocharova, Z.S. (ed.) (2001) *Russkiye bezhentsy: problemy rasseleniya, vozvrashcheniya na rodinu, uregulirovaniya pravovogo polozheniya (1920–1930-ye gody): sbornik dokumentov i materialov* [Russian refugees: problems of resettling, repatriation, settlement of legal status (1920–1930). *Sbornik dokumentov i materialov*]. [Online] Available from: [http://www.hrono.ru/libris/lib\\_b/bezhen.html](http://www.hrono.ru/libris/lib_b/bezhen.html) (Accessed: 12th May 2018).

Skvortsova, A. (2002) *Russkiye Bessarabii. Opyt zhizni v diaspore (1918–1940)* [The Russians in Bessarabia. Life in diaspora (1918–1940)]. Chişinău: Pontos.

Fedorov, V. (2011) *Chelovek zadumalsya* [The man became thoughtful]. In: Nechayev, V.P. (ed.) *V poiskakh minuvshogo. Iz zhizni russkogo zarubezhya: ocherki, besedy, dokumenty* [In search of the past. From the life of Russians abroad: essays, conversations, documents]. Moscow: Knizhnitsa: Russkii put'. pp. 150–200.

Biblioteca Națională a Republicii Moldova. (1923) *Dicționarul statistic al Basarabiei* [Statistic Dictionary of Bessarabia]. Chişinău: Glasul țării. p. 12.

**Гарусова Ольга Андреевна** – научный сотрудник Института культурного наследия Министерства образования, культуры и исследований РМ (Молдова).

**Olga A. Garusova** – Institute of Cultural Heritage of the Ministry of Education, Culture and Research of Moldova (Moldova).

**E-mail:** [garusovaolga@mail.ru](mailto:garusovaolga@mail.ru)

УДК 94(47)"1924/1940"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/53/17

# КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС И ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ МОЛДАВСКОЙ АВТОНОМНОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

**А.А. Вологдин**

Всероссийская академия внешней торговли

Россия, 119285, г. Москва, ул. Пудовкина, 4а

E-mail.: A.Vologdin.vavt@yandex.ru

## Авторское резюме

Молдавская Автономная Советская Социалистическая Республика была образована в октябре 1924 г. Идея выделения районов на левом берегу Днестра с молдавским населением в автономную республику в составе УССР, выдвинутая группой молдавских и румынских коммунистов, была поддержана советским руководством, прежде всего по политическим соображениям. При этом Конституция Украины 1919 г. не содержала положений об образовании автономных образований в ее составе. Главной целью создания молдавской автономии было оказание влияния на Бессарабию и Румынию. Но немногочисленность молдавского населения на левом берегу Днестра не позволила образовать союзную республику в составе СССР. Основы конституционно-правового статуса МАССР были определены Конституцией МАССР 1925 г. и закреплены в Конституции Украинской ССР 1929 г. В соответствии с Основным законом МАССР обладала всей системой центральных и местных органов власти и управления, бюджетом, имела право самостоятельно принимать законы по вопросам, отнесенным к ее компетенции. После присоединения Бессарабии к СССР МАССР была ликвидирована. Шесть районов МАССР вместе с центральными уездами Бессарабии образовали новую Молдавскую ССР, остальные районы остались в составе Украины.

**Ключевые слова:** Бессарабия, Молдавия, Румыния, СССР, автономия, Конституция, государственные органы, суд.

# THE CONSTITUTIONAL STATUS AND THE STATE ORGANS OF THE MOLDAVIAN AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLIC

**A.A. Vologdin**

The Russian Foreign Trade Academy  
4a Pudovkin Street, Moscow, 119285, Russia  
E-mail.: A.Vologdin.vavt@yandex.ru

## **Abstract**

Moldavian Autonomous Soviet Socialist Republic was formed in October 1924. The idea of formation from the districts on the left bank of the Dniester with the Moldovan population of the autonomous republic as part of the Ukrainian SSR was put forward by a group of Moldovan and Romanian communists and was supported by the Soviet leadership, primarily for political reasons. At the same time, the Constitution of Ukraine of 1919 did not contain provisions on the formation of Autonomous entities in its composition. The main purpose of the Moldovan autonomy was to influence Bessarabia and Romania. But the scarcity of the Moldovan population on the left Bank of the Dniester did not allow to form a Union Republic within the USSR. The constitutional status of the Moldavian Autonomous Soviet Socialist Republic was determined by the Constitution of the MASSR of 1925 and enshrined in the Constitution of the Ukrainian SSR of 1929. In accordance with the Constitution, the MASSR had the whole system of Central and local authorities, had its own budget, and had the right to adopt laws on issues within its competence. The MASSR was eliminated after the accession of Bessarabia by the USSR. 6 districts of the MASSR and the central districts of Bessarabia formed the Moldavian SSR, other areas remained as a part of Ukraine.

**Keywords:** Bessarabia, Moldova, Romania, USSR, autonomy, Constitution, state organs, court.

История образования Молдавской АССР и разработки ее Конституции не раз становилась объектом изучения как историков, так и правоведов. Начиная с 20-х гг. XX в. эта тема нашла отражение в работах С.Я. Афтенюка, Н.В. Бабилюнги, Б.Г. Бомешко, М.Н. Бочачера, Б.В. Виленского, О.С. Галущенко, В.О. Дембо, А.А. Карлова, А. М. Лазарева, А.В. Репиды, А.Т. Романа, А.В. Сурилова, К.В. Стратиевского, Г.К. Федорова и др. Однако указанные авторы в основном сосредоточивали внимание

на исторических процессах, а особенности конституционного статуса республики не были предметом должного изучения.

Известно, что вопрос создания молдавского национально-государственного образования стал активно обсуждаться с февраля 1924 г., причем разброс мнений был крайне широким: это и создание Молдавской республики в рамках Союза ССР, автономной республики, автономной области или округа в рамках Украины. Процесс создания молдавской автономии подробно освещен еще в работах советских исследователей (Сурилов 1963; Афтенюк 1971; Лазарев 1974; Репида 1983).

Многие из них считают, что определяющим фактором основания Молдавской республики было стремление создать политический антипод оккупированной Румынией Бессарабии (Галущенко 2014: 202–218), образец, который стал бы точкой притяжения для Бессарабии и Румынии, а также Балкан и Галиции. Поэтому форма национального строительства должна была обладать признаками государственности, и, следовательно, такие формы, как национальные область или округ, были неприемлемы.

Необходимо отметить, что идея молдавской государственности получила широкую поддержку среди населения левобережья Днестра, о чем свидетельствуют многочисленные архивные документы (Сурилов 1963: 46–49; Советское строительство 1977: 333–345). Однако молдавское население этого региона было относительно малочисленно и составляло немногим более 30 % местных жителей (Бомешко 1998: 20–21), общая численность которых не превышала 400–500 тыс. чел. В этих условиях наиболее оптимальной формой национального строительства стала автономная республика в составе советской Украины.

Позднее, обобщая опыт советского национально-государственного строительства, И.В. Сталин сформулировал критерии, позволявшие национальному образованию претендовать на статус союзной республики. Это, во-первых, окраинное положение республики, во-вторых, компактное большинство представителей национальности, дающей имя республике, и, в-третьих, количество населения, превышающее миллион человек (Сталин 1952: 567). Таким образом, подтверждалась обоснованность выбора советским руководством формы национально-государственного строительства.

Решение об образовании Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики (МАССР) в составе Украинской ССР было принято 12 октября 1924 г. на III сессии VIII созыва Всеукраинского Центрального исполнительного комитета. Создание МАССР, как и любой новой государственности, потребовало определить границы тер-

ритории, структуру и полномочия органов власти, столицу и символы государства – флаг и герб, решить вопрос о государственном языке.

В резолюции «Об образовании Молдавской Автономной ССР», принятой III сессией Всеукраинского Центрального исполнительного комитета (ВУЦИК), границы республики были определены следующим образом:

«а) с северо-запада – по северо-западной границе населенных пунктов Грушка и Окница Велико-Косницкого района Тульчинского округа Подольской губернии, затем по границам Каменского района Тульчинского округа Подольской губернии, оставляя в стороне с. Болганы и м. Загнитков, следуя далее в направлении сел Писаревка, Петровка Крутянского района Балтского округа Одесской губернии и в направлении станции Борщи и сел Гидирим, Пасицелых, Осиповка;

б) с востока – по восточной границе с. Михайловка в направлении г. Ананьева, сел Валегоцулов, Антоновка, Еленовка, Ново-Александровка, Слобода, Плоское, Граденица, г. Тирасполя, хутора Слободзейский, далее по Кучурганскому лиману, через озеро Плоское в направлении хутора села Троицкое;

в) с запада и юго-запада – по государственной границе СССР» (Бочачер 1926: 52).

В 1926 г. к МАССР присоединили еще несколько населенных пунктов и уточнили линию границы.

Первоначально территория республики была разделена на 12 районов: Балтский, Алексеевский, Бирзульский, Рыбницкий, Ставровский, Ананьевский, Крутянский, Каменский, Дубоссарский, Григориопольский, Тираспольский, Слободзейский. Согласно постановлению ВУЦИК и СНК УССР от 13 марта 1925 г. Ставровский район был расформирован, Алексеевский с административным центром в с. Красные Окна переименован в Красно-Окнянский, Крутянский – в Кодымский. Впоследствии границы районов и названия не раз корректировались.

Как уже отмечалось, на западе и юго-западе граница Молдавской республики совпадала с государственной границей СССР. Но Днестр был линией фактического разграничения с Румынией. Советское государство никогда не признавало права Румынии на Бессарабию, рассматривая ее как временно оккупированную территорию (Дембо 1925; Татару 1932). Известный советский государственный и политический деятель Х.Г. Раковский сформулировал эту позицию так: «права, которые Румыния присвоила себе по отношению к Бессарабии, являются чистойшей узурпацией» (Раковский 1925: 41).

Показательна в этом отношении и карта Молдавской республики, напечатанная в брошюре Бочачера (рис. 1).





Рис. 1. Карта Молдавии.

Таким образом, Бессарабия рассматривалась как потенциальная часть Молдавской АССР.

Временной столицей МАССР стал город Балта. В 1929 г. столица республики была перенесена в Тирасполь как более тесно связанный с территорией автономии. Позднее статус Тирасполя как столицы молдавской автономии был закреплён в статье 113 Конституции МАССР 1938 г. (Советские конституции 2015с: 223).

Окончательно основы конституционно-правового статуса Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики были определены Конституцией МАССР 1925 г. и закреплёны в Конституции Украинской ССР 1929 г. (далее – УССР). Конституция МАССР была одобрена 23 апреля 1925 г. I Всеомолдавским съездом Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и утверждена 10 мая IX Всеукраинским съездом Советов.

Особенностью конституционного процесса было то, что Конституция МАССР была единственной конституцией автономных республик, которая была утверждена высшим органом союзной республики,

хотя такая процедура была предусмотрена, например, в Конституции РСФСР.

Примечательно, что действовавшая на то время украинская Конституция 1919 г. не содержала положений о территориально-административном устройстве и возможности создания в ее составе автономных образований (Советские конституции 2015а: 56–59).

Конституция МАССР была одной из первых Конституций советских автономных республик, принятых после образования СССР. Это создавало определенные сложности при ее разработке, особенно при определении компетенции органов государственной власти и управления автономии и союзной республики. Народный комиссар юстиции Украины Н.А. Скрыпник в докладной записке в Конституционную комиссию от 19 ноября 1924 г. писал: «...Проект Конституции МАССР приходится строить в значительной мере самостоятельно, исходя лишь из тех общих начал, которые нашли себе выражение в законодательстве или в практике других союзных республик, поскольку они известны» (Карлов 1965: 5).

Конституция МАССР закрепила основные принципы общественного и государственного строя Молдавской АССР: власть трудящихся, политическую основу МАССР в виде Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, структуру, порядок формирования и компетенцию органов государственной власти и управления.

В соответствии с Конституцией МАССР обладала всей системой центральных и местных органов власти и управления, бюджетом, имела право самостоятельно принимать законы по вопросам, отнесенным к ее компетенции.

Статья 48 Конституции МАССР закрепила право республики иметь свои государственные герб и флаг. Но их описание и изображение отсутствовали. В октябре 1925 г. был объявлен конкурс на разработку государственных символов.

Многонациональный состав населения республики потребовал решить вопрос о государственном языке. Самыми распространенными языками в данном регионе были русский, украинский и молдавский. Статья 10 Конституции закрепила равные права языков всех национальностей, населявших территорию республики, и гарантировала каждому гражданину возможность пользоваться родным языком в его отношениях с государственными органами и в отношениях государственных органов с ним, а также на заседаниях съездов советов, всех официальных мероприятиях и публичных выступлениях.

Образование МАССР потребовало внесения некоторых изменений и в Конституцию Украины. Конституция УССР 1929 г. подчеркнула, что «Украинская Социалистическая Советская Республика, принимая

во внимание стойко проявленную волю трудящихся молдавского народа к оформлению своего государственного бытия в составе Украинской Социалистической Советской Республики, объединяется с ним на основе образования в составе Украинской Социалистической Советской Республики Автономной Молдавской Социалистической Советской Республики» (Советские конституции 2015b: 173). Статья 18 Конституции УССР, хотя и содержала признание права всех наций на самоопределение вплоть до отделения, определяла МАССР как автономную республику в составе Украины. Несмотря на утверждения некоторых авторов, Конституция УССР 1929 г. не содержит прямого признания права выхода за МАССР.

В соответствии с Конституцией МАССР через своих делегатов на Съездах Советов УССР и СССР участвовала в образовании верховных органов власти Украины, а также Совета национальностей Центрального исполнительного комитета Союза ССР.

Для более тесной координации действий Молдавская республика имела своего постоянного представителя при правительстве Украинской ССР, обладавшего правом совещательного голоса во всех центральных органах УССР.

Украина сохранила функции контроля за МАССР. К исключительной компетенции Всеукраинского съезда Советов относились окончательное утверждение Конституции МАССР, изменения и дополнения этой Конституции, установление границ МАССР.

Всеукраинский Центральный исполнительный комитет мог приостанавливать, изменять и отменять постановления Всеукраинского и окружного съездов советов, Всеукраинского центрального исполнительного комитета и окружных исполнительных комитетов, утверждал государственный бюджет МАССР в качестве составной части бюджета УССР.

В соответствии со статьей 11 Конституции МАССР верховными органами власти Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики являлись Молдавский Съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, Молдавский Центральный исполнительный комитет Советов и его Президиум.

Молдавский съезд Советов был носителем высшей власти на всей территории республики. Постановления съезда могли отменить только Всеукраинский Центральный исполнительный комитет или Всеукраинский съезд Советов. Очередные съезды созывались один раз в год.

Чрезвычайные съезды могли быть созваны по предложению Президиума ВУЦИК, Президиума Молдавского Центрального исполнительного комитета, по собственной инициативе или по требованию

местных советов, объединявших не менее одной трети всего населения республики.

В период между съездами Советов высшую власть осуществлял Молдавский Центральный исполнительный комитет (МЦИК), который избирался Молдавским съездом Советов. На II съезде Советов в мае 1926 г. в его состав были избраны 83 члена и 22 кандидата. Тогда же было одобрено Положение о Молдавском Центральном исполнительном комитете Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, а в феврале 1927 г. оно было утверждено ВУЦИК (Государственно-правовые 1963: 97–108).

Согласно этому положению МЦИК в период между Молдавскими съездами Советов являлся высшей властью в МАССР. За свою деятельность он нес ответственность как перед Молдавским съездом Советов, так и перед Всеукраинским Центральным исполнительным комитетом.

Из своей среды МЦИК избирал Президиум Молдавского Центрального исполнительного комитета, который в период между сессиями МЦИК осуществлял функции высшего органа власти, а также образовывал Совет народных комиссаров МАССР. Президиум МЦИК следил за проведением в жизнь Конституции и выполнением постановлений Молдавского съезда Советов и МЦИК, законодательства Союза ССР и УССР, готовил материалы к сессиям МЦИК.

Вопросы, относившиеся к компетенции МЦИК, рассматривались на сессионных заседаниях или в Президиуме. Очередные сессии МЦИК созывались не реже трех раз в год, а чрезвычайные – по предложению Президиума ВУЦИК, Президиума МЦИК или по представлению СНК МАССР. На рассмотрение сессий вносились вопросы об изменении и дополнении Конституции, об изменении границ МАССР, ее годовой бюджет и отчет о его исполнении, вопросы местных финансов, проекты кодексов и другие нормативные акты.

Молдавский съезд Советов и МЦИК решали основные задачи народного хозяйства и государственного управления.

Вопросы на обсуждение сессий МЦИК вносились по постановлению самих сессий, по предложению Президиума МЦИК, Президиума ВУЦИК, СНК МАССР, СНК УССР, районных исполнительных комитетов и членов МЦИК. Для кворума заседаний сессий требовалось не менее трети членов МЦИК.

Исполнительными органами власти МАССР являлись Совет народных комиссаров и народные комиссариаты. Порядок их образования и функционирования были определены в статьях 23–36 Конституции.

Совет народных комиссаров республики формировался ЦИК МАССР в составе председателя СНК и народных комиссаров, возглав-

лявших отдельные народные комиссариаты МАССР. 9–14 мая 1926 г. Молдавским съездом Советов было одобрено и 2 февраля 1927 г. утверждено ВУЦИК «Положение о Совете народных комиссаров МАССР». Первым председателем СНК МАССР стал А.И. Строев.

К компетенции СНК МАССР относились: руководство деятельностью республиканских наркоматов и ведомств, районных исполнительных комитетов, общее наблюдение за деятельностью представителей уполномоченных общесоюзных наркоматов, принятие постановлений и проведение мероприятий в области общего управления, предварительное рассмотрение проектов декретов и постановлений, вносимых на утверждение МЦИК, и т. п.

Декреты и постановления СНК МАССР в пределах его компетенции были обязательны для всех учреждений, должностных лиц и граждан на территории республики и могли быть отменены лишь МЦИК, ВУЦИК и их президиумами. Постановления СНК МАССР могли опротестовать или обжаловать в Президиум МЦИК прокурор республики, члены СНК, представители уполномоченных общесоюзных наркоматов и районные исполнительные комитеты.

Для предварительного рассмотрения и обсуждения законопроектов, вносимых на утверждение СНК МАССР, а также для подготовки заключений и отзывов по проектам законов СНК Украины в части, касавшейся Молдавии, при СНК МАССР была учреждена Комиссия по рассмотрению законодательных предположений.

Конституция предусматривала право СНК УССР приостанавливать постановления СНК МАССР с последующим представлением в Президиум ВУЦИК об отмене этих постановлений, что закрепляло фактическую подчиненность СНК автономной республики перед СНК УССР.

Статья 23 Конституции МАССР предусматривала создание Народного комиссариата внутренних дел, Народного комиссариата юстиции, Народного комиссариата просвещения, Народного комиссариата социального обеспечения, Народного комиссариата охраны здоровья, Народного комиссариата по земельным вопросам, Народного комиссариата финансов, Народного комиссариата внутренней торговли, Народного комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции, Народного комиссариата труда, Совета народного хозяйства. Кроме того, при Совете народных комиссаров МАССР на правах объединенных народных комиссариатов учреждались Статистическое управление и Государственное политическое управление. Конституция допускала объединение функций отдельных наркоматов в одном органе.

Народные комиссариаты подразделялись на необъединенные (народные комиссариаты внутренних дел, охраны здоровья, земельных

дел, народного просвещения, социального обеспечения и юстиции) и объединенные с одноименными народными комиссариатами УССР. К ним относились наркоматы внутренней торговли, труда, Рабоче-крестьянской инспекции, финансов, Совет народного хозяйства, Статистическое управление и Государственное политическое управление.

Народных комиссаров в необъединенные комиссариаты назначал Молдавский ЦИК. Необъединенные народные комиссариаты не были подчинены соответствующим одноименным необъединенным народным комиссариатам УССР, но должны были выполнять отдельные задания последних при условии, что они не нарушают внутренней автономии МАССР.

Народных комиссаров, стоявших во главе объединенных народных комиссариатов, назначал молдавский ЦИК по согласованию с соответствующими одноименными объединенными народными комиссариатами УССР.

Объединенные комиссариаты, подчиняясь ЦИК и СНК МАССР, осуществляли в своей деятельности директивы и задачи соответствующих объединенных народных комиссариатов УССР и были им подконтрольны.

Конституция предусматривала, что уполномоченные представители общесоюзных наркоматов при УССР имеют при МАССР своих представителей, непосредственно им подчиненных. Указанные представители входили в СНК МАССР с совещательным голосом. Тем самым обеспечивался контроль общесоюзных органов власти за деятельностью на местах.

С принятием Конституции МАССР развернулась активная работа по замене временных органов власти (ревкомов) на постоянные. В системе центральных органов государственного управления республики одним из первых был сформирован Наркомат финансов. Примерно в то же время складываются аппараты Наркомата внутренней торговли, Наркомата труда, Наркомата земледелия, формируется Центральный Совет народного хозяйства.

18 декабря 1929 г. Президиум ЦИК МАССР утвердил Положение об НКВД МАССР. Согласно положению, Наркомат внутренних дел осуществлял общее руководство административной деятельностью, охрану государственного строя и общественной безопасности, вел борьбу с уголовной преступностью, руководил исправительно-трудовыми учреждениями.

В ведении НКВД МАССР находилась рабоче-крестьянская милиция в составе наружной милиции, промышленной милиции и уголовного розыска. Личный состав милиции комплектовался с учетом классового принципа, из трудящихся, обладавших избирательными правами.

7 мая 1927 г. Президиум ЦИК МАССР утвердил Положение о рабоче-крестьянской милиции МАССР.

18 декабря 1926 г. ЦИК и СНК МАССР утвердили Положение о Народном комиссариате юстиции МАССР, которое возложило на наркомат организацию, руководство, инструктирование, надзор и ревизию всех действовавших на территории МАССР судебных учреждений, прокуратуры, органов следствия и нотариата.

Наркомат юстиции предварительно рассматривал вносимые на утверждение ЦИК и СНК законопроекты, давал толкование законам, публиковал законы и распоряжения правительства, осуществлял надзор за местами лишения свободы и исправительно-трудовыми учреждениями и т. п.

Нарком юстиции МАССР одновременно был и прокурором республики.

Важную роль в системе партийно-государственного контроля занимал Наркомат рабоче-крестьянской инспекции, работавший совместно с органами партийного контроля (контрольными комиссиями).

Деятельность РКИ МАССР осуществлялась в соответствии с планами, разработанными Центральной контрольной комиссией КП(б)УРКИ УССР с учетом интересов и потребностей МАССР и согласованными с молдавским обкомом КП (б)У и ЦИК МАССР. Наркомат РКИ вел последовательную борьбу за четкое выполнение директив партии и правительства, уделяя значительное внимание вопросам повышения эффективности народного хозяйства. Огромная работа была проведена органами РКИ по приспособлению государственного аппарата к задачам социалистического строительства, вовлечению рабочих и крестьян в государственное управление. Районные контрольные комиссии РКИ опирались на многочисленный актив в лице секций РКИ при сельсоветах, «легкой кавалерии» – комсомола, рабочих бригад на заводах и т. п.

Постановлением ЦИК и СНК МАССР от 31 ноября 1925 г. было утверждено Положение о Государственной плановой комиссии МАССР. Госплан МАССР являлся постоянным подготовительным и планово-регулирующим органом и был непосредственно подчинен СНК МАССР. К его компетенции относилась разработка плана развития народного хозяйства МАССР в соответствии с общим планом развития народного хозяйства УССР и перспективными планами развития отдельных отраслей народного хозяйства. Составленные Госпланом МАССР проекты представлялись на рассмотрение СНК МАССР и Государственной плановой комиссии УССР. Госплан МАССР не только разрабатывал, но и наблюдал за проведением в жизнь утверждаемых в установленном порядке планов.



Органами государственной власти на местах в соответствии со статьей 37 Конституции МАССР были городские и сельские Советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, районные съезды Советов и исполнительные комитеты. Исполнительные комитеты осуществляли свои полномочия в период между районными съездами.

5 мая 1926 г. ЦИК и СНК МАССР утвердили Положение о районных съездах Советов и районных исполнительных комитетах.

Районный съезд Советов состоял из делегатов, избравшихся сельскими, поселковыми и городскими Советами района из расчета 1 делегат на 500 жителей от сельских Советов и 1 делегат на 100 избирателей от городских и поселковых Советов и общих собраний рабочих фабрик и заводов, не избравших депутатов в городские и поселковые Советы, а также от воинских частей Красной армии и флота. Выборы в местные органы власти осуществлялись в соответствии с избирательным законодательством УССР. Районные съезды Советов созывались районными исполнительными комитетами раз в год, руководили деятельностью подчиненных им органов власти и управления, избирали районные исполнительные комитеты, ревизионные комиссии, делегатов на Всемолдавский съезд Советов.

Исполнительные комитеты обладали широкими полномочиями, решая вопросы административно-организационные, военные, финансово-налоговые, культурно-социальные, сельского и лесного хозяйства, коммунального хозяйства и благоустройства. Очередные пленарные или расширенные заседания райисполкомов проводились, как правило, открыто.

Количественный состав районных исполнительных комитетов, согласно положению, был установлен следующий: в Тираспольский, Ананьевский, Балтский, Бирзульский и Рыбницкий входило по 25 членов и 7 кандидатов; в Крутянский, Дубоссарский и Алексеевский – по 21 члену и 7 кандидатов; в Каменский, Григориопольский и Слободзейский – по 17 членов и 5 кандидатов.

Райисполкомы были подчинены районному съезду Советов и вышестоящим съездам Советов и их исполнительным комитетам.

В мае 1926 г. II Всемолдавский съезд Советов принял Положение о сельских Советах МАССР, которое значительно расширило сферу их деятельности, наделило широкими правами в хозяйственном, культурном и социальном строительстве.

Сельсоветы создавались в селах с числом жителей не менее 1 000. Населенные пункты, где проживало менее 1 000 жителей, объединялись одним сельсоветом, если они отстояли не более чем на 3 версты от центрального селения. В поселках с населением от 500 до 1 000 чел. допускалось образование отдельных сельсоветов, если по условиям

местности объединение нескольких селений в одном сельсовете было сопряжено с неудобствами для населения.

Сельсовет избирался сроком на 1 год проживающими на его территории жителями по нормам: 1 делегат на каждые 100 чел. от крестьян и 1 делегат на каждые 20 избирателей от рабочих промпредприятий, совхозов и воинских частей Красной армии, расположенных на данной территории.

К ведению сельсоветов относились вопросы организационного характера, административные, сельскохозяйственные, финансовые, благоустройства, культурно-просветительной работы и др.

Для вовлечения избирателей и депутатов сельсовета в его работу при сельсоветах создавались комиссии (секции) по земельным, культурно-просветительным, финансово-хозяйственным, административным, благоустройства и другим вопросам. Комиссии были подотчетны сельсовету, а текущая деятельность осуществлялась под наблюдением и руководством президиума сельсовета или его председателя.

В период сплошной коллективизации перед районными исполнительными комитетами и сельскими Советами была поставлена задача проведения коллективизации и раскулачивания.

Более подробный анализ развития советских органов, в частности периодизацию их истории, можно найти в работах А.Т. Романа (Роман 1981: 6–8).

Отрицательное влияние на развитие советских и государственных органов МАССР оказали репрессии 30-х гг. Именно в тот период были репрессированы многие партийные и советские работники, которые стояли у истоков создания МАССР: Г.И. Старый, А.И. Строев, А.Б. Сокол, Д.А. Мороз, М.С. Аненский, И.Н. Колесников, Е.П. Воронович, Е. Алмазова и др.

Структура и полномочия судебных органов устанавливались в статьях 40–43 Конституции МАССР. Она декларировала, что деятельность судебных органов республики основывается на законодательстве Союза ССР и УССР с учетом положений Конституции МАССР. Предусматривалось создание двухступенчатой судебной системы.

В качестве высшей судебной инстанции в республике учреждался Главный суд МАССР. К компетенции Главного суда относились: толкование законов МАССР по делам судебной практики; пересмотр дела по вновь открывшимся обстоятельствам; пересмотр в кассационно-ревизионном порядке решений и приговоров народных судов МАССР; разрешение по первой инстанции гражданских и уголовных дел своей подсудности согласно Положению о Главном суде МАССР; руководство коллегией защитников.

Дела, рассмотренные по первой инстанции Главным судом МАССР, могли быть пересмотрены Высшим судом УССР в кассационно-ре-визионном порядке.

К концу 1925 г. Главный суд МАССР включал председателя, его заместителя, четырех членов, двух добавочных судей и служащих аппарата суда.

В качестве первой инстанции действовали районные народные суды. 1 декабря 1929 г. было введено «Положение о судеустройстве УССР». В соответствии с Положением в МАССР народные суды избирались на год в сельских районах – МЦИК, а в городах и поселках – городскими и поселковыми Советами. На этот же срок избирались так называемые добавочные судьи, пользовавшиеся всеми правами народных судей, но исполнявшие свои обязанности в каждом случае по назначению наркома юстиции. Количество добавочных судей в районах определял МЦИК, а в Тирасполе – горсовет.

Кандидаты в народные судьи выдвигались Президиумом МЦИК, президиумами городских и поселковых Советов и народным комиссаром юстиции МАССР.

Допускался досрочный отзыв народных судей по инициативе ЦИК МАССР, Наркомата юстиции или одного из райисполкомов, который оформлялся постановлением ЦИК МАССР.

По соглашению с Наркоматом юстиции в республике устанавливалась сеть участков народных судов. При каждой камере народного суда состоял секретарь, который утверждался в должности наркомом юстиции по представлению судьи.

В городах и промышленных пунктах Наркоматом юстиции по согласованию с МСПС и Наркоматом труда создавались трудовые сессии народного суда из председательствующего народного судьи и двух постоянных членов от МСПС и ЦСНХ. Состав трудовых сессий утверждался на один год: в Тирасполе – горсоветом, в остальных районах республики – Президиумом МЦИК по представлению Наркома юстиции.

Наряду с трудовыми сессиями в республике создавались и другие специальные суды: арбитражные, судебно-земельные комиссии и комиссии по делам несовершеннолетних нарушителей.

Так, для разрешения экономических споров в декабре 1925 г., в соответствии с постановлением СНК МАССР от 27 апреля 1925 г., была создана и начала регулярную работу Молдавская арбитражная комиссия при СНК МАССР. Разрешая имущественные споры между предприятиями социалистического сектора, арбитражная комиссия содействовала укреплению договорной дисциплины и социалистической законности в хозяйственной деятельности.

В целях борьбы с не подлежащими преследованию в уголовном порядке служебными упущениями и проступками должностных лиц 4 августа 1927 г. ЦИК МАССР принял Постановление о дисциплинарном суде МАССР. К подсудности Главного дисциплинарного суда были отнесены служебные упущения и проступки, допущенные членами Президиума ЦИК МАССР и членами СНК МАССР. Дела об упущениях и проступках этих должностных лиц направлялись в Главный дисциплинарный суд постановлением Президиума ВУЦИК и ЦИК МАССР.

Хотя главной целью учреждения дисциплинарного суда было повышение служебной ответственности работников государственного аппарата, на практике наличие особых дисциплинарных судов нередко приводило к тому, что им передавались дела, которые должны были повлечь за собой уголовную ответственность. Поэтому 1 декабря 1928 г. ЦИК МАССР упразднил дисциплинарный суд МАССР.

Новый этап конституционного регулирования правового статуса республики и органов власти начинается в 1936 г. с принятием на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов Конституции СССР. Новая Конституция СССР закрепила тенденцию к централизации, которая наблюдалась на всем протяжении предыдущего периода (Кукушкин, Чистяков 1987: 184–185).

Необходимость привести существующую нормативную базу в соответствие положениям новой Конституции СССР потребовало разработки новых конституций союзных и автономных республик.

13 июля 1936 г. Президиум ЦИК УССР образовал конституционную комиссию для разработки Конституции УССР. В конце 1936 г. комиссия закончила свою работу и представила проект на рассмотрение Президиума ЦИК УССР. 1 января проект новой Конституции был опубликован для всенародного обсуждения, и 30 января 1937 г. Чрезвычайный XIV Всеукраинский съезд Советов утвердил новую Конституцию УССР.

Конституция УССР 1937 г. содержала статьи об общественном и государственном устройстве, о высших органах государственной власти и управления, о местных органах власти и управления, о суде и прокуратуре, об основных правах и обязанностях граждан. Раздел V Конституции УССР 1937 г. уточнил полномочия и порядок формирования органов власти МАССР (Советские конституции 2015с: 208–209).

В 1937 г. на сессии ЦИК МАССР была образована конституционная комиссия по составлению проекта Конституции МАССР. 14 августа 1937 г. проект Конституции МАССР был принят конституционной комиссией в окончательной редакции. После предварительного одобрения Президиума ЦИК МАССР его опубликовали для всенародного обсуждения.

6 января 1938 г. VII Чрезвычайный съезд Советов Молдавии принял новую Конституцию Молдавской АССР. Однако уже в начале августа 1940 г. автономная республика была упразднена. После присоединения Бессарабии 10 июля 1940 г. СНК СССР и ЦК ВКП (б) направили в Верховный Совет СССР предложение о создании Молдавской ССР. 2 августа 1940 г. Верховный Совет принял Закон «Об образовании Союзной Молдавской Советской Социалистической Республики». В соответствии с ним центральные уезды Бессарабии и шести районов МАССР образовали новую союзную республику СССР, а восемь районов МАССР были включены в состав Одесской области Украины (Лазарев 1974: 575; Репида 1983: 191–199). Поскольку в СССР отсутствовало разработанное законодательство о порядке образования и ликвидации национально-государственных образований, вопрос о легитимности ликвидации МАССР в настоящее время является предметом политических конфликтов и научных споров.

## ЛИТЕРАТУРА

Афтенюк 1971 – *Афтенюк С.Я.* Ленинская национальная политика Коммунистической партии и образование советской государственности молдавского народа. Кишинев, 1971.

Бомешко 1998 – *Бомешко Б.Г.* Образование Молдавской АССР (истоки приднестровской проблемы) // Исторический альманах Приднестровья. 1998. № 2. С. 14–23.

Бочачер 1926 – *Бочачер Н.М.* Молдавия. М.; Л.: Государственное издательство, 1926.

Галущенко 2014 – *Галущенко О.С.* Образование Молдавской АССР: современный взгляд историка // Проблемы национальной стратегии. 2014. № 5. С. 202–218.

Государственно-правовые 1963 – Государственно-правовые акты Молдавской ССР (1924–1941 гг.). Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1963.

Дембо 1925 – *Дембо В.О.* Советская Молдавия и бессарабский вопрос. М.: Моск. отд. об-ва бессарабцев «Прочь руки румынских захватчиков от Бессарабии», 1925.

Карлов 1965 – *Карлов А.А.* Разработка и принятие Конституции Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики, 1925 год // Исследования молодых историков Молдавии: сб. ст. / Редкол.: канд. филос. наук А.И. Бабий и др. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1965.

Кукушкин, Чистяков 1987 – *Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И.* Очерки истории Советской Конституции. М.: Политиздат, 1987.

Лазарев 1974 – *Лазарев А.М.* Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1974.

Раковский 1925 – *Раковский Х.Г.* Румыния и Бессарабия: К семилетию аннексии Бессарабии. М.: Литиздат НКВД, 1925.

Репида 1983 – *Репида А.В.* Образование Молдавской ССР. Кишинев: Штиинца, 1983.

Роман 1981 – *Роман А.Т.* Участие трудящихся Молдавской АССР в деятельности Советов (1924–1940). Кишинев: Штиинца, 1981.

Советские конституции 2015a – Советские конституции. Хрестоматия: в 4 ч. Ч. 1: СССР, 1922–1936 гг. / Сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещ. гос. пед. ун-т, 2015.

Советские конституции 2015b – Советские конституции. Хрестоматия: в 4 ч. Ч. 2: СССР, 1922–1936 гг. / Сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещ. гос. пед. ун-т, 2015.

Советские конституции 2015c – Советские конституции. Хрестоматия: в 4 ч. Ч. 3: СССР, 1922–1936 гг. / Сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещ. гос. пед. ун-т, 2015.

Советское строительство 1977 – Советское строительство в левобережных районах Молдавии (1921–1924 гг.). Сб. док. и материалов. Кишинев, 1977. С. 333–342.

Сталин 1952 – *Сталин И.В.* О проекте Конституции Союза ССР (Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г.). Вопросы ленинизма. М.: Госполитиздат, 1952.

Сурилов 1963 – *Сурилов А.В.* История государства и права Молдавской ССР (1917–1959 гг.). Кишинев, 1963.

Татару 1932 – *Татару А.* Бессарабия под пятой румынских оккупантов. М.: Парт. изд-во, 1932.

## REFERENCES

Aftenyuk, S.Ya. (1971) *Leninskaya natsional'naya politika Kommunisticheskoy partii i obrazovaniye sovetskoy gosudarstvennosti moldavskogo naroda* [The Leninist national policy of the Communist Party and the formation of the Soviet statehood of the Moldavian people]. Chişinău: [s.n.].

Bomeshko, B.G. (1998) *Obrazovaniye Moldavskoy ASSR (istoki pridnestrovskoy problemy)* [The formation of Moldavian Autonomous Soviet Socialist Republic (the origins of the Transnistrian problem)]. *Istoricheskiy al'manakh Pridnestrov'ya*. 2. pp. 14–23.

Bochacher, N.M. (1926) *Moldaviya* [Moldavia]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoye izdatel'stvo.

Galushchenko, O.S. (2014) *Obrazovaniye Moldavskoy ASSR: sovremennyy vzglyad istorika* [Formation of Moldavian Autonomous Soviet Socialist Republic: a modern view of the historian]. *Problemy natsional'noy strategii*. 5. pp. 202–218.

Moldavian SSR. (1963) *Gosudarstvenno-pravovyye akty Moldavskoy SSR (1924–1941 gg.)* [State-legal acts of the Moldavian SSR (1924–1941)]. Chişinău: Cartea Moldoveneasca.

Dembo, V.O. (1925) *Sovetskaya Moldaviya i bessarabskiy vopros* [Soviet Moldova and the Bessarabian question]. Moscow: Mosk. otd. o-va bessarabtsev “Proch’ ruki rumynskikh zakhvatchikov ot Bessarabii”.

Karlov, A.A. (1965) *Razrabotka i prinyatiye Konstitutsii Moldavskoy Avtonomnoy Sovetskoy Sotsialisticheskoy Respubliki, 1925 god* [Development and adoption of the constitution of the Moldavian Autonomous Soviet Socialist Republic, 1925]. In: Babiy, A.I. et al. (eds) *Issledovaniya molodykh istorikov Moldavii* [Studies of Young Historians of Moldova]. Chişinău: Cartea Moldoveneasca.

Kukushkin, Yu.S. & Chistyakov, O.I. (1974) *Ocherki istorii Sovetskoy Konstitutsii* [Essays on the History of the Soviet Constitution]. Moscow: Politizdat.

Lazarev, A.M. (1974) *Moldavskaya sovetskaya gosudarstvennost’ i bessarabskiy vopros* [Moldavian Soviet statehood and the Bessarabian question]. Chişinău: Cartea Moldoveneasca.

Rakovskiy, Kh.G. (1925) *Rumyniya i Bessarabiya: K semiletiyu anneksii Bessarabii* [Romania and Bessarabia: On the seven-year anniversary of the annexation of Bessarabia]. Moscow: Litizdat NKID.

Repida, A.V. (1983) *Obrazovaniye Moldavskoy SSR* [The Formation of Moldavian SSR]. Chişinău: Shtiintsa.

Roman, A.T. (1981) *Uchastiye trudyashchikhsya Moldavskoy ASSR v deyatel’nosti Sovetov (1924–1940)* [The participation of workers of the Moldavian ASSR in the activities of the Soviets (1924–1940)]. Chişinău: Shtiintsa.

Kuznetsov, D.V. (2015a) *Sovetskiye konstitutsii* [Soviet Constitutions]. Part 1. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University.

Kuznetsov, D.V. (2015b) *Sovetskiye konstitutsii* [Soviet Constitutions]. Part 2. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University.

Kuznetsov, D.V. (2015c) *Sovetskiye konstitutsii* [Soviet Constitutions]. Part 3. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University.

Vizer, B.K. (ed.) (1977) *Sovetskoye stroitel’sтво v levoberezhnykh rayonakh Moldavii (1921–1924 gg.)* [Soviet construction in the left-bank regions of Moldova (1921–1924)]. Chişinău: Shtiintsa. pp. 333–342.

Stalin, I.V. (1952) *O projekte Konstitutsii Soyuza SSR (Doklad na Chrezvychaynom VIII Vsesoyuznom s’yezde Sovetov 25 noyabrya 1936 g.)*. *Voprosy leninizma* [On the draft of the USSR Constitution (Report at the Extraordinary VIII All-Union Congress of Soviets on November 25, 1936). Questions of Leninism]. Moscow: Gospolitizdat.

Surilov, A.V. (1963) *Istoriya gosudarstva i prava Moldavskoy SSR (1917–1959 gg.)* [History of State and Law of the Moldavian SSR (1917–1959)]. Chişinău: Cartea Moldoveneasca.



Tataru, A. (1932) *Bessarabiya pod pyatoy rumynskikh okkupantov* [Bessarabia under the heel of the Romanian invaders]. Moscow: Part. izd-vo.

**Вологдин Александр Анатольевич** – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Всероссийской академии внешней торговли (Россия).

**Alexander A. Vologdin** – The Russian Foreign Trade Academy (Russia).

**E-mail:** A.Vologdin.vavt@yandex.ru

УДК 498"1920/1941"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/53/18

## УКРАИНСКАЯ ЭМИГРАНТСКАЯ ПЕРИОДИКА В МЕЖВОЕННОЙ РУМЫНИИ

**В.Н. Власенко**

Сумский государственный университет  
Украина, 40007, г. Сумы, ул. Римского-Корсакова, 2  
E-mail: v\_m\_vlas@ukr.net

### Авторское резюме

На основе ранее неизвестных документов болгарского, российского, чешского и украинских архивов анализируется периодика украинской политической эмиграции в Румынии в межвоенный период. Рассказывается о газетах, выходивших в лагерях для интернированных украинских воинов в городах Брашов, Орадя-Маре и Фэгэраш. Основное внимание уделяется бюллетеням, издававшимся Чрезвычайной дипломатической миссией УНР в Румынии, филиалом Украинского товарищества Лиги Наций в Бухаресте, Общественно-вспомогательным комитетом украинской эмиграции в Румынии и Комитетом им. Симона Петлюры в Бухаресте. Рассматриваются меры центральных украинских эмигрантских организаций в Румынии, принятые в отношении издания украинских газет в Бессарабии и Северной Буковине, а также создания в румынской столице собственного издательства и Украинского телеграфного агентства. Акцентируется внимание на участии в издании журнала «Батава» идеолога украинского национализма Дмитрия Донцова.

**Ключевые слова:** бюллетень, газета, журнал, периодика, Румыния, украинская политическая эмиграция.

## UKRAINIAN ÉMIGRÉ PRESS IN THE INTERWAR ROMANIA

V.N. Vlasenko

Sumy State University

2 Rimsky-Korsakov Street, Sumy, 40007, Ukraine

E-mail: v\_m\_vlas@ukr.net

### Abstract

The article is based on the previously unknown documents from the Bulgarian, Russian, Czech and Ukrainian archives. It analyses the Ukrainian political émigré press of the interwar period in Romania, with the focus on the newspapers published in the camps for the interned Ukrainian soldiers in Braşov, Oradea Mare, Făgăraş. The main attention is paid to bulletins issued by the Extraordinary diplomatic mission of the UPR in Romania, the branch of the Ukrainian Society of the League of Nations in Bucharest, the Public Support Committee of Ukrainian Emigration in Romania and the Simon Petliura Committee in Bucharest. The article enlightens the measures taken by the central Ukrainian émigré organizations in Romania concerning the publication of Ukrainian newspapers in Bessarabia and Northern Bukovyna, as well as the establishment of their own publishing house and Ukrainian Telegraph Agency in the capital of Romania. The author pays particular attention to the ideologist of Ukrainian nationalism Dmytro Dontsov and his participation in the *Batava* magazine.

**Keywords:** bulletin, newspaper, magazine, press, Romania, Ukrainian political émigré.

Революционные события 1917–1921 гг. на территории бывшей Российской империи вообще и отдельных ее частей в частности привели к значительным политическим и социально-экономическим изменениям. Те, кто не принял большевистский режим или вооруженным путем противостоял ему, вынуждены были покинуть Родину. В результате нескольких массовых волн и разнонаправленных потоков большое количество беженцев и политических эмигрантов оказалось в Европе. Такие страны, как Германия, Польша, Франция, Чехословакия и др., стали политическими центрами российской и украинской эмиграции, иные государства континента – периферийными ее частями. Промежуточное место между этими двумя группами стран занимала Румыния, правительство которой признавало существование двух отдельных национальных групп политической эмиграции – российской и украинской. Это было отражено и в так называемых нансеновских паспортах (сертификатах идентичности).

В данной работе речь пойдет не об украинской эмиграции вообще, а лишь о политической. Понятие «политическая эмиграция» употребляется здесь в узком смысле. То есть мы имеем в виду ту часть эмиграции, которая была политически мотивированной, идеологически определившейся, организационно структурированной и исповедовала идею украинской государственности в различных ее формах.

В исторической литературе уже нашли отражение такие аспекты истории украинской политической эмиграции в Румынии, как волны эмиграции (Власенко 2014a; Власенко 2014b; Власенко 2014c), повседневность интернированных военнослужащих Армии УНР (Срибняк 2017), беженцы в Бессарабии (Гарусова 2017), социальная структура (Власенко 2015) и количественные изменения эмиграции (Vlasenko, Guzun 2017), политические течения в эмигрантской среде (Власенко 2016; Власенко, Гузун 2016), деятельность ее лидеров К. Мацеевича (К. Мацієвич) (Vlasenko, Guzun 2016; Власенко 2017), И. Пороховского (Anchetat 2016) и общественных организаций (Власенко 2007). Вне поля зрения исследователей оказалась эмигрантская пресса. Именно поэтому целью автора является характеристика украинской эмигрантской периодики в межвоенной Румынии.

Свидетельством разнообразия общественной и культурной жизни украинских эмигрантов в Румынии была пресса. Абсолютное большинство изданий имело уэнэровское направление, т. е. в своей деятельности ориентировалось на правительство Украинской Народной Республики (УНР) в эмиграции. В начале 1921 г., как видно из доклада председателя Чрезвычайной дипломатической миссии (ЧДМ) УНР в Румынии Константина Мацеевича министру иностранных дел УНР Андрею Никовскому, редакции местных румынских газет отказывались печатать материалы, подготовленные пресс-бюро ЧДМ УНР в этой стране. Поэтому К. Мацеевич высказался за издание собственного еженедельного бюллетеня на румынском языке (ЦДАВОУ 3: 156). Но вскоре ситуация изменилась. Румынские газеты возобновили публикации материалов пресс-бюро ЧДМ, и потребность в издании такого бюллетеня отпала.

Первые периодические издания эмиграции увидели свет в лагерях для интернированных украинских воинов. Их инициаторами были неформальные объединения интернированных военнослужащих – кружки, союзы, секции и общества (товарищества). В начале 1921 г. в лагере г. Брашов вышли первые два номера журнала «За ґратами» («За решеткой») под редакцией литературного кружка (Порохівський 1930: 61). Весной 1922 г. в лагере г. Орадя-Маре увидели свет следующие два номера этого журнала (по одному экземпляру каждый). В письме коменданта лагеря интернированных украинских воинов

в Орадя-Маре Игнатия Пороховского управе Главного военно-исторического архива-музея (Польша) от 31 мая 1922 г. отмечалось, что журнал издавался артистическо-художественной секцией (Степан Богданович, Степан Дедов и др.) лагерного товарищества «Просвіта» («Просвещение») (культурно-просветительный отдел) (ЦДАВОУ 1: 3 об.).

В начале 1923 г. в г. Фэгэраш лагерный учительский союз начал издавать газету «Таборовий вісник» («Лагерный вестник»). К лету того же года вышло пять номеров. Финансовую помощь изданию предоставила управа филиала Украинского товарищества Лиги Наций (ФУТЛН) в Бухаресте (В Румунії 1923: 6; ГАРФ 1: 54). До сих пор не удалось найти ни одного экземпляра этих лагерных изданий в украинских архивах и библиотеках. Возможно, они хранятся в румынских архивах (Сидоренко 2000: 222–223).

Инициатором основания периодических изданий выступила и Чрезвычайная дипломатическая миссия УНР в Румынии. В Черновцах она начала издание еженедельника «Народний голос». 22 апреля 1921 г. по этому вопросу К. Мацеевич встретился с министром внутренних дел Румынии Константином Аржетояну и министром Буковины Доримедонтом (Дори) Поповичем (ЦДАВОУ 5: 12 об.–13). Разрешение было получено. Редакцию еженедельника возглавил доктор права, адвокат, журналист и издатель Лев Когут. Газета создавалась как демократическое, национальное издание, стоявшее на позициях УНР и защиты интересов Великой Украины. Три четверти тиража должны были распространяться за рубежом, остальное – на Украине. Редакции запрещалось вмешиваться в дела внутренней политики власти в Северной Буковине и Восточной Галиции. Корректуру и письменные материалы просматривал сам К. Мацеевич. Из его личного фонда на издание еженедельника выделялось 10 тыс. леев, которые направлялись представителю ЧДМ в Черновцах Евгению Луговому. Последний отвечал за распространение за рубежом и доставку на Украину (ЦДАВОУ 4: 54). Тираж составлял 5 тыс. экземпляров и распределялся между МИД УНР в Тарнове (Польша), Пресс-бюро и военной секцией ЧДМ, представителем ЧДМ в Черновцах и редактором еженедельника (ЦДАВОУ 2: 17). Со временем тираж увеличился. В июне 1921 г. только на Украину было отправлено 15 тыс. экземпляров (ЦДАВОУ 3: 156).

Газета начала выходить в мае 1921 г., но после третьего номера К. Мацеевич временно прекратил ее издание. В июле того же года он сообщил МИД УНР о том, что редактор д-р Когут не понял характера и направления газеты, «поэтому я составляю теперь ее здесь, в миссии, и посылаю готовый материал для печати в Черновцах и для выпуска

там газеты. Большая польза нашего издания в том, что вся газета в количестве 15 тыс. экземпляров уже на Украине» (ЦДАВОУ 4: 71). Вскоре редакцию газеты возглавил И. Созанский. Дело ее издания К. Мацеевич обсуждал с Симоном Петлюрой (Листи 2009: 49) и министром иностранных дел УНР А. Никовским (ЦДАВОУ 3: 155 об.–156). В том же году еженедельник прекратил свое существование и вновь увидел свет в 1923 г., но без участия ЧДМ УНР в Румынии.

Филиал Украинского товарищества Лиги Наций (ФУТЛН) в Румынии также инициировал создание собственного периодического издания. В начале декабря 1922 г. его управа, в состав которой входили и сотрудники ЧДМ, высказалась за издание газеты «Незалежна Україна» по газетному формату «Бухарестских новостей». Предполагавшийся тираж – 2 тыс. экземпляров общей стоимостью 10–12 тыс. леев (ЦДАВОУ 7: 106). Вероятно, недостаток средств заставил управу отказаться от такой идеи. 26 декабря 1922 г. член управы опытный журналист Дмитрий Геродот (Ивашина) предложил издавать информационные бюллетени, «подчеркнув отсутствие украинской прессы на территории Румынии, а также и полное отсутствие информации о национально-украинском деле». Он отметил, что бюллетени, «помимо чисто информационных задач, будут также способствовать духовному объединению распыленной украинской эмиграции». Управа согласилась на издание еженедельного бюллетеня, утвердив его редактором Д. Геродота и выделив на печать в январе 1923 г. 150 леев. Но поскольку ФУТЛН еще не был легализован румынскими властями, то решили издавать еженедельник от имени пресс-бюро при ЧДМ УНР в Румынии (ЦДАВОУ 7: 65–66). Первый номер «Бюлетеня Пресового Бюро при Українській Дипломатичній Місії У.Н.Р. в Румунії» увидел свет 10 января 1923 г. В Центральном государственном архиве высших органов власти и управления Украины хранится 44 номера бюллетеня, датированных 1923–1924 гг. На его страницах печаталась информация об общественно-политической и культурно-образовательной жизни эмиграции, деятельности ЧДМ, центральных (ФУТЛН, Союз украинских женщин-эмигранток в Румынии, Украинское ссудо-сберегательное товарищество «Згода» («Согласие»), Общественно-вспомогательный комитет украинской эмиграции в Румынии) и местных общественных организаций (Украинская громада) в Румынии и других странах (УТЛН, Украинский центральный комитет в Польше), были представлены материалы конференций украинской эмиграции в Румынии, рассказывалось о событиях в УССР, публиковались некрологи и т. д.

На I Конференции украинской эмиграции в Румынии, состоявшейся в сентябре 1923 г., также рассматривался вопрос об украинской

прессе. В резолюции по докладу Д. Геродота «О поддержке украинской национальной прессы» отмечалось, что конференция призывает эмигрантов «всеми силами морально и материально поддерживать родную прессу и национальные издательства» (Перша 1923: 174). Избранный на конференции Общественно-вспомогательный комитет (ОВК) не только взял на себя ответственность поддерживать украинскую прессу в других странах, но и пообещал основать собственное издательство «Об'єднання» («Объединение») и одноименный литературно-политический и экономический двухнедельник. На совместном заседании ОВК и управы ФУТЛН была создана редакционная коллегия в составе К. Мацеевича, И. Гаврилюка, Д. Геродота, С. Дельвига и Ю. Миткевича. Объем издания – 32 печатных листа, стоимость первого экземпляра – 20 леев (ЦДАВОУ 8: 79 об., 89). По утверждению редколлегии, из самого названия двухнедельника следовало, что его главной целью является «объединение украинского общества и его активных сил в ЕДИНСТВЕННЫЙ СПЛОШНОЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФРОНТ». Предполагалось, что он будет беспартийным и общенациональным, содержащим информационные материалы, публицистику, литературные произведения, статьи по финансово-экономическим вопросам, критику и библиографию (НАСР 1). Было обнародовано воззвание и направлены известным общественно-политическим деятелям и литераторам письма с предложением публиковаться на страницах двухнедельника. Так, в октябре 1923 г. председатель ОВК и редакционной коллегии К. Мацеевич призвал к сотрудничеству генерала Михаила Омеляновича-Павленко (Українська 2008: 159). Делом издания «Об'єднання» занимался и С. Петлюра, о чем свидетельствует его письмо к Павлу Чижевского от 25 апреля 1924 г., в котором он приглашал министра финансов и известного экономиста поддержать двухнедельник, опубликовав на его страницах свои исследования по экономическим вопросам (Петлюра 1979: 552–553). В конце июля того же года предложение сотрудничать поступило и писателю, драматургу и педагогу Спиридону Черкасенко (НАСР 1).

На следующих конференциях украинской эмиграции в Румынии также поднимался вопрос о своем издательстве и журнале. II Конференция украинской эмиграции в Румынии, состоявшаяся в сентябре 1924 г., призвала эмигрантов стать пайщиками (каждый пай – 300 леев) издательского общества «Об'єднання» и подписаться на двухнедельник (ГАРФ 2: 1 об.). На III Конференции, состоявшейся в октябре 1925 г., отмечалось, что паевой капитал общества невелик, внешних денежных поступлений не хватает. Издательское общество «Об'єднання» приобрело только печатный шрифт и наборные кассы. На это были потрачены занятые К. Мацеевичем из кассы ЧДМ 10 тыс.



леев. Кроме того, в 1923–1925 гг. цены на издательское оборудование повысились (ЦДАВОУ 9: 9–10). Поэтому из-за отсутствия средств и переезда в Чехословакию инициатора и вдохновителя дела К. Мацеевича издательский проект «Объединения» постепенно пришел в упадок.

Вместо этого нереализованного проекта было основано Украинское телеграфное агентство во главе с Д. Геродотом. Оно имело свой печатный орган под названием «Бюлетень Українського телеграфного агентства (УКРАЇНТАГ)». По газетному формату, периодичности (2–4 раза в месяц) и подписной цене (20 леев в месяц) он был подобен «Бюлетеню Пресового Бюро при Українській Дипломатичній Місії У.Н.Р. в Румунії». Выходил с 6 февраля 1925 до середины 1940 г. В Центральном государственном архиве высших органов власти и управления Украины хранится 28 номеров (ЦДАВОУ 9: 1–66), в Центральном государственном архиве общественных объединений Украины – 1 (ЦГАООУ: 1–7), в Национальном архиве Чешской Республики – 1 (НАСР 2) и в Центральном государственном архиве Болгарии – 4 номера и 1 приложение (ЦДАБ 2: 1–4). На страницах бюллетеня рассказывалось об общественно-политической и культурно-образовательной жизни эмиграции, в Румынии и Советской Украине, эмигрантской, румынской и советской периодике, беженцах из СССР, деятельности ОВК и правительства УНР в эмиграции, публиковались материалы конференций украинской эмиграции в Румынии, некрологи и т. п. По данным советской разведки, материалы бюллетеня часто перепечатывали столичные и провинциальные газеты, выходившие на территории Румынии, в том числе «Curentul» (Бухарест) и «Час» (Черновцы) (ОГА СВРУ: 270 об.).

В докладе делегата ОВК Василия Трепке на II Конференции украинской эмиграции, прошедшей в 1932 г. в Праге, отмечалось, что Пресс-бюро «УКРАЇНТАГ» информировало центральную и местную румынскую прессу не только о ситуации на украинских землях, но и о важных событиях украинской общественно-политической и культурной жизни в эмиграции. Эта информация еженедельно публиковалась на страницах изданий, которые печатались в Румынии на разных языках (немецкий, румынский, венгерский и др.) (ЦДАБ 1: 4).

Агентство издавало также коммюнике, ноты и иные подобного рода документы (Наріжний 1999: 125). Репортажи, хроника, сообщения его сотрудников печатались на страницах эмигрантской прессы (В Румунії 1939: 23). Агентство вместе с другими общественными организациями украинской эмиграции в Румынии участвовало в различных акциях украинской эмиграции, к примеру, в праздновании Шевченковских дней, 50-летия главного атамана войск УНР Андрея Ливицкого,

10-летия Украинской хозяйственной академии в Подебрадах, в чествовании памяти С. Петлюры и т. п.

Бюллетени издавали также отдельные общественные организации и даже их структурные подразделения. Так, в 1926 г. Бюро труда ОВК задекларировало выпуск специального рабочего «Бюлетеня». Его цель – помощь эмигрантам в поиске работы, информирование об оплате труда квалифицированных и неквалифицированных рабочих, о прожиточном минимуме в разных регионах Румынии (Хроніка 1926: 45).

На следующий день после убийства в Париже С. Петлюры в Бухаресте был создан Комитет им. Симона Петлюры в Румынии. Во время судебного процесса над убийцей председателя Директории УНР в румынской столице вышло несколько выпусков специального «Бюлетеня Комітету імені Симона Петлюри в Румунії». Они печатались на трех языках. Бюллетени на румынском и русском языках посылались редакциям 48 газет, на украинском – 46 украинским общественным организациям, общественно-политическим и культурным деятелям, проживавшим не только в Румынии, но и в других странах. Для этого был создан фонд комитета, куда поступали средства от украинских эмигрантов и общественных организаций. Так, Украинское телеграфное агентство в Румынии предоставило фонду несколько ссуд на общую сумму 9,5 тыс. леев. Председателем фонда комитета и редактором специального «Бюлетеня» был Д. Геродот (ЦДАВОУ 6: 116, 117 об., 120–120 об.).

25 мая 1937 г. Комитет имени Симона Петлюры в Румынии начал издавать собственный печатный орган «Наше слово». Главной его целью было информировать о деятельности комитета, главной задачей – «поддерживать культ уважения к рыцарям украинской освободительной борьбы, а в первую очередь к самой яркой фигуре среди этих рыцарей – Симону Петлюре», главным лозунгом – «Всё для Украины». Редактор – Д. Геродот (ЦДАВОУ 10: 1). В Центральном государственном архиве высших органов власти и управления Украины хранится один номер журнала. В нем речь идет о похоронах поручика Армии УНР, члена Комитета имени Симона Петлюры Софрона Иваненко, первых основателях Украинского дома имени С. Петлюры в Бухаресте, инициативе Украинской громады в Бухаресте построить собственное здание, увековечении памяти С. Петлюры, публикуется финансовый отчет комитета за период с 1 декабря 1936 г. по 1 мая 1937 г. (ЦДАВОУ 10: 1–3 об.). Вероятно, вышло еще несколько номеров журнала, но обнаружить их не удалось.

В сентябре 1940 г. в Бухаресте был создан Временный комитет Общественно-вспомогательного комитета (ВК ОВК), ориентировав-

шийся в своей деятельности на бывшего гетмана П. Скоропадского. Руководителем ВК ОВК был сын известного статистика, доцент Украинской хозяйственной академии в Подебрадах Юрий Русов. По его приглашению в Бухарест прибыл Дмитрий Донцов. Благодаря этим двум людям начал выходить журнал «Батава». Первый номер, увидевший свет в начале 1941 г., был изготовлен циклостилем, следующие (с марта) – типографским способом (Українська 2008: 638). Всего вышло 9 номеров. Последний (№ 8–9) увидел свет в ноябре 1941 г. Фактическим редактором журнала был Д. Донцов (криптоним Д. Д.). Печатались также статьи Ю. Русова и его жены Натальи Геркен-Русовой. Но после переезда Донцова в Берлин журнал прекратил существование (Доценко 2003: 299). Экземпляры журнала (кроме № 1) хранятся в Центральной научной архивной библиотеке (г. Киев).

Заметим, что украинские эмигранты были причастны к изданию прессы в Бессарабии и Северной Буковине. Так, в 1920–1922 гг. в Кишиневе выходила русскоязычная газета «Наше слово». Непродолжительное время ее редактировал Ю. Миткевич, заинтересованный в увеличении информации об украинском деле в Румынии, но из-за трудного материального положения, как отмечалось в письме Михаила Шереметинского-Шереметьева в МИД УНР, он не мог активно заняться украинским делом. При финансовой поддержке в 3–4 тыс. леев ежемесячно ему удалось бы «сделать газету вполне украинской» (ЦДАВОУ 3: 93). Однако эта идея не была реализована. В 1934–1938 гг. член Провода Организации украинских националистов Олег Ольжич (Кандыба) неоднократно приезжал в Румынию по делам ежемесячника «Самостійна думка» («Независимая мысль»), выходившего в Черновцах. Постоянно проживая в тот период в Праге, он был фактическим редактором этого издания (Антонович 1985: 47), что и подтвердил один из его редакторов Д. Квитковский (Квітківський-Квітка 1974: 569).

Известным журналистом, публицистом и редактором среди украинской эмиграции не только в Румынии, но и в других странах континента был уроженец г. Верхнеднепровск Екатеринославской губернии (ныне Днепропетровской области) Дмитрий Геродот (1892–1975). В начале XX в. он переехал в Кременчуг. С 1907 г. начал печататься в местной прессе. Его стихи и фельетоны публиковались на страницах кременчугских, полтавских и харьковских газет. В 1914 г. был мобилизован в российскую армию. Революцию 1917 г. встретил на Румынском фронте в составе 6-й армии. Был членом комитета 3-й стрелковой дивизии этой армии и Украинского армейского совета, а также секретарем редакции газеты 6-й армии «Воин-гражданин».

Весной 1918 г. переехал в Одессу, где издавал юмористическую «Газету-ракету», редактировал газеты «Молодая Украина» и «Одесская мысль», публиковался в еженедельнике «Наше село». С осени того же года жил в Киеве. Работал в редакциях газет «Відродження», «Вісті ВУЦВК», «Слово», «Трибуна», «Україна». В 1919–1920 гг. был сотрудником ежедневной газеты «Українське слово» (Каменец-Подольский) (Зленко 2006: 564).

В ноябре 1920 г. Д. Геродот вместе с правительственными учреждениями эвакуировался на территорию Польши, откуда летом следующего года переехал в Румынию. В межвоенный период печатался в таких периодических изданиях, как «Воля» (Австрия), иллюстрированный календарь «Хлібороб», календарь «Рідний край», календарь-альманах «Дніпро», «Народня справа», «Наша зоря», «Новий час», «Рідна мова», «Син України», «Українська нива», «Українська трибуна», «Український інвалід» (Польша), «Самостійна думка», «Самостійна думка української матері», «Хліборобська правда» (Румыния), «Гуртуймося», «Студентський вісник» (Чехословакия) и др.

Чаще всего Д. Геродот публиковался на страницах печатного органа правительства УНР в эмиграции парижского еженедельника «Тризуб». Его работы отличались разнообразием жанров. Это были статьи, корреспонденции, репортажи, письма, отчеты, информация (в рубрике «Хроника. В Румынии»), документы (декларации, обращения, призывы, объявления), подписанные журналистом. Нами выявлено около 70 его материалов за подписью *Дмитрий Геродот*, *Дм. Геродот*, *Д. Недоля*, *Тутешній*, *Українтаг*, а также криптонимами *Д.Г.* и *Г.* Вероятно, что большинство материалов о Румынии без указания авторства писал именно Д. Геродот. Предполагаем также, что его перу принадлежит ряд публикаций, подписанных псевдонимами (Присутній, Хозар). Кроме того, на страницах еженедельника находим более 30 материалов, в которых говорится о его общественно-политической деятельности и литературном творчестве (Власенко 2012: 98–109).

Издателем, редактором и автором многих статей в украинской эмигрантской, румынской и зарубежной прессе был бывший саратовский губернский агроном, министр иностранных дел УНР (1919), председатель ЧДМ УНР в Румынии, ОВК и ФУТЛН в Бухаресте, профессор нескольких российских и украинских вузов Константин Мацевич. Его перу принадлежат работы на страницах таких периодических изданий, как «Воля» (Вена), «Тризуб» (Париж), «Закордонне бюро Української Радикально-Демократичної Партії. Бюлетень», «Записки Української Господарської Академії» (Подебрады), «Вістник Українського національного конгресу» (Прага), «Трибуна України», «Праці Українського Наукового Інституту» (Варшава), «Український Агроно-

мічний Вісник», «Кооперативна Республіка» (Львов) и др.

К. Мацеевич неоднократно обсуждал украинский вопрос с иностранными журналистами. Так, в августе 1928 г. в Румынии корреспондент английских изданий «Daily Express» и «Evening Standard» В. Смитс взял у него интервью. Речь шла о «наиболее важных и актуальных аспектах украинской проблемы» (Хроніка 1928: 29). 15 декабря 1937 г. влиятельная румынская газета «Curentul» (№ 3548) опубликовала большое интервью с К. Мацеевичем. В заголовке было указано, что «украинский вопрос является делом международным» (Українська 1938: 5–8).

В 1930-х гг. членами Союза украинских журналистов и писателей на чужбине (Прага) были и украинские эмигранты из Румынии М. Галин, Д. Геродот, К. Мацеевич, В. Трепке (Звіт 1935: 3).

Таким образом, в межвоенной Румынии выходили разнообразные периодические издания украинской политической эмиграции – бюллетени, газеты (еженедельные и двухнедельные) и журналы. Их инициаторами и издателями выступали неформальные организации (кружки, секции, товарищества) в лагерях для интернированных украинских воинов, Чрезвычайная дипломатическая миссия УНР, филиал Украинского товарищества Лиги Наций, Общественно-вспомогательный комитет украинской эмиграции и Комитет им. Симона Петлюры в Бухаресте. Большинство этих изданий просуществовало недолго – от нескольких месяцев до нескольких лет. Лишь бюллетень ЧДМ УНР в Румынии издавался в течение 15 лет (с перерывами). Эмигрантская периодика в этой балканской стране ориентировалась преимущественно на правительство УНР в эмиграции. Националистическую направленность имел лишь журнал «Батава». На страницах эмигрантской периодики нашли отражение не только разнообразные стороны общественно-политической и культурной жизни украинской эмиграции вообще и в Румынии в частности, но и материалы о жизни в Советской Украине.

## ЛИТЕРАТУРА

Антонович 1985 – Антонович М.Д-р. Олег Кандиба // Український історик. Нью-Йорк; Торонто; Мюнхен. 1985. № 1–4 (85–88). С. 46–48.

Власенко 2007 – Власенко В. Філія Українського товариства Ліги Націй у Бухаресті: перші кроки // Література та культура Полісся: Збірник. Вип. 38: Регіональна історія та культура в сучасних дослідженнях / Ніжинський держ. ун-т ім. М. Гоголя; відп. ред. Г.В. Самойленко. Ніжин, 2007. С. 160–170.

Власенко 2012 – *Власенко В.* Публікації Дмитра Геродота на сторінках паризького тижневика «Тризуб» // Вісник Центрального державного архіву зарубіжної україніки. 2012. Вип. 1. С. 98–109.

Власенко 2014а – *Власенко В.Н.* Вторая волна межвоенной украинской политической эмиграции в Румынии (зима – весна 1920 г.) // Русин. 2014. № 2 (36). С. 270–284. DOI: 10.17223/18572685/36/17

Власенко 2014б – *Власенко В.Н.* Третья волна межвоенной украинской политической эмиграции в Румынии (первая волна) // Русин. 2014. № 4 (38). С. 99–114. DOI: 10.17223/18572685/38/7

Власенко 2014с – *Власенко В.Н.* Формирование украинской политической эмиграции в Румынии в межвоенный период (первая волна) // Русин. 2014. № 1 (35). С. 105–120. DOI: 10.17223/18572685/35/9

Гарусова 2017 – *Гарусова О.А.* Беженцы гражданской войны в Бессарабии (1918-1921 гг.). Переход через Днестр // Русин. 2017. № 3 (49). DOI: 10.17223/18572685/49/4

ГАРФ 1 – Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 28.

ГАРФ 2 – ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Д. 369.

ОГА СВРУ – Отраслевой государственный архив Службы внешней разведки Украины. Ф. 1. Д. 12617.

Срибняк 2017 – *Срибняк И.В.* Украинцы в Бессарабии и Румынии, 1921–1923 гг. (лагерная и внелагерная повседневность интернированных военно-служащих армии УНР) // Русин. 2017. № 3 (49). DOI: 10.17223/18572685/49/8

ЦДАБ 2 – ЦДАБ. Ф. 1717К. Оп. 1. Д. 464.

ЦДАВОУ 1 – Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦДАВОУ). Ф. 3179. Оп. 1. Д. 11.

ЦДАВОУ 2 – ЦДАВОУ. Ф. 3696. Оп. 1. Д. 161.

ЦДАВОУ 3 – ЦДАВОУ. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 308.

ЦДАВОУ 4 – ЦДАВОУ. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 354.

ЦДАВОУ 5 – ЦДАВОУ. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 446.

ЦДАВОУ 6 – ЦДАВОУ. Ф. 4452. Оп. 1. Д. 2.

ЦДАВОУ 7 – ЦДАВОУ. Ф. 4465. Оп. 1. Д. 9.

ЦДАВОУ 8 – ЦДАВОУ. Ф. 4465. Оп. 1. Д. 157.

ЦДАВОУ 9 – ЦДАВОУ. Ф. 4465. Оп. 1. Д. 158.

ЦДАВОУ 10 – ЦДАВОУ. Ф. 4465. Оп. 1. Д. 159.

ЦДАГОУ – Центральный государственный архив общественных объединений Украины. Ф. 269. Оп. 3. Д. 23.

В Румунії 1923 – В Румунії. Допомога таборовому Вістникові // Український Сурмач. 1923. 3 червня. С. 6.

В Румунії 1939 – В Румунії // Тризуб. 1939. № 40–41. С. 23.

Власенко 2015 – *Власенко В.* Соціальна структура міжвоєнної української політичної еміграції в Румунії // Сумська старовина. 2015. № XLVI. С. 43–53.

Власенко 2016 – *Власенко В.* Радикально-націоналістичне середовище міжвоєнної української еміграції в Південно-Східній Європі // Сумська старовина. 2016. № XLIX. С. 23–42.

Власенко 2017 – *Власенко В.* Кость Мацієвич – вчений-агроном і дипломат // Зовнішні справи = UA Foreign Affairs. 2017. № 6. С. 32–35.

Власенко, Гузун 2016 – *Власенко В., Гузун В.* Національно-демократичне середовище міжвоєнної української еміграції в країнах Південно-Східної Європи // Сумська старовина. 2016. № XLVIII. С. 25–49.

Доценко 2003 – *Доценко Р.І.* «Батава» // Енциклопедія Сучасної України. Київ, 2003. Т. 2. С. 299.

Звіт 1935 – Звіт Союзу українських журналістів і письменників на чужині (за період від 26.III.1934 до 29.X.1935). Прага, 1935. 3 с.

Зленко 2006 – *Зленко Г.Д.* Геродот Дмитро // Енциклопедія Сучасної України. Київ, 2006. Т. 5. С. 564.

Квітковський-Квітка 1974 – *Квітковський-Квітка Д.* Євген Коновалець і Буковина // Євген Коновалець та його доба. Мюнхен: Видання Фундації ім. Євгена Коновальця, 1974. С. 561–571.

Наріжний 1999 – *Наріжний С.* Українська еміграція: Культурна праця української еміграції 1919–1939 / Редкол.: О. Федорук (голова) та ін. К.: Вид-во ім. Олени Теліги, 1999. 271 с.

Листи 2009 – Листи Костя Мацієвича до Симона Петлюри (1920–1923 рр.) / упорядкування, вступна стаття та коментарі В. Власенка. Суми: ФОП Наталуха А.С., 2009. 128 с.

Перша 1923 – Перша Конференція української еміграції в Румунії // Трибуна України. Варшава, 1923. № 5–7. С. 164–174.

Петлюра 1979 – *Петлюра С.* Статті. Листи. Документи / Ред. Т. Гунчак та ін., Українська вільна академія наук у США, Бібліотека ім. Симона Петлюри в Парижі. Нью-Йорк, 1979. Т. 2. 627 с.

Порохівський 1930 – *Порохівський Г.* Українська військова еміграція в Румунії // Табор. Варшава, 1930. Т. 13. С. 57–68.

Сидоренко 2000 – *Сидоренко Н.М.* Національно-духовне самоствердження: у 3 ч. Ч. 2: Преса інтернованих українці та цивільної еміграції (Чехія. Польща, Румунія, Єгипет, 1919–1924 рр.). Київ, 2000. 262 с.

Українська 1938 – Українська справа єсть справою міжнародньою // Тризуб. 1938. № 1–2. С. 5–8.

Українська 2008 – Українська політична еміграція 1919–1945: Документи і матеріали / Редкол.: Ю.А. Левенець (співголова), В.А. Смолій (співголова) та ін. Київ: Парламентське вид-во, 2008. 928 с.

Хроніка 1926 – Хроніка. В Румунії. Еміграційні робітничі «БЮЛЕТЕНІ» // Тризуб. 1926. № 26–27. С. 45.

Хроніка 1928 – Хроніка. *Геродот Д.* В Румунії. Англійський журналіст у проф. К. Мацієвича // Тризуб. 1928. № 36. С. 28–29.



ЦДАБ 1 – Централен държавен архив на Република България (ЦДАБ). Ф. 1717К. Оп. 1. Д. 459.

Anchetat 2016 – *Anchetat de Smerș: Asul SSI și liderul emigrației ucrainene din România în dosarele SBU/Vadim Guzun, Valeriy Vlasenko* (Editori). Cluj–Napoca: Editura Argonaut, 2016. 730 p.

NAČR 1 – Národní archiv České republiky (NAČR). F. «Ukrajinske muzeum v Praze». Kart. 31. Inv. № 682.

NAČR 2 – NAČR. F. «Ukrajinske muzeum v Praze». Kart. 87. Inv. № 1095.

Vlasenko, Guzun 2016 – *Vlasenko V., Guzun V.* Konstantin Mațievici – omul de știință și diplomatul ucrainian // *Caiete Diplomatice / Institutul diplomatic Român*. București, 2015. Anul III. Nr 3. P. 20–46.

Vlasenko, Guzun 2017 – *Vlasenko V., Guzun V.* Interwar Ukrainian political emigration in Romania (quantitative changes) // *Analele Universității din Craiova. Istorie*. 2017. Anul XXII. Nr 1 (31). P. 51–60.

## REFERENCES

Antonovich, M. (1985) Dr. Oleg Kandiba [Dr. Oleg Kandiba]. *Ukrayins'kyy istoryk*. 1–4 (85–88). pp. 46–48.

Vlasenko, V. (2007) Filiya Ukrayins'koho tovarystva Lihy Natsiy u Bukharesti: pershi kroky [Branch of the Ukrainian League of Nations in Bucharest: the first steps]. In: Samoylenko, G.V. (ed.) *Literatura ta kul'tura Polissya* [Literature and Culture of Polissya]. Issue 38. Nizhin: Nizhin State. University. pp. 160–170.

Vlasenko, V. (2012) Publikatsiyi Dmytra Herodota na storinkakh paryz'koho tyzhnevnyka “Tryzub” [Dmitry Herodotus' publications on the pages of the Parisian weekly “Trizub”]. *Visnyk Tsentral'noho derzhavnoho arkhivu zarubizhnoyi ukrayiniky*. 1. pp. 98–109.

Vlasenko, V. (2014a) The second wave of Ukrainian interwar political emigration to Romania (winter-spring 1920). *Rusin*. 2(36). pp. 270–284 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/36/17

Vlasenko, V. (2014b) The third wave of Ukrainian interwar political emigration to Romania. *Rusin*. 4(38). pp. 99–114 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/38/7

Vlasenko, V. (2014c) Formation of the Ukrainian political emigration in Romania during the interwar period (the first wave). *Rusin*. 1(35). pp. 105–120 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/35/9

Garusova, O.A. (2017) Refugees in Bessarabia during the Civil War. Crossing the Dniester. *Rusin*. 3(49). pp. 58–73 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/49/4

The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-7440. List 1. File 28.

The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-9145. List 1. File 369.

The Branch State Archive of the Foreign Intelligence Service of Ukraine. Fund 1. File 12617.

Sribnyak, I.V. (2017) *Ukrainians in Bessarabia and Romania in 1921-23 (Everyday Life of the UPA Interned Soldiers Inside and Outside the Camp)*. *Rusin*. 3(49). pp. 122–136 (In Ukrainian). DOI: 10.17223/18572685/49/8

The Central State Archive of the Republic of Bulgaria (TsDAB). Fund 1717K. List 1. File 464.

The Central State Archives of Supreme Governments and Administrations of Ukraine (TsDAVOU). Fund 3179. List 1. File 11.

The Central State Archives of Supreme Governments and Administrations of Ukraine (TsDAVOU). Fund 3696. List 1. File 161.

The Central State Archives of Supreme Governments and Administrations of Ukraine (TsDAVOU). Fund 3696. List 2. File 308.

The Central State Archives of Supreme Governments and Administrations of Ukraine (TsDAVOU). Fund 3696. List 2. File 354.

The Central State Archives of Supreme Governments and Administrations of Ukraine (TsDAVOU). Fund 3696. List 2. File 446.

The Central State Archives of Supreme Governments and Administrations of Ukraine (TsDAVOU). Fund 4452. List 1. File 2.

The Central State Archives of Supreme Governments and Administrations of Ukraine (TsDAVOU). Fund 4465. List 1. File 9.

The Central State Archives of Supreme Governments and Administrations of Ukraine (TsDAVOU). Fund 4465. List 1. File 157.

The Central State Archives of Supreme Governments and Administrations of Ukraine (TsDAVOU). Fund 4465. List 1. File 158.

The Central State Archives of Supreme Governments and Administrations of Ukraine (TsDAVOU). Fund 4465. List 1. File 159.

The Central State Archives of Public Associations of Ukraine (TsGAOOU). Fund 269. List 3. File 23.

Anon. (1923) V Rumuniyi. Dopomoha taborovomu Vistnykovi [In Romania. Assistance to the Camp Newsman]. *Ukrayins'kyi Surmach*. 3rd June. p. 6.

Anon. (1939) V Rumuniyi [In Romania]. *Trizub*. 40–41. pp. 23.

Vlasenko, V. (2015) Sotsial'na struktura mizhvoyennoyi ukrayins'koyi politychnoyi emihratsiyi v Rumuniyi [The social structure of the inter-war Ukrainian political emigration in Romania]. *Sums'ka starovyna*. XLVI. pp. 43–53.

Vlasenko, V. (2016) Radykal'no-natsionalistychne seredovyshche mizhvoyennoyi ukrayins'koyi emihratsiyi v Pivdenno-Skhidniy Yevropi [Radical nationalist environment of inter-war Ukrainian emigration in South-Eastern Europe]. *Sums'ka starovyna*. XLIX. pp. 23–42.

Vlasenko, V. (2017) Kost' Matsiyevych – vchenyy-ahronom i dyplomat [Kost Matsievich – scientist-agronomist and diplomat]. *Zovnishni spravy = UA Foreign Affairs*. 6. pp. 32–35.

Vlasenko, V. & Guzun, V. (2016) Natsional'no-demokratychnе seredovyshe mizhvo-yennoyi ukrayins'koyi emihratsiyi v krayinakh Pivdenno-Skhidnoyi Yevropy [The national-democratic environment of interwar Ukrainian emigration in the countries of South-Eastern Europe]. *Sums'ka starovyna*. XLVIII. pp. 25–49.

Dotsenko, R.I. (2003) "Batava" [Batawa]. In: Dzyuba, I.M. (ed.) *Entsyklopediya Suchasnoyi Ukrayiny* [Encyclopedia of Contemporary Ukraine]. Vol. 2. Kyiv: [s.n.].

Anon. (1935) *Zvit Soyuzu ukrayins'kykh zhurnalistiv i pys'mennykiv na chuzhyni (za period vid 26.III.1934 do 29.KH.1935)* [Report of the Union of Ukrainian Journalists and Writers in Foreign Countries (for the period from 26.2.1934 to 29.9.1935)]. Prague: [s.n.].

Zlenko, G.D. (2006) Gerodot Dmytro [Herodotus Dmitry]. In: Dzyuba, I.M. (ed.) *Entsyklopediya Suchasnoyi Ukrayiny* [Encyclopedia of Contemporary Ukraine]. Vol. 5. Kyiv: [s.n.].

Kvitkovskyy-Kvitka, D. (1974) Yevhen Konoval's' i Bukovyna [Yevhen Konoval's and Bukovina]. In: Gritsai, O. et al. *Yevhen Konoval's' ta yoho doba* [Eugene Konoval's and his day]. Munich: Yevhen Konoval's Foundation. pp. 561–571.

Narizhniy, S. (1999) *Ukrayins'ka emihratsiya: Kul'turna pratsya ukrayins'koyi emihra-tsiyi 1919–1939* [Ukrainian emigration: Cultural labour of Ukrainian emigration in 1919–1939]. Kyiv: Vyd-vo im. Oleny Teligy.

Vlasenko, V. (ed.) (2009) *Lysty Kostya Matsiyevycha do Symona Petlyury (1920–1923 rr.)* [Letters from Kost Matsievich to Simon Petliura (1920–1923)]. Sumy: FOP Nataluha A.S.

Anon. (1923) Persha Konferentsiya Ukrayins'koyi Emihratsiyi v Rumuniyi [First Conference of Ukrainian Emigration in Romania]. *Trybuna Ukrayiny*. 5–7. pp. 164–174.

Petlyura, S. (1979) *Statti. Lysty. Dokumenty* [Articles. Letters. Documents]. Vol. 2. New York: [s.n.].

Porohivskyy, G. (1930) Ukrayins'ka viys'kova emihratsiya v Rumuniyi [Ukrainian military emigration in Romania]. *Tabor*. 13. pp. 57–68.

Sydorenko, N.M. (2000) *Natsional'no-dukhovne samostverdzhennya: u 3 ch.* [National-spiritual self-affirmation: In 3 parts]. Part 2. Kyiv: [s.n.].

Anon. (1938) Ukrayins'ka sprava yest'spravoyu mizhnarodn'oyu [The Ukrainian case is an international matter]. *Tryzub*. 1–2. pp. 5–8.

Levenets, Y.A. & Smoliiy, V.A. (eds) (2008) *Ukrayins'ka politychna emihratsiya 1919–1945: Dokumenty i materialy* [Ukrainian Political Emigration 1919–1945: Documents and Materials]. Kyiv: Parlament-s'ke vyd-vo.

Anon. (1926) Khronika. V Rumuniyi. Emihratsiyini robitnychi "BYULETENI" [Chronicle. In Romania. Emigrant Workers Bulletins]. *Tryzub*. 26–27. p. 45.

Herodotus D.V. (1928) V Rumuniyi. Anhliys'ky zhurnalist u prof. K. Matsiyevycha [Chronicle. In Romania. English journalist visiting Prof. K. Matsievich]. *Tryzub*. 36. pp. 28–29.

The Central State Archive of the Republic of Bulgaria (TsDAB). Fund 1717K. List 1. File 459.

Guzun, V. & Vlasenko, V. (eds) (2016) *Anchetat de Smerș: Asul SSI și liderul emigrației ucrainene din România în dosarele SBU* [Enquired by SMERSH: The Ace of the SSI and the Leader of Ukrainian Emigration in Romania in the SBU files, 1944–1947]. Cluj–Napoca: Editura Argonaut.

The National Archives of the Czech Republic (NAČR). Fund “Ukrainian Museum in Prague. File 31. Inventory number 682.

The National Archives of the Czech Republic (NAČR). Fund “The Ukrainian Museum in Prague”. File 87. Inventory number 1095.

Vlasenko, V. & Guzun, V. (2015) Konstantin Mațievici – omul de știință și diplomatul ucrainian [Konstantin Matsievich – the scientist and Ukrainian diplomat]. *Caiete Diplomatice*. 3. pp. 20–46.

Vlasenko, V. & Guzun, V. (2017) Interwar Ukrainian political emigration in Romania (quantitative changes). *Analele Universității din Craiova. Istorie*. 1(31). pp. 51–60.

**Власенко Валерий Николаевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры конституционного права, теории и истории государства и права учебно-научного института права Сумского государственного университета (Украина).

**Valery N. Vlasenko** – Institute of Law of Sumy State University (Ukraine).

**E-mail:** v\_m\_vlas@ukr.net

УДК 94(477)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/53/19

## ОСОБИСТІСТЬ І ДУХОВНА ПОЗИЦІЯ О. Г. КОСТЕЛЬНИКА В ІСТОРИКО- КУЛЬТУРОЛОГІЧНОМУ РАКУРСІ

**М. Ю. Чікарькова**

Чернівецький національний університет ім. Ю. Федьковича

Україна, 58000, м. Чернівці, вул. Коцюбинського, 2

E-mail: chikarkova@bigmir.net

### Авторське резюме

Г. Костельник – поет, критик, перший русинський прозаїк, автор першої нормативної граматики русинської мови, відомий церковний діяч. Однак ця непересічна особистість була далека від цілісності, і в літературі про Г. Костельника зазвичай спостерігається тенденційність: його трактують то як святого, то як зрадника і злочинця. У свідомості о. Гавриїла надії і деструктивні тенденції епохи відбилися повною мірою, що і є основним предметом даної статті, в якій ця фігура зображується у всій повноті її обдарувань і прорахунків. Формування подібного характеру в лоні сучасного церковного організму – дуже цікавий і не до кінця осмислений феномен. Костельника не захоплювала перспектива залишитися в рамках «малої батьківщини», не задовольняла його і доля священника, зате приваблювала кар'єра університетського професора філософії і духовна незалежність; він навіть накликав на себе опалу римської курії, обстоюючи ідею повернення в євхаристії до східної епiklezi. Але після радянської окупації і приєднання Західної України до Радянського Союзу інтелелігібельні орієнтації витіснила фантастична мрія очолити нову, вільну від підпорядкування Риму українську церкву, опозиційну одночасно і комуністам. Для цього він співпрацював з НКВС і навіть умовляв священників-уніатів залишити свою церкву, не гребуючи при цьому навіть рукоприкладством. Втім, НКВС шантажував і його самого – за свою негнучкість він заплатив життям сина. Його власну трагічну загибель приписують то радянським спецслужбам, то націоналістам. Маккіавеллізм дивно уживався в цій особистості з чистотою душі і навіть наївністю. Фігура Костельника, так само далекого і від зlodіяння в повному сенсі цього слова, і від святості, втілює типову долю європейського інтелектуала епохи модерну, терзаня «фаустівської душі», трагедію людини, що впала в спокусу перевлаштувати світ і заплатила за це власним життям.

**Ключові слова:** українська церква, «фаустівська душа», макіавеллізм, європеїзм, модерн.

## ЛИЧНОСТЬ И ДУХОВНАЯ ПОЗИЦИЯ о. Г. КОСТЕЛЬНИКА В ИСТОРИКО- КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ РАКУРСЕ

**М. Чикарькова**

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича  
Украина, 58000, г. Черновцы, ул. Коцюбинского, 2  
E-mail: chikarkova@bigmir.net

### Авторское резюме

Г. Костельник – поэт, критик, первый русинский прозаик, автор первой нормативной грамматики русинского языка, известный церковный деятель. Однако эта незаурядная личность была далека от целостности, и в литературе о Г. Костельнике обычно наблюдается тенденциозность: его называют то святым, то предателем и преступником. В сознании о. Гавриила надежды и деструктивные тенденции эпохи отразились в полной мере, что и является основным предметом данной статьи, в которой эта фигура изображается во всей полноте ее и дарований, и просчетов. Формирование такого характера в лоне современного церковного организма – очень интересный и не до конца осмысленный феномен. Костельника не устраивала перспектива остаться в рамках «малой родины», не удовлетворяла его и стезя священника, зато влекли карьера университетского профессора философии и духовная независимость; он даже навлек на себя опалу римской курии, отстаивая идею возвращения в ехаристии к восточной епиклезе. Но после советской оккупации и присоединения Западной Украины к Советскому Союзу интеллигентные ориентации вытеснила фантастическая мечта возглавить новую, свободную от подчинения Риму украинскую церковь, оппозиционную одновременно и коммунистам. Для этого он сотрудничал с НКВС и даже уговаривал священников-униатов оставить свою церковь, не гнушаясь при этом даже рукоприкладства. Впрочем, НКВС шантажировало и его самого: Костельник заплатил за свою негибкость жизнью сына. Ответственность за его трагическую гибель возлагают то на советские спецслужбы, то на националистов. Макиавеллизм странно уживался в этой личности с чистотой души и даже наивностью. Фигура Костельника, равно далекого и от злодеяния в полном смысле данного слова, и от святости, воплощает типичную судьбу европейского интеллектуала эпохи

модерна, демонструє терзання «фаустовської душі», трагедію человека, впавши-го в искушение переустроити мир и заплатившего за это собственной жизнью.

**Ключевые слова:** українська церква, «фаустовська душа», макіавеллізм, європеїзм, модерн.

## PERSONALITY AND SPIRITUAL POSITION OF G. KOSTELNIK IN THE HISTORICAL AND CULTURAL ANALYSIS

**M. Yu. Chikarkova**

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University,  
2 Kotsyubinsky Street, Chernivtsy, 58000, Ukraine  
E-mail: chikarkova@bigmir.net

### Abstract

The outstanding personality of Gabriel Kostelnik is far from integrity. He is considered a saint, a traitor, and a criminal. His way of thinking fully reflects the hopes and destructive trends of the era. In this paper, Gabriel Kostelnik is depicted in the fullness of his talents and miscalculations. The formation of such a character within the modern church is a very interesting phenomenon. Kostelnik did not like the idea of remaining in the “small homeland”. Neither was he satisfied with the prospect to be a priest. He was attracted by the career of a university professor of philosophy, so he even brought upon himself the disgrace of the Roman curia, defending the idea of returning to the Eucharist for the Eastern epiclesis. After the Soviet occupation, his intellectual interests were driven out by a fantastic dream to lead a new Ukrainian church, free from obligations to Rome and opposed to the Communists. He collaborated with the NKVS and even persuaded Uniat priests to leave his church, even by means of physical assault. However, the NKVS blackmailed Kostelnik, too: his inflexibility was paid for with the life of his son. Kostelnik epitomises the typical fate of a European intellectual of the Modern Age, “Faustian soul”, which fell into the temptation of the world’s reconstruction and paid for it with his life.

**Keywords:** Ukrainian church, “Faustian soul”, Machiavellianism, Europeanism, modernism.

Гавриїл (Ґабор, Ґавро) Теодорович Костельник (1886–1948) народився в русинській греко-католицькій родині переселенців із Закарпаття,



в селі Рускі Крстур, яке здавна було культурним центром паннонських русинів; досить сказати, що тут, як і о. Гавриїл, згодом побачить світ Дюра Папгаргаї, відомий русинський письменник. Батько майбутньої знаменитості був парохом місцевої церкви. Сам Г. Костельник став поетом, критиком і першим русинським прозаїком, автором першої нормативної граматики русинської мови, а також відомим церковним діячем у бурхливу пору розвалу Австро-Угорщини та енергійного пошуку національної самоідентифікації народами, що її складали, так само, як і в годину розгулу шовіністичної і тоталітаристської експансії і розпалу Другої світової війни. Водночас він широко переступив кордон своєї «малої батьківщини». За домінантою інтересів він залишається в історії насамперед як священик і богослов, причому його церковна діяльність розгорталася у страдницькому Львові першої третини ХХ ст., спочатку ще «австрійському», потім – «польському» і врешті-решт – «радянському».

Безперечно, що у цій непересічній особистості вирували невичерпні запаси енергії, які потребували реалізації, і, завдяки своєму прагненню все осягти й упорядкувати, він виявився далеким від цілісності; його вади так само грандіозні, як і його різнобічні таланти, що дає підставу назвати його справжньою «ренесансною людиною». Але це тривіальне визначення явно недостатнє. Сучасна психологія твердить, що в одній людині може міститися до 30 абсолютно різних особистостей. Ось і в о. Гавриїлі сподівання, динаміка, строкатість та деструктивні тенденції епохи позначилися повною мірою. Проте предметом окремого наукового інтересу ця динамічна складність досі ще не виступала – в літературі про о. Гавриїла спостерігається або тенденція беззастережної ідеалізації (аж до вінця святого включно), або прагнення дезавуювати його як історичну постать, ба, навіть принизити і зганьбити.

Ми покладаємо своїм завданням проаналізувати цю постать у всій повноті її обдарувань та прорахунків, маючи на меті реалістичне та багатогранне відтворення їх злуки в одній особистості й уникнення ідеалізації й тенденційності. Життя, злети, помилки та особливо загибель непересічної людини завжди містять у собі пласти не до кінця зрозумілого матеріалу. Але певні підсумки підвести усе ж таки можна.

Як уже мовилося, в оцінках життя й творчості Г. Костельника немає згоди. Недаремно о. О. Гірник уживає формули «наскрізь незрозуміла постать о. Гавриїла Костельника», оцінки діяльності якого «і досі звучать руковмиваючим: “...розпни Його”» (Гірник 2006b). О. Пагіря характеризує Г. Костельника як фігуру, що «залишається на сьогодні однією з найзагадковіших та найсуперечливіших в історії України першої половини ХХ ст.» (Пагіря 2009: 387). Л. Юрса пише, що він «ввійшов

в історію української культури як суперечлива постать» (Юрса 2014: 295). Тут і досі вирують пристрасті й прагнення до однозначної, вичерпної оцінки. На жаль, спроби синергетичних підходів часом більше викликають питання, ніж подають відповіді. Так, монографія Л. Вежель рясніє неточностями й відвертими помилками, а розумування про спалахи на Сонці та «циклічне розміщення планет», зі схемою яких начебто в'яжеться вся його творчість» і які нібито дозволили Г. Костельнику встановити «чіткі періоди в еволюції християнства й житті Церкви, чи пасаж про українців, які нібито спокутують «гріхи за злам прадідівської віри – язичницької» (причому ці міркування знову ж таки приписуються о. Г. Костельнику) не можуть викликати нічого, крім здивування (Вежель 2003: 5, 147). Водночас, у зв'язку з появою останнім часом нових друкованих матеріалів, діяльність і погляди Г. Костельника потребують більш детального аналізу.

Приступити до завдання дати неідеологізовану та незаангажовану оцінку Г. Костельнику дуже непросто. Адже, по-перше, у нас глибоко вкоренилася традиція писати про непересічну особистість, особливо ж про визначного діяча церкви, з оглядкою на агіографічний канон, що провокує замовчування або нівелювання людської недосконалості, протиріч цієї індивідуальності й особливо її ганебних вчинків (від яких, на жаль, ніхто не застрахований). Герой такого ідеалізованого портрету має бути бездоганним з морального погляду, відданим своїй церкві та народові й певною мірою нагадувати ікону своєю статичністю, чистотою ліній і редукацією живих кольорів. Так, у Росії, а почасти й у сьогоднішній Україні зазвичай проголошується, що остаточний вибір Г. Костельника, який відкинув унію й перейшов на бік російського православ'я, був правильний і виправданий; більше того, о. Гавриїла не так давно таки спробувала канонізувати УПЦ Московського патріархату (ініціатива архієпископа Львівського і Галицького Августина; см.: Львівська єпархія). Тут спостерігається відверто штучна героїзація цієї трагічної постаті, яку пропонують сприймати в ідеалізованому ракурсі, зумовленому інерцією агіографічного жанру. Але навіть питання про мучеництво о. Гавриїла залишається смутним: у московській церкві однозначно трактують його вбивство як справу рук українських націоналістів, а в Україні найчастіше переконані, що вбив о. Гавриїла агент НКВС, що, зрозуміло, істотно впливає на саму постановку проблеми.

Сьогоднішнє незалежне українське православ'я намагається більш об'єктивно розібратися у хитросплетіннях поведінки Костельника і розглядає його як певною мірою провісника УПЦ КП. Характерна зважена стаття о. М. Лагодича, в якій проаналізовано великий, зокрема архівний, матеріал, котрий дозволяє точніше усвідомити перипетії

«роману» о. Гавриїла з НКВС; тут зроблено, на наш погляд, і глибоко вірний висновок: «Амбітність цього львівського душпастиря не лише позбавила його подальшої кар'єри в УГКЦ, але й життя» (Лагодич 2014: 66).

Здається також виваженою позиція також вже згадуваного вище сучасного греко-католицького священика о. О. Гірника, який слушно зауважує: «Існує переконання, що о. Г. Костельник все своє життя по-слідовно йшов до подій Львівського "псевдособору 1946", трактуючи це як покладену на нього Богом місію ліквідації Берестейської унії та повернення греко-католицької церкви в лоно православ'я. Це не лише офіційна версія Російської православної церкви й радянської історіографії (І. Паславський), але й українських інтелектуалів-дисидентів (Я. Дашкевич). Утім, навіть поверхове ознайомлення з надрукованими ще за життя філософськими працями Костельника, особливо його рукописною та епістолярною спадщиною, дають підстави твердити: о. Гавриїл був далекий від ортодоксального православ'я і послідовно прямував до світогляду, окресленого на початку ХХ ст. як "католицький модернізм"» (Гірник 2008).

Загалом же греко-католицька думка, при всій принциповості оцінки вчинку «зрадника», забарвлена щирим співчуттям до цього чоловіка, акцентуючи його душевні муки та приреченість у тому «новому світі», в який він потрапив. Але й зайвої сентиментальності тут годі шукати. Звернемося до офіційного сайту УГКЦ (матеріал за 31 жовтня 2009 р.). На запитання, чи реабілітовано Костельника, відповідає адміністратор сайту о. Олег: «...а що значить "реабілітовано"? В чому саме? РПЦ хоче його канонізувати – чув; як непересічну, але збідовану людину, що шукала якогось виходу у складній ситуації, але помилилася – важка тема, але можливо; але як католика, що залишив Церкву Христову, – точно ні <...> Я грішний тому і пропоную звернутися до УКУ – серед Живої Історії почерпнете і те, що мене вразило: о. Костельник ходив до священиків, намовляючи на схизму, з чекістом; сідали за стіл, говорив о. Гавриїл, а чекіст постійно мовчав (лише перед собою на стіл клав пістолет); о. Костельник часто зривався на крик, деколи бив співрозмовника... Я давно вже не при ділах історичних, але дуже пропоную передивитися цю сторону проблеми. Хоча основа моєму (?) ні не поведінка бідного зденервованого чоловіка, а саме: священика / богослова / філософа, який у непевний час не просто відрікся КЦ, а своє вміння / освіту спрямував на написання антикатолицьких поверхневих заангажованих творів».

Тут-таки до оцінки ситуації прилучається інок Діонісій: «Я особисто не займався ніколи вивченням життєпису о. Костельника, проте майже всі, з ким я говорив про нього, радше жаліли, ніж осуджували

його. Жаліли, бо мав помилкове розуміння про тодішнє московське православ'я і про советську владу. Був членом "ініціативної групи", але ініціатива знищення УГКЦ походила, очевидно, не від нього <...> Можна говорити про драму людини, яку шантажували, змусили до співпраці, а коли в повноті використали і побачили, що він готовий розкаятися, – просто вбили. До речі, о. Г. Костельник втішається великим авторитетом у русинів з Сербії, з яких був родом і для яких уклав граматику їхньої мови» (Отець Костельник 2009). Однак тут є й певна літота: його «схизма з чекістами» розглядається як вимушений крок, як зумовлена непорозумінням помилка, але нам здається, що тут ситуація усе ж таки якісно інша.

До непересічної особистості Гавриїла Костельника слід підходити з максимальною об'єктивністю, як парох-мученик на те й заслуговує. Водночас, подібно, бачити в ньому виключно невинну жертву, й тим більше – святого, однаково буде помилкою. Якраз багатогранність і суперечливість цієї постаті найбільш варті на увагу, оскільки саме тим ціхується людина новітнього типу, для якої не старовинна цілісність, а плюралізм і релятивність стають підґрунтям життєвої позиції та поведінки. Формування такого характеру в лоні сучасного церковного організму – надзвичайно цікавий і до кінця ще не осмислений феномен.

Звернемося до деяких фактів, що промовляють самі за себе.

По-перше, одразу ж зазначимо, що працювати виключно для свого малого русинського народу, де він і досі «втішається великим авторитетом», о. Гавриїл однозначно не забажав: «Я гімназію скінчив у Загребі і міг писати або по-хорватському, або в бачвансько-українському діалекті. Хорвати (тоді ще не було Югославії) – малий і убогий народець. А писати тільки в бачвансько-українському діалекті – це означало писати для 25 000 селяхів. І одне і друге було замалим полем для моєї душі! Моєю мрією було стати професором університету, і то професором філософії, як предмету, щоб "проповідувати" нові, одначе "нереволюційні" (неатеїстичні, несоціалістичні і т. д.) погляди. Які це мали бути погляди в подробицях, я тоді ще того не знав, тільки прочував, що щось таке я світові дам. Але якби я лишився в Хорватії, то я мусів би писати по-хорватському. Хоч я почувався напівхорватом, все-таки я волів би був писати для мого "руського" народу (назва "українець" тоді в нас ще й відома не була)» (Гірник 2006b). Таким чином, о. Гавриїл ідентифікує себе аж ніяк не як виразника інтересів та сподівань «25 000 селяхів»; дрібні в його очах і масштаби Хорватії; полем діяльності його як «українця» має стати значно більша і помітна в світі Україна, нехай би навіть тільки Західна. І, якщо згадати максимум «субота для людини, а не людина для суботи», то дуже подібно, що від

самого початку о. Гавриїл любив, як висловився відомий театральний режисер К. Станіславський, «не мистецтво в собі, а себе в мистецтві». Не він для русинів України, Хорватії чи навіть церкви, а вони – для його самоствердження. Цей «титанізм» світовідчуття є виразом не християнського духу, а духу модерну, який робить «альфою й омегою» вже не Ісуса Христа, а «моє», людське «Я». У прагненнях о. Гавриїла від самого початку було багато світського, себелюбного. Зокрема варто принагідно згадати, що філософія, яка так його приваблювала, згадується в Біблії лише один раз, і то різко негативно – у Посланні до колосян апостола Павла: «Стережіться, щоб ніхто не звів вас філософією та марною оманю за переданням людським, за стихіями світу, а не за Христом» (Кол. 2, 8).

З тих пір пройшло немало часу, й сьогодні теологія вже вільно й охоче спілкується з філософією (досить пригадати хоча б томізм), але в контексті тодішніх ціннісних установок факт залишається фактом: о. Гавриїл мислив себе найперше філософом і професором, а не священником і теологом. Хоча заради правди зауважимо, що, переймаючись філософськими проблемами, Г. Костельник залишається релігійним філософом, визнає матеріальне і духовне начала світу, розмірковує про природу людської душі тощо (Мірчук 2013), глибоко цікавить його проблема теодицеї (Загребельний 2013), а інтуїтивістську філософію він цінує насамперед тому, що вона «підтверджує істинність релігії та ідеалізму взагалі <...> показує хибність матеріалізму» (Шеремета 2014).

Втім, і оцінки Г. Костельника як філософа та теолога доволі розбіжні. Якщо сучасні українські аналітики – О. Гірник, В. Степенко та ін. – вважають, що Костельник цілком гідно представляє сучасний філософський пошук і навіть перебуває як філософ на порозі нової наукової парадигми (Гірник 2006а), то, на думку дослідника з діаспори о. І. Гриньоха, він «був відомий зі своїх у теології ліберальних і модерністичних переконань», і «плоди його творчості на перший погляд вражали своєю оригінальністю, <та> при глибшій аналізі виявилися без глибшої думки і без солідного ґрунту» (Стеценко 2011: 114). Не слід відкидати й реального впливу на філософську концепцію Костельника ладу його поетичного світосприйняття (Гірник 2007), що робило його логіку ускладненою й часом неочікуваною. Й навіть у цих своїх дослідженнях о. Гавриїл був здатний спровокувати гостру ситуацію.

1928 р. він публікує трактат «Спір про епіклезу між Сходом і Заходом». Приділимо деяку увагу цій репрезентативній праці, оскільки вона органічно вписується в наш дискурс.

По-перше, звернемо увагу на те, що у сфері трансцендентного Г. Костельник почувається цілком невимушено й пише про інтелігі-

бельні речі легко й просто: «Привід до написання сеї розвідки дала мені книжка о. Дра Русснака під заг. "Епиклизись". Нині, коли на Заході, як доси не бувало, змоглося заінтересовання християнським Сходом, отся проблема дуже на часі. Вона також становить один з "каменів претконовенія" між християнським Сходом і Заходом. Хоч тут властиво не розходиться про догму, себто про правду віри, котра була би Церквою усталена й проголошена, а все ж таки обі сторони так трактують свій погляд, мовби він був догмою. Видно, що непорозуміння лежить глибше й обіймає куди ширший горизонт, аніж сама епikleза, як така. Погляд на епikleзу є дуже знаменним викладником цілої системи богословського думання на Заході й на Сході. Ось тому отся проблема така дразлива; тому вона виходить незвичайно повчаючою, коли до неї поставитися, як слід» (Костельник 1928: 3).

Костельник бере крупним планом вчення про Епikleзу, сутність якої полягає в літургійній молитві про перетворення хліба й вина на реальні Тіло і Кров Христові (Святі Дари). Трансубстанціяція, яка тут відбувається, є процесом повного перетворення хліба і вина в Тіло і Кров Христову. Це є розвитком заповіданого Христом на Тайній Вечері чину спожиття хліба та вина, які потрактовано як Його Тіло й Кров. При цьому в епikleзах східного (візантійського і вірменського) обряду молитва містить прошення про сходження Святого Духа на Дари та їх освячення, а у західних обрядах молитва звернена до Бога-Отця чи Святої Трійці і є проханням про *прийняття Дарів як жертви* (т. зв. *висхідна* та *нисхідна* епikleза). Неважко побачити, що в західному варіанті акцентується радше *ініціатива людини*, ніж *Божа ласка*. Й дуже цікаво, що отцеві Гавриїлу, попри весь склад його особистості, видавався вірнішим східний варіант, що свідчить про підвищену чутливість до проблеми людського дерзання. До того ж він вдається до критики схоластично-казуїстичного способу міркування Римської церкви, вказуючи водночас на те, що й тут споконвічно уживався східний чин: «Отже коли маємо на увазі перші три, або й чотири століття, то з цілою певністю можемо заключати, що римська літургія в своїх основних частях була така сама, як і всі східні літургії. Авжеж сама схема римської літургії й дотепер така сама, як схема східних літургій. Значить, що в римській літургії мусіла бути також епikleза – та й то така, яка була в східних літургіях» (Костельник 1928: 67).

Зрозуміло, чому ця праця Г. Костельника викликала гнів римської курії та заборону авторові викладати у Львівській духовній академії. Таким чином, навіть гранично піднесена над проблемами буденності теологічна проблема вирішується о. Гавриїлом у форматі гострого «земного» конфлікту.

Маятник, що розгойдувався у його свідомості, набирав усе крутішої амплітуди. Й, подібно, чим більше хвилювали його суто теоретичні проблеми – осягнення фізикою містичної реальності, проблема атеїзму як різновиду релігійного мислення, природа стигматизму тощо, тим гострішим ставало прагнення взяти безпосередню участь в ідеологічно-політичному герці, що розгортався навколо. Вочевидь, він до самого кінця так і не усвідомив, що континуум, в якому він перебував, накрило цунамі примусової секуляризації, й ґрунту під ногами вже фактично немає.

Опубліковані в останні десятиліття документи радянських спецслужб свідчать, що Г. Костельник, який обіймав на той момент високий церковний пост в УГКЦ, планував, зберігаючи негативне ставлення до комунізму, створення в умовах СРСР незалежної і від Риму, і від Москви української греко-католицької церкви, що, зрозуміло, добром закінчитися не могло – ця непересічна людина явно не до кінця усвідомлювала, з якою аморальною і нещадною квазірелігією їй довелося мати справу. Він досить простодушно гадав, що нова влада усе ж таки гратиме «за правилами», не розуміючи, що сутність комуністичного режиму – зухвале богоборство та цинічне зречення будь-якої моралі. Отож йому випало пережити низку випробувань у спробах налагодити контакт з цією владою, яка у відповідь шантажувала його арештом сина Богдана. Від нього вимагали стати на чолі буцімто «добровільної» ліквідації греко-католицької церкви й подальшого розчинення її у РПЦ. Г. Костельник тоді на співробітництво не погодився, й його сина Богдана було страчено. Надій на класичний діалог, в якому народжується істина, у казусі взаємин з радянським тоталітарним режимом не залишилося. Тепер можна було сподіватися на майбутнє хіба виключно у форматі трансцендентного, в духовному лоні церкви. Звичайно, християнський спіритуалізм був сферою, де він почувався як вдома. Але старі кордони, що розділяли християн, давно видавалися йому тенетами, й він одчайдушно сподівався на якийсь новий синтез світового християнства («витворити щось вище і від православ'я і від римокатолицизму», «зреставрувати давню, дійсно католицьку церкву» (рукопис 1945 р. «Покликання нашої уніятської церкви»).

Й полем для цього експерименту у його фантазіях мала тепер стати аж ніяк не «мала батьківщина». Начебто хоча б тут складалося: Україна, яка, з мовчазної згоди західних лідерів, була примусово об'єднана Сталіним у форматі «України Радянської», чекала, в уяві вкрай знервованого Г. Костельника, на духовного лідера, котрий, очевидно, вбачав тут можливості для реалізації своїх надій поновити «нерозділене християнство», безпідставно сподіваючись на якусь



утопічну «церковну автономію» в межах СРСР. Але до пори до часу він останнього кроку не робив.

Те, що ініціатива в справі залучення Г. Костельника до ліквідації унії належала усе ж таки в першу чергу органам держбезпеки СРСР, добре показано у статті Д. Веденєєва, створеній на основі маловідомих або вперше використаних документів радянських органів держбезпеки.

Автор досить рельєфно змальовує, що точкою відліку тут усе ж таки були протиріччя світогляду, релігійні та суспільно-політичні погляди самого Костельника, які на належному інтелектуальному рівні висвітлювалися в дописах тих агентів НКВС, які самі були священиками й мали відповідний рівень освіти (Веденєєв 2017: 88).

А. Вишиванюк відзначає, що на боротьбу з уніатством були кинуті кращі кадри НКВС, які чинили на пастиря великий тиск, і показує, що Г. Костельник до виконання повноважень ідеолога і керівника акції поєднання був обраний і примушений чекістами, але водночас вони поклалися на нього не вповні (Вишиванюк 2012а: 59). Дослідниця також акцентує, що на співробітництво з НКВС парох пішов усе ж таки не одразу, мотивуючи це тим, що унія вкоренилася серед населення й переслідування лише нададуть їй ореолу мучеництва та спровокують масовий перехід до римо-католиків, а також тією обставиною, що ще живий митр. Андрей Шептицький (Вишиванюк 2012b: 61).

У церковних колах позиція Костельника особливого захоплення не викликала. Так, Макарій, православний єпископ Львівський і Тернопільський, звинувачував Костельника у бажанні використати ситуацію на власну користь (Вишиванюк 2012а: 61); в свою чергу, «Ініціативна група» на чолі з Г. Костельником різко заперечувала кандидатуру Макарія як «чужого» (Шлихта 2014: 230). Характерно, що й уніатська церковна влада в нових обставинах окупації та терору не занадто покладалася на о. Гавриїла, коли йшлося про перспективи греко-католицької церкви в СРСР (Чорнописька 2017: 34). Сам Г. Костельник прекрасно розумів, що з'єднання уніатських громад з РПЦ мусить відбутися примусово, й, попри свої бадьорі рапорти як керівника «Ініціативної групи» владі про сотні й сотні священиків, які буцімто побажали відійти від Риму, про те, що за цими священиками йде народ, визнав у листі до патріарха Московського Алексія I, що справді переконаних серед тих священиків не буде й півсотні (Ясеницький 2018).

Та, як би там не було, Г. Костельник очолює капітулянтський Львівський собор 1946 р., де було проголошено ліквідацію унії та возз'єднання з РПЦ. І роль Костельника в цій ситуації виглядає вкрай неоднозначною. До того ж деякі його вислови свідчать не лише про високу християнську свідомість, а й про невгамовну жагу слави і влади,

про драйв, який він отримував від небезпечної гри з потужними й антигуманістичними силами епохи, ба, навіть, про справжній макіавеллізм та цинізм. Ось він скаржитися агентів НКВС: «Я дав ножом у спину Папі, зробив для вітчизни більше, ніж патріарх Алексій, мені слід дати Орден Золотої Зірки, а не митру» (Вєдєнєєв, Лисенко 2016). Отже, свої послуги радянському режимові він цінував досить високо й був цілком свідомий щодо характеру речей, які чинив зовсім не лише під примусом.

Тому якось не віриться у прекраснодушні версії типу тієї, що була свого часу висунута учнем о. Гавриїла істориком Я. Дашкевичем. Останній вважає, що, створюючи 1945 р. ініціативну групу по ліквідації УГКЦ, Г. Костельник робив це не під тиском чекістів, але під впливом змалку засвоєного «наївного простолюдного москвофільства» й, попри «абсолютно щирий український патріотизм», був людиною, яку, мовляв, зачарували Схід та перспектива відродження «Святої Русі в Україні», й він став «добровільним колаборантом дуже високого рангу» (Гавриїл Костельник 2007: 293–294).

Звичайно, можна певною мірою зважити на те, що симпатії о. Гавриїла до Східної церкви пояснювалися давньою галичанською традицією сподіватися на потужну православну Росію. Йому мусили бути добре відомі духовні корені москвофільства, яке простежується вже в сподіваннях українських православних XIV ст. на Івана Грозного та московський Третій Рим (Загайко 1957: 32–33) – утім, тоді в Україні мало уявляли собі жахи, що чинилися в державі московитів, а Г. Костельник вже мусив про те знати. Та у середині ХХ ст. відгомін цієї течії на Галичині ще якось трохи відчувався; зокрема радянські окупанти планували спочатку провести Львівський собор 1946 р. при опорі саме не прихильників москвофільства. Але реально то була вже лише безпорадна купка старих і німечних, абсолютно безперспективних людей. І Гавриїлові Костельнику, який мислив достатньо тверезо й цинічно, цей плацдарм вже навряд чи здавався міцною опорою. Більш ймовірною виглядає точка зору, запропонована О. Пагірею, – «радянські спецслужби використали кар'єристські схильності священика для досягнення власної мети», свою роль зіграло й усвідомлення необхідності врятувати греко-католицьких священиків від масових репресій в умовах наступу на УГКЦ, причому амбіції Г. Костельника дозволяли йому думати, що він «переграє» радянський режим (Пагіря 2009: 395–396).

Роль церковного очільника в дехристиянізованому, фактично неоязичницькому суспільстві ХХ ст. дуже й дуже непроста. Мусили укладати якісь угоди з власною совістю й такі духовні велетні, як А. Шептицький та Й. Сліпий. Та якщо провести паралелі між Г. Костель-

ником, з одного боку, і митрополитами А. Шептицьким і Й. Сліпим, – з іншого, котрим тією чи іншою мірою теж випало подібне випробування, то кидається у вічі велетенська прірва між ними.

І Шептицький, і Сліпий мусили, звичайно, прилучатися до методів «віку цього», аби зберегти свою церкву. Шептицький у 30-ті рр. навіть сфотографувався з наручною пов'язкою зі свастикою, оскільки, як багато хто тоді, мав певні ілюзії щодо Гітлера, але його позірний «нацизм» уміть розтанув, коли виявилися страшні злочини окупантів – тоді митр. Андрей, ризикуючи власним життям, безбоязно затаврував у своїх листах до фашистських ватажків їхні дії щодо євреїв. А в 40-ві рр., вже за радянської окупації, він мусив послати привітальну телеграму Сталіну, яка, втім, мало на що вплинула. Проте очевидно, що робилося все це не за покликом душі, а виключно з дипломатичних міркувань, що все це лише «мудрість зміїна», бо митрополит Андрей не «здав» свою церкву неприятелям. Й тому безсило «зависає» в'їдлива репліка В. Петрушка щодо «величественных панегириков, который (sic!) митрополит Андрей (кандидат в блаженные католической церкви!) на своем долгом веку успел пропеть и Францу Иосифу, и Николаю II, и Адольфу Гитлеру, и Иосифу Сталину» (Петрушко 2003). Митр. Сліпий також відмовився зрадити унію й провів близько 20 років у радянському ув'язненні, відкидаючи пропозиції співробітництва зі владою. Елементи макіавеллізму були тут вимушеним моментом – в залишку перед нами постаті, монументальні у своїй цілісності, люди, які належали духовно до християнського Середньовіччя. Й це зовсім не означає штучного випрямлення особистості. А. Гуревич пише, що цілісність світогляду епохи Середньовіччя аж ніяк не передбачає гармонійності та несуперечності – навпаки, «середньовічна культура знову та знову вимальовується перед нами у вигляді неможливого, здавалося би, сполучення опозицій», її вивчення «постійно зіштовхує нас з парадоксальним переплетенням полярних протилежностей – сублімованого та низького, спіритуального та грубо-тілесного, похмурого та комічного, життя та смерті» (Гуревич 2007: 29–30).

У ситуації же Г. Костельника, навпаки, наочно виступає шизоїдна за своєю природою готовність людини нашого сьогодення досягнути одразу й вповні цілком взаємовиключні речі. Це початки плюралістичного, релятивістського мислення, що його нині бурхливо насаджує постмодернізм. Така ситуація призводить до деструкції особистості, нашарування й боротьби в нашій свідомості взаємопротилежних орієнтацій. І ця ситуація примушує ще раз замислитися, що ж лишило нам у спадщину Середньовіччя і як нехтує цією спадщиною новочасна культура. Здається незайвим процитувати сучасного французького філософа О. Бульнуа: Середньовіччя поставило кардинальні екзистен-

ціальні питання, які в годину модерну й постмодерну лише варіюються та перетасовуються (Бульнуа 2010).

Цей казус Костельника, котрий одночасно був і щирим християнином, що вільно ширяв духом у простір християнського Неба й глибоко вболівав за Церкву, і цинічним авантюристом, що припускав цілком аморальні вчинки, визначається, однак, не якимись виключно особистими духовними вадами о. Гавриїла. Це був, мабуть, один з перших проявів невідомого раніше у таких граничних проявах розладу ідентичності, який у сучасній психології та психіатрії вважають за розлад множинної особистості й порівнюють з шизофренією, хоча діагностика тут зовсім не є простою справою. «До причин появи множинної особистості можна віднести: нестерпний стрес (насильство, втрата батьків), прояв захисних механізмів в онтогенезі, наслідки воєн або природних катастроф» (Воронович 2012: 107). Ось справжнє психологічне підґрунтя майбутнього постмодерністського плюралізму, що поступово формується у зденервованому суспільстві ХХ ст.

Отож культивоване постренесансною свідомістю Г. Костельника себелюбство й орієнтація на «правду віку цього», які постійно входили у конфлікт зі щирим християнським сумлінням, накладалися й на психологічний тиск в особистому житті з боку НКВС та реальну загрозу життю близьких. Саме ця вибухонебезпечна суміш і призвела Г. Костельника до психологічного зламу й трагічної загибелі.

Водночас він, як бачимо, постає справжнім сином Європи в один з найбільш похмурих моментів її історії. І недаремно саме це акцентує один із сьогоденних дослідників: «Філософ-богослов Гавриїл Костельник був людиною європейської вченості (протягом 2,5 років навчався у Швейцарії, здобув ступінь доктора філософії), отже, добре знав найновіші світоглядні вчення та здобутки європейської науки і культури» (Мірчук 2015: 173). Але ця суха довідка явно потребує додатку більш монументалізуючого узагальнення.

Треба визнати, що психологічна складність західної людини, її «фаустіанство», визначені конфліктністю, закладеною в фундамент європейської цивілізації, яка утворилася, якщо використати аналогію з науками про земну кулю, шляхом тектонічного катаклізму, шляхом взаємного насування подібного до титанічної літосферної плити масиву християнської культури на ще живу язичницьку основу з її моральною релятивністю і, водночас, невагомною вітальною енергією та прагненням боротьби та дії.

І якщо спроеціювати постать о. Гавриїла на титанічну постать ґотівського Фауста, то залишиться лише чудуватися достатній схожості контуру, нехай масштаби вимишленого героя та реальної особистості усе ж таки різні. Адже О. Шпенглер недаремно зробив символом

західної цивілізації Фауста Гьоте, який втомився від святенництва й добрих справ і, облуканий демонічною спокусою, спробував-таки перестроювати світ по-своєму, не гребуючи порушенням законів моралі. Але все оте виявилось сатанинським облуканням.

## ЛІТЕРАТУРА

Бульнуа 2010 – *Бульнуа О.* Що нового? Середньовіччя // Філософська думка. 2010. № 1. С. 114–136.

Вежель 2003 – *Вежель Л.М.* Філософсько-естетична та журналістська діяльність Гавриїла Костельника у руслі духовних процесів України I-ї пол. XX ст. Київ: Київ. нац. ун-тет імені Тараса Шевченка, 2003. 335 с.

Веденеев 2017 – *Веденеев Д.В.* «Решительный враг Ватикана и унии». Спецслужбы и протопресвитер Гавриил Костельник в контексте создания предпосылок к ликвидации унии в Западной Украине (1939–1944 гг.) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2017. Вып. 79. С. 85–105.

Веденеев, Лисенко 2016 – *Веденеев Д., Лисенко О.* «Самый образованный священник Западной Украины...» Радянські спецслужби й о. Гавриїл Костельник (1939–1948 pp.). URL: <http://www.historians.in.ua/index.php/en/component/content/article/21-doslidzhennya/1882-dmytro-viedienieiev-oleksandr-lysenko-samyi-obrazovannyi-sviashchennyk-zapadnoi-ukrayny-radianski-spetssluzhby-i-o-havryil-kostelnik-1939-1948-rr-prodovzhennia?itemid=149> (останній перегляд : 05.06.2018).

Вишиванюк 2012a – *Вишиванюк А.В.* К вопросу о роли иерархии и духовенства Русской Православной Церкви в кампании ликвидации Украинской Греко-Католической Церкви в 1945–1949 гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2012. Вып. 3 (46). С. 56–58.

Вишиванюк 2012b – *Вишиванюк А.В.* Особенности религиозной политики советских властей в западных областях УССР в 1939–1941 гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2012. Вып. 2 (45). С. 56–71.

Воронович 2012 – *Воронович И.Н.* Феномен множественной личности в социокультурном пространстве // Универсальное и национальное в культуре: сб. науч. ст. Минск, 2012. С. 100–108.

Гавриїл Костельник 2007 – Гавриїл Костельник на тлі доби: пошук істини: зб. наук. пр. Львів; Ужгород: Гражда, 2007. Вип. 8. 526 с.

Гірник 2006a – *Гірник О.* Гавриїл Костельник як філософ на порозі нової наукової парадигми // Історія релігій в Україні: науковий щорічник. Львів: Логос, 2006. Кн. II. С. 61–69.

Гірник 2006b – *Гірник О.* Забутий ювілей. (Гу 120-рочниці од народзєня о. др. Гавриїла Костельника) // Шветлосц, число 3. Нови Сад, 2006. С. 345–351 URL: [http://www.harazd.net/index.php?glowna=statii\\_szczegoly&numer\\_artykulu=166](http://www.harazd.net/index.php?glowna=statii_szczegoly&numer_artykulu=166) (останній перегляд: 03.06.2018).

Гірник 2007 – *Гірник О.* Вплив поетичного таланту на формування філософської концепції Г. Костельника // Вісник Львівського університету. Серія філологічна. 2007. Вип. 39, ч. II. С. 199–205.

Гірник 2008 – *Гірник О.* Гавриїл Костельник як представник католицького філософського модернізму // Історія релігій в Україні: наук. щорічник. Львів: Логос, 2008. Кн. II. С. 77–85.

Гуревич 2007 – *Гуревич А.Я.* Избранные труды. Средневековый мир. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2007. 560 с.

Загайко 1957 – *Загайко П.К.* Українські письменники–полемісти кінця XIV – початку XVII ст. в боротьбі проти Ватикану і унії. Київ: Видавництво АН УРСР, 1957. 86 с.

Загребельний 2013 – *Загребельний І.* Концепція «світу як вічної школи» Г. Костельника в оптиці богословської проблеми теодицеї // Філософські обрії. 2013. № 29. С. 154–161.

Лагодич 2014 – *Лагодич М.М.* Роль о. Г. Костельника у створенні «ініціативної групи по возз'єднанню греко-католицької церкви з православною» та підготовці Львівського собору 1946 р. // Гуманітарний вісник. 2014. Ч. 21, вип. 5. Ч. I. С. 57–69.

Львівська єпархія – Львівська єпархія УПЦ (МП) розпочала канонізацію о. Костельника, який на Львівському соборі 1946 року спричинився до ліквідації УГКЦ URL: [zik.ua/news/2008/09/20/150638](http://zik.ua/news/2008/09/20/150638) (останній перегляд: 04.06.2018).

Мірчук 2013 – *Мірчук І.* Філософські погляди Гавриїла Костельника на проблеми людського буття // Людинознавчі студії. 2013. Вип. 28. Філософія. С. 157–168.

Мірчук 2015 – *Мірчук І.* Ідеологічні пошуки Гавриїла Костельника у контексті української національної ідентичності // Людинознавчі студії. Серія: Філософія. 2015. Вип. 32. С. 170–181.

Костельник 1928 – *О. Гавриїл Костельник.* Спір про епиклезу. Між Сходом і Заходом. Львів: Друкарня Ставропігійського інституту під зар. А. Яськова, 1928. 150 с.

Отець Костельник 2009 – Отець Костельник – Офіційний форум Української Греко-Католицької Церкви. URL: <http://forum.ugcc.org.ua/viewtopic.php?t=1494> (останній перегляд: 03.06.2018).

Пагіря 2009 – *Пагіря О.* Гавриїл Костельник та ОУН: проблема стосунків (1941–1948 рр.) // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВС–КГБ. 2009. № 2 (33). С. 387–416.

Петрушко 2003 – *Петрушко В.* К предполагаемой беатификации униатского митрополита Андрея Шептицкого // Официальный сайт Украинской

Православной Церкви. URL: pravoslavie.org.ua/.../vladislav\_petrushko\_k\_predpolagaemoу\_be (останній перегляд: 06.06.2018).

Стеценко 2011 – *Стеценко В.* Гавриїл Костельник – оригінальний релігійний мислитель і філософ // Вісник Львівського ун-ту. Серія філософська. 2011. Вип. 14. С. 113–123.

Чорнописька 2017 – *Чорнописька В.* Роль К. Шептицького в розв'язанні церковно-релігійних проблем Східної Галичини у період конфесійно-релігійних трансформацій (1944–1946 рр.) // Вісник Національного університету «Львівська політехніка». Серія: Юридичні науки. 2017. № 876. С. 32–39.

Шеремета 2014 – *Шеремета О.Ю.* Методологія вивчення ліберальної теології Гавриїла Костельника // Гуманітарний корпус: зб. наук. пр. Київ: Генеза, 2014. Вип. 3. С. 353–356.

Шлихта 2014 – *Шлихта Н.* «Украинский» как «не-православный», или Как греко-католики «воссоединялись» с Русской православной церковью (1940–1960-е гг.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2014. № 4 (32). С. 208–234.

Юрса 2014 – *Юрса Л.В.* «Грамматика бачвано-рушкой бешеди» Гавриїла Костельника та її значення у формуванні й розвитку української мови // Наукові записки нац. ун-ту «Острозька академія». Серія «Філологічна». 2014. Вип. 48. С. 295–296.

Ясеницкий 2018 – *Ясеницкий В.М.* «Инициативная группа» и ее деятельность по подготовке Львовского собора 1946 г. // Общество: философия, история, культура. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/initiativnaya-gruppa-i-ee-deyatelnost-po-podgotovke-lvovskogo-sobora-1946-g> (останній перегляд: 04.06.2018).

## REFERENCES

Bulnua, O. (2010) Shcho novoho? Seredn'ovichchya [What is new? Middle Ages]. *Filosofs'ka dumka*. 1. pp. 114–136.

Vezhel, L.M. (2003) *Filosofs'ko-estetychna ta zhurnalist-s'ka diyal'nist' Havryyila Kostel'nyka u rusli dukhovnykh protsesiv Ukrayiny I-yi pol. XX st.* [The philosophical, aesthetic and journalistic activity of Gabriel Kostelnik in the process of spiritual processes of Ukraine of the first half of the 20th century]. Kyiv: Taras Shevchenko Kyiv National University.

Vedeneyev, D.V. (2017) “Reshitel'nyy vrag Vatikana i unii”. Spetssluzhby i protopresviter Gavriil Kostel'nik v kontekste sozdaniya predposylok k likvidatsii unii v Zapadnoy Ukraine (1939–1944 gg.) [“The decisive enemy of the Vatican and the Union”. Special services and arch-presbyter Gavriil Kostelnik in the context of creating prerequisites for the liquidation of the Union in Western Ukraine (1939–1944)]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*. 79. pp. 85–105.



Vedeneyev, D. & Lysenko, O. (n.d.) "*Samyy obrazovannyi svyashchennyk Zapadnoy Ukrainy...*" *Radyans'ki spetssluzhby y o. Havryil Kostel'nyk (1939–1948 rr.)* ["The most educated priest of Western Ukraine . . ." Soviet Special Services and Fr. Gabriel Kostelnik (1939–1948)]. [Online] Available from: <http://www.historians.in.ua/index.php/en/component/content/article/21-doslidzhennya/1882-dmytro-viedienieiev-oleksandr-lysenko-samyi-obrazovanyi-sviashchennyk-zapadnoi-ukrainy-radianski-spetssluzhby-i-o-havryil-kostelnyk-1939-1948-rr-prodovzhennia?itemid=149> (Accessed: 5th June 2018).

Vishivanyuk, A.V. (2012a) K voprosu o roli iyerarkhii i dukhovenstva Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v kampanii likvidatsii Ukrainiskoy Greko-Katolicheskoy Tserkvi v 1945–1949 gg. [On the role of the hierarchy and clergy of the Russian Orthodox Church in the campaign of the liquidation of the Ukrainian Greek Catholic Church in 1945–1949]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*. 3(46). pp. 56–58.

Vyshivanyuk, A.V. (2012b) Osobennosti religioznoy politiki sovetskikh vlastey v zapadnykh oblastyakh USSR v 1939–1941 gg. [Features of the religious policy of the Soviet authorities in the western regions of the Ukrainian SSR in 1939–1941]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*. 2(45). pp. 56–71.

Voronovych, Y.N. (2012) Fenomen mnozhestvennoy lichnosti v sotsiokul'turnom prostranstve [The phenomenon of multiple personality in the sociocultural space]. In: Usovskaya, E.A. (ed.) *Universal'noye i natsional'noye v kul'ture* [Universal and national culture]. Minsk: Belarus State University. pp. 100–108.

Garasim, Ya. (2007) *Havryil Kostel'nyk na tli doby: poshuk istyny* [Gabriel Kostelnik on the background of the day: the search for the truth]. Lviv; Uzhhorod: Hrazhda.

Hirnyk, O. (2006a) Havryil Kostel'nyk yak filosof na porozhi novoyi naukovoyi paradygmy [Gabriil Kostasnnik as a philosopher on the threshold of a new scientific paradigm]. In: *Istoriya relihiy v Ukraini* [History of Religions in Ukraine]. Lviv: Logos. pp. 61–69.

Hirnyk, O. (2006b) Zabutyi yuvyley. (Gu 120-rochnyitsy od narodzenya o. dr. Havryyla Kos-tel'nyka) [Forgotten Jubilee. (The 120th anniversary of the birth of Gabriel Kostelnik)]. *Shvetlosts*. 3. pp. 345–351. [Online] Available from: [http://www.harazd.net/index.php?glowna=statii-szczegoly&numer\\_artykulu=166](http://www.harazd.net/index.php?glowna=statii-szczegoly&numer_artykulu=166) (Accessed: 3rd June 2018).

Hirnyk, O. (2007) Vplyv poetychnoho talantu na formuvannya filosofskoyi kontseptsii H. Kostel'nyka [The influence of poetic talent on the formation of the philosophical concept of G. Kostelnik]. *Visnyk L'vivskoho universytetu. Seriya filolohichna*. 39(II). pp. 199–205.

Hirnyk, O. (2008) Havryyil Kostel'nyk yak predstavnyk katolyts'koho filosofsk'oho modernizmu [Gabriel Kostelnik as a representative of Catholic philosophical modernism]. In: *Istoriya relihiy v Ukrayina* [History of Religions in Ukraine]. Lviv: Logos. pp. 77–85.

Gurevich, A. Ya. (2007) *Izbrannye trudy. Srednevekovyy mir* [Selected Works. The Medieval World]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

Zagayko, P. K. (1957) *Ukrayins'ki pys'mennyky–polemisty kintsya XIV – pochatku XVII st. v borot'bi proty Vatykanu i uniyi* [Ukrainian writers-polemicists of the late 14th and early 17th centuries in the struggle against the Vatican and the Union]. Kyiv: URSR AS.

Zagrebelnyy, I. (2013) Kontseptsiya “svitu yak vichnoyi shkoly” H. Kostel'nyka v opytyi bohoslovs'koyi problemy teodytseyi [Concept of “the world as an eternal school” by G. Kostelnik in the option of theological problem of the theodicy]. *Filosofs'ki obriyi*. 29. pp. 154–161.

Lagodich, M. M. (2014) Rol' o. H. Kostel'nyka u stvorenni “initsiatyvnoyi hrupy po vozz'iednannnyu hreko-katolyts'koyi tserkvy z pravoslavnyoyu” ta pidhotovtsi L'vivs'koho soboru 1946 r. [The role of G. Kostelnik in creating an “initiative group on the reunification of the Greek Catholic Church with the Orthodox Church” and preparation of the Lviv Cathedral in 1946]. *Gumanitarnyy visnik*. 21(5). pp. 57–69.

Lviv diocese of the UOC (MP). (2008) *L'vivs'ka yeparkhiya UPTS (MP) rozpochala kanonizatsiyu o. Kostel'nyka, yakyy na L'vivs'komu sobori 1946 roku sprychynyvsya do likvidatsiyi UHKTS* [Lviv diocese of the UOC (MP) began canonization of Father Kostelnik, who led to the liquidation of the UGCC in Lviv Cathedral in 1946]. [Online] Available from: [zik.ua/news/2008/09/20/150638](http://zik.ua/news/2008/09/20/150638) (Accessed: 4th June 2018).

Mirchuk, I. (2013) *Filosofs'ki pohlyady Havryyila Kostel'nyka na problemy lyuds'koho buttya* [Philosophical views of Gabriel Kostelnik on the problems of human existence]. *Lyudynoznavchi studiyi*. 28. pp. 157–168.

Mirchuk, I. (2015) *Ideolohichni poshuky Havryyila Kostel'nyka u konteksti ukrayins'koyi natsional'noyi identychnosti* [Ideological searches of Gabriel Kostelnik in the context of Ukrainian national identity]. *Lyudynoznavchi studiyi. Seriya: Filosofiya*. 32. pp. 170–181.

Kostelnik, G. (1928) *Spir pro epiklyezu. Mizh Skhodom i Zakhodom* [A dispute about epiclesis. Between East and West]. Lviv: Drukarnya Stavropihiys'koho instytutu pid zar. A. Yas'kova.

Kostelnik, G. (2009) Official Forum of the Ukrainian Greek Catholic Church [Official Forum of the Ukrainian Greek Catholic Church]. [Online] Available from: <http://forum.ugcc.org.ua/viewtopic.php?t=1494> (Accessed: 3rd June 2018).

Pagiryia, O. (2009) Havryyil Kostel'nyk ta OUN: problema stosunkiv (1941–1948 rr.) [Gabriel Kostelnik and OUN: the problem of relations (1941–1948)]. *Z arkhiviv VUCHK-HPU-NKVD-KHB*. 2(33). pp. 387–416.

Petrushko, V. (2003) *K predpolagayemoy beatifikatsii uniatskogo mitropolita Andrey Sheptytskogo* [To the alleged beatification of the Uniate Metropolitan Andrey Sheptytsky]. [Online] Available from: pravoslavnye.org.ua/.../vladislav\_petrushko\_k\_predpolagaemoy\_be (Accessed: 6th June 2018).

Stetsenko, V. (2011) Havryil Kostel'nyk – oryhnal'nyy relihiynny myslytel' i filosof [Gabriel Kostechnik is an original religious thinker and philosopher]. *Visnyk L'vivskoho un-tu. Seriya filosof's'ka*. 14. pp. 113–123.

Chornopiska, V. (2017) Rol' K. Sheptyts'koho v rozv'yazanni tserkovno-relihiynykh problem Skhidnoyi Halychyny u period konfesiyno-relihiynykh transformatsiy (1944–1946 rr.) [The role of K. Sheptytsky in solving the church and religious problems of Eastern Galicia during the period of confessional-religious transformations (1944–1946)]. *Visnik Natsional'nogo universitetu "L'viv's'ka politekhnika", Seriya: Yuridichni nauki*. 876. pp. 32–39.

Sheremeta, O.Yu. (2014) Metodologiya vyvchennya liberal'noyi teolohiyi Havryyla Kostel'nyka [Methodology of studying Gabriel Kostelnik's liberal theology]. *Humanitarnyy korpus*. 3. Kyiv: Geneza. pp. 353–356.

Shlikhta, N. (2014) "Ukrainian" as "Non-Orthodox": How Greek Catholics Were "Reunited" with the Russian Orthodox Church, 1940s – 1960s. *Gosudarstvo, religiya, tserkov'v Rossii i za rubezhom – State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 4(32). pp. 208–234 (In Russian).

Yursa, L.V. (2014) "Hramatyka bachvano-rushkey beshedy" Havryyla Kostel'nyka ta yiyi znachennya u formuvanni y rozvytku ukraïns'koyi movy ["Grammar of the Bachvano-Rushkeya Bezhedii" by Gabriel Kostelnik and its importance in the formation and development of the Ukrainian language]. *Naukovy zapysky nats. un-tu "Ostroz'ka akademiya, seriya "Filolohichna"*. 48. pp. 295–296.

Yasenitskiy, V.M. (2018) "Initiative Group" and its activities for the preparation of the Cathedral of Lviv in 1946. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 2. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/iniatsiativnaya-gruppa-ieee-deyatelnost-po-podgotovke-lvovskogo-sobora-1946-g> (Accessed: 5th June 2018) (In Russian).

**Чикарькова Мария Юрьевна** – доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, религиоведения и теологии Черновицкого национального университета им. Ю. Федьковича (Украина).

**Чикарькова Марія Юріївна** – доктор філософських наук, професор кафедри культурології, релігієзнавства та теології Чернівецького національного університету ім. Ю. Федьковича (Україна).

**Mariya Yu. Chikarkova** – Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine).

**E-mail:** chikarkova@bigmir.net

# МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

# Русин

**Основан в 2005 г.**

**НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ**

**2018. Том 53. Выпуск 3.**

Республиканская общественная ассоциация «Русь»  
(г. Кишинев, Республика Молдова)

Национальный исследовательский  
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

- 348 стр.

Республика Молдова, г. Кишинев, MD 2028, а/я 1041  
Телефон / факс: (+373 22) 28-75-59.  
E-mail: journalrusyn@rambler.ru

**Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>**  
**Сайт «Международный исторический журнал "Русин"»: <http://journalrusin.ru>**

Подписано к печати 30.09.2018. Формат 60х90 <sup>1</sup>/<sub>16</sub>.  
Бумага офсет 1N<sup>o</sup> 1.  
Печать офсетная.  
Гарнитура «PT Sans».  
Тираж 250 экз.  
Заказ 108.

Отпечатано в типографии АО «Реклама».  
г. Кишинев, ул. Александру чел Бун, 111.

**Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.**

**Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.**

**Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.**



**ФОНД РУССКИЙ МИР**

**В 2018 году международный исторический журнал  
«Русин» выпускается при поддержке Фонда «Русский мир».**

# ДРУЗЬЯМ - СЛАВЯНАМ

(ОТРЫВОК)

Э. ЖЕЛИГОВСКИЙ

О, братья! Хоть у нас от самого рожденья  
И вера, и язык — отдельные, свои,  
Мы составляем все единой цепи звенья,  
Все — дети мы одной разрозненной семьи.

Зачем же, за кого ж на крестное страданье  
Его к нам вызвала небесная любовь,  
Когда народный вопль, тревожное роптанье  
И дело Каина творится в мире вновь?

Да! Раздраженный брат шел в гнев против брата,  
Свершая на пути кровавые дела;  
И не за истину под острием булата  
Лилась родная кровь, свершалось столько зла.

Иудин сребреник, Каиафы осужденье  
Над крови людской имеют перевес.  
В борьбе с насилием, в борьбе с предубеждением  
Как счастья искать? Иль ждать во всем чудес?

А племя наше так раскинулось, созрело!  
Лишь хартии его деяний перечесть —  
Повсюду встретим в них величье слова, дела,  
Везде гражданскую возвышенную честь.

Не изречем суда и мрачным в них страницам;  
Припомним, что грешит порою весь народ,  
Народы целые, подобно частным лицам:  
То вспышка, произвол, преданий старых гнет!

Humanum est! Простим! Но то для сердца больно,  
Что помрачаются деяния людей.  
Какой-то злобный дух над ними своевольно  
Распространяет мрак темнее и темней.

*Перевод М. Петровского*

*Источник:* Поэзия славян. Сборник лучших поэтических произведений славянских народов, изданный под редакцией Н.В. Гербеля. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1871. С. 520-521.